

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Деревянко А.П. Формирование человека современного анатомического вида и его поведения в Африке и Евразии	2
Бар С., Розенберг Д. Недавно открытые стоянки ярмукской культуры и культуры Вади Раба в южной части Иорданской долины и пустынных районах Самарии (VII–VI тыс. до н.э.): Предварительные результаты исследования	32

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1	40
Гасс А. К проблеме изучения памятников раннего железного века Юго-Восточного Семиречья в свете данных геоархеологических исследований	57
Шорин А.Ф., Шорина А.А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм	70
Дашковский П.К., Усова И.А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский Дол (Северо-Западный Алтай)	78
Калиева С.С., Логвин В.Н. К проблеме истоков кочевничества в азиатских степях	85
Мурыгин А.М. Эшмесское пещерное святилище эпохи средневековья в Печорском Приуралье	94
Кардаш О.В. Посох жреца из Надымского городка XVI–XVII веков	104
Бердников И.М. Деревянный нателный крест из захоронения на Спасском некрополе XVIII века в Иркутске	113
Окладникова Е.А. Решетчатые фигуры на горе Калбак-Таш (Горный Алтай)	120

ЭТНОГРАФИЯ

Чудова Т.И. Символика пищи в контексте свадебной обрядности коми (зырян)	128
Курто О.И. Желтугинская республика: опыт социального обустройства на границе России и Китая	135

АНТРОПОЛОГИЯ

Зубова А.В. Одонтологические данные по проблеме происхождения носителей алакульской культуры	143
---	-----

ПЕРСОНАЛИИ

Профессору Якову Абрамовичу Шеру – 80 лет	154
--	-----

СТРАНИЦА НЕВЫДУМАННЫХ ИСТОРИЙ	157
--------------------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	158
--------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	159
----------------------------	-----

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННОГО АНАТОМИЧЕСКОГО ВИДА И ЕГО ПОВЕДЕНИЯ В АФРИКЕ И ЕВРАЗИИ

В четырех статьях, опубликованных в предыдущих номерах журнала (№ 3, 4 за 2010 г. и № 1, 2 за 2011 г.), на основании обширного материала была предложена гипотеза трех сценариев (моделей) конвергентного перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Африки и Евразии в результате эволюционного развития автохтонных среднепалеолитических индустрий. В настоящей статье рассматривается проблема формирования человека современного анатомического вида и его поведения в верхнем плейстоцене. В Африке и Евразии происходили процессы не только перехода от среднего к верхнему палеолиту по трем различным сценариям, но и формирования человека современного анатомического типа в хронологическом интервале 200–40 тыс. л.н. В результате этих процессов сформировался политипический вид *Homo sapiens sapiens sensu lato* из четырех подвидов: *Homo sapiens africanensis* (Африка), *Homo sapiens neanderthalensis* (Европа), *Homo sapiens orientalis* (Восточная и Юго-Восточная Азия) и *Homo sapiens altaiensis* (Южная Сибирь, Центральная Азия).

Ключевые слова: современное поведение, символизм, *Homo erectus*.

Введение

У исследователей, занимающихся проблемами антропогенеза, нет сомнения в том, что прародина человечества – Африка. Именно там найдены предковые формы человека – австралопитековые, а также древнейшие каменные орудия возрастом 2,6 и 2,5 млн лет. После 1,8 млн л.н. начался выход древнейших человеческих популяций из Африки и заселение ими Евразии. Более сложным и дискуссионным является вопрос о том, где произошло формирование человека современного анатомического вида. Существуют две альтернативные точки зрения на эту проблему. Первая – гипотеза о формировании *Homo sapiens sapiens* в Африке и распространении его на все другие континенты [Stringer, Andrews, 1988; Stringer, 1992; и др.]. Согласно второй, первичное заселение Евразии *Homo ergaster* – *Homo erectus* из Африки началось после 1,8 млн л.н. и в дальнейшем в разных регионах Евразии, наряду с Африкой, могло происходить становление региональ-

ных популяций анатомически современного человека в результате дивергенции, адаптации к особым экологическим условиям, что не исключало в отдельные периоды генного обмена с другими популяциями.

В настоящее время больше сторонников моноцентрической гипотезы, согласно которой человек современного анатомического типа сформировался 200–150 тыс. л.н. в Африке и 80–60 тыс. л.н. началось его распространение вначале в восточную часть Евразии и Австралию, а позднее в Центральную Азию и Европу. Взгляды моноцентристов на последствия этого процесса различны. Одни считают, что происходило замещение анатомически современными людьми архаичного автохтонного населения: новые популяции истребляли аборигенные или вытесняли в менее удобные экологические районы, где у них увеличивалась смертность, особенно детская, снижалась рождаемость, и в итоге неандертальцы к 30–25 тыс. л.н. почти исчезли с лица земли. Другие сторонники моноцентрической гипотезы не исключают возможности

в отдельных случаях длительного сосуществования *Homo sapiens sapiens* и *Homo sapiens neanderthalensis*, например на юге Пиренеев. Следствием контактов пришлого и автохтонного населения могла быть диффузия культур, а иногда и гибридизация. Третьи полагают, что происходил процесс аккультурации и ассимиляции, в результате чего автохтонное население растворилось в пришлом.

Несколько модифицированная модель распространения из Африки человека современного анатомического типа была предложена В. Эсвараном [Eswaran, 2002; Eswaran, Harpending, Rogers, 2005]. При своем перемещении ок. 100 тыс. л.н. люди не могли сохранить исходный генотип. При контактах с автохтонными популяциями в результате генного обмена, диффузии демов, метисации, естественного отбора он сильно модифицировался.

Существует и компромиссная гипотеза, согласно которой миграция людей современного анатомического типа сопровождалась не замещением автохтонного населения, а ассимиляцией [Smith, Janković, Karavanić, 2005; Козинцев, 2004, 2009; и др.]. Среди российских археологов наиболее последовательным ее сторонником является М.В. Аникович [2003, 2004; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007].

Полицентрическая гипотеза также имеет несколько модификаций. Главная суть ее сводится к тому, что там, где расселялись *Homo erectus sensu lato*, мог идти процесс сапиентации, конечный итог которого – появление человека современного анатомического типа. Эта модель имеет больше сторонников среди археологов и антропологов, занимающихся изучением палеолита Восточной и Юго-Восточной Азии.

Один из инициаторов и последовательных сторонников гипотезы мультирегиональной эволюции человека современного анатомического типа М.Х. Волпофф [Wolpoff, Wu, Thorne, 1984; Wolpoff, 1989, 1992, 1998; Wolpoff, Caspari, 1996; Wolpoff, Hawks, Caspari, 2000; и др.] так кратко формулирует ее суть: «Термин “мультирегиональное” не означает независимое множественное происхождение с расхождением в древности современных популяций, одновременное появление характерных адаптивных особенностей в различных регионах мира или параллельное развитие. В зависимости от генного обмена, как основы объяснения того, какие различные географические и эволюционные изменения человеческого вида имели место на протяжении его развития, модель мультирегионального развития противоположна всем этим тезисам» [Wolpoff, Hawks, Caspari, 2000, p. 134].

Многие антропологи и археологи в настоящее время рассматривают мультирегиональную гипотезу происхождения человека современного анатомического типа в рамках идей широкого моноцентризма или полицентризма. Я подхожу к решению пробле-

мы с позиции того, что там, где расселялись *Homo erectus*, в результате дивергенции, генного обмена, влияния экологических условий и других факторов могло происходить сапиентное развитие эректоидных форм и в конечном итоге становление анатомически современного человека.

В результате исследований местонахождений, относящихся к интервалу 90–30 тыс. л.н., можно выделить три разных сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту: в Африке, Юго-Восточной и Восточной Азии и в остальной части Евразии. В этих регионах происходило конвергентное развитие не только индустрии, но и самого человека, что в конечном итоге и привело к формированию человека современного анатомического вида. В статье, посвященной переходу от среднего к верхнему палеолиту в Восточной и Юго-Восточной Азии, я уже рассматривал проблему формирования на этой территории анатомически современного человека [Деревянко, 2011а]. Имеющиеся археологические и антропологические материалы позволяют утверждать, что в китайско-малайской зоне конвергентно происходил процесс перехода от среднего к верхнему палеолиту и в хронологическом интервале 120 (150?)–40 тыс. л.н. на основе сапиентного развития эректоидных форм сформировался человек современного типа. Это был подвид политипического вида *Homo sapiens sapiens*, который можно обозначить как *Homo sapiens orientalis*. Рассмотрим проблему формирования человека современного типа и его поведения в других регионах Евразии и в Африке.

Африка – одна из прародин человека современного анатомического типа

Начиная с 80-х гг. XX в. результаты не только археологических, антропологических, но и генетических исследований однозначно свидетельствуют о том, что прародина человека современного анатомического типа – Африка. Там найдены скелетные остатки древнейших его представителей: на местонахождениях второй половины – финала среднего плейстоцена (200–150 тыс. л.н.) Флорисбад (юг Африки), Лэтоли (Танзания), Омо и Херто (Эфиопия), Джебел Ирхунд (Марокко) и др. Одной из распространенных является гипотеза об эволюционном центре формирования человека современного анатомического типа, находившемся в тропической Африке (sub-Saharan Africa) [Foley, Lahr, 1997; Lahr, Foley, 1998; и др.].

Не рассматривая во всей ретроспективе проблему формирования человека современного вида в Африке, остановимся на развитии популяций людей на Африканском и Евразийском континентах 120–40 тыс. л.н. Этот интервал важен тем, что в его рамках появляются анатомически современные люди не только в

Африке, но и в Евразии; происходит формирование верхнепалеолитических культур; решается судьба неандертальцев.

Необходимо отметить, что нет четкого и общепринятого определения человека современного физического типа как вида. Традиционно антропологи делают акцент на разделении видов, а не на их объединении, до настоящего времени нет удовлетворительного морфологического описания человека разумного [Schwartz, Tattersall, 2005].

Палеоантропологические находки, относящиеся к середине среднего плейстоцена, имеют много примитивных черт. В материалах второй половины среднего плейстоцена с местонахождений Флорисбад, Лэтоли, Омо, Херто, Джебел Ирхунд и др. антропологи отмечают морфологические особенности, характерные для современных людей. Так, череп из Лэтоли менее архаичен, чем более ранние черепа среднего плейстоцена, и некоторые его черты превосходят современные. Надбровные дуги выступают умеренно, теменные кости крупные, сильно изогнутые. Задняя часть свода скорее округлая, чем изогнутая [Rightmire, 2001]. Однако отличия от черепа человека современного типа достаточно очевидны и свидетельства преемственности не так убедительны, как могли бы быть [Ibid., p. 233].

Важное значение для понимания рассматриваемой проблемы имеют местонахождения в устье р. Класиес в Южной Африке, где известно несколько пещер и укрытий. В результате раскопок в 1967–1968 гг. собран обширный материал, включающий каменные артефакты, фаунистические остатки, скопления раковин, палеоантропологические находки [Singer, Wymer, 1982]. С 1984 г. полевые исследования на этих местонахождениях продолжает Х. Дикон [Deacon, Geleijnse, 1988; Deacon, 1992, 1995; Rightmire, Deacon, 1991]. Костей человека при раскопках обнаружено немного: нижние челюсти и зубы, лобная кость, фрагмент височной, локтевая. В пещере Бордер найдены части скелета ребенка и черепа взрослого индивидуума.

Локтевая кость с местонахождения на р. Класиес обнаруживает большое сходство с неандертальскими [Churchill et al., 1996]. Относительные высоты локтевого и клювовидного отростков имеют архаичные значения. Относительная длина локтевого отростка, расположение бугристости плечевой кости и относительная толщина кортикального слоя диафиза не дают однозначных указаний на родственные связи. Как считают С.Е. Черчилль с соавторами [Ibid., p. 233], архаичная общая морфологическая модель локтевой кости с местонахождения на р. Класиес позволяет предположить (если один элемент может рассматриваться как представитель общей посткраниальной анатомии), что эти гоминиды не были полностью анатомически современными. Возможно, они представляли попу-

ляцию, которая была архаичной по своей посткраниальной морфологии или же проходила этап модернизации посткраниальной анатомии и вследствие этого обнаруживала мозаичное сочетание архаичных и современных признаков.

Кости ног человека с местонахождения на р. Класиес также не позволяют исследователям установить однозначные филогенетические связи позднплейстоценовых популяций [Rightmire et al., 2006]. Найденные там фаланги большого пальца стопы отличаются от аналогичных находок из Схула и Кафзеха формой и размером, а плюсневая кость – поперечным сечением. Это, по мнению исследователей, подтверждает предположение о том, что в среднем каменном веке гоминиды, расселявшиеся в Южной Африке, представляли собой только одну из почти анатомически современных популяций, существовавших ранее 100 тыс. л.н. [Ibid., p. 102]. Сравнение палеоантропологических материалов с местонахождения на р. Класиес с аналогичными находками из Омо-1 и Херто в Эфиопии приводит Дж. Райтмайра с соавторами к выводу о наличии африканской линии (или линий) эволюции гоминидов, обладающих морфологией *Homo sapiens* или находящихся в процессе развития в этом направлении [Ibid.].

Фрагменты черепа были извлечены в пещере Бордер из культуросодержащего горизонта древностью ок. 100 тыс. лет. Этот гоминид имел многие признаки, характерные для человека современного анатомического типа [Miller et al., 1992]. Некоторые исследователи отмечали, что строение его черепа сходно с таковым у морфологически современных бушменов [Deacon, 1992]. Этот вывод также подтверждает возможность ранней дивергенции и не исключает нескольких внутривидовых линий в процессе развития морфологии анатомически современного человека.

При всей дискуссионности вопроса об анатомических различиях людей современного анатомического типа Восточной и Южной Африки почти никто не сомневается, что Африканский континент – прародина *Homo sapiens sapiens*. Соглашаясь с таким выводом, считаю необходимым добавить, что Африка является одним из центров формирования людей современного анатомического типа, где сформировался подвид *Homo sapiens africanensis*.

Почти современниками людей, расселявшихся в Южной Африке (местонахождения на р. Класиес), были популяции Леванта. Они имеют важное, если не ключевое значение для понимания миграционных процессов в среднем плейстоцене и решения проблемы происхождения человека современного анатомического типа. Палеоантропологические открытия в пещерах Табун и Схул вызвали оживленную дискуссию. Уже первые исследователи этих местонахождений имели разные точки зрения на их интерпретацию.

Т. Мак-Коун считал, что палеоантропологические находки из пещеры Схул представляют два разных антропологических типа [McCown, 1934]. Одна группа (захоронения III, VI–X) является более ранней, другая (I, IV и V) – более поздней. Впоследствии эту точку зрения поддерживал А. Ронен [Ronen, 1976], который полагал, что двухметровая толща отложений В, где на разных уровнях найдены захоронения, накапливалась в течение длительного времени. А. Кейс, также исследовавший палеоантропологические находки, относил их к неандертальцам, но отмечал, что по сравнению с неандертальцами Европы они более современные. В обобщающей монографии Т. Мак-Коун и А. Кейс объединяют гоминидов Схула в один вид *Paleoanthropus palestinensis* [McCown, Keith, 1939]. Ф. Хауэлл [Howell, 1958] палеоантропологические материалы из Схула и Кафзеха рассматривал как представляющие промежуточную стадию между неандертальцами Табуна и людьми современного анатомического типа. Позднее он высказал предположение, что нижняя челюсть из слоя С в пещере Табун принадлежит *Homo sapiens* [Howell, 1999].

В настоящее время относительно палеоантропологических материалов из Израиля существуют две основные точки зрения. Одни исследователи считают, что все находки представляют единую группу популяции, близкой к анатомически современным людям [Kramer, Crummett, Wolpoff, 2001; Arensburg, Belfer-Cohen, 1998]. Другие относят скелетные остатки из Табуна, Амуда и Кебары к неандертальцам, а из Схула, Кафзеха – к ранним *Homo sapiens* [Vandermeersch, 1992, 1997; Stringer, 1992, 1998; и др.].

Дискуссионными остаются вопросы, связанные со стратиграфическим положением палеоантропологических находок. Особенно это касается пещеры Табун. Находки из слоя С включают неполный женский скелет (Табун I), полную нижнюю челюсть (Табун II), основную часть бедра (Табун III), кости запястья и пальцев (Табун IV–VI). Женский скелет отнесен к верхней части слоя С, хотя он лежал на 85 см выше нижней челюсти, и Д. Гаррод [Garrod, Bate, 1937] не исключает, что он мог быть переотложен из слоя В. Этой точки зрения придерживаются и другие исследователи [Bar-Yosef, Callander, 1999]. Чрезвычайно важно таксономическое положение нижней челюсти из слоя С. Одни исследователи относили ее к неандертальцам [Trinkaus, 1993], другие – к людям современного анатомического типа [Quam, Smith, 1998; Rak, 1998]. Принадлежность бедренной кости неандертальцу не вызывает сомнений.

По мнению многих ученых, левантийское население 110–50 тыс. л.н. состояло из двух разных групп. Наиболее ранняя – люди современного или близкого к ним высоковариативного типа – расселялась в Леванте в течение 120–70 тыс. л.н. Позднее в результате

похолодания в Европе неандертальцы могли мигрировать на юг, в т.ч. на Ближний Восток, и какое-то время сосуществовать с популяцией, представленной в Схуле и Кафзехе. Не исключено, что между ними сложились антагонистические отношения, и люди современного анатомического типа были в конечном итоге истреблены неандертальцами [Shea, 2001].

Исследователи по-разному оценивают палеоантропологические находки с местонахождений Схул и Кафзех, но большинство относит их к людям современного физического типа, мигрировавшим из Африки. С моей точки зрения, для такого вывода нет достаточно убедительных археологических доказательств.

Следует особо учитывать один важный аспект, связанный с останками людей в пещере Схул. Есть все основания отнести два скелета в этой пещере к намеренным погребениям с определенным ритуалом. В головах одного погребенного, положенного в специальное углубление, находился рог большого оленя, а в руках другого – предположительно полная челюсть кабана. Вместе со скелетами найдено много украшений в виде раковин с просверленным отверстием и большое количество охры. Каменные орудия, которые обнаружены рядом с человеческими останками, имеют среднепалеолитический облик, типичный для ближневосточного мустье. В Африке раковины с просверленными отверстиями зафиксированы в пещере Бломбос, в культуросодержащем горизонте, датированном не ранее 80 тыс. л.н.

В пещере Кафзех обнаружена красная охра. Очень важно, что она найдена и в очагах. Это позволяет предположить возможность искусственного получения охры из гематита путем его нагревания [Vandermeersch, 1981]. Другая гипотеза заключается в том, что огонь использовался для изменения желтого цвета железной руды на красный [Hovers et al., 2003]. Однако авторы не настаивают на обоснованности этой очень интересной гипотезы. Куски преимущественно красной охры найдены в нижних культуросодержащих слоях. Авторы рассматривают несколько вариантов ее использования: в качестве технологического вспомогательного средства при дублении шкур животных; как соединительного материала при закреплении каменного изделия на рукоятке; символическое. Куски охры определенного красного цвета приносились в пещеру, где и подвергались обработке. Наибольшее количество охры отмечено в XXIV–XVII культуросодержащих горизонтах, которые накапливались в течение нескольких тысяч лет. Больше всего ее найдено вместе с человеческими останками. Так, в слое XVII, где обнаружено пять захоронений, зафиксировано наибольшее количество кусков охры. В этом слое в квадрате В-16 прослеживалась пространственная связь между захоронением Кафзех 8, хорошо обскобленным кусочком охры и гравированным каменным

артефактом [Ibid., p. 507]. Совместная встречаемость человеческих останков, следов интенсивного использования огня, охры, некоторых несъедобных морских моллюсков свидетельствует, по мнению авторов, о структурированной поведенческой системе. Нахождение рога оленя рядом с захоронением Кафзех 11 и двойное захоронение взрослой женщины и ребенка (Кафзех 9 и 10) также указывают на взаимоотношения более высокого порядка внутри этой популяции. Очень важный вывод, к которому приходят авторы, заключается в том, что использование охры ок. 100 тыс. л.н. в Африке и Леванте имело разный символический контекст и независимое развитие [Ibid., p. 510–511].

О независимости появления символизма в Африке и Леванте свидетельствует и различие технико-типологических показателей среднего палеолита на этих территориях. Сравнивая индустрии Леванта и Южной, Восточной и Северо-Восточной Африки, где существовал коридор, соединявший ее с Ближним Востоком, можно убедиться, что весь африканский технико-типологический комплекс среднего каменного века существенно отличался от левантийского. Примером могут быть палеолитические местонахождения, исследованные на р. Класиес. Популяции, которые расселялись в Южной Африке и Леванте, жили почти в одно и то же время. Они относятся к людям современного анатомического типа с некоторыми архаичными или атавистическими антропологическими характеристиками. Но каменные индустрии у них были совершенно разными. Имея некоторые общие анатомические характеристики, эти популяции в культурно-историческом плане никак не связаны друг с другом. Но у них могли быть общие генетические корни, единый предок. Кто это был? Какая-то эректоидная форма, *Homo heidelbergensis* или *Homo rhodesiensis*? Ответить на этот вопрос пока невозможно. Нельзя исключать того, что предки людей из Схула и Кафзека пришли на территорию Ближнего Востока гораздо раньше, в раннем палеолите. И в связи с этим я считаю перспективной следующую гипотезу. Наиболее древняя в мире позднеашельская пластинчатая индустрия (ок. 500–300 тыс. л.н.) была открыта в формации Каптурин на местонахождении GnJh в Кении. Эта формация мощностью ок. 125 м залегает к западу от оз. Баринго на площади ок. 150 км². Она состоит из речных, озерных, вулканических отложений среднего плейстоцена. Вся толща разделена на пять секций. В речных отложениях обнаружены скелетные остатки гоминидов, относящихся к *H. erectus* или *H. rhodesiensis* [McBrearty, 1999; McBrearty, Brooks, 2000; Deino, McBrearty, 2002; Tryon, McBrearty, 2006; Johnson, Mc. Brearty, 2010]. На местонахождениях GnJh-03, -15, -17, -42, -50 древностью 300–500 тыс. лет найдено небольшое число пластин, снятие которых производилось в одном направлении и реверсивно.

Нуклеусы на наиболее ранних местонахождениях GnJh-42 и -50 (соответственно 545 ± 3 и 509 ± 9 тыс. л.н.) были представлены пластинчатыми, радиальными и подрадиальными формами. Пластинчатых ядрищ обнаружено четыре: два – в слое, два – на поверхности. Носители этой индустрии могли мигрировать на Ближний Восток, где также зафиксирована пластинчатая индустрия ок. 300 тыс. л.н. При таком варианте развития событий гоминиды Африки (Флорисбад, Херто, Омо, Лэтоли и др.) и Ближнего Востока (Схул и Кафзех) могли иметь общего предка и были потомками мигрировавшей популяции с пластинчатой индустрией.

Левантийский средний палеолит имеет некоторые отличия от раннего на этой территории, но все-таки связь между ними прослеживается. Расселявшаяся в Леванте 130–70 тыс. л.н. популяция людей, близких к современному анатомическому типу, была связана истоками индустрии с популяциями более раннего этапа. Средний палеолит в Леванте делится на три стадии – Табун D, C, B. Для стадии Табун C, с которой связаны скелетные остатки людей современного и, возможно, неандерталоидного анатомических типов, характерно леваллуазское расщепление. Операционная цепочка была ориентирована на производство многочисленных удлинённых леваллуазских остроконечников, широких и тонких пластин, часто имеющих подтреугольную форму [Meignen, 2000]. Эти заготовки получены с леваллуазских нуклеусов, снятия с которых производились в одном направлении или реверсивно. Удлиненные пластины скалывались жестким отбойником с одной или двух противолежащих ударных площадок по наибольшей длине нуклеусов. Орудия представлены боковыми скребками, удлиненными острьями с ретушью, резцами, на некоторых местонахождениях в небольшом количестве найдены бифасы.

Нельзя исключать возможность достаточно длительного сосуществования на Ближнем Востоке людей неандерталоидного и современного анатомических типов с близкими по технико-типологическим показателям среднепалеолитическими индустриями. С моей точки зрения, не было перерыва в развитии индустрий среднего палеолита и их эволюции в верхнепалеолитические на Ближнем Востоке [Дервянко, 2009б]. Это предполагает и возможность формирования на данной территории человека современного анатомического типа.

К. Стрингер [Stringer, 1989] и Б. Вандермеерш [Vandermeersch, 1981] обращали внимание на очень значительное морфологическое и метрическое сходство между группой Схул–Кафзех и людьми раннего верхнего палеолита Европы. Территориальный и хронологический пробел в палеоантропологических материалах может быть заполнен будущими находками. Наиболее ранние останки *Homo sapiens sapiens*,

относящиеся к верхнему палеолиту Леванта, обнаружены на местонахождении Кзар-Акил, они датируются временем ок. 37 тыс. л.н. [Bergman, Stringer, 1989; Mellars, 2004]. Будущие исследования, надеюсь, позволят более определенно ответить на вопрос о возможности формирования на Ближнем Востоке человека современного анатомического типа, а также о реальности одновременного проживания в финале среднего – первой половине верхнего плейстоцена на данной территории людей современного и неандерталлоидного типов. Последнее тоже является интригующей проблемой, решение которой поможет прояснить генетические и культурные связи между этими двумя популяциями.

На данном этапе исследований нет достаточно убедительных фактов для утверждения о наличии сходства технико-типологических характеристик левантийского и африканского среднего палеолита, а также о приходе на Ближний Восток 140–120 тыс. л.н. людей современного или близкого к нему анатомического типа из Африки. Очень вероятно, что популяции высоковариативного гипотетического типа *Homo helmei* вышли из Африки ок. 300–280 тыс. л.н. и расселились на Ближнем Востоке. В дальнейшем и на Африканском континенте, и в Ближневосточном регионе происходило независимое развитие среднепалеолитических индустрий и физического типа человека.

Возможен и другой вариант: начиная со среднего, а может и с раннего, палеолита на Ближнем Востоке человек и индустрия развивались независимо от африканских. Подтверждением такому предположению могут являться находки со среднеплейстоценового местонахождения в пещере Кезем в Израиле [Hershkovitz et al., 2011]. Обнаруженная здесь индустрия отличается от индустрии на местонахождениях этого времени в Африке и Европе. И. Хершковитц с соавторами предлагают три гипотезы, объясняющие морфологию зубов из пещеры Кезем. Наиболее убедительной является первая. Ее суть заключается в том, что обитатели пещеры относятся к местной архаичной популяции *Homo*, жившей в Юго-Западной Азии 400–200 тыс. л.н., и зубы указывают на большую степень их родства с популяцией Схула и Кафзеха, нежели с неандертальцами [Ibid.]. Эту гипотезу подтверждают археологические материалы. На территории Леванта первые бифасиально обработанные орудия найдены на местонахождении Убейдия. Несмотря на то что они несколько отличаются от африканских, их появление, вероятно, связано со второй глобальной миграционной волной из Африки – ок. 1,4 млн л.н. На сопредельных территориях в это время бифасиальные изделия не зафиксированы. На местонахождении Гешер-Бенот-Яков найдены кливеры и бифасы, типичные для Африки. В дальнейшем на Ближнем Востоке происходило уже конвергентное развитие индуст-

рии и физического типа человека. И, видимо, после 400 тыс. л.н. бифасиальная и леваллуазская индустрии распространились на территорию Аравии и далее на восток, вплоть до Восточной Азии.

К позднему ашелю в Леванте относится одно из самых информативных местонахождений в Евразии – Берехат-Пам [Goren-Inbar, 1985, 1992], где представлены в развитом виде леваллуазская техника, бифасы, а также, вероятно, первые проявления символизма. Продолжением является мугаранская индустрия. Очень важно, что последними радиометрическими и другими исследованиями она значительно удревнена: слои Ed–Ea в пещере Табун отнесены к 385–240 тыс. л.н. [Jelinek, 1992; Bar-Yosef, 1995; Schwarcz, Rink, 1998], а леваллуа-мустьерская индустрия слоя D – к 263–244 тыс. л.н. [Mercier, Valladas H., Valladas G., 1995; Mercier, Valladas H., Valladas G. et al., 1995]. В лаборатории дозиметрии, радиоактивности окружающей среды и радиотермолуминесцентного анализа МГУ для слоя E получены даты 260 ± 60 ; 270 ± 60 ; 340 ± 80 ; 410 ± 110 ; 480 ± 120 тыс. л.н. [Лаухин и др., 2000].

Таким образом, нельзя исключить того, что пластинчатая индустрия сформировалась на Ближнем Востоке конвергентно. Наличие леваллуазских комплексов с большим количеством заготовок в виде пластин и орудий, оформленных на пластинах, в ближневосточном нижнем и среднем палеолите и его отличие от африканского позволяют предполагать, что при таком варианте развития событий не было миграции людей современного анатомического типа в Левант в конце среднего и начале верхнего плейстоцена. На Ближнем Востоке в среднем плейстоцене происходило независимое развитие древних популяций в сторону сапиентации. Это, конечно, не исключало их контактов с населением сопредельных территорий, в т.ч. Восточной и Северо-Восточной Африки. И высоковариативная популяция, представленная палеоантропологическими находками на местонахождениях Схул и Кафзех, – результат развития более ранней автохтонной. Подтвердить эту гипотезу могут последующие исследования и нахождение новых антропологических материалов, относящихся к нижнему и среднему плейстоцену, на Ближнем Востоке. Расселение на данной территории в раннем палеолите популяций, на основе которых мог сформироваться человек современного анатомического типа, позволяет объяснить важные процессы, происходившие в Центральной и Северной Азии. Миграция популяций с мугаранской индустрией в Северную Азию, фиксируемая на палеолитических местонахождениях Алтая, а затем дальнейшее развитие на этой территории среднего палеолита и переход его в верхний предполагают формирование высоковариативного анатомического типа людей.

***Homo sapiens neanderthalensis* и его вклад
в формирование человека
современного анатомического типа**

Homo sapiens neanderthalensis – первый представитель архаичных людей, который стал известен науке. Впервые его останки были найдены в середине XIX в. в долине Неандерталь в Германии. За 150 лет исследований изучены сотни неандертальских стоянок, поселений, захоронений. Неандертальцы расселялись в основном в Европе. Их морфологический тип был адаптирован к суровым климатическим условиям северных широт. Это были низкорослые, коренастые люди, обладавшие большой физической силой. Объем их головного мозга составлял 1 400 см³ и не уступал среднему объему мозга современных людей. Палеолитические местонахождения неандертальцев открыты также на Ближнем Востоке, в Передней и Средней Азии, на юге Сибири.

Судьба *Homo sapiens neanderthalensis* «трагична». До 80-х гг. XX в. многие антропологи относили его к предковой форме человека современного анатомического вида. После 1980-х гг., с начала секвенирования мтДНК неандертальцев, они были выделены в отдельный вид и вычеркнуты из родословной современного человека. На современном уровне антропологических и генетических исследований необходимо вернуться к этой проблеме. Один из главных ее аспектов – взаимоотношение неандертальцев и популяций современного анатомического типа. По мнению многих исследователей, неандертальцы были замещены в Европе человеком современного анатомического типа, вышедшим из Африки. Некоторые считают, что, возможно, была гибридизация и судьба *Homo sapiens neanderthalensis* не так «трагична». Один из крупнейших антропологов Э. Тринкаус, сравнив по 75 признакам неандертальцев и современных людей с ранне- и среднелепесточными *Homo*, пришел к выводу, что около четверти признаков свойственны неандертальцам и современным людям, столько же – только неандертальцам и приблизительно половина – современным людям [Trinkaus, 2006]. Я не буду подробно останавливаться на дискуссии, развернувшейся в связи с публикацией этой статьи в «Current Anthropology». Мнения ученых разделились: одни поддержали Э. Тринкауса, другие не разделяли его основные выводы. И до настоящего времени существуют диаметрально противоположные точки зрения на проблему возможной гибридизации.

Многие археологи обращали внимание на высокую эффективность индустрии неандертальцев на финальном этапе среднего палеолита и наличие у них многих элементов поведения, характеризующего человека современного анатомического типа. Имеются многочисленные свидетельства намеренного захоро-

нения неандертальцами своих сородичей. Первым на это обратил внимание А.П. Окладников, который выявил в пещере Тешик-Таш особый обряд, совершенный при погребении [1949]. Позднее его гипотезу подтвердили другие исследователи. Особенно яркие доказательства были получены при раскопках неандертальских захоронений в пещере Шанидар [Solecki, 1971]. Обширные материалы по мустьерским погребениям собраны и обобщены Ю.А. Смирновым [1991] и А. Дефлэром [Defleur, 1993]. Тем не менее у некоторых исследователей остаются сомнения относительно намеренных захоронений в среднем палеолите [Gargett, 1999]. У неандертальцев отмечают многие другие элементы поведения, характеризующего анатомически современного человека [Chase, Dibble, 1987; Lindly, Clark, 1990; D'Errico et al., 1998; Zilhão, 2001; D'Errico, 2003; Conard, 2005; Hovers, Belfer-Cohen, 2006; Конард, 2009; и др.]. В этом плане *Homo sapiens neanderthalensis* мало уступал *Homo sapiens africanensis*.

Очень вероятно, что переходные от средне- к верхнепалеолитическим индустрии, такие как шательперрон, улуццо, бачокиро и др., оставлены неандертальцами. Эти индустрии, а также материалы из грота Кастилло (Контабрия) в Испании позволяют высказать гипотезу о переходе от среднего к верхнему палеолиту в Западной и Центральной Европе как автохтонном явлении. В гроте Кастилло в инвентаре из культуросодержащих горизонтов 18b и 18c, для которых получено более десяти дат в интервале 42–37 тыс. л.н., прослеживаются средне- и верхнепалеолитические приемы обработки камня и типы каменных орудий [Cabrera et al., 2001]. Мозаичный характер индустрии, сочетающей среднепалеолитические и ориньякские элементы, изделия из кости, предметы искусства, позволил авторам сделать вывод, что человек неандертальского типа связан также с первыми ориньякскими индустриями переходного этапа от среднего к верхнему палеолиту: «...если нижний перигордьен или шательперрон произошел от мустьерской традиции, то ориньяк должен найти своего предшественника в шарантском мустье типа кина, как и предполагал Ф. Борд» [Ibid., p. 530]. С этой гипотезой, конечно, согласны не все исследователи, но в Европе обнаруживают все новые и новые факты, подтверждающие связь индустрий среднего и верхнего палеолита. А следовательно, заметная или даже решающая роль в процессе перехода от среднего к верхнему палеолиту принадлежала неандертальцам.

В настоящее время неандертальцев относят к одной из сестринских групп, принявших участие в формировании человека современного анатомического типа [Green et al., 2010]. Авторы указанной статьи, среди которых представлены генетики, антропологи и археологи, отмечают, что результаты изучения

неандертальского генома могут быть несовместимы с гипотезой о происхождении человека современного типа от небольшой по численности африканской популяции, вытеснении им затем всех других форм *Homo* и расселении на планете [Ibid., p. 721]. Данные генетических исследований показывают, что до 4 % генома у неафриканских людей заимствовано от неандертальцев [Green et al., 2010; Reich et al., 2010]. На современном уровне знаний нет сомнений в том, что в пограничных районах обитания неандертальцев и людей современного типа или на территориях перекрестного их расселения происходили процессы не только диффузии культур, но и гибридизации и ассимиляции. И *Homo sapiens neanderthalensis*, несомненно, также внес свой вклад в морфологию и геном человека современного вида.

Проблема формирования человека современного анатомического типа в Южной Сибири

Местонахождения среднего палеолита на территории Горного Алтая сравнительно бедны антропологическими находками. Но имеющийся палеоантропологический материал бесценен и вызывает оживленную дискуссию. На Алтае останки ископаемых гоминидов представлены зубами и фрагментами посткраниальных скелетов из пещер Окладникова и Денисовой. Ранее отмечали, что в этих пещерах зафиксированы совершенно разные индустрии. В пещере Окладникова каменный инвентарь отличался своей мустье-роидностью и выделен в сибирячихинскую культуру, а в Денисовой от нижнего слоя 22, имеющего дату ок. 280 тыс. л.н., до 12-го прослеживается непрерывное развитие среднепалеолитической индустрии и переход в яркую, хорошо сформированную верхнепалеолитическую в 11-м слое, который датируется в интервале 50–35 тыс. л.н.

В пещере Окладникова найдено пять зубов подростков 12–14 лет и детей 5–7 лет: второй нижний правый молочный моляр – в самом нижнем культуросодержащем горизонте 7, первый нижний левый премоляр, первый (второй?), третий левые и третий правый нижние постоянные моляры – в 3-м. Кроме того, из слоев 1–3 под навесом извлечены посткраниальные кости. В Денисовой пещере в культуросодержащем горизонте 22.1 обнаружен второй нижний левый молочный моляр ребенка 7–8 лет, в слое 12 – первый верхний левый медиальный постоянный резец взрослого человека, в горизонте 11 – фрагменты черепа, зубы и небольшое количество посткраниальных костей.

Важные результаты дали палеогенетические исследования, выполненные интернациональной коман-

дой ученых под руководством профессора С. Паабо в лаборатории палеогенетики Института эволюционной антропологии Макса Планка в Лейпциге [Krause et al., 2007]. Неандертальская митохондриальная ДНК была выделена из трех трубчатых костей, обнаруженных в слоях 1–3 пещеры Окладникова. Из фрагмента плечевой кости взрослого индивидуума ее не получили, и, как отмечено исследователями, нет свидетельств, что этот человек обладал неандертальским генотипом [Ibid., p. 902]. Выделение неандертальской мтДНК из палеоантропологических материалов является большим прорывом в решении вопроса о принадлежности гоминидов из пещеры Окладникова. Во всех культуросодержащих горизонтах прослеживалась совершенно гомогенная индустрия.

В статье выводы о возрасте культуросодержащих горизонтов были сделаны без учета специфики осадконакопления под навесом пещеры, условий залегания органического материала и воздействия на него антропогенных факторов. Особое значение для интерпретации находок из пещеры имеют U- и ¹⁴C-даты. Безусловно достоверными следует считать урановые $44\,600 \pm 3\,300$ и $44\,800 \pm 4\,000$ тыс. л.н., полученные по образцам из 7-го слоя галереи 1 [Деревянко, Маркин, 1992]. Она представляла собой узкий (максимальная ширина 1 м) коридор, не приспособленный для жилья, и, судя по сохранности рыхлых отложений, совершенно не испытала более позднего антропогенного воздействия: все находки здесь находились *in situ*. Наиболее проблематичны возрастные определения для культуросодержащих горизонтов под навесом. Разброс дат, полученных по костям животных, для слоя 3 от $43\,700$ до $>16\,210$ л.н. объясняется тем, что открытая полость под навесом, обращенная к долине р. Сибирячихи, в течение десятков лет служила убежищем для домашних животных, весной и осенью – от непогоды, а летом – от зноя. Несомненно, проникновение в маломощную толщу рыхлых отложений продуктов их жизнедеятельности, а также корневая биотурбация кустарниковой растительности, затронувшая практически все осадки, обусловили повышенное содержание молодого углерода в органическом материале, включенном в состав отложений. Еще одним подтверждением невозможности получения корректных дат для культуросодержащих горизонтов под навесом являются результаты прямого датирования палеоантропологических материалов из пещеры Окладникова: некалиброванные даты, полученные по костям взрослой особи и подростка, соответственно $24\,260 \pm 180$ и от $37\,800 \pm 450$ до $29\,990 \pm 500$ л.н. [Там же]. С моей точки зрения, базовыми следует считать даты, полученные по образцам из 7-го слоя галереи 1, не подвергавшегося антропогенным и иным загрязнениям молодым углеродом. С учетом гомогенности ин-

дустрии из пещеры Окладникова все культуросодержащие горизонты относятся к интервалу 45–40 тыс. л.н.

Важная информация получена М.Б. Медниковой при тщательном и всестороннем изучении фрагментов посткраниального скелета из пещеры Окладникова [2011]. Подавляющая их часть, по-видимому, принадлежала женщинам. Длина тела мужчины могла быть в пределах 160–163 см, женщины – ок. 158 см. Особый интерес представляет выявленное М.Б. Медниковой сходство фрагментов посткраниального скелета из пещеры Окладникова с палеоантропологическими находками на других территориях. Остановимся на этих выводах подробнее, поскольку они имеют, с моей точки зрения, принципиальное значение для решения проблемы древних миграций. Детское плечо из пещеры сближается по индексу поперечного сечения в середине диафиза с Табун С 1. Правая бедренная кость ребенка демонстрирует медиально-латеральное удлинение диафиза, считающееся характерной особенностью эректоидной морфологии. Среди скелетных остатков неандертальцев она отмечена у Табун Е 1. Указатель пиластрии правой бедренной кости из пещеры Окладникова сближается с индексом сильно уплощенного в переднезаднем направлении бедра Табун С 1. Левая бедренная кость алтайского ребенка также обнаруживает слабую пролонгацию диафиза в боковой плоскости. Плечевая кость взрослого индивидуума демонстрирует сходство с наиболее грацильными формами, среди которых ближайшие Шанидар 6 и Табун С 1. Надколенник совпадает по длине (высоте) с коленной чашкой Табун С 1. С этим скелетом сближаются также правая пяточная кость по ширине и высоте тела и таранная кость взрослой особи по общей длине, длине головки и шейки благодаря малым для неандертальцев размерам сочленовной фасетки латеральной лодыжки. Медиальная фаланга третьего или четвертого луча по суставной длине и ширине в середине диафиза оказывается в поле изменчивости шанидарских мужчин, а по указателю массивности совпадает с одноименной костью Табун С 1. Разрушенная медиальная фаланга второго луча сходна с таковой Табун С 1 по высоте (степени уплощенности) и в меньшей степени по ширине головки.

Таким образом, наибольшее сходство палеоантропологические находки из пещеры Окладникова имеют с неандертальцами Леванта. Проблема заключается в том, что между ними большой хронологический и территориальный разрыв. Сибирячихинская индустрия, выявленная в пещере Окладникова вместе с палеоантропологическими находками, существенно отличается от каракольской и карабумовских верхнепалеолитических индустрий Алтая. Она появилась здесь ок. 50–45 тыс. л.н., относится к числу мустьерских и принадлежала, как выясняется, представителям неандерталоидного таксономического типа. Появление

на Алтае новой популяции с совершенно другой индустрией контрастно выделяется на всем историко-культурном фоне региона. Видимо, эта небольшая по численности группа пришла с юго-запада. На данном этапе исследования можно предположить следующий сценарий. Неандертальское население на Ближнем Востоке продолжало сосуществовать с людьми современного анатомического типа, а затем часть его, возможно, под давлением последних, переместилась на территории Ирака (Шанидар), Узбекистана (Тешик-Таш), а ок. 50 тыс. л.н. и в Южную Сибирь. Сибирячихинская культура недолго просуществовала на Алтае. Судьба ее носителей неизвестна: либо они были ассимилированы автохтонным населением, либо вымерли [Деревянко, 2009б].

Весь обширный материал, накопленный в результате почти 30-летних полевых исследований многослойных пещерных местонахождений и стоянок открытого типа на Алтае, свидетельствует об эволюционном развитии здесь среднепалеолитической индустрии в течение 20–30 тыс. лет и формировании на ее основе 50–45 тыс. л.н. верхнепалеолитической – одной из самых ярких и выразительных в Евразии. Переход к верхнему палеолиту отчетливо прослеживается в 11-м культуросодержащем слое Денисовой пещеры, который разделен на пять горизонтов обитания. Для него первоначально были определены следующие радиоуглеродные даты: 29 200 ± 360 л.н. (AA-35321) для кровли; >37 235 (СОРАН-2504) для средней части и 48 650 ± 2 380/1 840 л.н. (KIA 25 285 SP 553/D19, Университет Альбрехта в Киле, Германия) для нижней. Для горизонта обитания 11.2 получены новые даты: в восточной галерее для отложений, в которых *in situ* залегали фаланга человека, а также каменные и костяные украшения, – соответственно 50 и 50,3 тыс. л.н.; в южной, где найден моляр человека, – 51,2; 48,9 и 48,6 тыс. л.н. Они подтверждают возраст отложений этого горизонта ок. 50 тыс. лет [Reich et al., 2010].

В индустрии из слоя 11 первичная обработка камня характеризуется преимущественно параллельной системой расщепления, единичными экземплярами представлены радиальное и леваллуазское [Деревянко, 2001, 2009б, 2010а; Деревянко, Волков, 2004; Деревянко, Шуньков, 2004]. Появляются торцовые нуклеусы кареноидного типа и снятые с них микропластины. Орудийный набор характеризуют скребки, резцы, проколки, ретушированные пластины, микропластины с притупленным краем, листовидные бифасы. Наряду с верхнепалеолитическими изделиями в каменном инвентаре присутствуют скребла различных модификаций, небольшое число леваллуазских остроконечников, зубчатые, выемчатые и клювовидные орудия.

Без сомнения, 11-й слой Денисовой пещеры представляет яркий вариант раннего верхнего палеолита,

который сформировался в результате эволюционного развития среднепалеолитической индустрии на Алтае. Об этом свидетельствуют материалы и других многослойных пещерных местонахождений и стоянок открытого типа. На Алтае исследовано ок. 60 культуросодержащих горизонтов, относящихся к периоду 90–40 тыс. л.н. В них хорошо прослеживается переход к верхнему палеолиту. Верхнепалеолитическая индустрия на этой территории формировалась в интервале 50–45 тыс. л.н. на базе финальносреднепалеолитической. Около 50 тыс. л.н. на Алтае появились подпризматические и поворотные нуклеусы, отжимное расщепление (мягкий отбойник применялся и в более раннее время), кареноидные формы, скребки различных модификаций, резцы, проколки, провертки и другие изделия верхнепалеолитического типа. Ярким подтверждением того, что у населения Алтая 50–40 тыс. л.н. были поведенческие модели, характерные для человека современного анатомического типа, являются костяная индустрия (иглы, шилья) и предметы неутилитарного назначения из кости, камня, раковин (бусы, подвески и т.д.). Неожиданной находкой в слое 11 оказался фрагмент браслета из камня, при оформлении которого использовалось несколько технических приемов: шлифование, полировка, пиление и сверление. У археологов нет сомнения в том, что создатели верхнепалеолитических индустрий на Алтае, обладавшие поведением современного типа, должны быть и людьми современного анатомического типа.

Результаты секвенирования ядерного генома из фаланги пальца девочки возрастом ориентировочно 7 лет из Денисовой пещеры, выполненного командой профессора С. Паабо, оказались неожиданными [Reich et al., 2010]. Отклонение ядерного генома денисовца от эталонного генома человека составляет 11,7 % (доверительный интервал 11,4–12,0 %), а неандертальца из пещеры Виндия (Хорватия) – 12,2 % (доверительный интервал 11,9–12,5 %), т.е. почти одинаковое. Это указывает на их происхождение от одной предковой популяции [Ibid, p. 1055]. Денисовцы и неандертальцы являлись сестринскими группами с общим предком до 640 тыс. л.н., но после разделения у них уже была разная история развития. Об этом свидетельствует тот факт, что у неандертальцев больше общих генетических вариантов с современными людьми Евразии, чем с современными людьми тропической Африки, и 1–4 % генома человека у неафриканцев заимствовано от неандертальцев [Green et al., 2010]. Денисовцы в результате дивергенции не участвовали в дрейфе генов к евразийцам, тогда как у меланезийцев, стоящих особняком от других неафриканских популяций, зафиксировано 4–6 % генетического материала денисовцев.

Данные генетического анализа, согласно которым история развития денисовцев отличалась от эволюции

неандертальцев и современных людей, подтверждает отсутствие у моляра из Денисовой пещеры общих с ними морфологических признаков [Reich et al., 2010]. Вывод из результатов исследования палеоантропологических находок заключается в том, что денисовцы принадлежали к группе гоминидов, имевших с неандертальцами общего предка, но разную историю развития популяции. В Евразии в позднем плейстоцене существовали, как минимум, две формы гоминидов архаичного типа: форма Западной Евразии, где на основании широко известных морфологических признаков она обозначается как неандертальская, и восточная, к которой относятся денисовцы [Ibid.]. Авторы при обсуждении статьи до ее публикации решили пока воздержаться от формального отнесения в рамках биологической систематики неандертальцев и денисовцев к виду или подвиду. Гоминиды, расселявшиеся в районе Денисовой пещеры, названы денисовцами по аналогии с неандертальцами, поскольку впервые описаны на основе молекулярных данных, полученных по материалам этой пещеры, так же как и неандертальцы впервые антропологически описаны по скелетным остаткам, найденным в долине Неандерталь в Германии [Ibid.].

Труднообъяснимым остается факт генетического родства *Homo sapiens altaiensis* с меланезийцами. Около 30 тыс. л.н. часть населения Южной Сибири мигрировала на территорию Северного Китая, о чем свидетельствует появление там пластинчатой индустрии. Маловероятно, что какая-то группа денисовцев могла достигнуть островной части Юго-Восточной Азии. Но при миграции на территорию Северного Китая денисовцы должны были ассимилироваться прежде всего автохтонным населением. И это прояснится при палеогенетическом исследовании позднеплейстоценовых антропологических находок Китая. Генетические связи денисовцев с меланезийцами, видимо, следует искать в более ранней предковой линии развития *Homo* среднего или нижнего плейстоцена.

Очень важно постараться объединить имеющиеся результаты археологических, антропологических, генетических исследований в единую систему. Необходимо не только обсуждать разные точки зрения генетиков, антропологов, археологов на проблему формирования человека современного анатомического типа, но и искать ее решение в полевых и лабораторных исследованиях. Весь археологический материал, накопленный при изучении палеолитических местонахождений на Алтае, позволяет сделать вывод, что денисовец представлял собой человека современного анатомического вида. Это предполагает, что и на территории Ближнего Востока, откуда в среднем плейстоцене мигрировали в Южную Сибирь популяции эректоидного типа или *Homo heidelbergensis*, также мог сформироваться человек современного анатомического

ческого типа и, возможно, палеоантропологические находки с местонахождений Схул и Кафзех относятся к промежуточной линии развития.

Важное значение имеет обнаружение таранной кости человека вблизи пос. Байгара (58°02' с.ш.) выше г. Тобольска по течению Иртыша. В этом районе река прорезает всю толщу неоплейстоцена. Таранная кость была найдена на бечевнике среди костей плейстоценовых животных и имела такую же степень фоссилизации. По образцу из ее внутренней части получена дата >40 300 л.н. (АА-61831) [Kuzmin et al., 2009; Ражев, Косинцев, Кузьмин, 2010]. Состав фауны и сохранность находок позволяет отнести эту кость к периоду 55–40 тыс. л.н. По морфологическим характеристикам она отличается от неандертальских и, по мнению исследователей, очень близка к таранным костям людей современного физического типа, особенно среднепалеолитических, останки которых обнаружены в пещерах Схул и Кафзех [Ражев, Косинцев, Кузьмин, 2010, с. 134]. Очень вероятно, что таранная кость человека с местонахождения Байгара принадлежала представителю денисовцев, т.е. *Homo sapiens altaiensis*.

Встает вопрос о популяции, останки представителей которой обнаружены в пещере Окладникова. Она определена на основании мтДНК как неандерталоидная. У этой популяции, в отличие от денисовцев, была совершенно другая, мустьероидная сибирячихинская индустрия. Фрагменты посткраниального скелета из пещеры Окладникова, по определению М.Б. Медниковой [2011], наиболее близки к Табун С 1. Каменный инвентарь ближе всего к мустье Западной Европы, что пока также не находит убедительных объяснений. Пещеру Окладникова отделяет от ближайших мустьерских местонахождений огромное расстояние. На транзитных территориях Западной Сибири и Восточной Европы такая индустрия не известна. Наиболее вероятный сценарий появления популяции людей, оставивших сибирячихинскую индустрию, заключается в следующем. Неандертальцы ближневосточного типа вначале мигрировали на Иранское нагорье (Шанидар), затем на территорию Узбекистана (Тешик-Таш) и ок. 50 тыс. л.н. – в Южную Сибирь, где они за короткий период были ассимилированы автохтонным населением. О некоторой близости палеоантропологических находок из пещер Тешик-Таш и Окладникова свидетельствуют показатели внутренней массивности бедренных костей. На фоне других неандертальских находок, по мнению М.Б. Медниковой, самыми толстостенными являются детские кости из этих пещер. На Алтае до недавнего времени было известно только одно местонахождение с сибирячихинской индустрией – пещера Окладникова, а в 2007 г. С.В. Маркин открыл Чагырскую пещеру с таким же мустьероидным комплексом [Деревянко, Маркин,

Зыкин, 2008]. Важно отметить, что эта индустрия не повлияла на автохтонную верхнепалеолитическую. Два известных местонахождения сибирячихинской культуры свидетельствуют о малочисленности популяции, проникшей на территорию Алтая, и, видимо, в течение короткого времени она была ассимилирована денисовцами.

Как уже отмечалось, верхнепалеолитическая индустрия на Алтае сформировалась 50–45 тыс. л.н., и по многим показателям поведение денисовцев характеризует человека современного анатомического типа. Я предлагаю выделить денисовца в особый подвид *Homo sapiens altaiensis*. На Алтае и в более позднее время, 30–10 тыс. л.н., наблюдается дальнейшее развитие автохтонной индустрии, т.е. не прослеживается миграции на эту территорию популяций современного анатомического типа с другой индустрией. Значит, люди, расселявшиеся на Алтае, были потомками денисовцев, а следовательно, людьми современного анатомического типа.

Обозначение денисовцев как *Homo sapiens altaiensis* обсуждалось с С. Паабо два года назад еще при подготовке статьи, посвященной результатам секвенирования мтДНК из фаланги, найденной в 11-м слое Денисовой пещеры [Krause et al., 2010], но из-за недостаточности оснований для выделения нового вида решено было отказаться от этого предложения. После расшифровки генома я полагаю, что денисовец должен войти как подвид в родословную человека современного анатомического вида. На основании археологических, антропологических и генетических исследований считаю возможным обозначить политипический вид анатомически современного человека *Homo sapiens sapiens sensu lato*, включив в него подвиды *H. sapiens sapiens africanensis* (Африка), *H. sapiens neanderthalensis* (Европа), *H. sapiens orientalis* (Восточная и Юго-Восточная Азия) и *H. sapiens altaiensis* (Южная Сибирь и Центральная Азия).

Результаты археологических и в какой-то мере антропологических и генетических исследований позволяют выдвинуть гипотезу о формировании современного человечества в течение последних 40–200 тыс. лет из четырех подвидов. При этом *H. sapiens sapiens africanensis* в силу наибольшего генетического разнообразия, видимо, сыграл большую роль.

Появление поведения, характеризующего человека современного анатомического типа, в Африке и Евразии

Одной из дискуссионных является проблема формирования современного человеческого поведения. Что большинство исследователей подразумевает под этим

понятием? Основываясь на археологических и этнографических материалах, современное поведение мы понимаем не как поведение человека XX в., а как поведение *Homo sapiens sapiens* в позднем плейстоцене, в отличие от других архаичных видов *Homo*. Р. Мелларс [Mellars, 1991] называет этап формирования такого поведения символической революцией. Различные аспекты данной проблемы обсуждаются на международных конференциях, в той или иной степени рассматриваются в десятках, если не сотнях работ. Наиболее обширная библиография по этому вопросу содержится в статьях С. Мак-Бреарти и Э. Брукса [McBrearty, Brooks, 2000], К. Хэншилвуда и К. Марин [Henshilwood, Marean, 2003], Н. Конарда [Conard, 2005; Конард, 2009] и др.

Исследователи прежде всего пытаются найти причины начала формирования современного поведения в процессе становления *Homo sapiens sapiens*. Они называют разные побудительные мотивы. Причинами могли быть рост населения [Powell, Shennan, Thomas, 2009] и активное использование прибрежных ресурсов [Parkington, 2001]. Р. Клейн [Klein, 1995, 2000, 2001] утверждает, что появление современного поведения связано с генетическими мутациями, за которыми последовали значительные изменения в нервной системе, развитие лингвистических способностей. Все эти качественные изменения невозможно зафиксировать в палеоантропологических находках, но они сыграли решающую роль в становлении человеческого поведения. Существуют и другие точки зрения, но многие из них носят односторонний характер или трудно доказуемы на имеющихся археологических и антропологических материалах.

Нет единого мнения и о времени появления современного человеческого поведения. До открытия палеолитических местонахождений среднего каменного века в Африке наиболее распространенной была гипотеза о формировании современного человеческого поведения в финале среднего – начале верхнего палеолита, ок. 50–40 тыс. л.н. [Binford, 1985]. Р. Клейн [Klein, 2003] подчеркивает, что после 50–40 тыс. л.н. людей можно назвать современными и по их поведению. Крайняя точка зрения у Т. Холлидея [Holliday, 2003], по мнению которого признаки современного человеческого поведения появились у создателей ашельской индустрии в среднем плейстоцене и в мустьерское время. Большинство археологов, антропологов и других ученых, занимающихся проблемой человека, склоняются к гипотезе о формировании современного человеческого поведения у *Homo sapiens sapiens* в широком хронологическом интервале: в конце среднего – первой половине верхнего плейстоцена [McBrearty, Brooks, 2000; Henshilwood, Marean, 2003; и др.].

Различные точки зрения на причины, время появления современного человеческого поведения и дру-

гие вопросы объясняются тем, что, по существу, нет теоретической модели, формирующей четкое определение этого понятия и общепринятые критерии. На данном этапе ее создание вряд ли возможно из-за недостаточности археологических и антропологических материалов. Главная цель введения этого понятия – выделить человека современного анатомического типа из архаичных видов *Homo*. С моей точки зрения, формирование современного человеческого поведения, а точнее, его элементов – длительный эволюционный путь развития самого физического типа человека (*H. sapiens africanensis*, *H. sapiens neanderthalensis*, *H. sapiens orientalis*, *H. sapiens altaiensis*), индустрии, появление и накопление инноваций в результате изменения адаптационных стратегий в связи с меняющейся экологией. Элементы современного поведения или культуры не могли возникнуть сразу, «революционным» образом, происходило постепенное наращивание качественных изменений, появлялись инновации, которые передавались и закреплялись в следующих поколениях. Необходимо также иметь в виду, что у популяций человека, расселившихся в среднем плейстоцене от Атлантического до Тихого океана, не могло быть совершенно одинаковых адаптационных стратегий и признаки, характеризующие современное поведение, также могут существенно различаться.

Одно из плодотворных обсуждений проблемы состоялось в связи с публикацией статьи К.С. Хэншилвуда и К.В. Марин [Henshilwood, Marean, 2003]. После этой дискуссии появилось большое количество работ, в которых в той или иной степени рассматривалась данная проблема. Многие ученые считают, что элементы современного поведения могли формироваться только у *Homo sapiens sapiens*, хотя немало эффективных адаптационных стратегий, навыков, инноваций, присущих ранним людям современного анатомического типа, известно и у неандертальцев.

Формирование человека происходило в течение последних 2 млн лет. Развитие морфологии сопровождалось усложнением поведенческих действий, накоплением знаний об окружающей действительности. Важнейшим этапом стало осознание древними *Homo* необходимости передачи новых знаний, инноваций от поколения к поколению внутри небольших коллективов. Этот процесс был также эволюционным. Он зависел от способов коммуникации внутри первобытных коллективов и достиг наивысшего уровня при появлении и развитии голосового общения, т.е. речи, которая также совершенствовалась в течение длительного времени. Все это было связано с развитием мозга, усложнением его функций, приводило к усилению социального фактора в жизни гоминидов. Процесс сапиентации был эволюционным и длительным, он не мог проходить на всей территории ойкумены одинаково и в одно и то же время. Большое значение име-

ла среда обитания. Более суровые условия требовали от человека выработки сложных адаптационных стратегий, максимального использования природных ресурсов региона, способствовали дальнейшему развитию социальных отношений внутри коллектива, заботе родителей о детях и детей о родителях, изобретению инноваций и передаче их от одного поколения к другому. Важную роль в усложнении поведения человека играли контакты с ближайшими родственными популяциями и миграционные процессы. В среднем и даже верхнем палеолите ойкумена не представляла собой зону сплошного заселения. Существовали рефугиумы с наиболее благоприятными для расселения человека экологическими условиями, где было достаточно водных ресурсов, а климат способствовал разнообразию животного мира. Очень важную роль играло также наличие в достаточном количестве исходного сырья для изготовления каменных орудий. В этих рефугиумах наблюдалась наибольшая плотность населения и создавались наиболее благоприятные условия для появления инноваций. Такие районы были базовыми для начала миграционных процессов и заселения свободных или малозаселенных территорий. Во время миграций, длительных экспедиций с целью охоты или поиска наиболее подходящего сырья для изготовления каменных орудий происходили контакты с соседними популяциями и люди обменивались инновациями, приобретенными навыками, генным материалом. Инновации могли также передаваться эстафетным путем от одной популяции к другой.

Гипотеза о формировании современного человеческого поведения в Африке и затем распространении его носителями – людьми современного анатомического типа не может быть принята по многим причинам. Рассмотрев три модели (сценария) перехода от среднего к верхнему палеолиту, можно с достаточной долей уверенности утверждать: постепенное формирование признаков современного человеческого поведения также происходило в каждом из этих крупных регионов автохтонно, что не исключало обогащения навыков и инновационных приобретений в результате аккультурации, диалога культур разных регионов.

Какие инновации первой половины верхнего плейстоцена являются признаками современного человеческого поведения? Их можно объединить в две основные категории, определяющие материальную и духовную культуру. К первой следует отнести все инновации, касающиеся орудийного набора и способов добычи пищи. Новым стратегически важным элементом в операционной цепочке изготовления каменных орудий, по мнению многих ученых, является пластинчатая технология. Наиболее ранние индустрии с этой технологией известны в Кении (ок. 500–300 тыс. л.н.) и на Ближнем Востоке (ок. 300 тыс. л.н.). Об их истоках пока трудно сделать определенные выводы.

Не исключено, что ближневосточная пластинчатая индустрия связана с восточно-африканской. В раннем среднем каменном веке на юге Африки (MSA I) появились подпризматические и поворотные нуклеусы. Эти инновации почти неизвестны в MSA II. Они вновь появились спустя несколько десятков тысяч лет – в индустрии ховисонс порт.

Пластинчатая индустрия является определяющей для переходного этапа от среднего к верхнему палеолиту в Евразии. В Африке пластинчатое расщепление на основе призматического нуклеуса повсеместно распространилось позже 25–20 тыс. л.н. На севере Восточной Азии пластинчатая индустрия появилась ок. 30–25 тыс. л.н., а на юге Восточной и Юго-Восточной Азии в верхнем палеолите она вообще не играла существенной роли. Это свидетельствует о разных адаптационных стратегиях на территории ойкумены. В Африке, где, видимо, впервые появилась пластинчатая индустрия, она на протяжении 250 тыс. лет то исчезала, то появлялась вновь. Только в Европе, Юго-Западной, Западной, Центральной и Северной Азии пластинчатая индустрия играла важную роль в переходе от среднего к верхнему палеолиту.

Одним из признаков современного человеческого поведения является использование новых видов сырья. Во многих индустриях Африки и Евразии, особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии, длительное время исходным сырьем служили различные крупнозернистые породы кварца, кварцитов и др., и только во второй половине верхнего плейстоцена почти повсеместно стали использоваться мелкозернистые, позволявшие получать более качественные и правильной формы заготовки, которые при вторичной обработке модифицировались в самые различные орудия труда. Не во всех районах обитания человека были в достаточном количестве такие мелкозернистые породы, и поэтому совершались многодневные экспедиции, развивался обмен, создавались запасы этого материала, о чем свидетельствуют «клады» нуклеусов и заготовок. А в Восточной и Юго-Восточной Азии орудия из кварцитов широко представлены на протяжении всего каменного века.

Особенно важное значение имел переход к использованию кости для изготовления орудий труда. Она могла спорадически обрабатываться начиная с раннего палеолита. Но изготовление из кости орудий для добычи рыбы, морских животных; игл, шильцев; украшений и других изделий означает значительный прогресс в культуре человека, потому что не только совершенствовались способы добычи пищи, но и стало возможным изготовление различной одежды и обуви.

Усложнение орудийного набора начиная с раннего этапа верхнего плейстоцена было связано с более эффективным использованием природных ресурсов. Человек начал понимать и оценивать изменения в при-

роде, преимущества и недостатки каждого из годовых циклов, в связи с чем его расселение и перемещения детерминировались сезонностью. Это также свидетельствует о важном элементе современного человеческого поведения и усложнении адаптационных стратегий.

Ко второй категории признаков современного человеческого поведения следует отнести искусственные захоронения, различные проявления символической деятельности и другие элементы духовной культуры. Причем элементы духовной культуры, так же как материальной, могли возникать в верхнем плейстоцене, исчезать, а потом снова появляться по истечении нескольких десятков тысяч лет. Причины такой динамики не находят убедительного объяснения. Видимо, для каждого региона они могут быть различными: миграции, смена экологических условий, аккультурация и др.

Рассмотрим проблему усложнения поведенческой модели в верхнем плейстоцене в трех удаленных друг от друга регионах: Восточной и Южной Африке; на юге Сибири; в островной части Юго-Восточной Азии и в Австралии. Выбор этих территорий позволяет еще раз продемонстрировать независимость формирования современного человеческого поведения. Данный процесс протекал автохтонно и никак не был связан с распространением человека современного анатомического типа из Африки.

Африканский континент совершенно обоснованно считается первоначальным центром антропогенеза. Здесь сформировался самый ранний человек современного анатомического типа и наблюдается наибольшее генетическое разнообразие. Уже упоминавшаяся дискуссия по проблеме происхождения современного человеческого поведения, проведенная в журнале «Current Anthropology» (2003) в связи с публикацией статьи К.С. Хеншилвуда и К.В. Марин [Henshilwood, Marean, 2003], показала преобладание мнения о его наиболее раннем формировании в Африке [Deacon, 1989, 1993, 2001; Mellars, 1995; Wurz, 1999; McBrearty, Brooks, 2000; Wadley, 2001; Henshilwood et al., 2001, 2002; Henshilwood, Marean, 2003; и др.]. Р.Г. Клейн [Klein, 2001, 2003] предложил гипотезу, согласно которой впервые поведение, характерное для анатомически современного человека, сформировалось у популяций в экваториальной части Восточной Африки.

В настоящее время наиболее ранние элементы современного человеческого поведения зафиксированы на местонахождениях Бломбос и Ховисонс Порт на юге Африки. В пещере Бломбос в культуросодержащих горизонтах древностью более 70 тыс. лет найдены костяные орудия с тщательно зашлифованной поверхностью, бусы из раковин, гравированные кусочки охры, а также в виде «карандаша» или «мелка» для использования в качестве красителя, возможно и для нанесения краски на тело.

Начиная со стилбэя и особенно на стадии ховисонс порт наблюдается значительное усложнение хозяйственной деятельности для наиболее эффективного использования природных ресурсов, в т.ч. и морских (ловля рыбы на нересте, добыча рыбы и морских животных с помощью гарпунов, сбор различных моллюсков для употребления в пищу). В каменной индустрии достаточно большую долю составляют пластины. Часть из них использовалась для изготовления изделий геометрической формы с притупленным краем, которые могли применяться в качестве вкладышей для составных орудий, имеющих костяную или деревянную основу. Судя по специфике поселений, не исключается и наличие индивидуальных очагов, а это может указывать на появление нуклеарной семьи. Фаунистические остатки свидетельствуют о том, что люди начали активно охотиться на полорогих жвачных животных. Более эффективно стали использоваться растительные ресурсы. В интервале 70–50 тыс. л.н. отмечается широкое распространение различного рода символики, имеются свидетельства взаимообмена артефактами и мелкозернистыми минералами, служившими сырьем для изготовления орудий. Эти и другие факты, которые приводят специалисты, исследующие поздние среднепалеолитические местонахождения в Восточной и Южной Африке, безусловно, свидетельствуют о появлении и усложнении элементов современного человеческого поведения 80–50 тыс. л.н. Вместе с тем возникает и целый ряд вопросов. В конце среднего и первой половине верхнего плейстоцена в Восточной и Южной Африке расселялись популяции, сохранявшие в морфологии скелета многие архаичные черты. На местонахождениях в бассейне р. Класиес палеоантропологические находки имеют признаки, указывающие на каннибализм, что не соответствует понятию современного человеческого поведения. И еще один парадокс, пока не получивший достаточно убедительного объяснения: на палеолитических местонахождениях, относящихся к интервалу 45–30 тыс. л.н., наблюдается распространение более архаичной индустрии и почти исчезают многие свидетельства проявления символизма в культуре человека.

В связи с обсуждаемой темой считаю необходимым кратко остановиться на проблеме, поднятой Н.Дж. Конардом и Л. Уодли. Н.Дж. Конард совершенно справедливо пишет, что многие ученые восприняли гипотезу об африканском происхождении современного поведения как аксиому, а точку зрения, согласно которой Евразия сыграла важную роль в развитии современных поведенческих признаков, считают старомодной, заключающей в себе преувеличение или даже евроцентристской [2009, с. 122]. Исследователям следует также с большим вниманием отнестись к мнению Л. Уодли [Wadley, 2001, 2005]. Он высказал сомнения

относительно происхождения современного человеческого поведения на юге Африки и не без основания подверг критике поспешность, с которой иногда ряду инноваций придают символическое значение, исключая возможность их утилитарного применения.

Существует гипотеза о формировании современного поведения не только в Африке, но и в других регионах Старого Света у различных популяций, в частности, у неандертальцев [D'Errico et al., 2003]. Близкая точка зрения у Н.Дж. Конарда [Conard, Bolus, 2003; Конард, 2009] и некоторых других исследователей. Есть и иные взгляды на эту проблему. Е. Ховерс и А. Бельфер-Коем [Hovers, Belfer-Cohen, 2006] считают, что нет достаточно убедительных данных о формировании набора современных поведенческих признаков в конце среднего – начале верхнего плейстоцена как явлении глобальном, одномоментном, связанном исключительно с *Homo sapiens sapiens*. Их распространение и сохранение скорее вопрос исторической случайности, нежели постепенных эволюционных изменений культуры или верхнепалеолитических инноваций [Ibid., p. 301].

Подтверждение возможности возникновения элементов современного поведения не только в Африке находят при исследовании палеолитических местонахождений на островах Юго-Восточной Азии и в Австралии. Одной из наиболее обстоятельных, систематизированных и фундаментальных работ, посвященных этой проблеме, является обзор, сделанный Ф.Д. Хабгуд и Н.Р. Франклин [Habgood, Franklin, 2008]. Материалы палеолитических местонахождений на территории Сунды и Сахула свидетельствуют не только о независимом формировании здесь элементов современного человеческого поведения, но и о своеобразии этого процесса. Антропологи, генетики, археологи единодушны в том, что острова Юго-Восточной Азии и Австралия начали заселяться человеком современного анатомического типа ок. 60–50 тыс. л.н. Первым мигрантам приходилось преодолевать даже при максимальном понижении уровня океана не только мелководный шельф, но и значительные морские пространства [O'Connor, Chappell, 2003; Vosis, 2000]. В интервале 68–62 тыс. л.н. уровень моря был ниже современного на 85–90 м, а 59–55 тыс. л.н. примерно на 55 м. Но Макасарский пролив, совпадающий с линией Уоллеса, всегда был преградой, разделяющей азиатскую фауну о-ва Калимантан и Австралии. Остров Восточный Тимор отделяло большое водное пространство. Даже при самых благоприятных условиях и наличии достаточно надежного плавательного средства переход по южному варианту заселения Австралии должен был занять несколько дней. Северный вариант заселения Новой Гвинеи и Австралии через о-в Сулавеси был не менее труден. Даже при низком уровне океана требовалось неоднократно преодоле-

вать большие водные пространства. Совершенно очевидно, что такие длительные морские путешествия могли совершать популяции с элементами современного человеческого поведения, т.к. это возможно только при наличии надежного плавательного средства и достаточно хороших навигационных знаний. Относительно последнего нет никаких свидетельств: умение ориентироваться в непогоду и в ночное время относится к когнитивным способностям человека, которые, видимо, не удастся реконструировать. О наличии плавательных средств у первых переселенцев в Сунду, а затем в Сахул может свидетельствовать присутствие среди находок топоров или тесел с зашлифованным лезвием, отщепов со следами шлифовки, орудий с плечиками, видимо крепившихся к деревянной рукояти, зубчато-выемчатых изделий, т.е. инструментов, которые могли использоваться для обработки дерева. Самые ранние рубящие орудия со следами шлифовки, найденные на территории Сунды и Сахула, древнее 40 тыс. лет [O'Connel, Allen, 2004].

Мигранты, переправившиеся с материка в Сунду и Сахул, – самые первые в мире мореплаватели. Гипотеза о миграции популяций из Африки в Австралию вдоль южного побережья Азии на плавсредствах не находит подтверждения в археологических материалах: в Южной Африке не найдены орудия, необходимые для строительства надежных плавательных средств, рассчитанных на преодоление больших расстояний. Возможность совершать многодневные путешествия по морю, нередко на невидимые невооруженным глазом территории, безусловно, свидетельство современного человеческого поведения.

Индустрия, которая обнаружена на палеолитических местонахождениях в интервале 60–20 тыс. л.н. на территории Сунды и Сахула, близка по технико-типологическим показателям индустрии материковой части Юго-Восточной и Восточной Азии и существенно отличается от африканской и евро-азиатской. Она характеризуется нуклеусами для снятия отщепов, служивших заготовками для изготовления различных орудий. Представлены отщепы как с ретушью, так и без дополнительной обработки. Если подходить к оценке этой индустрии с точки зрения евро-азиатских критериев, то в целом она в течение длительного времени имела среднепалеолитический облик. Вместе с тем здесь рано появилась техника шлифования и полировки камня и долго отсутствовали стандартизированные изделия из пластин, что является одной из отличительных особенностей индустрии Сунды и Сахула. В этой индустрии нет никаких общих с африканской технико-типологических характеристик. П. Мелларс [Mellars, 2006] объяснял отсутствие аналогий тем, что к тому времени, когда люди современного анатомического типа из Африки достигли Австралии, они утратили навыки пластинчатого рас-

щепления, т.к. не было высококачественного мелкозернистого каменного материала для изготовления изделий. Но имеется много примеров изготовления пластинчатых нуклеусов из крупнозернистых минералов. Совершенно очевидно, что палеолитическая индустрия Сунды и Сахула своими истоками связана с индустрией Восточной и Юго-Восточной Азии, которая развивалась по второму сценарию (модели) перехода от среднего к верхнему палеолиту. Пластинчатая техника и изготовление микролитов геометрической формы фиксируются в Австралии в голоцене. Если судить по каменной индустрии, то, видимо, были две крупные миграции в Австралию: ок. 60–50 тыс. л.н. (первоначальное заселение) и после 10 тыс. л.н. (носители индустрии с микропластинами и микролитами геометрических форм).

Таким образом, индустрия Сунды и Сахула хотя и имела, по евро-азиатским критериям, среднепалеолитический облик, но принадлежала популяциям современного анатомического типа и была, вероятно, идеально адаптирована к местным экологическим условиям и максимально эффективна. Конвергентное появление такой инновации, как шлифование, и возможность совершать длительные морские путешествия свидетельствуют о формировании современного поведения у автохтонного населения.

Первые обитатели Сунды и Сахула вели комплексное хозяйство. Судя по органическим и фаунистическим остаткам, в основном они эксплуатировали наземные ресурсы, а водные, особенно в местах сравнительно отдаленных от моря, играли второстепенную роль. В пещере Ниа на о-ве Борнео в культуросодержащем горизонте, где найден череп человека современного анатомического типа, датированный по ^{14}C в интервале ок. 41–34 тыс. лет до н.э. (45–39 тыс. календарных лет до н.э.), обнаружено более 10 тыс. костей крупных позвоночных животных [Barker et al., 2007]. Представлены наземные животные (574 экз.) с преобладанием варанов (138) и свиней (398); наземные и древесные (253 экз.), в основном змеи (41), лангуры и макаки (196); древесные (138 экз.), из них наиболее многочисленные – орангутанги (72); наземные и водные (248 экз.), преимущественно черепахи (243). Кости рыб, причем исключительно пресноводных, встречались в небольшом количестве. Несмотря на то что пещера находилась в 15 км от Южно-Китайского моря, остатков морской фауны в культуросодержащем горизонте не обнаружено. Наличие полурасчлененных костей животных и следов резания на них свидетельствует о разделке туш непосредственно на стоянке.

Важные наблюдения сделаны при раскопках в районе оз. Мунго, где выделяется несколько этапов заселения [Bowler et al., 1970, 2003; Bowler, Thorne, Polack, 1972]. В 1969 г. на местонахождении были

обнаружены кремированные останки человека (Мунго 1). В 1974 г. в 450 м от него в том же самом литологическом слое нашли хорошо сохранившийся скелет (Мунго 3). Рядом с кремированными останками в раскопе (Мунго В) собрано 775 артефактов, которые по технико-типологическим показателям аналогичны индустрии, распространенной в это время на материке. Мунго 3 относили ко времени 30 тыс. л.н., 45–42 тыс. и 62 ± 6 тыс. л.н. Результаты прямого датирования этих скелетных остатков по Th/U и Pa/U – между 82 ± 7 и $50,7 \pm 0,9$ тыс. л.н. По фрагментам зубной эмали получены ЭПР-даты от 78 ± 7 до 63 ± 6 тыс. л.н. [Thorne et al., 1999]. Новое датирование позволило более определенно ответить на вопросы об этапах заселения этого региона. Первое наполнение озера произошло ок. 60 тыс. л.н. В интервале 50–40 тыс. л.н. прослеживаются три фазы колебания уровня воды в нем. При понижении уровня обнажались галечники и происходил слабый процесс почвообразования. Установлено, что первое заселение этой территории человеком произошло 50–46 тыс. л.н. Оба захоронения, Мунго 1 и 3, относятся ко времени 40 ± 2 тыс. л.н. [Bowler et al., 2003]. Наибольшая плотность населения в этом районе фиксируется в интервале 45–43 тыс. л.н.

Хозяйственная жизнь людей во многом была связана с плювиальными и аридными периодами. Рацион обитателей стоянок на оз. Мунго основывался на эксплуатации наземных и водных ресурсов [Bowler et al., 1970]. На песчаных дюнах и равнине они ловили кенгуровых крыс, в зарослях кустарников или буше охотились на мелких сумчатых, включая сумчатых куниц, а также на более крупных животных. Люди собирали яйца эму, ловили мелких птиц, добывали на мелководье и выкапывали в иле моллюсков, ловили золотистого окуня. Некоторые виды пищи были доступны в определенное время года: яйца эму появляются в конце зимы, моллюсков проще собирать летом, а зимой, по этнографическим данным, их немного и они малопригодны для питания, молодь окуня ловилась поздней весной или ранним летом и осенью [Ibid., p. 55]. О сезонности хозяйственной деятельности позднелайстоценовых аборигенов Австралии свидетельствует тот факт, что стоянка заселялась человеком неоднократно в конце зимы и поздней весной – ранним летом. Это был, по мнению исследователей, сезонный временный лагерь, заселявшийся несколько раз небольшой по численности группой людей (12–24 чел.) [Ibid.]. Такой образ жизни соответствовал современному поведению и сохранялся у австралийцев до недавнего времени.

О значительной роли охоты у ранних колонистов Сахула свидетельствует исчезновение в Австралии мегафауны, к которой относится ок. 54 австралийских видов, включая млекопитающих, птиц и рептилий. По

оценкам некоторых исследователей, ок. 12 видов вымерли, вероятно, до появления здесь человека, а все представители мегафауны исчезли в интервале 50–40 тыс. л.н. [Flannery, 1990; Roberts et al., 2001]. Причины этого остаются дискуссионными до настоящего времени. Одни исследователи объясняют исчезновение мегафауны изменениями климата [Field, Dodson, Prosser, 2002], другие не исключают роль охоты человека на животных [Roberts et al., 2001]. По всей видимости, причиной явилось сочетание этих двух факторов.

Роль водных ресурсов, судя по фаунистическим остаткам и раковинным кучам на палеолитических местонахождениях, в диете первых мигрантов в Австралию была различной в зависимости от того, насколько близко от побережья, озера или реки находилась стоянка [Дэвидсон, 1997]. Немалое значение имели растительные ресурсы. Но не все дикоросы были пригодны в пищу без предварительной обработки. Обитатели пещеры Ниа обладали необходимыми знаниями и технологиями для нейтрализации некоторых токсинов растительного происхождения. Так, обнаруженный в пещере клубень ямса (*Dioscorea hipida*) размером с яблоко в сыром виде способен убить взрослого человека. В орехах дерева *Pangium edule*, также найденных в пещере, содержится в опасном для жизни человека количестве синильная кислота. Для ее нейтрализации аборигены Австралии закапывают зрелые плоды на 10–14 дней, а затем их отваривают или засыпают золой на 40 дней. В пещере Ниа обнаружены ряды параллельно расположенных углублений, в которых найдено большое количество орехов, перемешанных с золой [Barker et al., 2007, p. 256].

Ботанические исследования позволили предположить, что обитатели пещеры выжигали лесные участки, создавая благоприятные условия для произрастания корнеплодов и улучшения условий охоты. Петрографический анализ каменных изделий, которых найдено небольшое количество, свидетельствует о том, что исходное сырье приносилось в пещеру за 50 км. Все вместе взятое позволяет сделать вывод, что «по крайней мере к 46 тыс. лет до н.э. гоминины жили в низменной части Борнео и эксплуатировали различные ресурсы внутреннего ландшафта, используя целый ряд технологий, которые могли включать установку ловушек на млекопитающих и рыб, некоторые формы метательных технологий, выкапывание клубнеплодов, детоксикацию растений и выжигание лесов» [Ibid., p. 259]. Комплексное ведение хозяйства для жизнеобеспечения, перспективное планирование, целый ряд инноваций – все это свидетельствует о современном поведении обитателей пещеры Ниа.

Судя по составу ихтиофауны на ряде стоянок, некоторые виды рыб могли быть добыты при помощи сетей. Оценивая жизнеобеспечение у плейстоценовых обитателей Сунды и Сахула, необходимо признать, что на-

земные ресурсы у них играли первостепенную роль, а водные, даже у жителей побережья, при наличии плавательных средств имели второстепенное значение. Морские моллюски (*Melo* sp.), жемчужные (*Pinctada* sp.), двустворчатые (*Tridacna* sp.) и др. в большей степени служили сырьем для изготовления орудий, украшений и предметов торговли, нежели пищевыми ресурсами [Balme, 2000].

Важнейшей инновацией древних обитателей Сунды и Сахула является изобретение и достаточно широкое применение шлифования. Эта техника появилась в интервале 60–40 тыс. л.н. [Allen, O'Connell, 2003]. Шлифовке подвергались рубящие орудия, раковины, отщепы и другие изделия. Особенно важную роль в хозяйственной деятельности играли рубящие орудия с зашлифованным лезвием. Некоторые из них имели перехват или плечики для крепления к деревянной рукояти. Этими орудиями можно было производить вырубку подлеска, обработку дерева, строительство плавательных средств и т.д. Шлифование рубящих изделий, видимо, из Сунды и Сахула распространилось и на другие острова Тихоокеанского бассейна. В Японии рубящие орудия с зашлифованным лезвием встречаются на палеолитических местонахождениях в интервале 29–27 тыс. л.н. [Деревянко, 1984]. Деревянные изделия в Австралии сохраняются плохо, но на местонахождении Вири Свмп на юге континента, датированном ок. 10 тыс. л.н., обнаружено 28 артефактов из дуба, в т.ч. бумеранги, палки-копалки и др. [Haggood, Franklin, 2008].

Изделия из кости в Австралии относятся ко времени ок. 30 тыс. л.н. Самые древние обнаружены на местонахождении Дэвилс Лэйер (ок. 26 тыс. лет до н.э.) и в пещере Боун (29 000 ± 520 и 13 700 ± 860 лет до н.э.). Костяные изделия встречаются на территории Сунды и Сахула на многих местонахождениях. Из кости делали острия и наконечники различных размеров, лопатообразные изделия.

Для заточки рубящих орудий, раковин, отщепов, обработки кости использовались жернова. Химический анализ органических остатков на поверхности этих артефактов позволил установить, что они использовались также для растирания крахмало- и кремнийсодержащих семян и растений. По заключению Р. Фуллагара и Д. Филда [Fullagar, Field, 1997], наличие жерновов на местонахождении Кади Спрингс свидетельствует о существовании мукомольного производства ок. 30 тыс. лет до н.э.

Важным аргументом, подтверждающим современное поведение древних обитателей Сахула, являются захоронения на оз. Мунго. Погребение Мунго 1 с кремацией и погребение Мунго 3, где труп был положен в специально вырытое углубление и засыпан охрой, свидетельствуют о сложном погребальном обряде и особом отношении к умершему члену коллектива.

На многих палеолитических местонахождениях на территории Сунды и Сахула обнаружены личные украшения и проявления искусства. Наиболее ранние бусины на стоянках Сахула относятся ко времени ок. 42 тыс. л.н. [Balme, Morse, 2006]. Очень важно, что индивидуальные украшения в виде перфорированных раковин найдены на многочисленных стоянках в интервале 35–20 тыс. л.н. На территории Сунды и Сахула, пожалуй, известно наибольшее количество в Старом Свете палеолитических местонахождений с личными украшениями.

В Австралии на нескольких памятниках палеолита обнаружена охра разнообразных оттенков (красный, желтый, белый, пурпурный, оранжевый), использование которой имело символическое значение. На местонахождении Карпентерс Гэп в слое, датированном в интервале 42 800 – 33 600 лет до н.э., найден шарик красной охры. В самом убежище на стенах и потолке имелись фрагменты наскальных рисунков, выполненных красной, желтой, коричневой и белой краской [O'Connor, Fankhauser, 2001]. Наскальная живопись древностью ок. 25 тыс. лет обнаружена на местонахождении Лаура Реджион на п-ове Арнем-Ленд [Habgood, Franklin, 2008]. Охра найдена в культуросодержащем слое пещеры Рибби, датируемом 31 800 лет до н.э. [Balme, 2000]. Глыбы гематита с шлифованными гранями обнаружены на местонахождениях Малакунанья-2 и Наувалабила древностью 53–60 тыс. лет на п-ове Арнем-Ленд [Roberts et al., 1994]. Охра, так же как раковины, каменное сырье для изготовления орудий, транспортировалась на большие расстояния [Habgood, Franklin, 2008].

Многообразие хозяйственной деятельности, обмен, изготовление личных украшений, искусство и другие примеры неутилитарного характера свидетельствуют о наличии у обитателей Сунды и Сахула 50–30 тыс. л.н. многих элементов современного человеческого поведения. Признаки современного поведения начали появляться у них, видимо, еще на материке в Юго-Восточной Азии. В дальнейшем при заселении Сунды и Сахула 60–30 тыс. л.н. в новых экологических нишах формировались новые адаптационные стратегии, появлялись инновации, складывался образ жизни, который вполне соответствует понятию современного поведения, т.е. его элементы формировались постепенно в течение 20–30 тыс. лет, а не появились все сразу одномоментно, что должно было произойти при заселении этой территории человеком современного анатомического типа из Африки.

На юге Сибири формирование элементов современного поведения относится к переходному периоду от среднего к верхнему палеолиту. Прежде всего это проявляется в высоком уровне первичной и вторичной обработки камня. На юге Сибири 80–50 тыс. л.н. развивалась индустрия на основе левал-

луазского и параллельного принципов расщепления. Заготовки, скальваемые с нуклеусов этого типа, имели правильную в плане форму и предназначались для изготовления стандартизированных изделий, процент которых постоянно увеличивался. Такое развитие индустрии было характерно для всей Евразии, за исключением Восточной и Юго-Восточной Азии. Это не означало сходство индустрий на всей огромной территории. Они могли различаться по многим технико-типологическим показателям, но в целом линия развития была общей. В интервале 80–50 тыс. л.н. на юге Сибири прослеживается эволюционное развитие среднепалеолитической индустрии, а 50–45 тыс. л.н. – переход к верхнему палеолиту. На основе материалов многослойных стоянок Алтая выделяются две линии развития верхнепалеолитических индустрий: каракольская и карабумовская. Орудийный набор характеризуется стандартизированными верхнепалеолитическими типами: резцами, скребками, проколами и другими артефактами, изготовленными из ножевидных пластин или пластинчатых отщепов.

Элементы современного поведения у *Homo sapiens altaiensis* проявляются не только в каменной индустрии, но и в системе жизнеобеспечения. Ее основу составляла охота. В северных широтах в принципе невозможно было обеспечить пищу любой по численности коллектив, кроме как охотой. Собирачество играло второстепенную роль. Крайне скудные растительные ресурсы ни в коей мере не могли обеспечить человека пищей, особенно в зимнее время. В течение года только два-три месяца можно было делать небольшие запасы ягод, грибов, корней, орехов и др.

В Денисовой пещере в ходе раскопок только в 1989–1996 гг. в общей сложности извлечено 118 848 фрагментов ископаемых костей и зубов млекопитающих. Весь остеологический материал отличался сильной раздробленностью. Целые зубы и кости практически отсутствовали. Длина наиболее крупных фрагментов из центрального зала и с предвходовой площадки не превышала 18,5 см [Деревянко и др., 2003]. Костные остатки крупных и средних млекопитающих принадлежали 27 видам, среди которых преобладают обитатели степных пространств. В результате раскопок 1993–1995 гг. в центральном зале в слое 12 (переходный период от среднего к верхнему палеолиту) обнаружено 19 789 экз. костей и зубов крупных млекопитающих, в 11-м (ранний верхний палеолит) – 17 165 экз., что свидетельствует о большой насыщенности культуросодержащих горизонтов остеологическим материалом. В слоях 9, 11 и 22 обнаружено больше костей средних и мелких копытных, а в слоях 12–22 – крупных. Большое количество костных остатков копытных свидетельствует об активной охоте денисовцев. Безусловно, фрагментация костей диких животных связана с деятельностью не только челове-

ка, но и хищников. На костях имеются следы погрызов, но, по мнению М. Жермонпре [1993], частота их встречаемости в Денисовой пещере значительно ниже, чем в костных скоплениях, связанных с деятельностью гие-ны, в Африке. На костях, в основном копытных животных, зафиксированы порезы, оставленные каменными орудиями, а также следы воздействия огня.

Еще более убедительные свидетельства активной охоты *Homo sapiens altaiensis* получены при раскопках стоянки открытого типа Кара-Бом. С помощью трасологического анализа удалось установить, что из всей коллекции артефактов 2-го среднепалеолитического горизонта (ориентировочная дата 60 тыс. л.н.) 6,8 % относятся к орудиям труда [Волков, 1998]. Основным типом использовавшихся здесь инструментов является нож для разделки туш относительно крупных животных и первичной подготовки мяса к хранению или потреблению. Все выявленные в результате трасологического анализа скребковые орудия предназначены для первичной обработки шкур.

В материалах 6-го ранневерхнепалеолитического уровня обитания ($43\,200 \pm 1\,500$ л.н. (GX-17597)) орудия труда составляют 3,3 % от всего количества артефактов. Состав инструментария сходен с таковым из 2-го среднепалеолитического горизонта. Средне и сильно изношенные ножи для обработки мяса доминируют над эпизодически применявшимися. Тот же характер утилизации имеют и скребки для обработки шкур животных. К инструментарию верхнепалеолитического горизонта добавляются проколки и резчики. В материалах вышележащего 5-го уровня обитания ($43\,300 \pm 1\,600$ л.н. (GX-17596)) орудия труда составляют 7,6 % от общего количества артефактов. Инструментарий по своим характеристикам близок к таковому из 6-го верхнепалеолитического и 2-го среднепалеолитического горизонтов. Здесь также доминируют средне и сильно изношенные мясные разделочные ножи и скребки. Количество скребковых инструментов в этом горизонте наибольшее.

Орудийные наборы из трех описываемых стратиграфических подразделений имеют множество сходных характеристик, что свидетельствует о преемственности культуры средне- и верхнепалеолитических охотников. На стоянке в финальном среднем и раннем верхнем палеолите велась интенсивная переработка продуктов охоты. Судя по размерам, форме и дислокации следов износа, мясные ножи служили в основном в качестве разделочных [Там же, с. 265–266]. Следует подчеркнуть, что они использовались для разделки туш животных, полученных в результате охотничьей деятельности, а не собирания падали, т.к. продукты охоты поступали на стоянку, судя по числу инструментов, в больших количествах.

Очень важна морфологическая эволюция ножей для разделки туш животных. В среднепалеолитическом

горизонте это преимущественно левааллуазские сколы крупных размеров. Рабочие участки у них приурочены к дистальной части и не ретушированы. Инструменты использовались, вероятно, без закрепления их в дополнительную жесткую рукоять. Ножи из верхнепалеолитических горизонтов изготовлены из крупных, до 15 см, пластинчатых сколов. Рабочая часть у них оформлена приостряющей ретушью, а обухок – притупляющей. Возможно, орудия имели деревянную или костяную рукоять.

На верхнепалеолитических стоянках Южной Сибири широко представлены костяные изделия: они известны на более чем 15 местонахождениях в интервале 50–38 тыс. л.н. Из кости изготавливали иглы, шилья, острия, вкладышевые орудия, лопатки, украшения и др. Она обрабатывалась резанием, скоблением и шлифовкой.

Из кости, зубов и клыков животных, раковин, камня делались индивидуальные украшения, в основном бусы и подвески. Особую ценность представляют два фрагмента браслета из хлоритолита, найденные в Денисовой пещере в слое 11 древностью более 30 тыс. лет. При изготовлении браслета использовалось несколько технологических приемов: шлифование, полировка, внутренняя расточка, станковое сверление.

На местонахождении Хотык (38–30 тыс. л.н.) в Западном Забайкалье обнаружен фрагмент изделия из птичьей кости. Его длина 4,5 см, диаметр 0,5 см. Фрагмент имеет явные следы обработки: у него тщательно оформлено подпрямоугольное отверстие. На поверхности кости прослеживается полировка. Это изделие интерпретируется как свисток-манок [Лбова и др., 2003] или флейта [Лбова, Волков, Кожевникова, 2010].

О современном поведении *Homo sapiens altaiensis* свидетельствует также существование обширных связей между популяциями на огромной территории и взаимообмена. Хлоритолит, из которого изготовлен браслет, был доставлен из Рудного Алтая, на 250–300 км удаленного от Денисовой пещеры. Скорлупа яиц страуса для изготовления бус, также найденных в слое 11 Денисовой пещеры, могла быть доставлена из Забайкалья или Монголии, а это расстояние 1,5–2,0 тыс. км. Орудия также изготавливались не только из местного сырья, но и из принесенного издалека. Более того, на стоянке Кара-Бом использовались эффузивные горные породы, выходы которых находились на расстоянии 4–5 км, где существовали каменоломни.

Среди палеолитических местонахождений Южной Сибири можно выделить сезонные охотничьи стоянки, кратковременные лагеря охотников и базовые поселения. На стоянках и поселениях наблюдается определенная организация жилого пространства. Например, в нижней части 6-го горизонта обитания на стоянке Кара-Бом на участке площадью ок. 4 м² выявлена очень интересная планиграфия. В восточной

части этого участка сохранились остатки кострища. В центре зафиксирован хорошо сохранившийся очаг, вероятно, со следами обкладки. Он был сделан в искусственном углублении. С севера и востока к очагу примыкают глыбы сланца, возможно, остатки жилища. В непосредственной близости найдены ок. 100 фрагментов костей и зубов животных, в т.ч. дикой лошади, бизона и архара, и 198 артефактов: нуклеусы, скребки, разделочные ножи, ретушированные пластины и другие изделия. Немногим более метра к северо-востоку от очага выявлено углубление, в котором собрано 88 г красно-бурого порошка гетита. Там же обнаружена галька, связанная с растиранием красителя. Рядом лежали две костяные подвески, которые были сломаны, возможно, с целью символического «умерщвления» предмета. Артефакты, найденные в углублении, возможно, были связаны с символическим приношением или являлись кладом. Все они могли быть транспортируемым набором культового предназначения (краситель, терочник, украшения) и находились в кожаном мешочке [Деревянко, Рыбин, 2003]. Красители и окрашенные предметы зафиксированы и на других участках 6-го горизонта стоянки Кара-Бом.

Очень интересные наблюдения сделаны В.И. Ташаком [Ташак, 2003; Ташак, Колобова, 2005] при раскопках палеолитического поселения Подзвонка (38 900 ± 3 300 л.н. (АА-26741)). На участке площадью 25 м² зафиксировано пять очагов и кострищ. Три очага являются многослойными, т.е. состоящими из нескольких, наложенных друг на друга. Очаги имели каменную обкладку. Они относились к разному времени, т.е. люди неоднократно возвращались на одно и то же место, что свидетельствует о сезонности кочевания. В верхнем уровне очага 4 найдены кости конечностей животного в анатомическом порядке, без следов воздействия огня, причем нигде больше, кроме очагов, костей, лежащих в анатомическом порядке, не обнаружено. Вероятно, они были положены в ритуальных целях. В средней части очага зафиксированы три артефакта, густо посыпанные охрой. До того как они были положены в очаг, камни использовались по своему назначению в утилитарных целях: как терочник, отбойник и «жаровня». После прекращения функционирования очага он был перекрыт круглыми камнями. Все отмеченные ритуальные действия прослежены и в других очагах.

Исследование конструкции очагов, а также связанных с ними находок привели В.И. Ташака к очень интересным выводам: «Вся совокупность элементов, связанных с очагами, указывает на определенную последовательность действий древних обитателей поселения, которые можно рассматривать как образ захоронения очага после прекращения его функционирования. Центральная часть очагов перекрывалась крупными скальными обломками и лопатками живот-

ных, совершался обряд подношения костей животных с сохранившимся на них мясом. Причем жертвенные части не были мясистыми, соблюдались лишь обязательные действия без большого расхода пищевых запасов. Наличие охры на камнях, намеренно положенных в чаши очагов, — тоже важная часть обряда захоронения очага. И, наконец, при разжигании огня на прежнем месте старый очаг не расконсервировался» [2003]. Наблюдения, сделанные В.И. Ташаком, очень важны для оценки когнитивного уровня *Homo sapiens altaiensis*. Особое отношение к огню, очагу, зафиксированное ок. 40 тыс. л.н. (а сформировалось оно, видимо, гораздо раньше), прослеживается в палеолите и неолите во многих регионах Старого и Нового Света. Сохранилось такое отношение и до настоящего времени. Будучи в гостях в домах коренных народов Сибири, я часто наблюдал обряд, связанный с «кормлением» духа очага.

Структурирование места жизнедеятельности, особое отношение к очагу, неоднократное возвращение людей на прежнюю стоянку, что свидетельствует о сезонности хозяйственной деятельности, — все это элементы современного поведения.

Археологические реалии, зафиксированные на удаленных на значительное расстояние друг от друга палеолитических местонахождениях в Африке, на островах Юго-Восточной Азии, в Южной Сибири, позволяют сделать вывод, что 60–30 тыс. л.н. у древних популяций *Homo sapiens sapiens* (*H. sapiens africanensis*), *Homo sapiens orientalis*, *Homo sapiens altaiensis* формировались элементы современного человеческого поведения.

У *Homo sapiens neanderthalensis* также прослеживается немало элементов современного поведения. Индустрия неандертальцев по основным технико-типологическим показателям не уступала индустриям, распространенным в Африке и Евразии в интервале 60–35 тыс. л.н. Более того, она была хорошо адаптирована к экологическим условиям Северной и Центральной Европы. В Леванте анатомически современные популяции или морфологически близкие к ним длительное время сосуществовали с неандертальцами. У них были одни и те же технологии обработки камня и изготовления каменных орудий [Shea, 2003]. Как уже говорилось выше, имеется много свидетельств намеренного захоронения неандертальцами своих сородичей [Окладников, 1949; Solecki, 1971; Смирнов, 1991; Defleur, 1993]. Исследователи отмечают у них и другие элементы современного человеческого поведения [Chase, Dibble, 1987; Lindly, Clark, 1990; D'Errico et al., 1998; Zilhão, 2001; D'Errico, 2003; Conard, 2005; Hovers, Belfer-Cohen, 2006; Конард, 2009; и др.]. В этом плане *Homo sapiens neanderthalensis*, видимо, не уступали *Homo sapiens sapiens* (*H. sapiens africanensis*), *Homo sapiens orientalis* и *Homo sapiens altaiensis*.

Когда люди современного анатомического типа мигрировали в Европу, они восприняли от неандертальцев целый ряд инноваций (обработка кости, в т.ч. мамонтовой, изготовление подвесок из клыков животных и т.д.). Д. Зильхао, на мой взгляд, справедливо утверждает, что не существует неандертальского или современного поведения, т.к. неандертальцы и люди современного анатомического типа обладали аналогичными когнитивными способностями [Zilhão, 2006, p. 192]. *H. sapiens neanderthalensis* исчезли с лица земли в результате не замещения, а ассимиляции и аккультурации.

H. sapiens africanensis, *H. sapiens neanderthalensis*, *H. sapiens orientalis* и *H. sapiens altaiensis* составляли филогенетическое единство. Вследствие дивергенции существовали различные возможности обмена генетическим материалом, в большей степени между *H. sapiens africanensis* и *H. sapiens neanderthalensis*, а также между *H. sapiens orientalis* и *H. sapiens altaiensis*. Но все вместе они являлись подвидами одного вида, имели общего предка – *Homo erectus*, и более поздние эректоидные формы представляли одну филогенетическую линию, эволюционирующую в сторону сапиентации.

Рассматривая древние индустрии Старого Света, я часто акцентирую внимание на их конвергентном развитии. Для меня важно подчеркнуть имеющиеся между ними различия. Но, конечно, три модели (сценария) развития индустрий в позднем плейстоцене в Африке, Евразии и Австралии не могли существовать совершенно изолированно друг от друга. Были частые контакты, особенно в пограничных районах, популяции могли проживать в одно и то же время на одной территории и в результате гибридизации, дрейфа генов и обмена генетическим материалом, а также диффузии культур и аккультурации в хронологическом интервале 200–40 тыс. л.н. происходило формирование людей современного анатомического вида. Генетический вклад *H. sapiens africanensis*, *H. sapiens orientalis*, *H. sapiens altaiensis*, *H. sapiens neanderthalensis* был различным, но данные археологии, антропологии и генетики, с моей точки зрения, свидетельствуют о возможности такого сценария становления *Homo sapiens sapiens sensu lato*.

Заключение

Археологи, антропологи, генетики сходятся в том, что Африка – центр антропогенеза. О времени выхода человека с Африканского континента и начала заселения им Евразии у исследователей нет единого мнения. В решении этой проблемы существуют три точки зрения: длинная хронология – начало первой миграции ок. 2,0–1,8 млн л.н., средняя – ок. 1,5 млн л.н., ко-

роткая – ок. 1 млн л.н. Я считаю, что первая глобальная миграция людей из Африки началась ок. 2,0–1,8 млн л.н. *Homo ergaster* – *Homo erectus* покинул свою «колыбель» и двинулся за ее пределы, положив начало первому Великому переселению, ознаменовавшему событие величайшей важности – заселение планеты человеком. *H. ergaster* – *H. erectus* следует отнести, с моей точки зрения, к политипическому виду. *H. erectus* в течение 1 млн лет заселил значительные пространства в Евразии, перешагнув ок. 800 тыс. л.н. 50-ю параллель и расселился вплоть до Южной Сибири [Деревянко, 2009a].

Эректоидные формы, расселившиеся в Юго-Восточной и Восточной Азии, Европе, Африке, в силу дивергенции, находясь в различных природно-климатических условиях, не могли сохранить не только единую индустрию, культуру, но и физический тип. В результате эволюции судьба этого политипического вида была различной [Маут, 1998]. На востоке Азии в силу дивергенции (что не исключало обмена геномным материалом с популяциями сопредельных территорий) в конечном итоге 150–50 тыс. л.н. произошло формирование человека современного анатомического типа – *Homo sapiens orientalis*. Не менее сложно этот процесс протекал в других регионах Евразии и в Африке. На современном уровне знания самым ранним палеолитическим местонахождением в Западной Европе является Симадель Элефанте (1,2–1,1 млн л.н.) в Испании, что, конечно, не исключает возможность открытия более ранних стоянок или подтверждения древности некоторых дискуссионных. Кто были первые пришельцы в Европу? Этот вопрос остается дискуссионным. Очень вероятно, что в Западную и Центральную Европу могли первыми проникнуть *Homo georgicus*. Ряд исследователей не исключает возможность филогенетического родства между архантропами ТД 6 и Дманиси [Bermudez de Castro et al., 2004]. В таком случае объяснимо отсутствие бифасиальной техники на самых ранних палеолитических местонахождениях Европы. Выделение *Homo georgicus* в отдельный вид не исключает, с моей точки зрения, того, что он входил в политипический вид *Homo ergaster* – *Homo erectus*.

Уникальные результаты получены на палеолитических местонахождениях в Атапуэрке. Там обнаружены древнейшие в Европе каменные орудия в сочетании с богатейшим палеоантропологическим материалом, что позволяет предложить несколько сценариев заселения Европы человеком и уточнить протекание процессов эволюции архантропов. На местонахождении Гран-Долина в горизонте ТД 6 древностью 800 тыс. лет обнаружены скелетные остатки, как минимум, шести индивидуумов: двух взрослых особей, вероятно, женского пола, двух подростков и двух детей 3–4 лет. На местонахождении Сима де лос Хуэсос, датированном 500–400 тыс. л.н., найдены

останки 28 индивидуумов. Совсем недавно на местонахождении Сима дель Элефанте в горизонте TE 9, относящемся к интервалу 1,2–1,1 млн л.н., обнаружена челюсть [Carbonell et al., 2008].

В связи с глобальными волнами миграции человека в Евразии и открытиями в Атапуэрке рассмотрим несколько основных гипотез эволюции человека в диапазоне 1,2–0,5 млн л.н. С начала 1990-х гг. произошли некоторые изменения в ее интерпретации [Wood, 1992]. Анагенетическая эволюционная модель, постулировавшая последовательную цепь *Homo habilis* – *Homo erectus* – *Homo sapiens*, стала вытесняться кладогенетической. Суть ее сводится к тому, что в эволюции *Homo* было несколько эпизодов видообразования (кладогенез), обусловленных расселением архантропов из Африки, миграционными движениями между Африканским континентом и Евразией в плейстоцене, причем как из Африки в Евразию, так, возможно, и в обратном направлении, репродуктивной изоляцией, связанной с географической удаленностью и другими причинами. В настоящее время в науке сосуществуют две основные гипотезы эволюции человека. Мультирегиональная состоит в том, что *Homo sapiens sapiens* возник как анагенетическая модификация *Homo erectus* в силу распространенности его в Африке и Евразии на широкой территории [Wolpoff, Wu, Thorne, 1984; Lahr, 1994; и др.]. Согласно гипотезе африканской прародины человека современного физического типа [Stringer, 1996; Rightmire, 1996; Stringer, Howell, Melentis, 1979; и др.], ранний предок, видоизменяясь в Африке посредством кладогенеза, 200–150 тыс. л.н. стал «прародителем» нового вида – *Homo sapiens sapiens*. Как следствие подразумевается, что среднеплейстоценовые и ранневерхнеплейстоценовые гоминиды в Евразии исчезли, не оставив потомства, и на смену им пришел новый вид *Homo sapiens sapiens* из Африки.

Дж. Райтмайр [Rightmire, 1996] на основании исследования черепа, найденного в 1996 г. в местности Бодо в среднем течении р. Аваш (Эфиопия) и датированного по аргону 640 тыс. л.н., пришел к выводу о наличии сходства между ним и черепами *Homo erectus* – *Homo ergaster*. Вместе с тем объем мозговой коробки (1 300 см³) и другие особенности черепа сближают данного архантропа с европейскими неандертальцами и человеком современного анатомического типа. Все это позволило Дж. Райтмайру отнести череп из Бодо вместе с палеоантропологическими находками из Араго, Мауэра, Петралон в Европе, а также Кабве, Эландсфонтейна, Ндугу в Африке и, возможно, Дали, Цзиньнюшаня, Юньсяня в Китае к виду *Homo heidelbergensis*. Далеко не все антропологи поддерживают некоторые его выводы.

Открытия в Атапуэрке позволили предложить другую модель. Человеческие останки в Гран-Долине

древностью ок. 800 тыс. лет дали основание выдвинуть гипотезу о существовании на юге Европы нового вида – *Homo antecessor* (человек предшествующий). Объем мозга у этих гоминидов составлял 1 000 см³, а их скелет имел более грацильное строение, чем у гоминидов позднего среднего плейстоцена (неандертальцев). *H. antecessor* обладал удивительным сочетанием черт как неандертальца, так и анатомически современного человека. С последним его сближает, в частности, строение лица. А. Росас [Rosas, 2000] выдвинул гипотезу, согласно которой *H. antecessor* возник в Африке 1 млн л.н. как потомок *H. ergaster* и является общим предком для человека современного вида и неандертальца, тогда как ни африканские, ни европейские *H. heidelbergensis* не могли быть предками *H. sapiens sapiens*. Первые представители *H. antecessor* мигрировали в Европу в среднем плейстоцене и дали начало европейским неандертальцам. Африканские популяции *H. antecessor* эволюционировали в среднем плейстоцене и положили начало новым промежуточным видам *H. rhodesiensis* и (или) *H. helmei*, которые могли быть предками *H. sapiens*.

Несколько иная точка зрения у испанских ученых [Bermudez de Castro et al., 2004]. По их мнению, *H. antecessor* – древнейшее свидетельство присутствия человека в Западной Европе. Происхождение данных гоминидов не известно, возможно, они являются эволюционной ветвью *H. ergaster* – *H. erectus*. Морфологические признаки посткраниального скелета, описанные рядом авторов [Corretero, Lorenzo, Arsuaga, 1999; Lorenzo, Arsuaga, Corretero, 1999], более схожи с таковыми современного человека, нежели среднеплейстоценовых гоминидов.

После открытий в Атапуэрке появились новые гипотезы о времени заселения Европы человеком. Х.М. Бермудес де Кастро с соавторами предложили два сценария. Они обратили внимание на возможность филогенетического родства между популяцией ТД 6 и гоминидами Дманиси. Первые выходцы из Африки в этом случае могли достигнуть Юго-Западной Европы в конце плиоцена – начале плейстоцена. Однако авторы сами отмечают, что древнейшие местонахождения в Испании и Франции отделяет от дманисского почти 1 млн лет. При первом сценарии становится объяснимым, почему индустрия на всех древнейших западно-европейских местонахождениях связана с олдувайской. Если даже принять за основу гипотезу о заселении Европы 1,2–1,1 млн л.н., то в это время в Африке и на Ближнем Востоке была известна ашельская индустрия. При первом сценарии *H. antecessor*, будучи потомком дманисцев, будет являть собой вариант видообразования в Евразии. При появлении в Европе второй волны архантропов с ашельской индустрией этот вид мог исчезнуть или ассимилироваться мигрантами.

Второй сценарий подразумевает миграционную волну из Африки через Левант в направлении Юго-Западной Европы в конце раннего плейстоцена, ок. 1 млн л.н. или даже ранее. При таком сценарии *H. antecessor* представляет собой результат кладогенеза, имевшего место после миграции архантропов с ашельской индустрией. Если процесс видообразования произошел в Африке, то *H. antecessor* остался на континенте и положил начало эволюционной ветви *Homo sapiens sapiens*, а если в Евразии (или, возможно, на Ближнем Востоке), то он должен был переместиться на Африканский континент, чтобы стать предком *Homo sapiens* [Bermudez de Castro et al., 2004, p. 33]. Реальность второго сценария подкрепляется, по мнению исследователей, морфологической схожестью палеоантропологических материалов из ТД 6, 5 с африканскими.

Не считаю необходимым комментировать два сценария, предложенные испанскими учеными. Следует только добавить, что недавно обнаруженная на местонахождении Сима дель Элефанте в горизонте ТЕ 9 нижняя челюсть, датированная 1,2–1,1 млн л.н., свидетельствует в пользу первого из них. Как отмечают авторы открытия, если предположить, что гоминиды, чьи останки обнаружены на уровне ТЕ 9, принадлежали к виду *Homo antecessor*, то люди с местонахождений Сима дель Элефанте и Гран-Долина могут представлять собой результат видообразования, которое произошло на территории этой части Евразии в течение раннего плейстоцена [Carbonell et al., 2008, p. 467].

При решении проблемы древнейших миграций и заселения Евразии человеком необходимо, на мой взгляд, четко установить, что могло предопределять глобальные миграционные процессы. Причины, которые иногда приводятся (типа «демографического фактора»), малоубедительны. В настоящее время невозможно определить с достаточной достоверностью, какое количество архантропов населяло Старый Свет 1,5–0,5 млн л.н. Очевидно, что население в то время исчислялось несколькими сотнями тысяч человек, расселившихся на огромной территории Африки, Азии и Европы. Многие небольшие популяции часто оказывались изолированными друг от друга. Не исключая полностью возможность влияния демографических процессов на древнейшие миграции человека, предполагаю, что для подтверждения этой гипотезы необходимы серьезные дополнительные аргументы.

Безусловно, большую роль играли глобальные изменения климата, что требовало выработки новых адаптационных стратегий и могло подталкивать человека к поиску новой, более комфортной для проживания экологической ниши. Одной из главных причин выхода человека из Африки, видимо, была близость природных условий и ландшафтов Восточной Аф-

рики, Ближнего Востока и Аравийского полуострова в позднем плиоцене и раннем плейстоцене. Если справедливы утверждения палеонтологов о том, что основные миграции млекопитающих с Африканского континента на территорию Европы в плейстоцене происходили ок. 1,2; 0,9; 0,6–0,5 млн л.н. [Evolution..., 1978], то именно в эти периоды можно предполагать перемещение гоминидов из Африки в Европу вслед за животными. Главными причинами глобальных миграций человека, видимо, были природно-экологические факторы.

Имеющиеся на сегодняшний день археологические и антропологические материалы убеждают в том, что миграций из Африки в Евразию и обратно в раннем палеолите было немного. Можно проследить только два глобальных миграционных процесса. Каждая такая миграция детерминировалась глубокими причинами. На ранних этапах расселение человека носило достаточно хаотичный характер. Попытки объяснить возникающие трудноразрешимые проблемы, в т.ч. некоторые филогенетические, древнейшими миграционными процессами на современном уровне знаний нельзя считать продуктивными. Расселение человека в Европе началось в то же время, что и в Азии. Это был единый процесс выхода из колыбели человечества – Африки. Но архантропы быстрее всего заселяли близкие им по экологическим условиям территории южной части Азиатского континента и в течение сравнительно короткого времени вышли к Тихому океану. Значительно медленнее они могли продвигаться на север, в Европу через Ближний Восток, Малую Азию, Балканы и т.д. или же через Северный Кавказ. Наиболее короткий путь человека из Африки в Европу мог быть по сухопутному мосту. Но когда Европа соединилась с Африкой или, по крайней мере, существовали мелководные, т.е. преодолимые для архантропа, проливы при понижении уровня Мирового океана – эта проблема требует своего разрешения.

Хотелось бы обратить внимание на то, что многие антропологи отмечают значительную эректоидную примесь у древнего населения Европы. Об этом свидетельствует черепная коробка из Чепрано (Италия). Мне представляется, что отрицание роли *Homo erectus* в эволюционном процессе в Европе неоправданно.

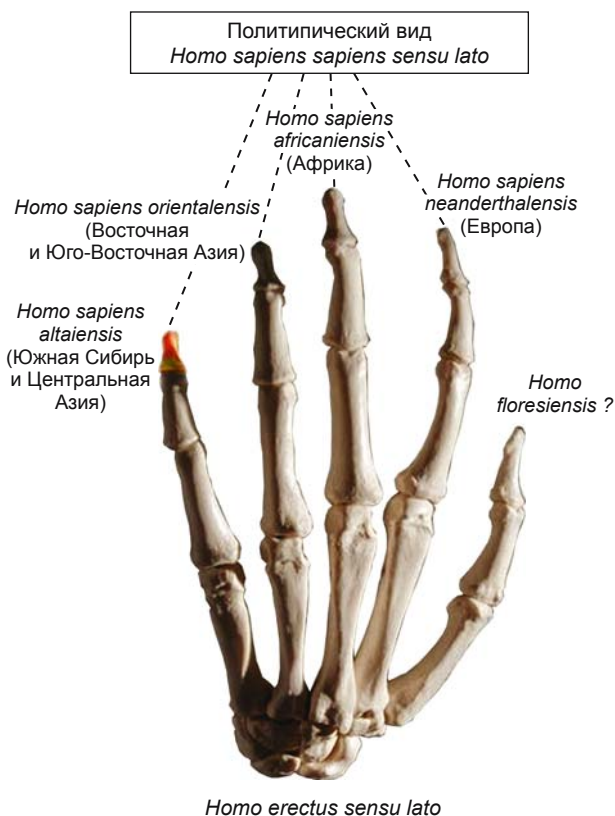
Вторая глобальная миграция человека из Африки (с Ближнего Востока?) в Европу произошла ок. 600 тыс. л.н. Очень вероятно, что она была связана с последней волной миграции животных с Африканского континента. Мигранты принесли в Европу ашельскую индустрию. В этом отношении чрезвычайно важное значение имеют находки в местности Бодо (Эфиопия), где вместе с черепом, как многие считают, гейдельбергского человека были найдены бифасы, кливеры и другие орудия ашельской индустрии. Как уже отмечалось выше, данное местонахож-

дение датировано 640 тыс. л.н. Очень вероятно, что вторая миграционная волна из Африки в Европу была связана с представителями *Homo heidelbergensis*, для которых характерно сочетание неандерталоидных и сапиентных черт.

Естественно, встает вопрос о судьбе автохтонного населения Европы. На одних местонахождениях среднего плейстоцена преобладает ашельская индустрия, на других прослеживается сочетание бифасиальной и галечной, на третьих отсутствуют рубила. Видимо, с приходом новых мигрантов в Европе происходил процесс не замещения, а аккультурации. В этом отношении очень важны находки на местонахождении Сима де лос Хуэсос (500–400 тыс. л.н.) в Испании. Антропологические исследования ок. 4 тыс. человеческих костей показали, что эти архантропы существенно отличались от тех, чьи останки найдены в горизонте ТД 6 Гран-Долины, и были близки к неандертальцам. Палеоантропологические материалы местонахождения Сима де лос Хуэсос доказывают наличие в Европе местной эволюционирующей ветви, впоследствии давшей начало т.н. классическому неандертальцу [Ibid.]. Очень важно добавить, что на этом местонахождении найдено средних размеров рубило, которое укрепило мнение ученых, считавших местонахождение не естественным захоронением, а антропогенным.

При всей сложности проблемы эволюции человека в конце нижнего – среднем плейстоцене наиболее приемлемым вариантом ее решения является признание того, что в основе всей эволюционной цепочки к человеку современного анатомического типа в Африке и Евразии лежит предковая основа *Homo erectus sensu lato*. Вероятно, с этим политипическим видом связана вся эволюция сапиентной линии развития человека. *Homo heidelbergensis*, *Homo rhodesiensis*, *Homo cepranensis* в Африке и Европе, эректоидные формы в Восточной и Юго-Восточной Азии были сестринскими видами, и в конечном итоге в позднем плейстоцене сформировался человек современного анатомического и генетического вида *Homo sapiens sapiens sensu lato*. В этот также политипический вид вошли четыре подвида: *H. sapiens africanensis* (Африка), *H. sapiens orientalis* (Юго-Восточная и Восточная Африка), *H. sapiens neanderthalensis* (Европа) и *H. sapiens altaiensis* (Южная Сибирь и Центральная Азия) (см. рисунок).

Не все подвиды внесли равнозначный вклад в формирование человека современного анатомического вида. Подавляющее число исследователей являются сторонниками гипотезы формирования *Homo sapiens sapiens* в Африке и затем распространения его по планете, сопровождавшегося замещением автохтонных популяций; замещением с гибридизацией; ассимиляцией. Ядерная ДНК и геном мтДНК свидетельствуют

Формирование человека современного анатомического вида.

о том, что африканцы наиболее генетически разнообразны. Но при всем уважении к генетическим исследованиям и их вкладу в решение проблемы происхождения человека современного вида необходимо обратить внимание на разные результаты, полученные одними и теми же учеными. В течение одного года могут появиться две статьи, в числе авторов которых одни и те же исследователи. В одной статье сообщается, что современные люди и неандертальцы – разные виды и между ними не могло быть межвидового скрещивания, а в другой – что 1–4 % генома человека за пределами Африки заимствованы у неандертальцев. В работах генетиков приводятся различные хронологические рамки расхождения видов от одного общего предка. Антропологи и генетики нередко делают выводы о расселении какого-то вида, скелетные остатки представителей которого обнаружены на расстоянии многих тысяч километров друг от друга, при отсутствии подобных находок на промежуточных территориях и каких-либо археологических свидетельств таких миграций. Один из примеров – гипотеза о миграциях *Homo heidelbergensis* из Африки на Ближний Восток, в Европу и Китай. Я не утверждаю, что они не могли происходить, но при продвижении популяций в любом направлении должны были оставаться

местонахождения, свидетельствующие о таких перемещениях. Однако зачастую коллеги полностью игнорируют данные археологии.

Предложенные мной обозначения четырех подвидов вызовут у большинства читателей возмущение, как и объединение их в единый вид *Homo sapiens sapiens sensu lato*. Я делаю это не для эпатирования своих коллег. Выводы основаны на большом количестве накопленных археологических фактов. Для меня совершенно очевидно, что популяции, расселившиеся в Восточной и Юго-Восточной Азии 1500–30 тыс. л.н., развивали свою индустрию, отличную от индустрий на сопредельных территориях. Об этом писали и пишут почти все исследователи палеолита китайско-малайской зоны. Индустрия здесь ни в коей мере не была примитивной или архаичной по сравнению с остальной частью Евразии и Африкой. Она была ориентирована на экологические условия именно данного региона. Это, конечно, не означало, что эректоидные популяции находились в полной аллопатрии. В Евразии в плейстоцене прослеживаются миграции животных с запада на восток и в обратном направлении, что предполагает и миграционные потоки людей с сопредельных территорий в Восточную и Юго-Восточную Азию и, соответственно, с востока на запад. В результате этих миграций, а также в пограничных районах происходил обмен генным материалом. Но в материальной культуре популяций китайско-малайской зоны не прослеживается коренных изменений. Таким образом, если микромиграции происходили, то пришлое население ассимилировалось автохтонным. Но очевидно, что в интервале 80–20 тыс. л.н. мощного миграционного потока людей из Африки, который привел бы к замещению или замещению с ассимиляцией автохтонного населения Восточной и Юго-Восточной Азии, не было. В китайско-малайской зоне происходило эволюционное развитие как индустрии, так и анатомического типа самого человека на основе эректоидных форм. Это позволяет выделить человека современного типа, сформировавшегося на данной территории, в подвид *Homo sapiens orientalis*.

Подобный процесс конвергентного развития индустрии человека и его анатомического типа происходил в Южной Сибири и Центральной Азии. Денисовцы оставили 4–6 % своего генетического материала в геномах современных меланезийцев, и поэтому их нельзя относить к туниковой ветви в эволюции человека. Более того, в Северной и на большей части Центральной Азии сформировавшиеся 50–45 тыс. л.н. индустрии верхнего палеолита продолжали развиваться без каких-либо коренных изменений до конца каменного века. Следовательно, миграции людей современного анатомического типа из Африки на эту территорию, так же как в Восточную

и Юго-Восточную Азию, не было. Таким образом, *Homo sapiens altaiensis* и его культура развивались в Южной Сибири конвергентно.

Целый ряд гипотез, если не все, мои коллеги-археологи, антропологи, генетики воспримут по-разному: одни с недоверием и недоумением, другие – с возмущением. Меня это не пугает. Меня не пугает возврат к некоторым старым идеям, например, Ф. Вайденайха.

На сегодняшний день археологами, антропологами, генетиками и всеми, кто занимается проблемой происхождения человека, накоплено большое количество нового материала, позволяющего выдвигать разные гипотезы, порой диаметрально противоположные. И настало время все выводы, идеи, предположения, высказанные учеными разных направлений науки о человеке, если и не привести в единую систему, то хотя бы обстоятельно обсудить, но при одном непереносимом условии: они должны быть основаны на результатах исследований не только своих, но и коллег из смежных наук. Это мультидисциплинарная проблема, и в ее решении нельзя ограничиваться выводами только генетиков, или антропологов, или археологов. Лишь уважительное отношение к результатам, полученным коллегами из смежных наук, когда-нибудь приведет нас к истине. Очень важно, с моей точки зрения, разработать новую математическую модель пересчета данных генетических исследований, с учетом не только «нулевой» моноцентрической гипотезы формирования человека современного анатомического вида в Африке, но и гипотезы широкого полицентризма.

Список литературы

- Аникович М.В.** Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2. – С. 15–29.
- Аникович М.В.** Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: периодизация, хронология, генезис // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 86–90.
- Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б.** Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Европе. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 355 с.
- Волков П.В.** Функциональный анализ инструментальной стоянки Кара-Бом // Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. и др. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Прил. 4. – С. 263–271.
- Деревянко А.П.** Палеолит Японии. – Новосибирск: Наука, 1984. – 271 с.
- Деревянко А.П.** Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70–103.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите: Междунар. симп. «Древнейшие миграции человека в Евразии» (Махачкала, сентябрь 2009 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009а. – 232 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009б. – 328 с.

Деревянко А.П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий первый: переход к верхнему палеолиту на территории Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010а. – № 3. – С. 2–32.

Деревянко А.П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий первый: переход к верхнему палеолиту в Центральной Азии и на Ближнем Востоке // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010б. – № 4. – С. 2–38.

Деревянко А.П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий второй: переход от среднего к верхнему палеолиту в материковой части Восточной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011а. – № 1. – С. 2–27.

Деревянко А.П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий третий: переход от среднего к верхнему палеолиту в Африке и проблема заселения Евразии человеком современного антропологического типа // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011б. – № 2. – С. 2–29.

Деревянко А.П., Волков П.В. Эволюция расщепления камня в переходный период от среднего к верхнему палеолиту на территории Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2. – С. 21–35.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 223 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С. Пещера Чагырская – новая стоянка среднего палеолита на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2008 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. 14. – С. 52–54.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 27–50.

Деревянко А.П., Шульков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.

Деревянко А.П., Шульков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Аношкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая: Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 447 с.

Дэвидсон И. Первые люди, ставшие австралийцами // Человек заселяет планету Земля: Глобальное расселение гоминид: мат-лы симп. «Первичное расселение человечества» / ред. А.А. Величко, О.А. Соффер. – М.: Ин-т географии; Иллинойский ун-т США, 1997. – С. 226–246.

Жермонпре М. Предварительные результаты тафономии Денисовой пещеры (по материалам раскопок 1992 г.) // Altaica. – 1993. – № 2. – С. 11–16.

Козинцев А.Г. Сунгирь: Старый спор, новые аргументы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 19–27.

Козинцев А.Г. Эволюционная история вида *Homo sapiens* в свете новых данных популяционной генетики // Вестн. МГУ. Сер. XXIII (Антропология). – 2009. – № 4. – С. 64–70.

Конрад Н.Дж. Критическое рассмотрение свидетельств южно-африканского происхождения поведенческих признаков современного типа // Кюэски дзидай кэнкю. – 2009. – № 5. – С. 121–130 (на яп. яз.).

Лаухин С.А., Ронен А., Ранов В.А., Поспелова Г.А., Бурдукевич Я.М., Шаронова З.В., Волгина В.А., Куликов О.А., Власов В.К., Цацкин А. Новые данные о геохронологии палеолита Южного Леванта (Ближний Восток) // Стратиграфия. Геологическая корреляция. – 2000. – Т. 8, № 5. – С. 82–95.

Лбова Л.В., Волков П.В., Кожевникова Д.В. Древнейшие свидетельства музыкальной культуры в Северной Евразии // III Северный археологический конгресс: тез. докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Наука-Сервис, 2010. – С. 34–36.

Лбова Л.В., Резанов И.Н., Калмыков Н.П., Коломиец Л.В., Дергачева М.И., Феденева И.К., Вашукевич Н.В., Волков П.В., Савинова В.В., Базаров Б.А., Намсараев Д.В. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 208 с.

Медникова М.Б. Посткраниальные останки представителей рода *Homo* из пещеры Окладникова на Алтае (морфология и таксономия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011 (в печати).

Окладников А.П. Исследования мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) // Тешик-Таш: Палеолитический человек. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1949. – С. 7–85.

Ражев Д.И., Косинцев П.А., Кузьмин Я.В. Плейстоценовая таранная кость (*os talus*) человека с местонахождения Байгара (центр Западной Сибири) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 1 (12). – С. 134–147.

Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. – М.: Наука, 1991. – 340 с.

Ташак В.И. Очаги палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 70–78.

Ташак В.И., Колобова К.А. Оформление каменных орудий в индустрии Подзвонкой // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 64–68.

Allen J.O., O'Connell F.J. The long and the short or it: archaeological approaches to determining when humans first colonized Australia and New Guinea // Austral. Archaeol. – 2003. – Vol. 57. – P. 5–19.

Arensburg B., Belfer-Cohen A. Sapiens and Neanderthals: Rethinking the Levantine Middle Paleolithic hominids / eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef // Neanderthals and Modern Humans in Western Asia. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 311–322.

- Balme J.** Excavations revealing 40.000 years of occupation at Mimbi Caves south central Kimberley, Western Australia // *Austral. Archaeol.* – 2000. – Vol. 51. – P. 1–5.
- Balme J., Morse K.** Shell beads and social behaviour in Pleistocene Australia // *Antiquity.* – 2006. – Vol. 80, N 310. – P. 799–811.
- Barker G., Barton H., Bird M., Daly P., Datan I., Dykes A., Farr L., Gilbertson D., Harisson B., Hunt C., Higham T., Kealhofer L., Krigbaum J., Lewis H., McLaren S., Paz V., Pike A., Piper P., Pyatt B., Rabett R., Reynolds R., Rose J., Rushworth G., Stephens M., Stringer C., Thompson G., Turney C.** The «human revolution» in lowland tropical Southeast Asia: the antiquity and behavior of anatomically modern humans at Niah Cave (Sarawak, Borneo) // *J. of Human Evolution.* – 2007. – Vol. 52, Iss. 3. – P. 243–261.
- Bar-Yosef O.** The Low and Middle Paleolithic in the Mediterranean Levant: Chronology and cultural entities // *Man and Environment in the Paleolithic.* – Liège: Université de Liège, 1995. – P. 247–263. – (Etudes et recherches archéologiques de L'Université de Liège; N 62).
- Bar-Yosef O., Callander J.** The Woman from Tabun: Garrod's Doubts in Historical Perspective // *J. of Human Evolution.* – 1999. – Vol. 37, Iss. 6. – P. 879–885.
- Bergman C.A., Stringer C.B.** Fifty years after: Egbert an early Upper Palaeolithic juvenile from Ksar Akil, Lebanon // *Paléorient.* – 1989. – Vol. 15 (2). – P. 99–111.
- Bermudez de Castro J.M., Martínón-Torres M., Carbonell E., Sarmiento S., Rosas A., Van der Vade J., Lozano M.** The Atapuerca sites and their contribution to the knowledge of human evolution in Europe // *Evolutionary Anthropology.* – 2004. – Vol. 13, Iss. 1. – P. 25–41.
- Binford L.R.** Human ancestors: Changing views of their behavior // *J. of Anthropological Archaeology.* – 1985. – Vol. 4. – P. 292–327.
- Bowler J.M., Johnston H., Olley J.M., Prescott J.R., Roberts R.G., Shawcross W., Spooner N.A.** New ages for human Occupation and climatic change a Lake Mungo, Australia // *Nature.* – 2003. – Vol. 421, N 6925. – P. 837–840.
- Bowler J.M., Jones R., Allen H., Thorne A.G.** Pleistocene Human Remains from Australia: A Living Site and Human Cremation from Lake Mungo, Western New South Wales // *World Archaeology.* – 1970. – Vol. 2, N 1. – P. 39–60.
- Bowler J.M., Thorne A.G., Polack H.A.** Pleistocene man in Australia age an significance of the Mungo skeleton // *Nature.* – 1972. – Vol. 240, N 5375. – P. 48–50.
- Cabrera V., Maillo J.M., Lloret M., Quiros F.B.** La transition vers le Paléolithique supérieur dans la grotte du Castillo (Cantabrie, Espagne): la couche 18 // *L'Anthropologie.* – 2001. – Vol. 105. – P. 505–532.
- Carbonell E., Bermudez de Castro J.M., Parés J.M., Pérez-González A., Cuenca-Bescós G., Olle A., Mosquera M., Huguet R., Made J., van der, Rosas A., Sala R., Vallverdú J., García N., Granger D.E., Martínón-Torres M., Rodríguez X.P., Stock G.M., Vergès E.A., Burjachs F., Cáceres I., Canals A., Benito A., Díez C., Lozano M., Mateos A., Navazo M., Rodríguez J., Rosell J., Arsuaga J.L.** The first hominid of Europe // *Nature.* – 2008. – Vol. 452, N 7186. – P. 465–470.
- Chase P.G., Dibble H.L.** Middle Paleolithic symbolism: a review of current evidence and interpretation // *J. of Anthropological Archaeology.* – 1987. – Vol. 6. – P. 26.
- Churchill S.E., Pearson O.M., Grine F.E., Trinkaus E., Holliday T.W.** Morphological affinities of the proximal ulna from Klasies River main site: arhaic or modern? // *J. of Human Evolution.* – 1996. – Vol. 31, Iss. 3. – P. 213–237.
- Conard N.J.** An overview of the patterns of behavioral change in Africa and Eurasia during the Middle and Late Pleistocene // *From Tools to Symbols: From Early Hominids to Modern Humans* / eds. F. D'Errico, L. Backwell. – Johannesburg: Witwatersrand University Press, 2005. – P. 294–332.
- Conard N.J., Bolus M.** Radiocarbon dating the appearance of modern humans and the timing of cultural innovations in Europe: new results and new challenges // *J. of Human Evolution.* – 2003. – Vol. 44, Iss. 3. – P. 331–371.
- Corretero I.M., Lorenzo C., Arsuaga J.L.** Axial and appendicular skeleton of *Homo antecessor* // *J. of Human Evolution.* – 1999. – Vol. 37. – P. 459–499.
- Deacon H.J.** Late Pleistocene palaeoecology and archaeology in Southern Cape, South Africa // *The human revolution Behavioral and biological perspectives on the origins of modern humans* / eds. P. Mellars, C. Stringer. – Princeton: Princeton University Press, 1989. – P. 547–564.
- Deacon H.J.** Southern Africa and modern human origins // *Philosophical transactions Roy. Soc. – L.*, 1992. – Vol. 337. – P. 177–183.
- Deacon H.J.** Southern Africa and modern human origins // *The origins of modern humans and the impact of chronometric dating* / eds. M.J. Aitken, C.B. Stringer, P. Mellars. – Princeton: Princeton University Press, 1993. – P. 104–117.
- Deacon H.J.** Two Late Pleistocene-Holocene archaeological depositories from the southern Cape, South Africa // *South African Archaeological Bull.* – 1995. – Vol. 50. – P. 121–131.
- Deacon H.J.** Modern Human Emergence: an African Archaeological Perspective // *Humanity from African Naissance to Coming Millennia-Colloquia in human biology and palaeoanthropology* / eds. P.V. Tobias, M.A. Raath, I. Maggi-Cechi, G.A. Doyle. – Florence: Florence University Press, 2001. – P. 213–222.
- Deacon H.J., Geleijnse V.B.** The stratigraphy and sedimentology of the main site sequence. Klasies River, South Africa // *Archaeological Bull.* – 1988. – Vol. 43. – P. 5–14.
- Defleur A.** Les sépultures moustériennes. – P.: CNRS Editions, 1993. – 325 p.
- Deino A.L., McBrearty S.** ⁴⁰Ar/³⁹Ar dating of the Kapthurin Formation, Baringo, Kenya // *J. of Human Evolution.* – 2002. – Vol. 42, Iss. 1/2. – P. 185–210.
- D'Errico F.** The invisible frontier: Amultiple species model for the origin of behavioral modernity // *Evolutionary Anthropology.* – 2003. – Vol. 12, Iss. 4. – P. 188–202.
- D'Errico F., Henshilwood Ch., Lawson G., Vanhaeren M., Tillier A.M., Soressi M., Bresson F., Maureille B., Nowell A., Lakarra J., Backwell L., Julien M.** Archaeological evidence for the emergence of language, symbolism, and music – an alternative multidisciplinary perspective // *J. of World Prehistory.* – 2003. – Vol. 17, N 1. – P. 1–70.
- D'Errico F., Zilhão J., Julien M., Baffier D., Péléggrin J.** Neanderthal acculturation in Western Europe? A critical review of the evidence and its interpretation // *Current Anthropology.* – 1998. – Vol. 39 (S1). – P. S1–S44.
- Eswaran V.** A diffusion wave out of Africa: The mechanism of the modern Human revolution? // *Current Anthropology.* – 2002. – Vol. 43, N 5. – P. 748–774.

- Eswaran V., Harpending H., Rogers A.R.** Genomics refutes an exclusively African origin of humans // *J. of Human Evolution*. – 2005. – Vol. 49, Iss. 1. – P. 1–18.
- Evolution of African Mammals.** – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978. – 585 p.
- Field J., Dodson J., Prosser I.** A late Pleistocene vegetation history from the Australian and zone // *Quaternary Science Reviews*. – 2002. – Vol. 21, N 8/9. – P. 1023–1037.
- Flannery T.F.** Pleistocene faunal loss: implications of the aftershock for Australia's past and future // *Archaeology in Oceania*. – 1990. – Vol. 25. – P. 45–67.
- Foley R., Lahr N.N.** Mode 3 technologies and the evolution of modern humans // *Cambridge Archaeological J.* – 1997. – Vol. 7. – P. 3–36.
- Fullagar R., Field J.** Pleistocene seed-grinding implements from the Australian arid zone // *Antiquity*. – 1997. – Vol. 71, N 272. – P. 300–307.
- Gargett R.H.** Middle Palaeolithic burial is not a dead issue: The view from Qafzeh, Saint-Césaire, Kebara, Amud, and Dederiyeh // *J. of Human Evolution*. – 1999. – Vol. 37, Iss. 1. – P. 27–90.
- Garrod D.A.E., Bate D.M.A.** The Stone Age of Mount Carmel: excavations at the Wady el-Mughara. – Oxford: Clarendon Press, 1937. – Vol. 1. – 240 p.
- Goren-Inbar N.** The Lithic assemblages of Berekhat Ram Acheulian site, Golan Heights // *Paleorient*. – 1985. – Vol. 11 (1). – P. 7–28.
- Goren-Inbar N.** The Acheulian site of Gesher Benot Ya'aqov: An African or Asian entity? // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusen-Sha, 1992. – P. 67–82.
- Green R.E., Krause J., Briggs A.W., Maricic T., Stenzel U., Kircher M., Patterson N., Heng Li, Weiwei Zhai, Fritz M. H.-Y., Hansen N.F., Durand E.Y., Malaspina A.-S., Jensen J.D., Marques-Bonet T., Can Alkan, Prüfer K., Meyer M., Burbano H.A., Good J.M., Schultz R., Aximu-Petri A., Butthof A., Höber B., Höffner B., Siegemund M., Weihmann A., Nusbaum C., Lander E.S., Russ C., Novod N., Affourtit J., Egholm M., Verna C., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Ž., Gušić I., Doronichev V.B., Golovanova L.V., Lalueza-Fox C., Rasilla M., de la, Fortea J., Rosas A., Schmitz R.W., Johnson P.L.F., Eichler E.E., Falush D., Birney E., Mullikin J.C., Slatkin M., Nielsen R., Kelso J., Lachmann M., Reich D., Pääbo S.** A Draft Sequence Neanderthal Genome // *Science*. – 2010. – Vol. 328, N 5979. – P. 710–722.
- Habgood Ph.J., Franklin N.R.** The revolution that didn't arrive: A review of Pleistocene Sahul // *J. of Human Evolution*. – 2008. – Vol. 55, Iss. 2. – P. 187–222.
- Henshilwood Ch., D'Errico F., Marean C.W., Milo R.G., Yates R.** An early bone tool industry from the Middle Stone Age at Blombos Cave, South Africa: implications for the origins of modern human behaviour, symbolism and language // *J. of Human Evolution*. – 2001. – Vol. 41, Iss. 6. – P. 631–678.
- Henshilwood Ch.S., D'Errico F., Yates R., Jacobs Z., Tribola C., Duller G.A.T., Mercier N., Sealy J.C., Valladas H., Watts I., Wintle A.G.** Emergence of modern human behaviour: Middle Stone Age engravings from South Africa // *Science*. – 2002. – Vol. 295, N 5558. – P. 1278–1280.
- Henshilwood Ch.S., Marean C.W.** The Origin of Modern Human Behavior: Critique of the Models and Their Test Implications // *Current Anthropology*. – 2003. – Vol. 44, N 5. – P. 627–651.
- Hershkovitz I., Smith P., Sarig R., Quam R., Rodriguez L., Garcia R., Arsuaga J.L., Barkai R., Gopher A.** Middle Pleistocene dental remains from Qesem Cave (Israel) // *American J. of Physical Anthropology*. – 2011. – Vol. 144, Iss. 4. – P. 575–592.
- Holliday T.W.** Species Concepts, Reticulation, and Human Evolution // *Current Anthropology*. – 2003. – Vol. 44, N 5. – P. 653–673.
- Hovers E., Belfer-Cohen A.** «Now you see it, now you don't» – modern human behavior in the Middle Paleolithic / eds. E. Hovers, S.L. Kuhn // *Transitions before the Transition: Evolution and Stability in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age*. – N.Y.: Springer, 2006. – P. 293–304.
- Hovers E., Ilani Sh., Bar-Yosef O., Vandermeersch B.** An Early Case of Color Symbolism. Ochre Use by Modern Humans in Qafzeh Cave // *Current Anthropology*. – 2003. – Vol. 44, N 4. – P. 491–522.
- Howell F.C.** Upper Pleistocene men of the Southwest Asian Mousterian // *Hundert Jahre Neanderthaler* / ed. by von G.H.R. Koenigswald. – Utrecht: Utrecht kemink en zoon, 1958. – P. 185–198.
- Howell F.C.** Paleo-Demes, Species Clades, and Extinctions in the Pleistocene Hominin Record // *J. of Anthropological Research*. – 1999. – Vol. 55, N 2. – P. 191–243.
- Jelinek A.J.** Problems in the chronology of the Middle Paleolithic and the first appearance of early modern *Homo sapiens* in Southwest Asia // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusen-Sha, 1992. – P. 253–275.
- Johnson C.R., McBrearty S.C.** 500 000 year old blades from the Kapthurin Formation, Kenya // *J. of Human Evolution*. – 2010. – Vol. 58, Iss. 2. – P. 193–200.
- Klein R.G.** Anatomy, behavior and modern human origins // *J. of World Prehistory*. – 1995. – Vol. 9, N 2. – P. 167–198.
- Klein R.G.** Archaeology and the evolution of human behavior // *Evolutionary Anthropology*. – 2000. – Vol. 9, Iss. 1. – P. 17–36.
- Klein R.G.** Southern Africa and modern human origins // *J. of Anthropological Research*. – 2001. – Vol. 57, N 1. – P. 1–16.
- Klein R.G.** Comments // *Current Anthropology*. – 2003. – Vol. 44, N 5. – P. 640–641.
- Kramer A., Crummett T.L., Wolpoff M.H.** Out of Africa and into the Levant: Replacement in Western Asia? // *Quaternary Intern.* – 2001. – Vol. 75, Iss. 1. – P. 51–63.
- Krause J., Fu Q., Good J., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S.** The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // *Nature*. – 2010. – Vol. 464, N 7290. – P. 894–897.
- Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S.** Neanderthals in Central Asia and Siberia // *Nature*. – 2007. – Vol. 449, N 7164. – P. 902–904.
- Kuzmin Y.V., Kosintsev P.A., Razhev D.I., Hodgins G.W.L.** The oldest directly-dated human remains in Siberia: AMS ^{14}C age of talus bone from the Baigara Locality, West Siberian Plain // *J. of Human Evolution*. – 2009. – Vol. 57, Iss. 1. – P. 91–95.
- Lahr M.M.** The multiregional model of modern human origins: A reassessment of its morphological basis // *J. of Human Evolution*. – 1994. – Vol. 26, Iss. 1. – P. 23–56.

- Lahr M., Foley R.A.** Towards a theory of modern human origins: geography, demography, and diversity in recent human evolution // *Yearbook of Physical Anthropology*. – 1998. – Vol. 41. – P. 137–176.
- Lindly J.M., Clark G.A.** Symbolism and modern human origins // *Current Anthropology*. – 1990. – Vol. 31, N 3. – P. 233–261.
- Lorenzo C., Arsuaga J.L., Corretero J.M.** Hand and foot remains from the Gran Dolina Early Pleistocene site (Sierra de Atapuerca, Spain) // *J. of Human Evolution*. – 1999. – Vol. 37, Iss. 3/4. – P. 501–522.
- Mayr E.** This is biology: The Science of the Living World. – Cambridge, L.: Harvard University Press, 1998. – 352 p.
- McBrearty S.** The archaeology of the Kaphthurin Formation / eds. P. Andrews, P. Banham // *Late Cenozoic Environments and Hominid Evolution: a Tribute to Bill Bishop*. – L.: Geological Society, 1999. – P. 143–156.
- McBrearty S., Brooks A.** The revolution that wasn't: a new interpretation of the origin of modern human behavior // *J. of Human Evolution*. – 2000. – Vol. 39, Iss. 5. – P. 453–563.
- McCown T.D.** The oldest complete skeletons of man // *Bull. of the American School of Prehistoric Research*. – 1934. – Vol. 10. – P. 12–19.
- McCown T.D., Keith A.** The Stone Age Man of Mount Carmel: The Fossil Human Remains from the Levallois-Mousterian. – Oxford: Clarendon Press, 1939. – Vol. 2. – 390 p.
- Meignen L.** Early Middle Palaeolithic Blade Technology in Southwestern Asia // *Acta Anthropologica Sinica (suppl.)*. – 2000. – Vol. 19. – P. 158–168.
- Mellars P.A.** Cognitive changes and the emergence of modern humans // *Cambridge Archaeological J.* – 1991. – Vol. 1. – P. 63–76.
- Mellars P.A.** Symbolism, language, and the Neanderthal mind // *Modeling the human mind* / eds. P. Mellars, K. Gibson. – Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 1995. – P. 15–32.
- Mellars P.A.** Neanderthals and the modern human colonization of Europe // *Nature*. – 2004. – Vol. 432, N 7016. – P. 461–465.
- Mellars P.** Going East: New genetic and archaeological perspectives on the modern human colonization of Eurasia // *Science*. – 2006. – Vol. 313. – P. 796–800.
- Mercier N., Valladas H., Valladas G.** Flint Thermoluminescence Dates from the CFR Laboratory at GIF: contributions to the study of the chronology of the Middle Palaeolithic // *Quaternary Science Reviews (Quaternary Geochronology)*. – 1995. – Vol. 14, Iss. 4. – P. 351–364.
- Mercier N., Valladas H., Valladas G., Reyss J.-L., Jelinek A., Meignen L., Joron J.-L.** TL-dates of burnt flints from Jelinek's excavations at Tabun and their implications // *J. of Archaeological Science*. – 1995. – Vol. 22, Iss. 4. – P. 495–509.
- Miller G.H., Beaumont P.B., Jull A.J.T., Johnson B.** Pleistocene geochronology and palaeothermometry from protein diagenesis in ostrich eggshells: implications for the evolution of modern humans // *Philosophical Transactions Roy. Soc.* – 1992. – Vol. 337. – P. 149–157.
- O'Connell J.E., Allen J.** Dating the colonization of Sahue (Pleistocene Australia – New Guinea) a review of recent research // *J. of Archaeological Science*. – 2004. – Vol. 31, Iss. 6. – P. 835–853.
- O'Connor S., Chappell J.** Colonization and coastal subsistence in Australia and Papua New Guinea: different timing, different modes? // *Pacific Archaeology: Assessment and Prospects* / ed. by C. Sand. – Nouméa: Département Archéologie; Service des Musées et du Patrimoine de Nouvelle-Calédonie, 2003. – P. 17–32.
- O'Connor S., Fankhauser B.** Art at 40 000 BP? Kimberly region, Western Australia / eds. A. Anderson, I. Lilley, S. O'Connor // *Histories of Old Ages: Essay in Honour of Rhys Jones*. Pandanus Books, Research School of Pacific and Asian Studies. – Canberra: Australian National University, 2001. – P. 287–300.
- Parkington J.E.** Millstones: the impact of systematic exploitation of marine foods on human evolution / eds. P.V. Tobias, M.A. Raath, J. Moggi-Cechi, G.A. Doyle // *Humanity from African Naissance to Coming Millenia*. – Florence: Florence University Press, 2001. – P. 327–336.
- Powell A., Shennan St., Thomas M.G.** Late Pleistocene demography and the appearance of modern human behavior // *Science*. – 2009. – Vol. 324. – P. 1298–1301.
- Quam R.M., Smith F.H.** A reassessment of the Tabun C 2 mandible / eds. A. Takeru, K. Aoki, O. Bar-Yosef // *Neanderthals and Modern Human in Western Asia*. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 405–421.
- Rak Y.** Does any Mousterian cave present evidence of two hominid species? / eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef // *Neanderthals and Modern Humans in Western Asia*. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 353–366.
- Reich D., Green R.E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E.Y., Viola B., Briggs A.W., Stenzel U., Johnson P.L.F., Maricic T., Good J.M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E.E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S.** Genetic history of an archaic hominin group from Denisova cave in Siberia // *Nature*. – 2010. – Vol. 468, N 7327. – P. 1053–1060.
- Rightmire G.Ph.** The human cranium from Bodo, Ethiopia: Evidence for speciation in the Middle Pleistocene? // *J. of Human Evolution*. – 1996. – Vol. 31, Iss. 1. – P. 21–39.
- Rightmire G.Ph.** Diversity in the Earliest «modern» populations from South Africa, Northern Africa and Southwest Africa / eds. P.V. Tobias, M.A. Raath, J. Moggi-Cechi, G.A. Doyle // *Humanity from African Naissance to Coming Millenia*. – Florence: Florence University Press, 2001. – P. 231–236.
- Rightmire G.Ph., Deacon H.J.** Comparative studies of Late Pleistocene human remains from Klasies River, South Africa // *J. of Human Evolution*. – 1991. – Vol. 20, Iss. 2. – P. 131–156.
- Rightmire G.Ph., Deacon H.J., Schwartz J.H., Tattersall I.** Human foot bones from Klasies River main Site, South Africa // *J. of Human Evolution*. – 2006. – Vol. 50, Iss. 1. – P. 96–103.
- Roberts R.G., Flannery T.F., Ayliffe L.A., Yoshida H., Olley J.M., Prideaux G.J., Laslett G.M., Baynes A., Smith M.A., Jones R., Smith B.L.** New ages for the last Australian megafauna: continent-wide extinction about 46 000 years ago // *Science*. – 2001. – Vol. 292, N 5523. – P. 1888–1892.
- Roberts R.G., Jones R., Spooner N.A., Head M.J., Murray A.S., Smith M.A.** The human colonization of Australia: optical dates of 53 000 and 60 000 years bracket human arrival at Deaf Adder Gorge, Northern Territory // *Quaternary Science Reviews*. – 1994. – Vol. 13, Iss. 5/7. – P. 575–583.

- Ronen A.** The Skhul burials: An archaeological review // Colloque XII: Les Sépultures Néanderthaliennes: IX Congrès. – Nice, 1976. – P. 27–40.
- Rosas A.** Human evolution in the last million years – The Atapuerca evidence // *Acta Anthropologica Sinica*. – 2000. – Vol. 19. – P. 8–17.
- Schwarz H.P., Rink W.J.** Progress in ESP and U-Series Chronology of the Levantine Paleolithic / eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef // *Neanderthal and Modern Humans in Western Asia*. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 57–68.
- Schwartz J.H., Tattersall I.** Fossils attributed to genus *Homo*: some general notes // *The Human Fossil Record: Craniodental Morphology of Genus Homo (Africa and Asia)*. – 2005. – Vol. 2. – P. 587–603.
- Shea J.J.** The Middle Paleolithic: Early Modern Humans and Neanderthals in the Levant // *Near Eastern Archaeology*. – 2001. – Vol. 64 (1). – P. 38–64.
- Shea J.J.** Neanderthals, competition and the origin of modern human behaviour in the Levant // *Evolutionary Anthropology*. – 2003. – Vol. 12, Iss. 4. – P. 173–187.
- Singer R., Wymer I.** The Middle stone Age at Klasies River Mouth in South Africa. – Chicago: Chicago University Press, 1982. – 234 p.
- Smith F.H., Janković I., Karavanić I.** The assimilation model of modern human origins in Europe and the extinction of Neandertals // *Quaternary Intern.* – 2005. – Vol. 137, Iss. 1. – P. 7–19.
- Solecki R.S.** Shanidar: The First Flower People. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1971. – 290 p.
- Stringer C.B.** Documenting the origin of modern humans // *The Emergence of Modern Humans: Biocultural Adaptations in the Later Pleistocene* / ed. by E. Trinkaus. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – P. 67–96.
- Stringer C.B.** Replacement, continuity and the origin of *Homo sapiens* // *Continuity of Replacement: Controversies in Homo sapiens Evolution* / eds. G. Brauer, F.H. Smith. – Rotterdam: A.A. Balkema, 1992. – P. 9–24.
- Stringer C.B.** Current issues in modern human origins / eds. W.E. Meikle, F.C. Howell, N.G. Jablonski // *Contemporary Issues in Human Evolution*. – San Francisco: California Academy of Sciences, 1996. – P. 115–134.
- Stringer C.B.** Chronological and biogeographic perspectives on later human evolution / eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef // *Neanderthals and Modern Humans in Western Asia*. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 29–37.
- Stringer C.B., Andrews P.** Genetic and fossil evidence for the evidence of modern humans // *Science*. – 1988. – Vol. 239, N 4845. – P. 1263–1268.
- Stringer C.B., Howell F.C., Melentis J.K.** The significance of the fossil hominid skull from Petralona, Grece // *J. Archaeol. Sci.* – 1979. – Vol. 6, Iss. 3. – P. 235–253.
- Thorne A., Grün R., Mortimer B., Spooner N., Simpson J., McCulloch M., Taylor L., Curnoe D.** Australia's oldest human remains: age of the Lake Mungo 3 skeleton // *J. of Human Evolution*. – 1999. – Vol. 36, Iss. 6. – P. 591–612.
- Trinkaus E.** Variability in the position of the mandibular mental foramen and the identification of Neanderthal apomorphies // *Riv. Anthropol.* – 1993. – Vol. 71. – P. 259–274.
- Trinkaus E.** Modern Human versus Neandertal Evolutionary Distinctiveness // *Current Anthropology*. – 2006. – Vol. 47, N 4. – P. 597–614.
- Tryon Ch.A., McBrearty S.** Tephrostratigraphy of the Bedded Tuff Member (Kaphurin Formation, Kenya) and the nature of archaeological change in the later middle Pleistocene // *Quaternary Research*. – 2006. – Vol. 65, Iss. 3. – P. 492–507.
- Vandermeersch B.** *Les Hommes Fossiles de Qafzeh (Israël)*. – P.: CNRS Editions, 1981. – 319 p.
- Vandermeersch B.** The Near Eastern hominids and the origins of Modern Humans in Eurasia // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusen-Sha, 1992. – P. 29–38.
- Vandermeersch B.** The Near East and Europe: Continuity or discontinuity? // *Conceptual Issues in Modern Human Origins Research* / eds. G.A. Clark, C.M. Willermet. – N.Y.: Aldine de Gruyter, 1997. – P. 107–116.
- Vosis H.K.** Maps of Pleistocene sea levels in Southeast Asia: Shorelines, river systems and time durations // *J. of Biogeography*. – 2000. – Vol. 27. – P. 1153–1167.
- Wadley L.** What is cultural modernity? A general view and a South African perspective from Rose Cottage Cave // *Cambridge Archaeological J.* – 2001. – Vol. 11. – P. 201–221.
- Wadley L.** Putting ochre to the test: replication studies of adhesives that may have been used for hafting tools in the Middle Stone Age // *J. of Human Evolution*. – 2005. – Vol. 49, Iss. 5. – P. 587–601.
- Wolpoff M.H.** Multiregional evolution: the fossil alternative to Edem // *The Human Revolution: Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans* / eds. P. Mellars, C.B. Stringer. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. – P. 62–108.
- Wolpoff M.H.** Theories of modern human origins // *Continuity or Replacement: Controversies in Homo sapiens Evolution* / eds. G. Brauer, F.H. Smith. – Rotterdam: A.A. Balkema, 1992. – P. 25–63.
- Wolpoff M.H.** Concocting a divisive theory // *Evolutionary Anthropology*. – 1998. – Vol. 7. – P. 1–3.
- Wolpoff M.H., Caspari R.** An unparalleled parallelism // *Anthropologie (Brno)*. – 1996. – Vol. 34. – P. 215–223.
- Wolpoff M.H., Hawks J., Caspari R.** Multiregional Not Multiple Origins // *Am. J. of Physical Anthropology*. – 2000. – Vol. 112. – P. 129–136.
- Wolpoff M.H., Wu X., Thorne A.G.** Modern *Homo sapiens* origins: A general theory of hominid evolution involving the fossil evidence from East Asia // *The origins of modern humans: A world survey of the fossil evidence* / eds. F.H. Smith, F. Spencer. – N.Y.: Alan R. Liss, 1984. – P. 411–483.
- Wood B.** Early hominid species and speciation // *J. of Human Evolution*. – 1992. – Vol. 22, Iss. 4/5. – P. 351–365.
- Wurz S.** The Howisons Poort at backed artefacts from Klasies River: An argument for symbolic behavior // *South African Archaeological Bull.* – 1999. – Vol. 54. – P. 38–40.
- Zilhão J.** Anatomically Archaic, Behaviorally Modern: the Last Neanderthals and their Destiny. – Amsterdam: Driëntwintigste Kroon-Voordracht, 2001. – 99 p.

УДК 903

С. Бар, Д. Розенберг*Институт археологии Цинмана университета Хайфы, Израиль
Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa, Mount Carmel, Haifa, 31905, Israel**E-mail: baris@012.net.il**E-mail: aromat@netvision.net.il*

НЕДАВНО ОТКРЫТЫЕ СТОЯНКИ ЯРМУКСКОЙ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРЫ ВАДИ РАБА В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ИОРДАНСКОЙ ДОЛИНЫ И ПУСТЫННЫХ РАЙОНАХ САМАРИИ (VII–VI ТЫС. ДО Н.Э.) Предварительные результаты исследования

В статье представлены данные по шести ранее неизвестным стоянкам позднего неолита – раннего энеолита, обнаруженным в западной части долины Иордана и пустынных районах Самарии в ходе исследований на холмах Манассии. Согласно собранным материалам, в зоне исследования почти полностью отсутствуют стоянки ярмукской культуры и полностью – культуры Иерихон IX ранних стадий керамического неолита. Прослежено изменение численности стоянок в периоды позднего неолита – раннего энеолита (культура Вади Раба/Иерихон VIII). Пять новых местонахождений причислены к кругу уже известных памятников этих периодов в Южном Леванте. Новые материалы помогут заполнить некоторые пробелы в представлении об истории данного региона в VII–VI тыс. до н.э.

Ключевые слова: *поздний неолит, ранний энеолит, долина Иордана.*

Введение

В южных районах долины Иордана и пустынных областях Самарии были обнаружены шесть новых стоянок позднего неолита и позднего неолита – раннего энеолита [Zertal, 2005; 2008; Finkelstein, Lederman, Bunimovitz, 1997]. Одна из них относится к ярмукской культуре периода неолита, остальные – к культуре Вади Раба/Иерихон VIII*. В статье анализируются результаты исследования некоторых позднеэнеолитических и раннеэнеолитических стоянок в контексте истории заселения данного района.

*В статье освещаются следующие культуры: ярмукская периода керамического неолита (калиброванная дата ~6 600/6 400–5 800/5 750 лет до н.э.), Иерихон IX/Лодийская (~6 000/5 850–5 650/5 450 лет до н.э.) периода керамического неолита, Вади Раба периода керамического неолита/раннего энеолита (~5 800/5 700–5 300/5 200 лет до н.э.).

Исследуемый район

Долина Иордана находится в центральной части Рифтовой долины, которая простирается от бассейна р. Хула на севере до Красного моря на юге. В статье обсуждаются материалы южной зоны Иорданской долины и пустынных областей Самарии, расположенных между склонами Самарийских холмов и р. Иордан по линии запад – восток и между Вади Малих и Вади Уджа (к северу от Иерихона) по линии север – юг. Данный район занимает территорию длиной примерно 50 км, шириной 15 км, площадью ок. 750 км² (рис. 1, 2). Топографически его характеризуют умеренно крутые и крутые склоны Самарийских гор на западе и плато Иорданской долины на востоке. Местность пересекают пять *вади* (Малих, Фара, Ахмар, Фацаэль и Уджа), впадающих в Иордан. Непересыхающие водные источники – Иордан и *вади* (сегодня их вода используется в основном для сельскохозяйственных нужд).

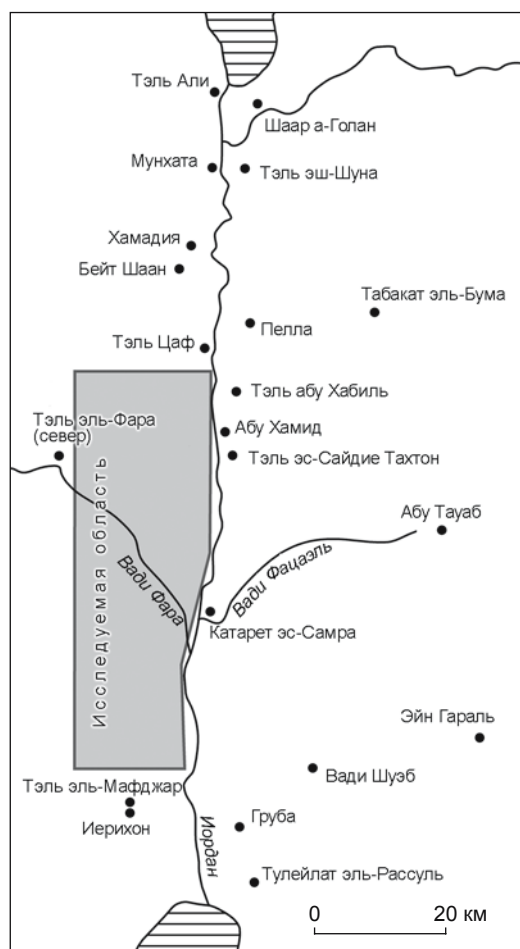

Рис. 1. Карта-схема исследуемой территории.

Современный климат сухой, жаркий, с высокими летними температурами (в среднем 38 °C). Среднее годовое количество осадков составляет менее 200 мм [Gat, Karni, 1995]. Установлено, что в эпоху позднего неолита климат здесь был более влажный, чем в настоящее время (см., напр.: [Frumkin et al., 1991, 1994; Sanlaville, 1997]). Большая часть исследуемого района находится в ирано-туранской зоне растительности [Zohary, 1962]; флору представляет в основном однолетняя гаррига (формация разреженных низкорослых вечно-зеленых кустарников). Деревья встречаются крайне редко. Единственным высоким кустарником является зизифус, или ююба (*Ziziphus spina-christi*).

История исследования

Исследования в южных районах Иорданской долины начались в середине XX в. [Glueck, 1951; Bar-Adon, 1972]. Работы были возобновлены в 80-х гг. прошлого столетия. Сейчас они продолжают в рамках проекта по изучению нагорья Манассии [Zertal, 2005,

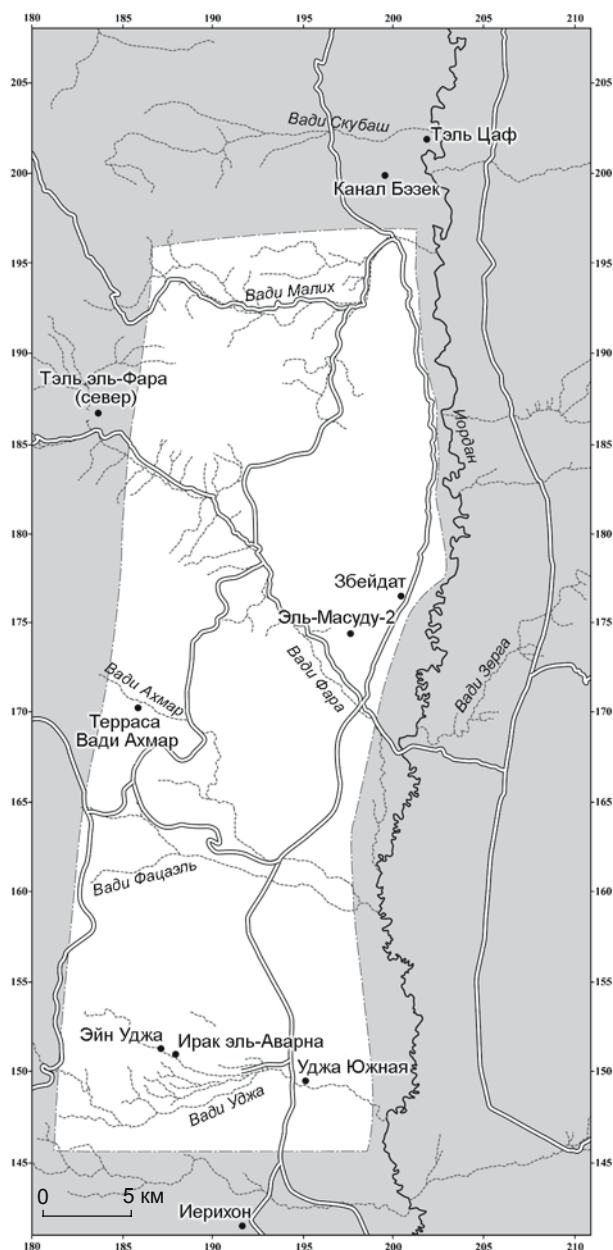

Рис. 2. Карта-схема расположения позднеолитических и энеолитических стоянок (белым отмечен район исследований).

2008]. Пустынные районы Самарии изучены лишь частично [Gophna, Porath, 1972; Finkelstein, Lederman, Bunimovitz, 1997].

До начала наших изысканий в указанном районе не фиксировались ярмукские стоянки, однако было известно, что материалы этой культуры представлены на памятниках типа Тэль Фара-Цафон [Miroschedji, 1993; Vaux, de, Steve, 1947, p. 4–7]. Ярмукская стоянка Хамадия [Kaplan, 1993] и два наиболее раскопанных объекта ярмукской культуры керамического неолита Мунха-

та [Garfinkel, 1992; Gopher, Orrelle, 1995; Perrot, 1964, 1966, 1968] и Шаар а-Галон [Garfinkel, Miller, 2002] открыты к северу от рассматриваемого района.

К ярмукской культуре отнесены стоянки Вади Шуэб [Simmons et al., 1989], Джабель Абу Таяб [Kafafi, 1988; Obeidat, 1995] и Эйн Разаль [Rollefson, Simmons, 1986; Kafafi, 1990; Rollefson, Simmons, Kafafi, 1992], расположенные восточнее Иордана, на Иорданском плато. Материалы культуры Иерихон IX зафиксированы только в Иерихоне [Kenyon, Holland, 1982, 1983] и Грубе [Mellaart, 1956], южнее исследуемого района.

Стоянки, либо приписываемые к культуре Вади Раба, либо включенные в категорию вариант Вади Раба [Gopher, Gophna, 1993], либо отнесенные к раннему/среднему энеолиту [Garfinkel, 1999], были обнаружены и исследованы в Иорданской долине. В число этих памятников входят Тэль Фара-Цафон [Vaux, de, Steve, 1947, р. 4–7; Miroschedji, 1993], Канал Бэзек и Сдэ Элийяу [Sadeh, Gophna, 1991], Тэль Цаф [Garfinkel et al., 2007; Gophna, Sadeh, 1988/1989], Бэйт Шаан [Braun, 2004, 2008; Garfinkel, 1999], Тэль Али [Garfinkel, 1993, 1994], Иерихон [Kenyon, Holland,

1982, 1983], Тэль эль-Мафджар [Leonard, 1992; Garfinkel, 1997] и др. [Tzori, 1958].

Позднеэнеолитические, ранне- и среднеэнеолитические материалы зафиксированы на памятниках, находящихся восточнее Иордана: Груба [Mellaart, 1956], Пелла [McNicol, Smith, Hennessy, 1982; McNicol et al., 1992], Абу Хамид [Kafafi, Dollfus, 1997; Lovell, Dollfus, Kafafi, 2004, 2007], Тулейлат эль-Рассуль [Lovell, 2001], Катапет эс-Самра [Leonard, 1989; Garfinkel, 1999], Тэль эс-Сайдие Тахтон [Contenson, de, 1960; Garfinkel, 1999], Тэль Абу Хабиль [Leonard, 1992; Garfinkel, 1999], Тэль эш-Шуна [Gustavson-Gaube, 1985, 1986] и Табакат эль-Бума [Banning et al., 1992].

Недавно открытые стоянки позднего неолита и раннего энеолита

Збейдат (Zbeidat) ($32^{\circ}10'01.90''$ с.ш., $31^{\circ}35'14.29''$ в.д.). Находится в 25-метровой пещере Абу Зиней, которая расположена вблизи террасовидного склона и скального укрытия, под скальным горным склоном, юго-западнее д. Збейдат (рис. 3, 4), примерно в 3 км от постоянного водного источника (р. Иордан). Разрозненные керамические фрагменты, найденные на террасе ниже пещеры, свидетельствуют о присутствии здесь человека на протяжении нескольких периодов [Zertal, 2005, р. 228; Bar, 2008]. Примечателен фрагмент керамики с типичным ярмукским орнаментом «елочка», выполненным насечками (рис. 5, 14). К неолитическим находкам относятся шарообразная ручка с отверстием (рис. 5, 12), фрагменты керамики, разнообразные кремневые орудия, нуклеусы и отходы производства.

Эль-Масуди (el-Mas'udi) ($32^{\circ}09'06.39''$ с.ш., $29^{\circ}35'65.40''$ в.д.). Находится на склоне вершины холма в юго-восточной части горного хребта Рас эль-

Рис. 3. План Збейдатской пещеры и террасы (черными линиями обозначены стены, относимые к постэнеолитическим периодам) (по: [Zertal, 2005]).

Рис. 4. Вход в Збейдатскую пещеру и терраса.

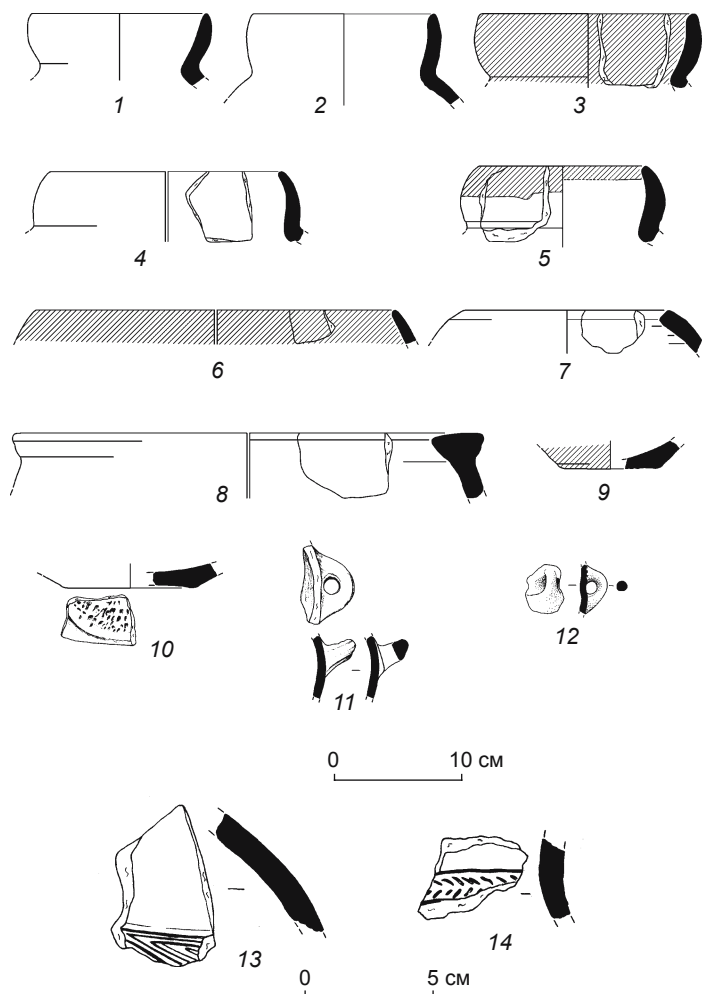

Рис. 5. Керамика позднего неолита и культуры Вадии Раба. Южная часть Иорданской долины и пустынные районы Самарии.
1–5 – кувшины с отогнутым венчиком; 6, 7 – сосуды с воронкообразным горлышком; 8 – кратеры; 9, 10 – донца с оттиском циновки; 11, 12 – ручки с отверстиями; 13, 14 – фрагменты тулова сосуда с насечками.
1 – Вадии Ахмар; 2, 10 – Ирак эль-Аварна; 3, 4, 7–9, 11 – Уджа Южная; 5, 6, 13 – Эйн-Уджа-1; 12, 14 – Зейдат.

Харубе, возвышающегося к северу от Вадии Фара. Обнаружено частично сохранившееся ограждение, сложенное из массивного плитняка (рис. 6). Стоянка, площадь которой составляет 500 м² (110 м ниже ур. м.), располагается примерно в 500 м от северного берега постоянного водотока Вадии Фара. Разрозненные фрагменты керамики и кремневые орудия найдены на всей огражденной территории [Zertal, 2008, p. 638]. Коллекция кремневых изделий включает четыре серповидных сегмента культуры Вадии Раба (рис. 7).

Терраса Вадии Ахмар (Wadi Ahmar Terrace) (32°07'36.21" с.ш., 22°35'75.54" в.д.). Стоянка находится на террасе Вадии Ахмар [Finkelstein, Lederman, Bunimovitz, 1997; Bar, 2008]. Она расположена выше всех других (200 м над ур. м.), ее площадь составляет

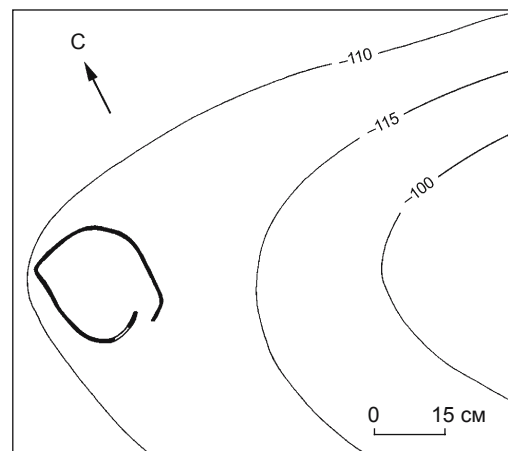

Рис. 6. План Эль-Масуди (черным обозначены стены) (по: [Zertal, 2008]).

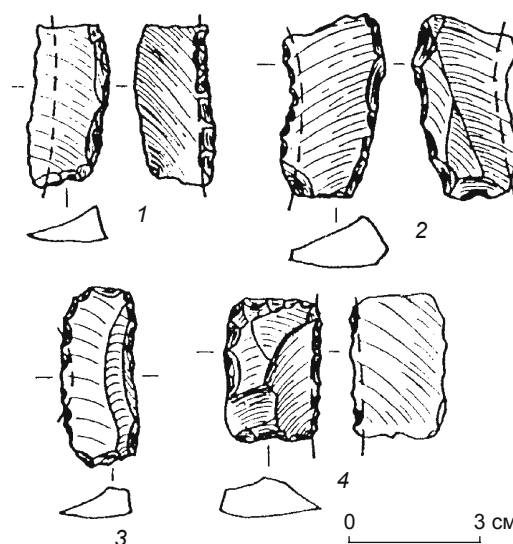

Рис. 7. Кремневые сегменты серпов Эль-Масуди культуры Вадии Раба (по [Winter, 2008]).

2 тыс м². Ближайший известный источник воды находится в 1,2 км северо-западнее, в Эйн Жухейр.

Среди находок – керамические изделия, в т.ч. два кувшина с отогнутым венчиком. Имеются также чаши, сосуды с воронкообразным горлышком, амфоры с широким горлышком и кратеры. На некоторых фрагментах тулова сосудов имеется шнуровой орнамент (см. рис. 5, 1). Найдены также плоские донца и шарообразные ручки сосудов.

Эйн Уджа-1 (Ein A'ujeh 1) (31°57'18.70" с.ш., 23°35'49.29" в.д.). Расположена на некрутом склоне, спускающемся с севера к постоянному водотоку Вадии Уджа, восточнее Эйн Уджа (0 м над ур. м.). Площадь составляет примерно 15 тыс. м². На стоянке обнаружены следы присутствия человека эпохи энеолита,

раннего бронзового и железного веков, а также римско-византийского периода и средневековья. Природный водосток, образованный зимними дождями, врезан в осадочные породы. Внутри него, примерно в 1,2 м ниже поверхности, четко зафиксирован уровень обитания, содержащий большое количество керамики культуры Вади Раба. Находки, собранные на поверхности, в основном раннего бронзового века или более позднего периода, вместе с тем в разрезе – преимущественно поздненеолитические/раннеэнеолитические изделия: сосуды с воронкообразным горлышком, с узкой красной полосой на внутренней и внешней поверхности венчика (см. рис. 5, 6), кувшины с отогнутым венчиком также с узкой красной полосой (см. рис. 5, 5), чаши, одна с полосой красного цвета, и кратер. Некоторые из обнаруженных фрагментов керамики были украшены красной полосой, другие – насечками (см. рис. 5, 13). Найдены несколько шарообразных ручек сосудов, ручек в виде язычков и выступов, а также фрагменты донцев сосудов, на одном из которых был оставлен отпечаток циновок.

Иракэль-Аварна (Iraqel-Awana) (31°57'12.08" с.ш., 23°35'48.56" в.д.). Представляет собой скопление разрозненных фрагментов керамики на склоне Вади Уджа (10 м ниже ур. м.), в 3 км от д. Итав. Исследуемое место на востоке ограничено глубоким рвом, на западе – утесом, занимает площадь ок. 15 тыс. м². Позднеэнеолитические и раннеэнеолитические находки включают сосуды с воронкообразным горлышком, кувшин с отогнутым венчиком (см. рис. 5, 2), чаши, на основании которых имеется отпечаток циновок (см. рис. 5, 10), и фрагменты с насечками.

Уджа Южная (A'ujjeh South) (31°56'19.90" с.ш., 28°35'46.19" в.д.). Расположена на северном берегу Вади Уджа (рис. 8), к югу от д. Уджа и к востоку от современного шоссе, соединяющего Бейт Шаан

и Иерихон. Это местонахождение, известное также под названиями Эш-Шейх Ибраим, Хирбет эль-Аяш или Хирбет эль-Ажа Тахтон, было отмечено рядом исследователей как энеолитическое [Bar-Adon, 1972; Glueck, 1951]. Площадь объекта ок. 5 тыс. м² (245 м ниже ур. м.). Его пересекают пять небольших ложин, выходящих из Вади Уджа. Там обнаружено большинство ранних находок. Позднеэнеолитические и раннеэнеолитические образцы керамики включают чаши, кратеры (см. рис. 5, 8), кувшины с отогнутым венчиком (см. рис. 5, 3, 4) и сосуды с воронкообразным горлышком (см. рис. 5, 7), на двух из которых около венчика имеется красная полоса. Остальные находки – многочисленные керамические осколки с узкой полосой красного цвета, донца (см. рис. 5, 9), на некоторых имеется отпечаток циновок, ручки сосудов в форме язычков, выступов и с отверстиями (см. рис. 5, 11).

Дискуссия и выводы

Понять археологическую ситуацию VII–VI тыс. до н.э. (калиброванные даты) южной части долины Иордана и периферийных пустынных районов Самарии возможно при условии расширения информационной базы. Данная работа вводит в научный оборот материалы шести новых памятников, которые дополняют ряд известных синхронных стоянок на окраине указанной области.

Стоянки ярмукской эпохи широко распространены в Южном Леванте от Библоса в Ливане до Рехов а-Башан в Тель-Авиве на Израильской прибрежной равнине; восточная граница их ареала доходит до Иорданской возвышенности (Эйн Газаль). Материалы памятников типа Шаар а-Голан [Ben-Shlomo, Garfinkel, 2009; Garfinkel, Ben-Shlomo, 2002; Garfinkel, Miller, 2002], Хамадия [Kaplan, 1993], Мунхата [Garfinkel, 1992; Gopher, 1989; Gopher, Orrelle, 1995; Perrot, 1964, 1966, 1968], а также Эйн Пахуб [Muheisen et al., 1988], Пелла [Smith, Hennessy, 1982; McNicoll et al., 1992], Джабель Абу Таяаб [Kafafi, 1988], Эйн Газаль [Kafafi, 1990; Rollefson, Simmons, 1986; Rollefson, Simmons, Kafafi, 1992], Вади Шуэб [Simmons et al., 1989] и, возможно, Тэль эс-Сайдие [Glueck, 1951, Pl. 149, 9, 10] важны для интерпретации этой культуры. Такие местонахождения ярмукской культуры, как Вади Мурабат в Иудейской пустыне [Vaux, de, 1953], Тэль Фара-Цафон [Vaux de, Steve, 1947, рис. 1, 34] и Нахаль Канна на западных склонах Самарийских гор [Gopher, 1996], подтверждают предположение о широком распространении ярмукских поселений даже в горных районах.

Рис. 8. Общий вид стоянки Уджа Южная.

Ярмукские стоянки практически отсутствуют в Иорданской долине к югу от Хамадии. Збейдат – единственный памятник ярмукской культуры, расположенный в южной части долины Иордана. Таким образом, очевидна разница между исследуемым районом и областями, лежащими к северу вплоть до Галилейского моря. Коллекцию местонахождения Збейдат составляет подъемный материал из аллювиальных отложений, поэтому интерпретировать его следует с осторожностью. Учитывая данное обстоятельство, можно говорить о том, что в исследуемом районе и на его окраинах практически отсутствуют ярмукские памятники. Находки, соотносимые со слоем Иерихон IX / стадии керамического неолита А (PNA) [Ben-Dor, 1936; Kenyon, Holland, 1982, 1983], а также отмеченные в Грубе [Garfinkel, 1999], не зафиксированы в ходе данных и других исследований, проводимых на территории Иорданской долины от Галилейского до Мертвого моря [Garfinkel, 1999, Fig. 6; Gopher, Gophna, 1993].

Вопрос о причинах отсутствия в южной части Иорданской долины и пустынных районах Самарии свидетельств ярмукской культуры выходит за рамки данной статьи. Следует признать, что в обсуждаемом районе Иорданской долины в эпоху неолита существовали крупные поселения: Шаар а-Голан и Мунхата на севере (ярмукские), Иерихон (Иерихон IX) на юге. Вероятно, эти поселения имели большое значение и для населения сопредельных территорий; на основе имеющихся данных предположить, насколько велика была зона их влияния, трудно.

Вопрос о принадлежности культуры Вади Раба к поздненеолитическому или раннеэнеолитическому периоду, как и ко времени перехода от керамики неолита к керамике Беэр Шева – Рассуль, позднему энеолитическому периоду, пока остается открытым [Banning, 2002, 2007; Braun, 2008; Garfinkel, 1999, 2009; Gilead, 2009; Gopher, Gophna, 1993]. Поселения, относимые к этому периоду или периодам, широко представлены на территории Южного Леванта.

Очевидно, что на большом по протяженности участке между Галилейским и Мертвым морями находятся важные поселения и стоянки древнего человека, которые могут быть отнесены ко времени, соответствующему культурам ранней Вади Раба – Беэр Шева-Рассуль. Местонахождения типа Тэль Али, Мунхата, Тэль Цаф, Сдэ Элийяу, Тэль Абу Хабиль, Абу Хамид, Табакат эль-Бума, Иерихон и др. образовывали обширный коридор, который в изучаемый период связывал население сопредельных территорий.

Ряд вышеупомянутых стоянок, особенно поздне-неолитических/раннеэнеолитических, благодаря нашим исследованиям можно дополнить новыми памятниками. Наряду с хорошо известными относительно

крупными были и мелкие стоянки, это позволяет предполагать некую иерархию поселений. Более того, в позднеэнеолитический/раннеэнеолитический период Иерихон-Уджа, возможно, был агломератом.

Необходимо указать, что хотя в ходе археологических разведок по ряду причин не всегда выявляются хронологические различия, материал, накопленный в ходе работ по долгосрочным проектам в районе холмов Манассии, может помочь реконструировать некогда существовавший там сельский ландшафт. Мы не ставили перед собой цель представить сколько-нибудь полную картину расселения людей в южной части долины Иордана и пустынных районах на границах Самарии. Нам хотелось лишь заполнить некоторые лакуны в знаниях о позднеэнеолитическом и раннеэнеолитическом периодах данного района.

Благодарность

Благодарим А. Зертала и участников проекта по изучению нагорья Манассии за предоставление опубликованных и неопубликованных материалов. Выражаем признательность Й. Гарфинкелю и Н. Гетцову за комментарии, высказанные в отношении некоторых образцов керамики, Д. Кауфману – за помощь в подготовке данной рукописи, С. Хааду – за помощь в подготовке иллюстраций.

Список литературы

- Banning E.B.** Consensus and Debate on Late Neolithic and Chalcolithic of the Southern Levant // *Paléorient*. – 2002. – Vol. 28. – P. 148–155.
- Banning E.B.** Time and Tradition in the Transition from Late Neolithic to Chalcolithic: Summary and Conclusions // *Paléorient*. – 2007. – Vol. 33. – P. 137–142.
- Banning E.B., Dods R.R., Field J.R., Kujit I., McCorriston J., Siggers J., Taani H., Triggs J.** Tabaqat al-Buma: 1990 Excavation at a Kebaran and Late Neolithic Site in Wadi Ziqlab // *Annual of the Department of Antiquities of Jordan*. – 1992. – Vol. 36. – P. 43–69.
- Bar S.** The Pattern of Settlement in the Lower Jordan Valley and the Desert Fringes of Samaria during the Late Chalcolithic and Early Bronze Age 1 Periods: Unpublished Ph.D. Thesis. – Haifa: Haifa University, 2008. – 629 p.
- Bar-Adon P.** The Judean Desert and Plain of Jericho // *Judaea Samaria and the Golan, Archaeological Survey 1967–1968* / ed. M. Kochavi. – Jerusalem: Carta Press, 1972. – P. 92–152.
- Ben-Dor I.** Pottery of the Middle and Late Neolithic Periods // *Jericho: City and Necropolis (Report for Sixth and Concluding Season)* / eds. J. Garstang, I. Ben-Dor, G.M. Fitzgerald. – Liverpool: University of Liverpool, 1936. – P. 77–90. – (*Annals of Archaeology and Anthropology*, N 23).
- Ben-Shlomo D., Garfinkel Y.** Sha'ar Hagolan and New Insights on Near Eastern Proto-Historic Urban Concepts // *Oxford Journal of Archaeology*. – 2009. – Vol. 28 (2). – P. 189–209.

- Braun E.** Early Beth Shan (strata XIX–XIII): G.M. Fitzgeralds Deep Cut on the Tell. – Philadelphia: University of Pennsylvania Museum Monographs, 2004. – Vol. 121. – 194 p.
- Braun E.** Deconstructing Y. Garfinkel's «Beth Shean Ware» and «Middle Chalcolithic»: A Realistic Look at Two Archaeological Chimeras // J. of the Serbian Archaeological Society. – 2008. – Vol. 24. – P. 81–108.
- Contenson H., de.** Three Soundings in the Jordan Valley // Annual of the Department of Antiquities of Jordan. – 1960. – Vol. 4/5. – P. 12–56.
- Finkelstein I., Lederman Z., Bunimovitz S.** Highlands of Many Cultures: The Southern Samaria Survey. – Tel Aviv: Institute of Archaeology: Tel Aviv University, 1997. – 959 p.
- Frumkin A., Carmi I., Zak I., Magaritz I.** Middle Holocene Environmental Change Determined from the Salt Caves of Mount Sedom, Israel // Late Quaternary Chronology and Paleoclimates of the Eastern Mediterranean / eds. O. Bar-Yosef, R.S. Kra. – Arizona: Radiocarbon, 1994. – P. 315–332.
- Frumkin A., Magaritz I., Carmi I., Zak I.** The Holocene Climatic Record of the Salt Caves of Mount Sedom, Israel // The Holocene. – 1991. – Vol. 1. – P. 190–200.
- Garfinkel Y.** The Pottery Assemblage of the Sha'ar Hagolan and Rabah Stages of Munhata (Israel). – P.: Association Paléorient, 1992. – 360 p. – (Les Cahiers du Centre de Recherches Français de Jerusalem; vol. 6).
- Garfinkel Y.** 'Ali, Tel. In The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land / ed. E. Stern. – Jerusalem: Israel Exploration Society: Carta Press, 1993. – Vol. 1. – P. 53–55.
- Garfinkel Y.** The «PPNC» flint assemblage from Tel 'Ali // Neolithic Chipped Stone Industries of the Fertile Crescent. Proceedings of the First Workshop on PPN Chipped Lithic Industries, Berlin, 1993 / eds. H.G. Gebel, S.K. Kozłowski. – Berlin: Ex Oriente, 1994. – P. 543–561.
- Garfinkel Y.** Book review of A. Leonard: The Jordan Valley Survey, 1953: Some Unpublished Soundings Conducted by James Mellaart (Annual of the American Schools of Oriental Research 50) // Israel Exploration J. – 1997. – Vol. 47. – P. 139–141.
- Garfinkel Y.** Neolithic and Chalcolithic Pottery of the Southern Levant. – Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem: Monograph of the Institute of Archaeology, 1999. – 321 p.
- Garfinkel Y.** The Transition from Neolithic to Chalcolithic in the Southern Levant: The Material Culture Sequence // Transitions in Prehistory – Essays in Honor of Ofer Bar-Yosef / eds. J.J. Shea, D.E. Lieberman. – Oxford: Oxbow Books: Harvard University: Peabody Museum, 2009. – P. 325–333.
- Garfinkel Y., Ben-Shlomo D.** Sha'ar ha-Golan 2: The rise of Urban Concepts in the Ancient Near East – Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem: Monograph of the Institute of Archaeology, 2002. – 336 p.
- Garfinkel Y., Ben-Shlomo D., Freikman M., Vered A.** Tel Tzaf: The 2004–2006 Excavation Seasons // Israel Exploration J., 2007. – Vol. 57 (1). – P. 1–33.
- Garfinkel Y., Miller A.M.** The Archaeology of Sha'ar Hagolan // Sha'ar Hagolan: The Neolithic Art in Context / eds. Y. Garfinkel, A.M. Miller. – Oxford: Oxbow, 2002. – P. 10–34.
- Gat Z., Karni O.** Climate and Agrometeorology of the Jordan Valley, Adjacent Samaria Slopes and Dead Sea Regions. – Bet Dagan: The Israeli Meteorological Service, 1995. – 306 p.
- Gilead I.** The Neolithic-Chalcolithic Transition in the Southern Levant: Late Six-Fifth Millennium Culture History // Transitions in Prehistory – Essays in Honor of Ofer Bar-Yosef / eds. J.J. Shea, D.E. Lieberman. – Oxford: Oxbow Books: Harvard University: Peabody Museum, 2009. – 335–355.
- Glueck N.** Explorations in Eastern Palestine, IV (P. I). – New Haven: American Schools of Oriental Research, 1951. – 423 p. – (American Schools of Oriental Research; vols. XXV–XXVIII).
- Gopher A.** The Flint Assemblage of Munhata – Final Report. – P.: Association Paléorient, 1989. – 162 p. – (Les Cahiers du Centre de Recherches Français de Jerusalem; vol. 4).
- Gopher A.** The Neolithic Assemblage // The Nahal Qanah Cave – Earliest Gold in the Southern Levant / ed. A. Gopher. – Tel Aviv: Tel Aviv University: Monograph Series of the Institute of Archaeology, 1996. – Vol. 12. – P. 53–82.
- Gopher A., Gophna A.** Cultures of the Eight and Seventh Millennia BP in the Southern Levant: A Review for the 1990s. // J. of World Prehistory. – 1993. – Vol. 7 (3). – P. 297–353.
- Gopher A., Orrelle E.** The Ground Stone Assemblages of Munhata. – P.: Association Paléorient, 1995. – 96 p. – (Les Cahiers des Missions Archéologiques Françaises en Israël; vol. 7).
- Gophna R., Porath Y.** The Land of Ephraim and Manasseh // Judaea Samaria and the Golan, Archaeological Survey 1967–1968 / eds. M. Kochavi. – Jerusalem: Carta Press, 1972. – P. 196–243.
- Gophna R., Sadeh S.** Excavations at Tel Tsaf: An Early Chalcolithic Site in the Jordan Valley // Tel Aviv. – 1988/1989. – Vols. 15/16. – P. 3–37.
- Gustavson-Gaube C.** Tell esh-Shuna North 1984: A Preliminary Report // Annual of the Department of Antiquities of Jordan. – 1985. – Vol. 29. – P. 43–87.
- Gustavson-Gaube C.** Tell esh-Shuna North 1985: A Preliminary Report // Annual of the Department of Antiquities of Jordan. – 1986. – Vol. 30. – P. 69–113.
- Kafafi Z.** Jebel Abu Thawwab: A Pottery Neolithic Village in North Jordan // The Prehistory of Jordan: The State of Research in 1986 / eds. A.N. Garrard, H.G. Gebel. – Oxford: BAR International Series, 1988. – P. 451–471.
- Kafafi Z.** Early Pottery Contexts from Ain Ghazal, Jordan // Bull. of the American Schools of Oriental Research. – 1990. – Vol. 280. – P. 15–30.
- Kafafi Z., Dollfus G.** Abu Hamid, Tell // The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East / ed. E.M. Meyers. – N. Y.: Oxford University Press, 1997. – P. 7–9.
- Kaplan J.** Hamadia // The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land / ed. E. Stern. – Jerusalem: Israel Exploration Society: Carta Press, 1993. – Vol. 2. – P. 560–561.
- Kenyon K.M., Holland T.A.** Excavations at Jericho, Volume Four. – Jerusalem: British School of Archaeology in Jerusalem, 1982. – 647 p.
- Kenyon K.M., Holland T.A.** Excavations at Jericho, Volume Five. – Jerusalem: British School of Archaeology in Jerusalem, 1983. – 864 p.
- Leonard A.Jr.** A Chalcolithic «Fine Ware» from Kataret es-Samra in the Jordan Valley // Bull. of the American Schools of Oriental Research. – 1989. – Vol. 276. – P. 3–14.
- Leonard A.Jr.** The Jordan Valley Survey, 1953: Some Unpublished Soundings Conducted by James Mellaart. –

Winona Lake: Eisenbrauns, 1992. – 199 p. – (Annual of the American Schools of Oriental Research, vol. 50).

Lovell J.L. The Late Neolithic and the Chalcolithic Periods in the Southern Levant. – Oxford: Archaeopress, 2001. – 256 p.

Lovell J., Dollfus J., Kafafi Z. The Middle phases at Abu Hamid and the Wadi Rabah Horizon // Studies in the History and Archaeology of Jordan. – 2004. – Vol. VIII. – P. 263–274.

Lovell J., Dollfus J., Kafafi Z. The ceramics of the Late Neolithic and Chalcolithic: Abu Hamid and the burnished tradition // Paléorient. – 2007. – Vol. 33(1). – P. 51–76.

McNicoll A., Henbury-Tenison J., Hennessy B., Potts T.F., Smith R.H., Walmsley A., Watson P. Pella in Jordan 2. – Sydney: Meditarch, 1992. – 315 p. – (Mediterranean Archaeology suppl.; [N] 2).

McNicoll A., Smith R.H., Hennessy B. Pella in Jordan 1. – Canberra: Australia National Gallery, 1982. – 161 p.

Mellaart J. The Neolithic site of Ghрубba // Annual of the Department of Antiquities of Jordan. – 1956. – Vol. 3. – P. 24–33.

Miroschedji P. de. Far'ah, Tell el- (North): Neolithic Period to the Middle Bronze Age // The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land / ed. E. Stern. – Jerusalem: Israel Exploration Society: Carta Press, 1993. – Vol. 2. – P. 433–438.

Muheisen M., Gebel H.G., Hannes C., Neef R. Excavation at 'Ain Rahub, a Final Natufian and Yarmukian site near Irbid (1985) // The Prehistory of Jordan II / eds. A.N. Garrard, H.G. Gebel. – Oxford: BAR, 1988. – P. 472–502. – (BAR International Series; [N] 396(II)).

Obeidat D. Die neolithische Keramik aus Abu Thawwab, Jordanien. – Berlin: Ex Orient, 1995. – 187 S.

Perrot J. Les deux premières campagnes de fouilles à Munhata (1962–1963) – Premiers résultats // Syria. – 1964. – Vol. 41. – P. 324–345.

Perrot J. La troisième campagne de fouilles à Munhata (1964) // Syria. – 1966. – Vol. 43. – P. 49–63.

Perrot J. La Préhistoire Palestinienne // Dictionnaire de la Bible / ed. L. Pirot – P.: Letouzey and Ané, 1968. – Suppl. 8. – P. 286–446.

Rollefson G.O., Simmons A.H. The Neolithic Village of 'Ain Ghazal, Jordan: Preliminary Report on the 1984 Season //

Bull. of the American Schools of Oriental Research. – 1986. – Suppl. 24. – P. 145–164.

Rollefson G.O., Simmons A.H., Kafafi Z. Neolithic Cultures at 'Ain Ghazal, Jordan // J. of Field Archaeology. – 1992. – Vol. 19. – P. 443–470.

Sadeh S., Gophna R. Observation on the Chalcolithic Ceramic Sequence in the Middle Jordan Valley // J. of the Israel Prehistoric Society. – 1991. – Vol. 24. – P. 135–148.

Sanlaville P. Changements Climatiques dans la Région Levantine à la Fin du Pleistocène Supérieur et au Début de L'Holocène. Leurs relations avec L'Évolution des Sociétés Humaines // Paléorient. – 1997. – Vol. 22/1. – P. 7–30.

Simmons A.H., Kafafi Z., Rollefson G.O., Moyer K. Test Excavations at Wadi Shu'eib, a Major Neolithic Settlement in Central Jordan // Annual of the Department of Antiquities of Jordan. – 1989. – Vol. 33. – P. 27–42.

Tzori N. Neolithic and Chalcolithic sites in the Valley of Beth-Shan // Palestine Exploration Quarterly. – 1958. – Vol. 90. – P. 44–51.

Vaux R., de. Les Grottes de Murabba'at et leurs documents // Revue Biblique. – 1953. – Vol. 60. – P. 245–267.

Vaux R., de, Steve A.M. La première campagne de fouilles à Tell el-Far'a, près Naplouse // Review Biblique. – 1947. – Vol. 54. – P. 394–433.

Winter H. Flint Findings in East Manasseh // The Manasseh Hill Country Survey. – Leiden; Boston: Brill, 2008. – Vol. II: The Eastern Valleys and the Fringes of the Desert / ed. A. Zertal. – P. 659–737.

Zertal A. The Manasseh Hill Country Survey. – Haifa: Haifa University Press, 2005. – Vol. IV: From Nahal Bezeq to the Sartaba. – 803 p.

Zertal A. The Manasseh Hill Country Survey. – Leiden; Boston: Brill, 2008. – Vol. II: The Eastern Valleys and the Fringes of the Desert. – 795 p.

Zohary M. Plant Life of Palestine Israel and Jordan. – N. Y.: Ronald, 1962. – 262 p.

Материал поступил в редколлегию 20.01.10 г.

УДК 902.62

**В.И. Молодин¹, Л.Н. Мыльникова¹, О.И. Новикова¹,
И.А. Дураков², Л.С. Кобелева¹, Н.С. Ефремова¹, А.И. Соловьев¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

²Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия

E-mail: idurakov@yandex.ru

К ПЕРИОДИЗАЦИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ ОБЬ-ИРТЫШСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕЙ – РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ НА ПАМЯТНИКЕ ТАРТАС-1

В статье публикуются материалы раскопок могильника Тартас-1 в 2010 г. На ограниченном участке зафиксированы погребения, стратиграфическое положение которых позволяет решить проблему периодизации культур эпохи ранней – развитой бронзы Барабинской лесостепи. Приводится характеристика погребений усть-тартасской, одиновской, кротовской и позднекротовской культур.

Ключевые слова: эпоха ранней – развитой бронзы, Бараба, периодизация, стратиграфия.

Введение

В ходе многолетних стационарных исследований памятника Тартас-1 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) (рис. 1), проводимых Западно-Сибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН, получена серия погребальных и ритуальных комплексов различных эпох и культур – от периода ранней поры бронзового века до эпохи средневековья. Раскопки объекта, согласно геофизическим данным [Молодин и др., 2004], пока далеки от завершения, однако уже сейчас накопленная информация – результат реализации мультидисциплинарного подхода – позволяет сделать очень важные научные выводы об этно- и культурогенезе популяций, сформировавших разновременный могильник, на котором выявлены 425 погребальных и 436 ритуальных комплексов. В 2010 г. был изучен участок, где на небольшой площадке находились захо-

ронения практически всех известных в настоящее время в регионе археологических культур ранней – развитой бронзы [Молодин, Хансен, Мыльникова и др., 2010]. Часть погребений ввиду длительного функционирования на этом участке грунтовой дороги сохранилась не очень хорошо, но основное количество погребений находилось в удовлетворительном состоянии, что позволило однозначно трактовать зафиксированную здесь достаточно сложную стратиграфическую ситуацию.

Характеристика погребальных комплексов

Периодизация культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи (ее называют также Барабинской лесостепью), разработанная в 1980-е гг. [Молодин, 1983, 1985], сегодня уточняется и совершенствуется [Мо-

лодин, 2001, 2005, 2010; и др.]. Изучение материалов раскопок, которые ежегодно проводятся в регионе, дают основание для вывода, что работа по выяснению ряда важнейших аспектов исторического прошлого обитателей лесостепи в IV – начале I тыс. до н.э. еще только начинается. Благодаря расширению источниковой базы, а также углубленному изучению комплексов (получение радиоуглеродных дат, результатов антропологического и палеогенетического анализов) специалисты располагают очень ценной информацией, позволяющей на принципиально новом уровне выстраивать историко-культурную интерпретацию. Кроме того, в ходе исследований, проводимых в различных регионах Западной Сибири, специалисты получают порой принципиально новые данные о развитии и смене древних культур эпохи бронзы (см., напр.: [Кокшаров, 2009; Зах, 2009; Зах и др., 2008; Зими́на, Зах, 2009; Ки́рюшин, Грушин, Тишкин, 2010; Матвеев, Аношко, 2009; Корочкова, 2010; Чемякин, 2008; и др.]).

В 2010 г. на памятнике Тартас-1 была отмечена уникальная стратиграфическая ситуация: на ограниченном участке находились погребения разных культур (рис. 2). Ее анализ позволил получить важную информацию для понимания проблемы периодизации культур ранней – развитой бронзы западно-сибирской лесостепи по крайней мере в пределах центральной части Барабинской равнины.

Древними в рассматриваемом комплексе являются два прекрасно сохранившихся погребения усть-тартасской культуры – наиболее ранней из известных в настоящее время культур эпохи бронзы региона [Молодин, 2001, 2005].

Погребение № 380 (рис. 3–12). Зафиксировано на уровне материка в виде пятна неправильной вытянутой, приближенной к трапециевидной форме. Захоронение коллективное, ярусное. Скелет 1 обнаружен в заполнении могильной ямы (см. рис. 6). Захоронен ребенок в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Сохранность костей неудовлетворительная. *In situ* находились ребра правой части скелета, правое крыло таза, несколько поясничных позвонков, плечевая и локтевая кости правой руки, бедренная кость правой ноги и частично голень левой. Это явно вторичное захоронение.

После выборки темно-серой супеси под скелетом 1 обнаружены кости скелета 2, расположенные в анатомическом порядке (см. рис. 7). Умерший ребенок был помещен в могилу в вытянутом положении на

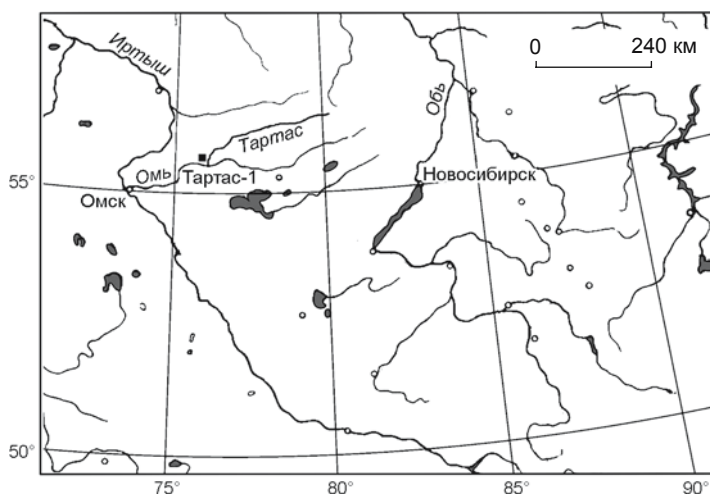

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Тартас-1.

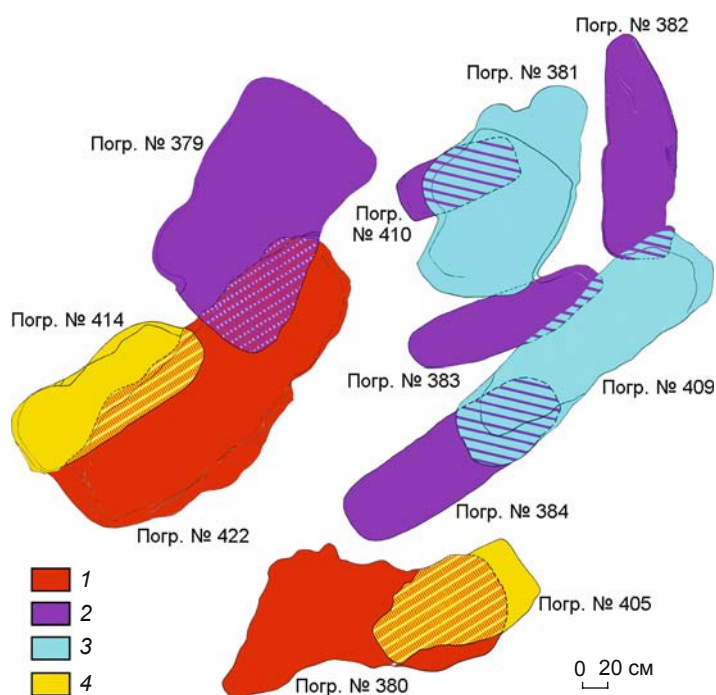

Рис. 2. Схема напластования захоронений различных культур эпохи бронзы. Тартас-1.

1 – усть-тартасская; 2 – одиновская; 3 – кротовская; 4 – позднекротовская.

спине, головой на северо-восток. Берцовые кости правой ноги отсутствуют. Сохранность костей удовлетворительная. Захоронение вторичное. Тело ребенка было положено на длинные кости ног (три бедренные, три большие и две малые берцовые) предположительно двух взрослых (скелеты 3 и 4). Череп ребенка раздавлен. Слева от нижней челюсти найдены отщеп и фрагменты кости животного.

Рис. 3. Часть захоронений верхнего горизонта на памятнике Тартас-1. Вид с юго-востока.

В восточной части могильной ямы погребен взрослый человек (скелет 5), головой на восток (см. рис. 4, 5). Сохранность костей удовлетворительная. Верхняя часть черепа разрушена перерезавшим погребением захоронением № 405. Справа от челюсти обнаружена кисть руки, находившаяся на правой плечевой кости и лопатке. Левая локтевая кость была расположена перпендикулярно левой плечевой кости и лежала на верхних позвонках грудного отдела. Под ней под углом ок. 45° к позвонкам залегали ключицы. Грудина

Рис. 4. Погребение № 380 усть-тартасской культуры и перерезающее его погр. № 405 позднелетовской культуры.

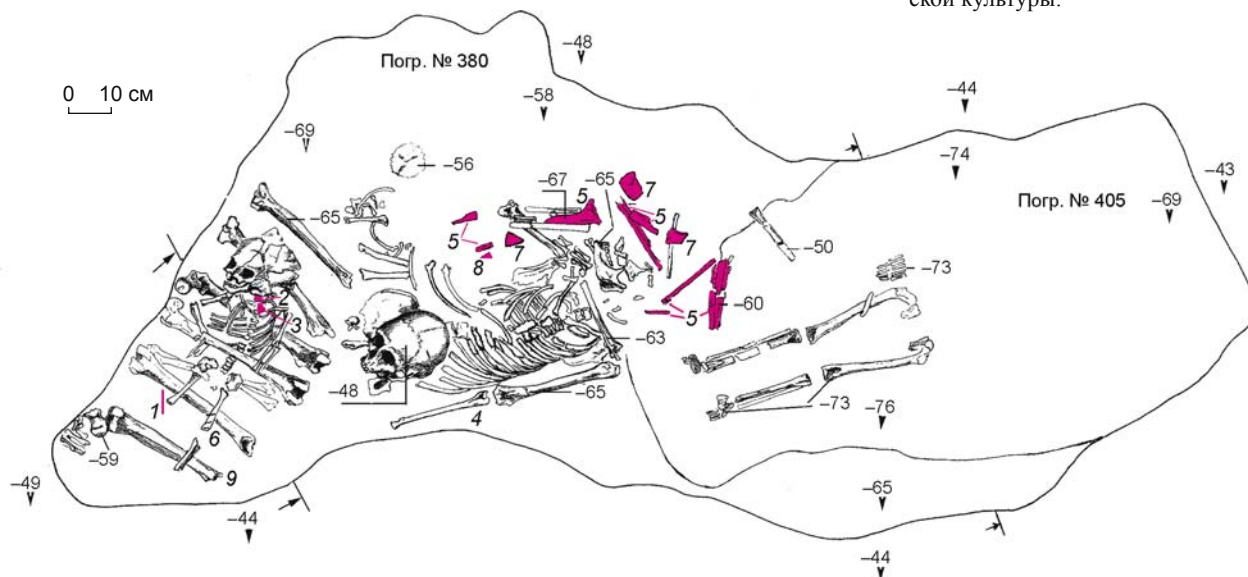

Рис. 5. План погр. № 380 (скелеты 2–5) и 405.

1 – проколка; 2 – кость животного; 3 – отщеп; 4 – скелет 5; 5 – изделие из кости; 6 – скелет 2; 7 – каменный топор; 8 – каменный наконечник стрелы; 9 – скелеты 3 и 4.

Рис. 6. Расположение скелетов 1–4 в погр. № 380.

Рис. 7. Фрагмент погр. № 380: захоронение ребенка на костях взрослых особей.

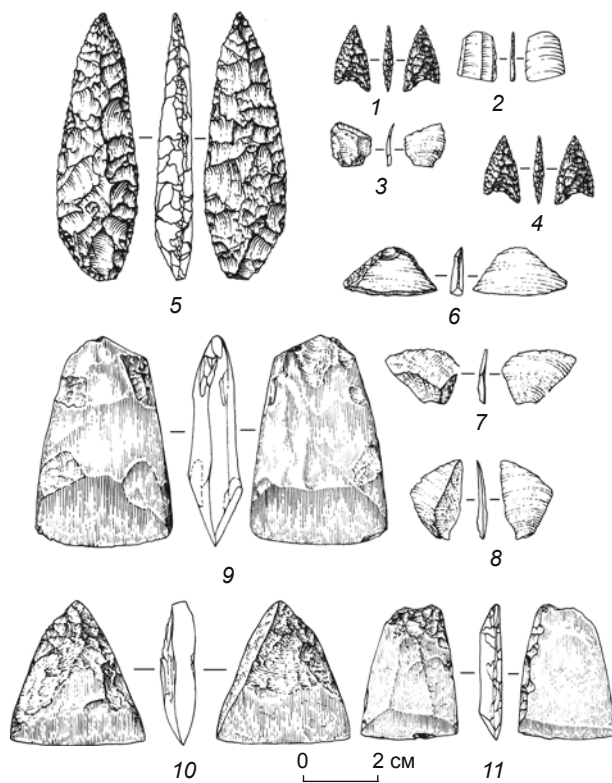

Рис. 8. Каменный инвентарь из погр. № 380.

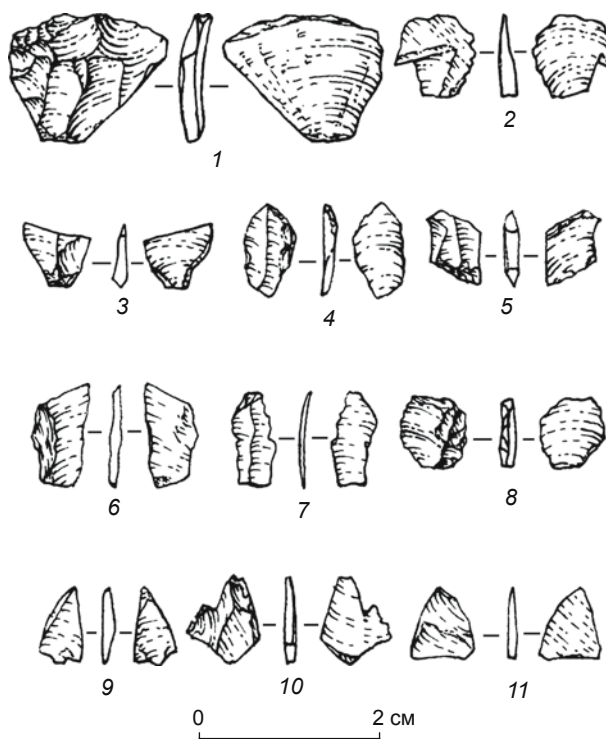

Рис. 9. Каменные изделия из погр. № 380.

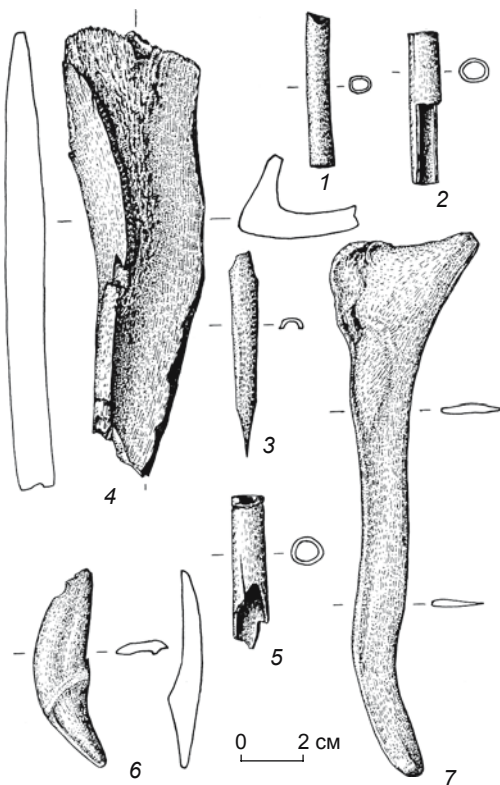

Рис. 10. Костяные изделия (1–6) и подъязычная кость оленя (7) из погр. № 380.

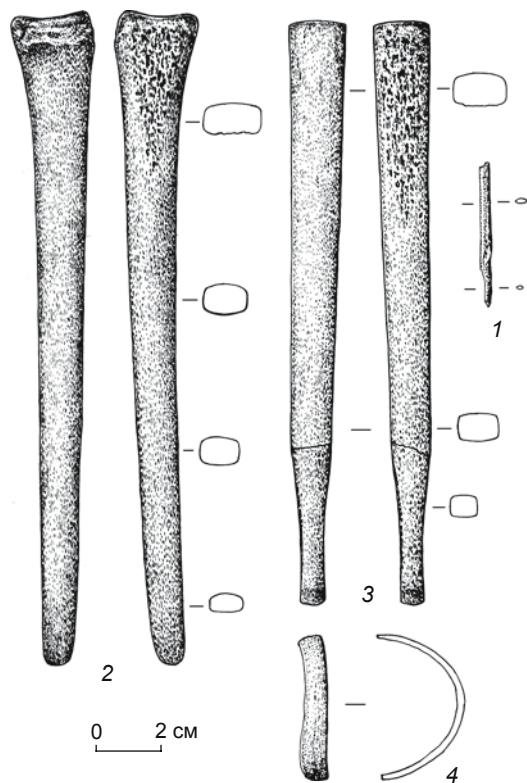

Рис. 11. Костяные изделия (1–3) и резец бобра (4) из погр. № 380.

размещалась на ребрах, находившихся *in situ*. В анатомическом порядке лежали позвонки, лопатки, плечевая кость левой руки, кости таза. На последних находился череп взрослого человека (может относиться к скелетам 3, 4 или 6). Рядом с правым крылом таза скелета 5, под ребрами, позвонками и плечевой костью, возможно принадлежавшими скелету 1, залежали две лучевые кости взрослого человека.

В восточной части могильную яму перерезает погр. № 405 позднекротовской культуры, разрушившее стенку могильной ямы № 380 (см. рис. 4, 5). Северная стенка погр. № 405 наклонная, имеет небольшую ступеньку, частично разрушенную норой. Размеры ступеньки 0,41×0,56 м, глубина от уровня материка 0,10 м. Южная стенка слегка наклонная, также имеет ступеньку треугольной формы размерами 0,25×0,51 м, глубиной от уровня материка 0,17 м. Западная стенка наклонная. Дно ямы ровное, перепад глубины в разных частях не превышает 0,03 м. Размеры по верхнему абрису 1,05×1,86 м, по нижнему – 0,99×1,80 м, глубина от уровня материка 0,65–0,68 м. На ступеньке у северной стенки могилы найден фрагмент черепной коробки, относящийся, возможно, к скелету 1.

Со скелетом 5 находился многочисленный инвентарь. Под нижней челюстью обнаружены наконечник дротика (см. рис. 8, 5) и каменный наконечник стрелы (см. рис. 8, 1). Еще один наконечник находился в 2 см от правых ребер (см. рис. 8, 4). Ближе к северо-восточной стенке могильной ямы выявлены два, а у юго-восточной – один каменные миниатюрные топоры (рис. 8, 9, 11), под костяными изделиями и на уровне материка в районе черепа зачищены многочис-

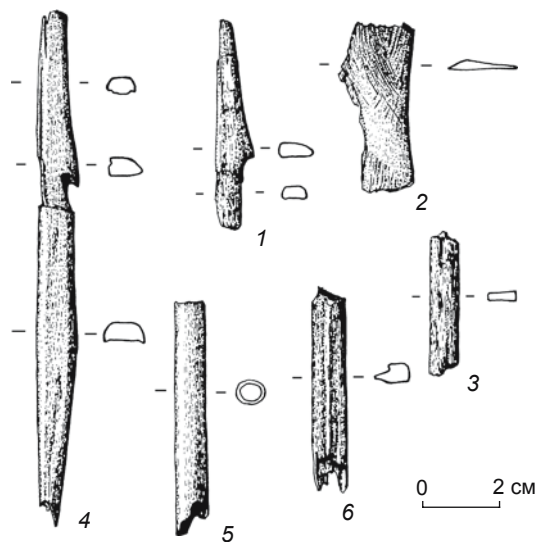

Рис. 12. Обломки костяных предметов из погр. № 380.

Рис. 13. Погребение № 422 усть-тартасской культуры; на заднем плане – нижний ярус перекрывающей его мог. № 379 одиновской культуры, на переднем плане слева – могильная яма позднекротовского погр. № 414.

Погребение № 422 (см. рис. 2). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами по верхнему абрису 1,08×2,60 м, по нижнему – 0,83×2,50 м, глубина от уровня материка 0,91–0,94 м. Углы ямы закруглены, западный угол и часть северо-западной стенки срезаны позднекротовским погр. № 414 на глубину 0,38 м от уровня материка (рис. 13, 14). Стенки ямы неровные, испорчены понорами и материковыми запльвами (особенно юго-восточная стенка). Дно неровное, понижается к западу (перепад до 0,06 м). Заполнение могильной ямы в северо-восточной части представляло собой слой мешаной серо-желтой супеси, изрезанный понорами. Под ним залегал слой плотной темно-серой супеси с вкраплениями желтого суглинка, ниже – линза небольшой мощности мешаной желто-серой супеси с вкраплениями прокаленной почвы, золы, угольков, органики. В юго-западной части ямы отмечен слой черной супеси, нарушенный понорами с мешаным

ленные отщепы, некоторые с ретушью, (рис. 8, 3, 7, 8; 9, 2, 6, 8–11), скребки, ножевидные пластины (рис. 8, 2; 9, 7).

У северной стенки могильной ямы найдены три игольницы (см. рис. 10, 1, 2, 5) и орудие из лопатки животного (см. рис. 10, 4), функциональное назначение которого неясно, и подъязычная кость оленя (?) (см. рис. 10, 7). Сохранность находок неудовлетворительная. Костяные изделия также плохой сохранности, напоминающие долота или лошिला, располагались в одном комплексе с двумя каменными топорами в области черепа скелета 5 (см. рис. 11, 1–3). Еще одна игольница отличной сохранности находилась под тазом взрослого погребенного (рис. 12, 5), в кисти руки скелета 5 найдена проколка (см. рис. 10, 3). Под орудиями из кости залегали клык медведя (см. рис. 10, 6) и резец бобра (см. рис. 11, 4). В процессе реставрации костяных изделий удалось восстановить фрагменты наконечников двух острог (см. рис. 12, 1, 4).

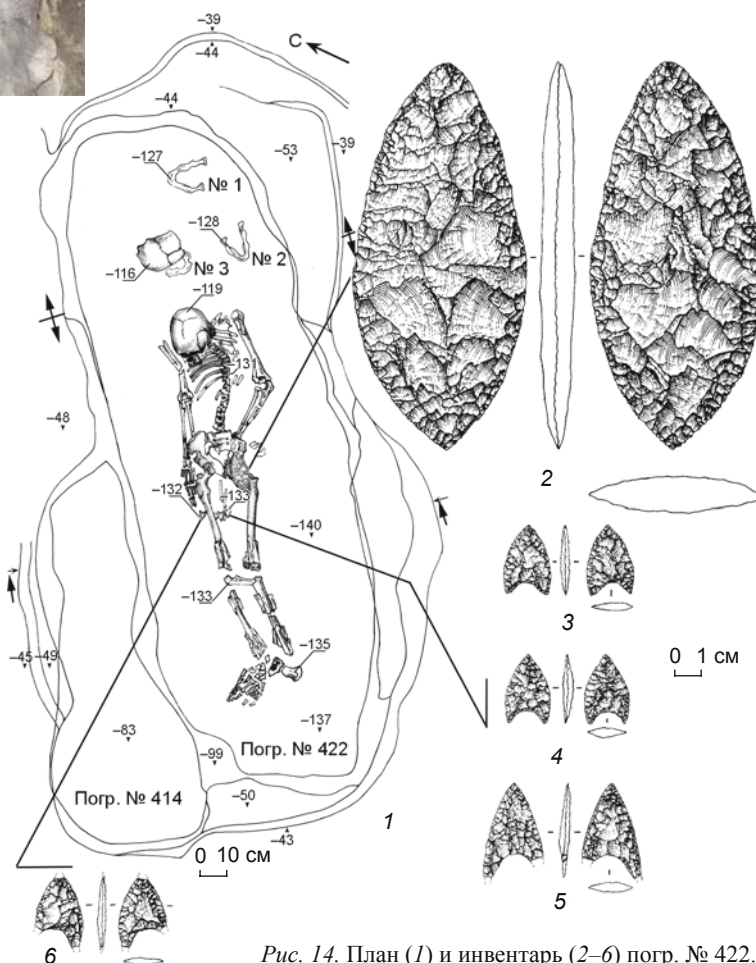

Рис. 14. План (1) и инвентарь (2–6) погр. № 422.

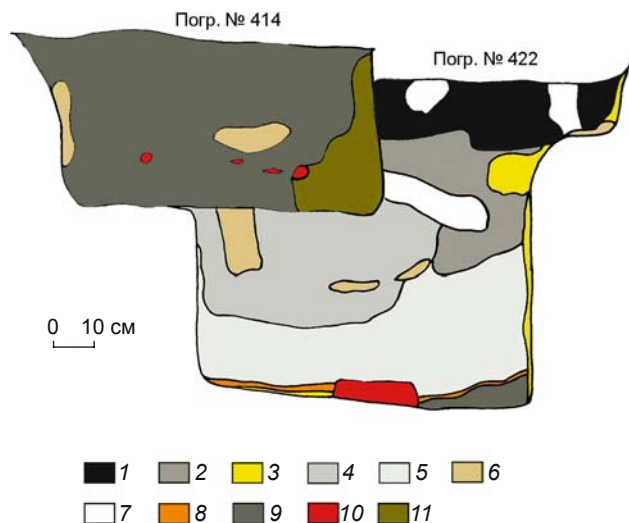

Рис. 15. Разрез погр. № 414, 422.

1 – почва черного цвета; 2 – почва серого цвета; 3 – желтый суглинок; 4 – почва серого цвета с линзами желтого суглинка; 5 – почва светло-серого цвета с пятнами желтого суглинка; 6 – мешаная желто-серая почва (нора); 7 – мешаная желто-черная почва (нора); 8 – органика; 9 – почва темно-серого цвета; 10 – область распространения костей человека; 11 – мешаная почва серо-желто-черного цвета.

желто-черным заполнением. Его подстилал слой серой супеси с линзами желтого суглинка. Ниже следовал мощный слой светло-серой супеси с пятнами желтого суглинка, под которым фиксировался тонкий слой остатков органики, охры (?), под ним у южной стенки – супесь серого цвета.

В центральной части могильной ямы отмечена черная супесь, залегающая неширокой сужающейся к дну линзой. К ней примыкал слой серой супеси, перерезанный в центре норой с пестрым (желто-черно-серым) заполнением. Ниже находился слой мощностью до 0,37 м, состоящий из светло-серой супеси с пятнами желтого материкового суглинка и черной супеси. У северной стенки его вертикально перерезали две линзы серой супеси. Нижний слой составляла темно-бурая супесь с красноватым оттенком, обусловленным остатками органики (рис. 15). В заполнении могилы встречаются чешуя и жабры рыб, рубленые кости человека (лопатка, кости стопы), отщепы, пластины, каменный наконечник стрелы.

В северо-восточной зоне могильной ямы на дне найдены две нижние челюсти взрослых людей, перевернутые зубами вниз. Справа от челюсти № 2 находилась часть черепной коробки, которая, судя по характеру среза, была отрублена достаточно острым предметом. Под ней залежала челюсть № 3. Здесь же находилось основное захоронение (см. рис. 13, 14). При погребении взрослый мужчина был ориентирован головой на северо-восток. Сохранность костей удовлетворительная. Черепная коробка целая, но ее

лицевая часть и верхняя челюсть раздавлены. Под черепом лежали ребра и позвонки верхней части грудной клетки. Учитывая это, а также расположение костей левой руки, можно сделать вывод, что умерший был погребен на правом боку, влоборота к стенке ямы, поэтому левую руку развернуло локтем вверх. Кисть левой руки лежала на левом крыле таза. Под ней найден каменный бифас длиной 15,5 см, скорее всего, это рабочая часть кинжала (см. рис. 14, 2; 16); возможно, он был вложен в руку погребенного. Кости правой и левой руки сломаны в нескольких местах, отсутствуют плечевой сустав, правая лопатка (?). Локтевая кость уходит под правое крыло таза, следовательно, при погребении рука находилась под тазом. Кисть правой руки лежит около бедренной кости, в 3–4 см ниже – каменный наконечник с обломанным острием. Кости таза представлены осколками неудовлетворительной сохранности.

Ноги погребенного при захоронении, по-видимому, были слегка согнуты в коленях. Коленные чашечки отсутствуют, на их месте – часть локтевой кости. Бедренные кости около коленных суставов раздроблены или раздавлены. Учитывая мощность и цвет заполнения в этой зоне, а также взаиморасположение костей ног, можно предположить, что последние были перетянуты материалом органического происхождения. Между костями ног, ближе к правой бедренной кости, найдены лежавшие в ряд три каменных, а под ними – два костяных наконечника (см. рис. 14, 5, 6; 16). Фаланги стоп хорошей сохранности. Кости одной стопы лежат поверх костей другой, они развернуты к юго-западному углу могильной ямы. Как стало ясно после разборки костяка, умерший был захоронен на ткани или войлоке – под костями прослежен слой темно-бурой органики. Такой же слой отмечен под отрубленной частью черепа и челюстью. Установлено, что туловище погребенного было чуть повернуто вправо и остистые отростки позвонков вошли в материк под небольшим углом; кроме того, отсутствует тело поз-

Рис. 16. Часть скелета и инвентарь погр. № 422.

вонков всего позвоночного столба, кроме шейного отдела (здесь кости плохо сохранились), возможно, часть позвоночника была срезана. В области грудного отдела ребра имеются лишь с правой стороны, некоторые из них в сочленении с позвонками.

Таким образом, перед нами коллективное захоронение взрослых людей (уверенно можно говорить о четырех взрослых). Погребальный инвентарь включает четыре каменных наконечника, два костяных и каменный кинжал. Захоронения вторичные.

По облику сопроводительного инвентаря и деталям погребального обряда погр. № 422 абсолютно аналогично комплексам усть-тартасской культуры [Молодин, 2001, 2005]. Подобный специфический ритуал – помещение в могилу нескольких человек, зачастую по обряду вторичного захоронения – нашел отражение в погребениях усть-тартасской культуры могильников Сопка-2/3А [Молодин, 2001, с. 44, 65, 74], Гришкина Заимка [Молодин, 2005], Преображенка-6 [Молодин, Чемякина, Позднякова, Степаненко, 2008]. Типичны для усть-тартасской культуры и такие предметы погребального инвентаря, как миниатюрные каменные топоры, наконечники стрел, игольники, гарпуны, подвески из зубов животных [Молодин, 2001, с. 68–69, 75–76].

Рассмотренные древнейшие на памятнике захоронения были перерезаны могилами более поздних культур эпохи бронзы. Особенно важно, что усть-тартасское погр. № 422 перекрыто погребением одиновской культуры № 379.

Погребение № 379 (см. рис. 2). Зафиксировано на уровне материка в виде пятна аморфной формы, на поверхности которого выступали кости черепа и скелета человека. Верхняя часть могилы разрушена в ходе сооружения и эксплуатации дороги. Погребение ярусное.

Горизонт 1. Скелет 1 (рис. 17). Взрослый человек был захоронен в вытянутом положении на спине, головой на северо-северо-восток, с вытянутыми вдоль туловища руками. Верхняя часть костяка искусственно приподнята и находится выше нижней (перепад до 18 см). Череп смещен несколько вправо. Сохранность костей неудовлетворительная. Отсутствуют берцовые кости правой ноги и кости стоп обеих ног, локтевая и лучевая кости и кисть левой руки. Левое крыло таза разрушено. Находок нет. Возможно, это вторичное захоронение.

Горизонт 1. Скелет 2 (рис. 17). Расположен параллельно скелету 1, с северной стороны. Взрослый человек погребен в вытянутом положении на спине, головой на северо-северо-восток, руки были вытянуты вдоль туловища. Правая часть костяка расположена выше, чем левая. Череп повернут влево. Сохранность костей неудовлетворительная. Полностью отсутствуют ребра с левой стороны грудной клетки, кисти обеих рук, нижняя часть позвоночного столба. Находок нет. Захоронение без сомнения вторичное.

На уровне горизонта 2 стенки могильной ямы неровные, пологие; отсутствуют части южной, восточной и западной (срезаны дорогой) стенок. Размеры могильной ямы – 1,31×1,93 м. Обнаружены скелеты 3 и 4 (рис. 18).

Скелет 3 принадлежал человеку, погребенному в вытянутом положении на спине, головой на северо-северо-восток, руки были вытянуты вдоль тела, кисти положены на таз. Сохранность костей удовлетворительная. Под левой кистью руки обнаружена костяная проколка. Кости ног повернуты вправо и слегка согнуты в коленях. Голова и часть ребер отсутствуют. Захоронение бесспорно вторичное. На грудной клетке находился череп младенца, под ней – крупные фрагменты красной охры.

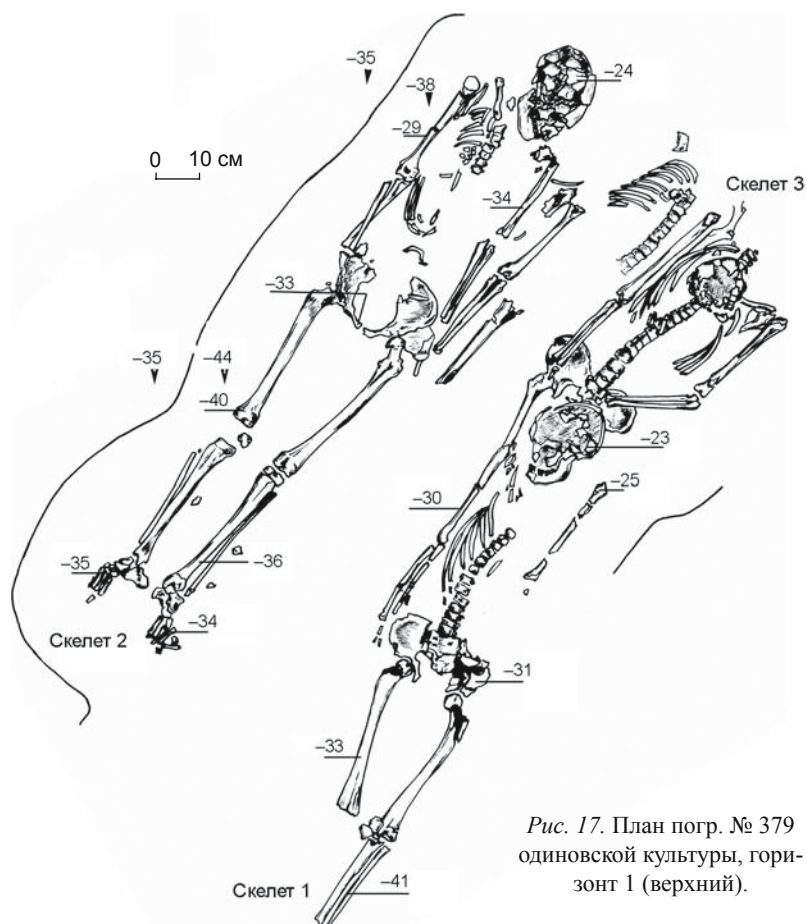

Рис. 17. План погр. № 379 одиновской культуры, горизонт 1 (верхний).

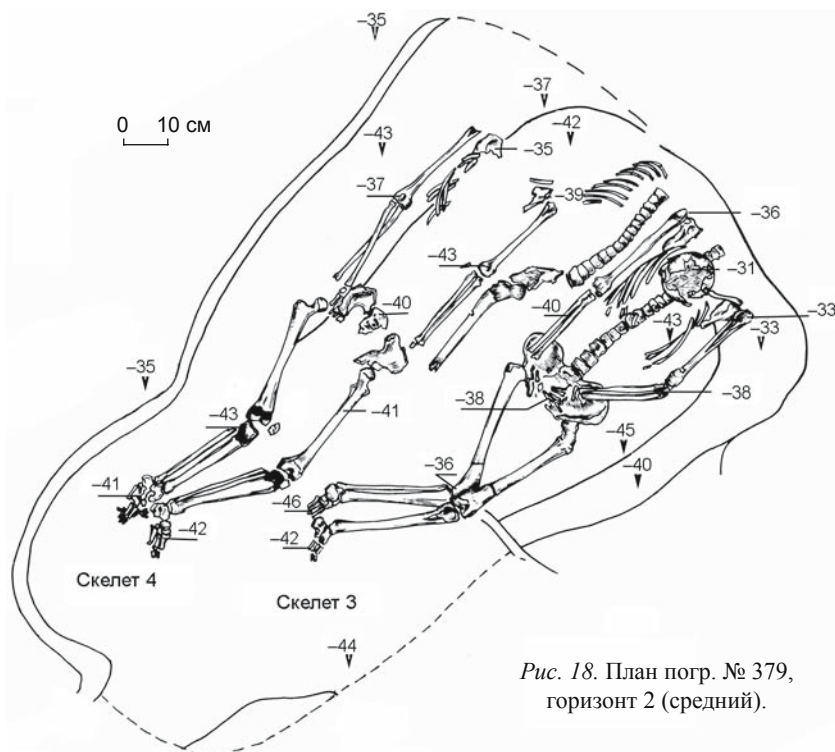

Рис. 18. План погр. № 379, горизонт 2 (средний).

Рядом со скелетом 3, к северо-западу от него, обнаружен скелет 4. Умерший похоронен в вытянутом положении на спине, ориентирован по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад, руки были вытянуты вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленях и повернуты вправо. Кости правой кисти залегали под тазом. Череп, кости позвоночника и большая часть костей грудной клетки отсутствуют. Сохранность остальных костей удовлетворительная. Под верхней

частью левой плечевой кости обнаружен фрагмент керамики, относящийся, скорее всего, к одиновскому сосуду. В горизонте 2 между скелетами 3 и 4 находились также кости позвоночника, левой части грудной клетки и бедренная кость левой ноги скелета 5. Остальные кости залегали ниже. Горизонт 3. На этом уровне южная стенка погребения прямая, ровная, в юго-восточном углу слегка срезана при строительстве дороги, северная – неровная, западная – дугообразная, у восточной – в юго-восточном углу имеется ступенька. Размеры могильной ямы по нижнему абрису 0,85×1,25 м. Скелет 5 (рис. 19). Умерший был помещен в могилу в вытянутом положении на спине, ориентирован по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Верхняя часть туловища приподнята, поскольку

дно могильной ямы имеет понижение в юго-восточной части (перепад до 0,27 м). У скелета отсутствуют череп, кости правой руки, часть ребер, плечевая кость левой руки. Локтевая кость и кисть левой руки лежат в сочленении вдоль туловища. Левая нога погребенного чуть согнута в колене и повернута вправо. Стопы сомкнуты. Кости неудовлетворительной сохранности: некоторые из них в полуразрушенном состоянии. Находок не обнаружено. Захоронение вторичное. В заполнении могильной ямы найдены несколько мелких фрагментов посуды одиновской культуры, а также три миниатюрных отщепы (рис. 20).

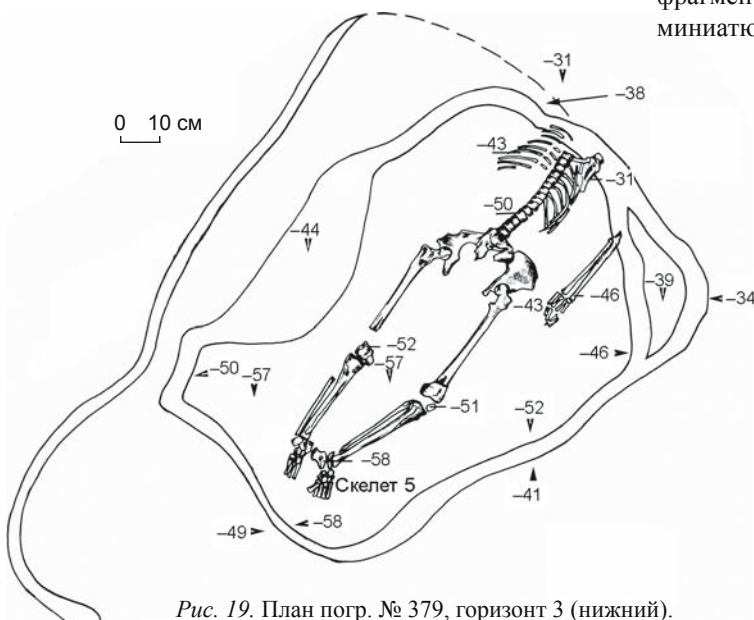

Рис. 19. План погр. № 379, горизонт 3 (нижний).

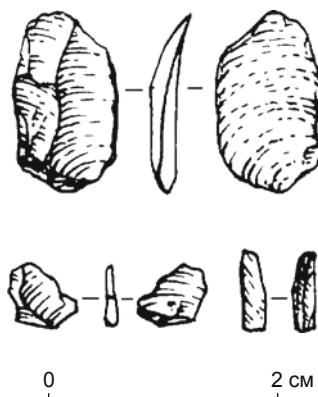

Рис. 20. Отщепы из заполнения погр. № 379.

Захоронение одиновской культуры, вне всякого сомнения, перекрывает усть-тартасскую могилу. О принадлежности погр. № 379 к одиновской культуре свидетельствуют прежде всего особенности погребального обряда. Для этой культуры типичны коллективные, ярусные захоронения, вторичный характер погребения, северо-восточная ориентация могилы и умерших, а также неровное по глубине дно могилы: в северо-восточной части яма менее глубокая, чем в юго-западной, поэтому верхняя часть скелета приподнята. Нередко в одной могиле сочетаются труположение на спине в вытянутом положении и на спине со слегка подогнутыми коленями [Молодин, 2008]. Носители одиновской культуры очень часто хоронили своих сородичей с костяной проколкой в руке (или положив проколку около кисти) [Гришин, 2002]. Фрагменты и целые сосуды редко, но встречаются в одиновских захоронениях. Фрагмент, найденный в заполнении могильной ямы одиновской керамики, косвенно подтверждает вывод о культурной принадлежности погребения.

Могилы № 380 и 422 усть-тартасской культуры были перерезаны захоронениями № 405 и 414 позднечертовской культуры.

Погребение № 405 (см. рис. 2, 4, 5). Потревожено в древности. После выборки заполнения стало очевидно,

что могильная яма подпрямоугольная, с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии северо-восток – юго-запад. Размеры по верхнему абрису 0,99×1,47 м, по нижнему – 0,84×1,40 м. В южной части могилы на глубине 0,21 м от уровня материка прослеживается небольшая ступенька размерами 1,00×(0,15–0,21) м. Глубина могильной ямы от уровня материка 0,75 м. Стенки ямы прямые, дно ровное.

Заполнение могильной ямы неоднородное. Верхний горизонт представлен черной гумусированной супесью мощностью 0,18–0,24 м. В придонной части залегала темно-коричневая супесь мощностью 0,06–0,12 м, в которой находились кости погребенного. Похоронен был, вероятно, подросток. Его поместили в могилу в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Сохранность костей неудовлетворительная. Полностью отсутствует верхняя часть скелета. Зафиксированы кисть правой руки и длинные кости ног. Кости стоп, как и остатки тазовых костей, трудноразличимы и представляют собой тлен. На бедренной кости правой ноги лежал обломок ключицы. В северо-западном углу могильной ямы найдены кость (руки?) и костяное орудие, вероятно, попавшее сюда из мог. № 380.

Погребение № 414 (см. рис. 2, 21). На уровне материка фиксировалось как пятно подовальной фор-

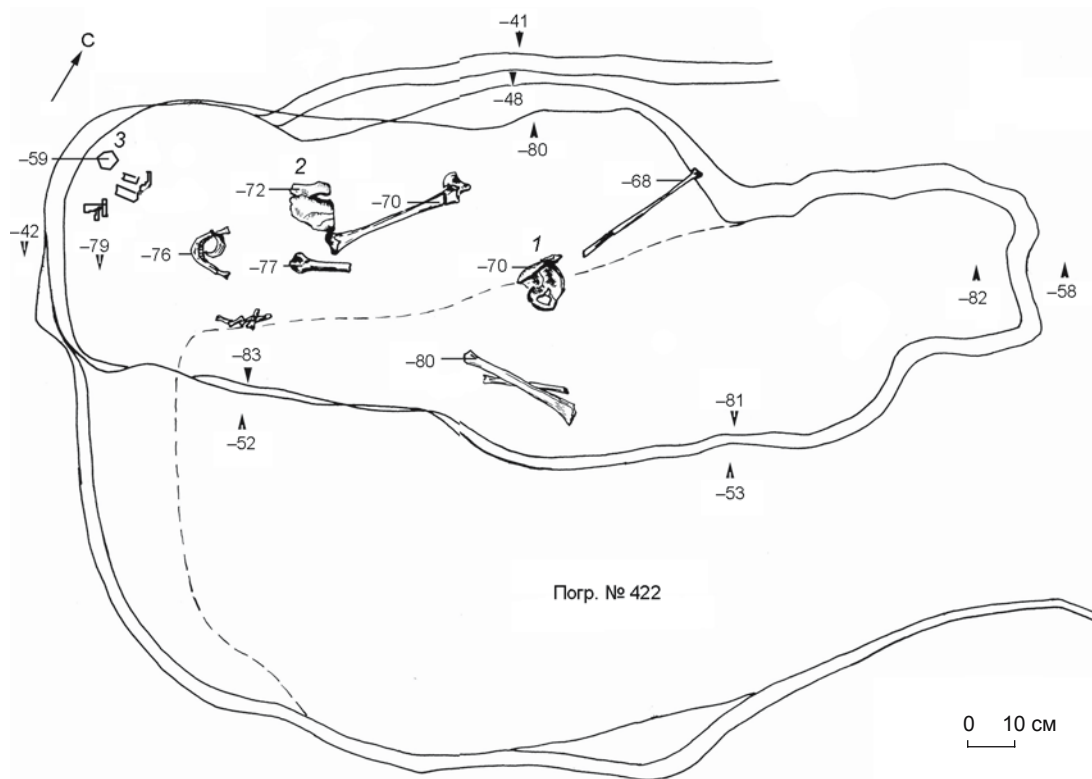

Рис. 21. План погребения позднечертовской культуры № 414.
1 – сосуд № 1; 2 – сосуд № 2; 3 – фрагмент керамики.

мы, ориентированное продольной осью по линии северо-восток – юго-запад. Заполнение могильной ямы было практически однородным и представляло собой темно-серую супесь. В юго-восточной части яма перерезала слой мешаной пестрой серо-желто-черной супеси. Кости человека залежали в слое темно-серой супеси. После выборки заполнения размеры могильной ямы по верхнему абрису составляли 0,92×2,23 м, по нижнему – 0,78×2,13 м, глубина от уровня материка 0,27×0,37 м. Стенки ямы неровные. Северная имеет подбой, западная слегка наклонная. В юго-восточной части погребение перерезало более древнюю мог. № 422 усть-тартасской культуры (см. рис. 2). Южная и восточная стенки погребения наклонные и выделены несколько условно по цветовому отличию более темного заполнения погр. № 414. Дно неровное.

Погребение было разграблено в древности. Из костей скелета сохранились нижняя челюсть, фаланги пальцев ног, бедренные кости, локтевая кость, ребро. Все они находились в западной части могилы. Первоначальное положение покойного в могиле установить невозможно. В заполнении ямы найдены фрагменты двух керамических сосудов – андроновского и кротовского. От андроновского сохранились большой фрагмент горловины и дно с придонной частью (рис. 22, 1); кротовский представлен фрагментами

стенок, орнаментированных гребенчатым штампом (рис. 22, 2). Погребение относится к позднекротовской культуре, об этом свидетельствует, в частности, его местонахождение в ряду захоронений № 397, 398, 334, 333.

Вторая группа погребений представлена шестью могилами, из которых четыре захоронения одиновской культуры были перекрыты и местами перерезаны погребениями кротовской культуры (см. рис. 2).

Погребение № 382 (см. рис. 2). Верхняя часть могильной ямы была срезана грунтовой дорогой. Заполнение ямы (глубина от уровня материка 0,06 м) – темно-серая супесь. У дна прослежена линза мешаной желто-серой супеси. После выборки заполнения установлено, что могильная яма подпрямоугольной формы.

В могильной яме размерами ок. 1,95×0,58 (0,61) м первоначально был погребен взрослый человек, от его скелета сохранились лишь кости ног со стопами и фрагмент таза (правое крыло). В 0,5 м к северу от костей ног находились фрагменты черепа. Судя по положению костей ног, умершего погребли на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток. Захоронение одиновской культуры в южной части перерезано погребением кротовской культуры № 409.

Погребение № 383 (см. рис. 2, 23). Могильная яма практически полностью уничтожена в ходе эксплуатации дороги, границы сохранились лишь фрагментарно, что не позволяет судить о первоначальной глубине и размерах.

После чистки костей скелета выяснилось, что умерший – взрослый человек – положен в могилу на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток, руки были вытянуты вдоль туловища. Череп лицевой частью повернут к северу и слегка приподнят. Кости очень плохой сохранности. Отсутствуют ребра левой части грудной клетки, фаланги ног. На берцовых костях находился еще один череп, он лежал на левой височной кости. При разборке погребения на берцовых костях правой ноги зафиксированы следы красного красителя. Захоронение одиновской культуры, явно вторичное. Находок нет.

Погребение № 384 (см. рис. 2, 24). Верхняя часть могильной ямы почти полностью уничтожена в ходе эксплуатации дороги, поэтому представить размеры погребения сложно. Заполнение состоит из супеси темно-серого цвета.

От скелета взрослого человека сохранились бедренная кость правой ноги, берцовые кости и кости стопы с несколь-

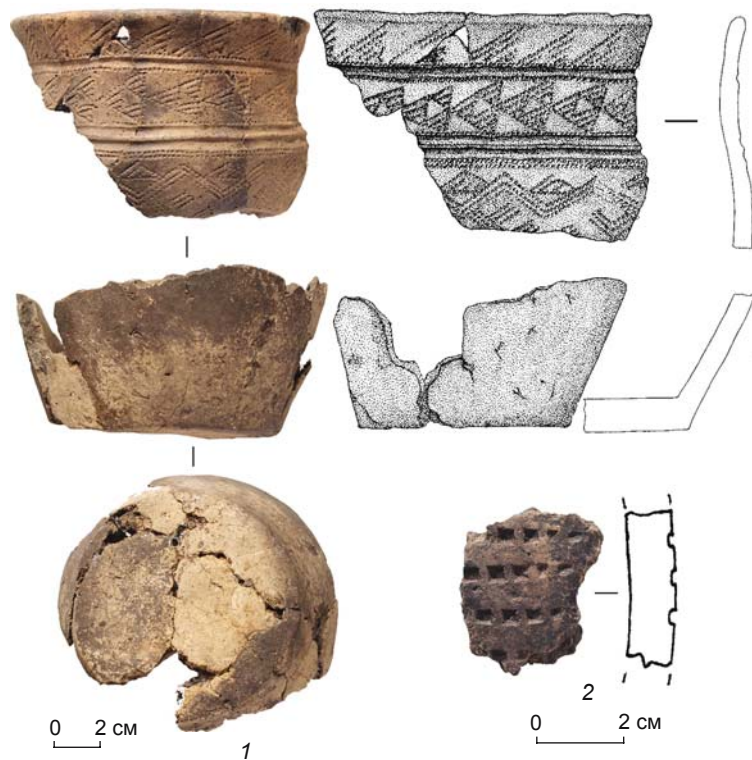

Рис. 22. Фрагменты сосудов андроновской (федоровской) (1) и кротовской (2) культур из погр. № 414.

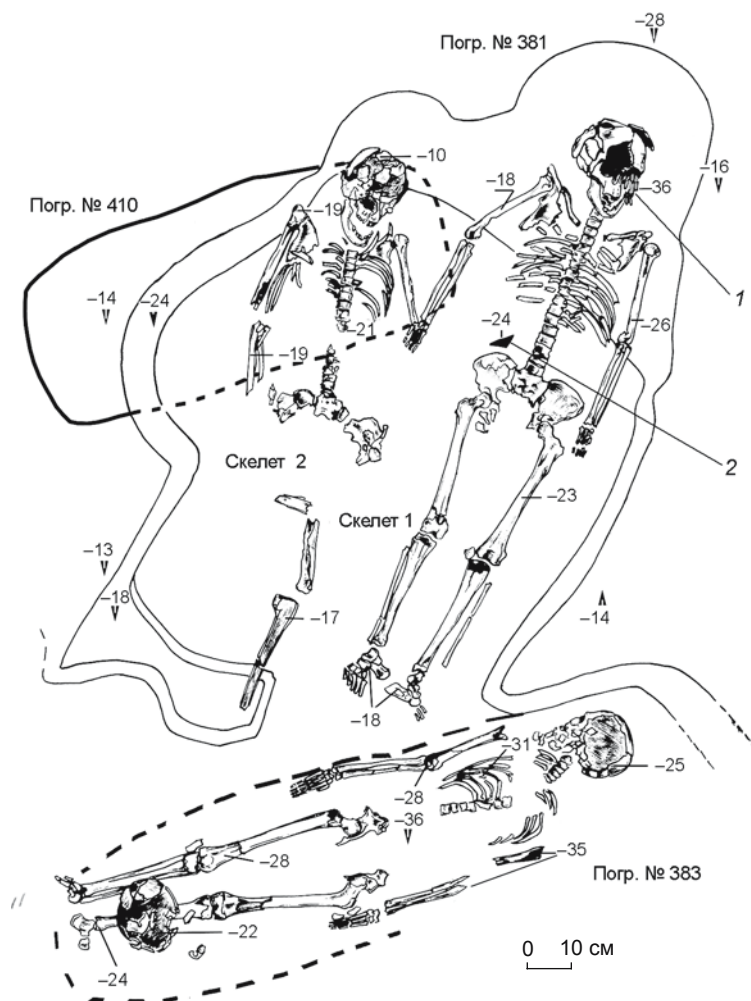

Рис. 23. План погребений одиновской культуры № 383, 410 и перекрывающего их погребения кротовской культуры № 381.
1 – подвески из зубов животного; 2 – каменная подвеска.

кими фалангами обеих ног. Учитывая положение костей ног, находившихся *in situ*, умерший был погребен в вытянутом положении на спине, головой на северо-северо-восток. В 0,30–0,90 м к югу от костей ног лежали еще несколько костей человека: два фрагмента ребер, фрагмент лучевой кости, фаланга пальца. При разборке костей в южной части могилы обнаружен обломок ножевидной пластины. Захоронение одиновской культуры.

Все три вышеперечисленные погребения были нарушены могильной ямой кротовской культуры № 409.

Погребение № 409 (см. рис. 2, 25, 26). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована продольной осью по линии северо-восток – юго-запад. Максимальные размеры могилы на уровне ма-

терика 0,72×2,50 м. Заполнение могильной ямы неоднородное. В верхней части отмечена линза черно-серой рыхлой супеси с мелкими желтыми вкраплениями. По всей вероятности, этот слой является заполнением погр. № 384, которое было перерезано мог. № 409. Основная часть заполнения представлена желто-серой мешаной супесью с включениями материкового суглинки, в которой залежали разрозненные кости человека.

Восточная и западная стенки могильной ямы по верхнему абрису выгнутые, северная и южная – слегка вогнутые таким образом, что расстояние между ними в центральной части могилы меньше, чем по краям, отчего погребение имеет овальную форму. Дно могилы неровное. У восточной и западной стенок фиксируются небольшие ступеньки шириной 0,03 и 0,05 м соответственно. Наблюдается понижение дна на 0,09 м в юго-западной части погребения. Глубина могильной ямы 0,20–0,23 м.

Погребен взрослый мужчина. Он был помещен в могилу в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Ноги были чуть согнуты в коленных суставах, правая лежала на боку. Правая рука вытянута вдоль туловища и повернута ладонью вниз. Левая также вытянута, ладонь положена на бедро. Череп раздавлен, его лицевая часть сдвинута вправо. Сохранность костей в целом удовлетворительная. Не сохранились или плохо сохранились концы ребер и

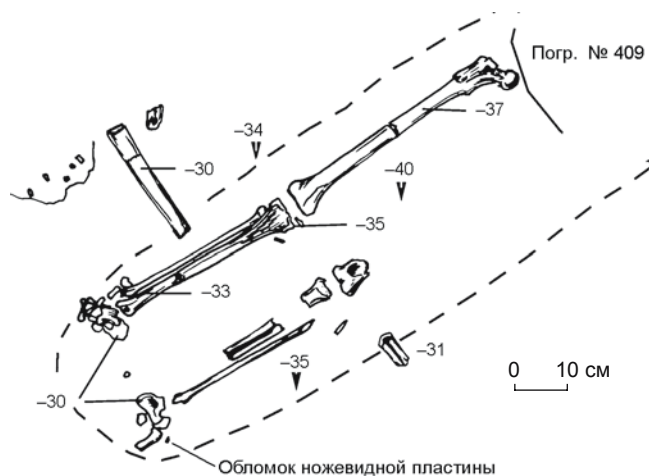

Рис. 24. План погребения одиновской культуры № 384.

Рис. 25. Погребение кротовской культуры № 409.

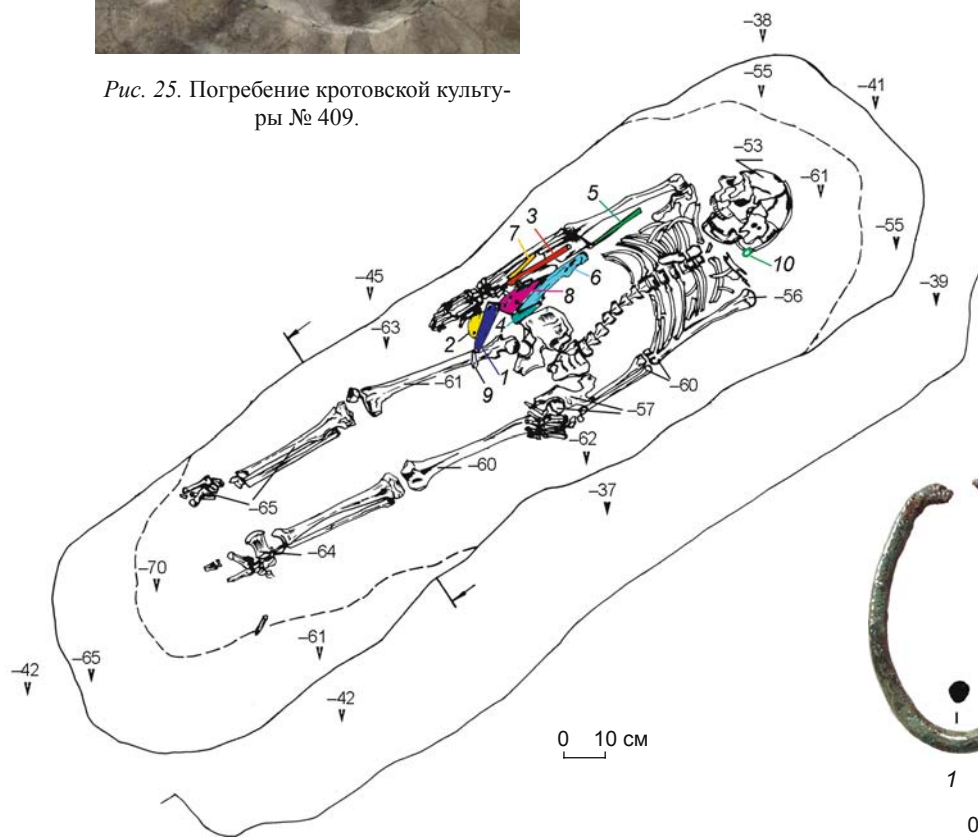

Рис. 26. План (а) и разрез (б) погр. № 409.
1, 2, 4, 8, 9 – изделия из камня; 3, 5–7 – из кости; 10 – из бронзы.

позвонок, а также эпифизы костей ног. Отсутствует часть фаланг пальцев правой ноги. Левое крыло таза полуразрушено, правое очень плохой сохранности.

Слева от черепа (в области левого уха) находилась бронзовая серьга в виде овального кольца из проволоки (рис. 26), под черепом – вторая аналогичная серьга (рис. 27). Вдоль локтевой кости правой руки зафиксировано скопление предметов из камня и кости (см. рис. 26, 28), вдоль плечевой кости лежал еще один костяной предмет. Около кисти погребенного отмечен овальный плоский предмет (подвеска?) белого цвета с отверстием диаметром ок. 7 мм, изготовленный, по-видимому, из низкокачественного мрамора (рис. 29, 2). Его максимальные параметры $6,1 \times 4,4 \times 0,6$ см, боковая поверхность неровная, край с отверстием скошен и слегка заострен. Обломок артефакта с отверстием из подобного материала обнаружен в скоплении каменных изделий около локтевой кости погребенного (рис. 29, 4).

В процессе разборки погребения и снятия находок выяснилось, что большую часть скопления каменных предметов составляли фрагменты одного каменного изделия – т.н. луновидной подвески, специально сложенной и помещенной в могилу (см. рис. 28). Подвеска

Рис. 27. Бронзовые серьги из погр. № 409.

Рис. 28. Фрагмент погр. № 409.

изготовлена из серого камня, вероятно сланца, и представляет собой длинный, заостренный с обоих концов предмет размерами 55,0×1,6×4,6 см. Один его боковой край прямой, другой выпуклый, дугообразный. В центральной части подвески, ближе к дугообразному краю, имеется отверстие диаметром 0,4–0,5 см. Поверхность изделия отшлифована (см. рис. 29, 6).

Половина аналогичной подвески с отверстием, но меньшего размера найдена в этом же скоплении (см. рис. 29, 1). Длина фрагмента 9,7 см, ширина в центральной части 4,5, толщина – 0,5, диаметр отверстия 1,5 см. Под каменными изделиями залегал костяной предмет – возможно, основа для вкладышевого орудия (ножа?): острое полое с одной стороны, с отверстием на конце и выемкой посередине (рис. 30, 1). Длина изделия 23,2 см. Внутренняя и внешняя поверхности залощены. Боковые края с внутренней стороны обломаны, конец плоский, закругленный. В скоплении обнаружены простой (см. рис. 29, 3) и ретушированный (см. рис. 29, 5) отщепы. Названные предметы были помещены в могилу, скорее всего, в какой-то емкости (мешке?). В погребении найдены также три кости птицы (?) в сочленении (см. рис. 30, 2–4). Они лежали вдоль костей руки умершего, с внутренней стороны. Абсолютные аналоги каменным «луновидным» подвескам обнаружены в двух непо потревоженных погребениях расположенного по соседству кротовского могильника Сопка-2/4 [Молодин, 1985, с. 43–44]. Остальной погребальный инвентарь в целом типичен для захоронений данной культуры [Там же, с. 44].

В этой же группе захоронений исследован комплекс, в котором более позднее захоронение кротовской культуры почти полностью перекрывает более раннюю могилу одиновской культуры.

Погребение № 410 (рис. 2, 31, 32). Могильная яма размерами по верхнему абрису 0,46×1,02 м, по нижнему 0,41×0,96 м. Глубина ямы от уровня материка неодинакова – 0,25–0,31 м (рис. 32). Стенки ямы прямые, у западной имеется ступенька шириной 0,06 м.

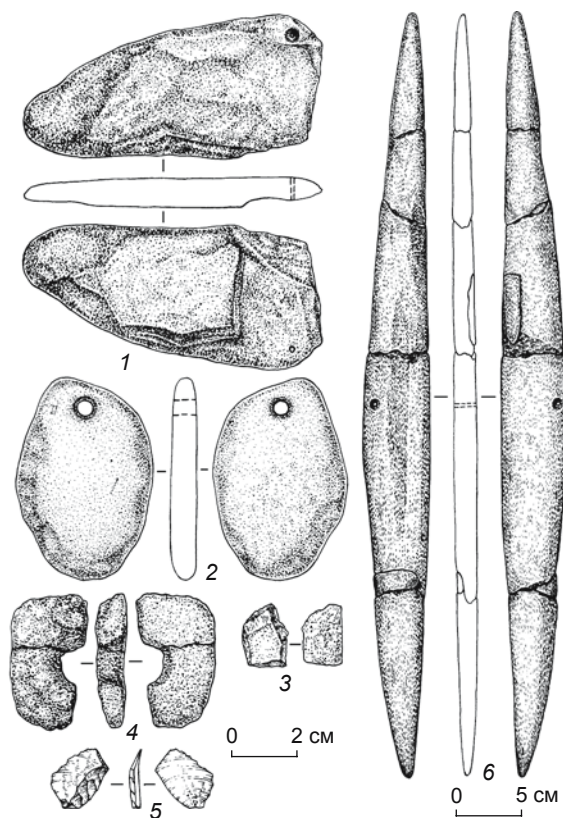

Рис. 29. Каменные изделия из погр. № 409.

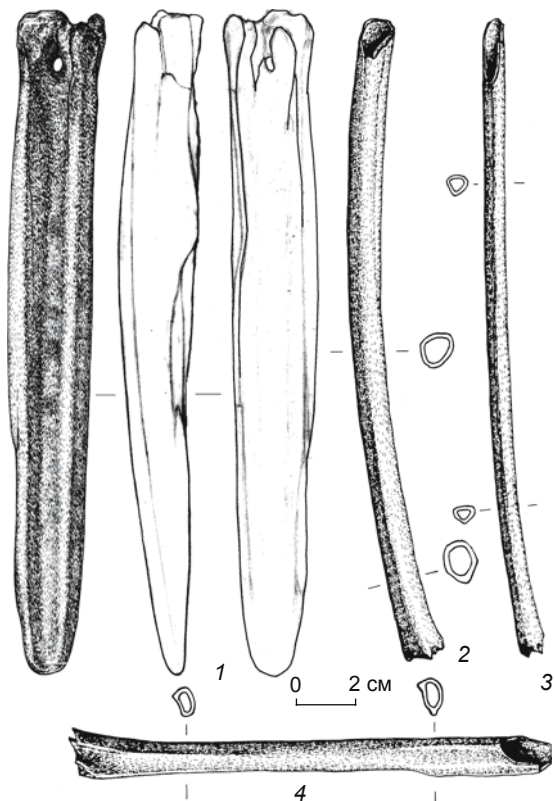

Рис. 30. Костяные предметы из погр. № 409.

Рис. 31. Погребение одиновской культуры № 410.

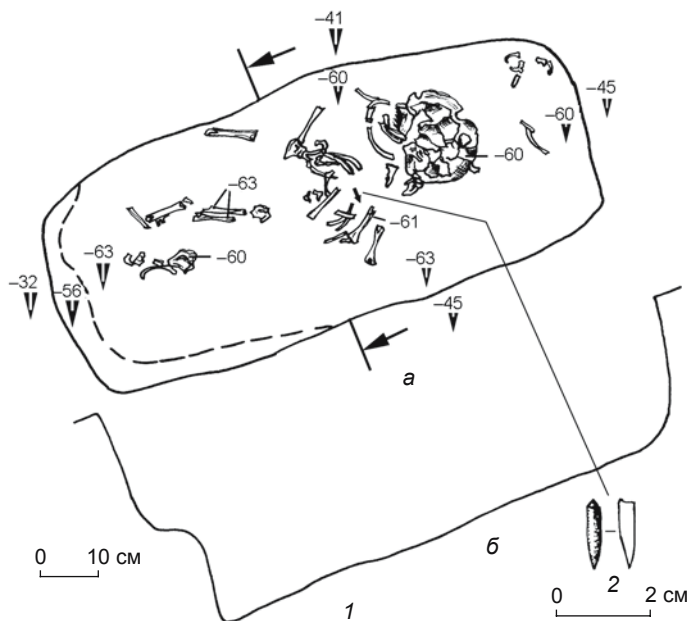

Рис. 32. План (1, а), продольный разрез (1, б) погр. № 410 и костяное острие (2).

По высоте стенки разные: в западной части выше, чем в восточной, т.к. верхняя часть погребения нарушена более поздним захоронением № 381.

Заполнение могилы состоит из двух частей, разделенных норой. Одна часть представлена светло-серой супесью, в которой залежали кости погребенного, другая – однородной почвой темно-серого цвета.

Захоронен ребенок. Почти весь скелет нарушен проходящим через погребение пономором. Судя по сохранившимся частям костяка, умерший был помещен в могилу в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. *In situ* обнаружены раздавленный череп, лежавший на правом боку (?), кости правой руки и малая берцовая кость правой ноги. Голова умершего несколько приподнята над туловищем, что типично для одиновских захоронений.

Около восточной стенки над черепом погребенного найдены кости мелкого животного или птицы. В области груди зафиксировано костяное острие (?) (рис. 32, 2).

Судя по конструкции могильной ямы и положению сохранившихся *in situ* костей погребенного, захоронение относится к одиновской культуре. Оно полностью перекрыто могильной ямой, относящейся к кротовской культуре.

Погребение № 381 (рис. 2, 23, 33). Верхняя часть могилы сильно потревожена в ходе эксплуатации дороги, поэтому границы могильной ямы сложного очертания читаются слабо. Погребение парное. Учитывая абрис ямы, можно предположить, что ее подрабатывали особо, под каждого погребенного.

Рис. 33. Погребение № 381.

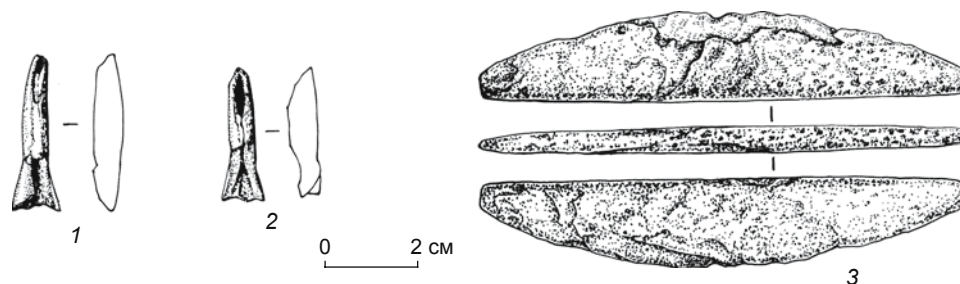

Рис. 34. Погребальный инвентарь из погр. № 381.

Скелет 1 был ориентирован головой на северо-северо-восток. Примерные границы ямы в зоне расположения костей скелета 1, $1,81 \times 0,47$ м, глубина до 0,08 м. Размеры ямы в зоне расположения костей скелета 2 $1,60 \times 0,39$ м, глубина до 0,10 м.

Скелет 1 принадлежит взрослому человеку. Кости плохой сохранности. Умерший похоронен на спине в вытянутом положении, левая рука, немного согнутая в локтевом суставе, была вытянута вдоль туловища, правая рука отодвинута. Правое плечо выше левого. Череп лицевой частью повернут к восточной стенке. В результате деятельности грызунов лучевая и локтевая кости, кисть правой руки, правое крыло таза сместились и находятся ниже уровня залегания других костей. На черепе (на глазницах и верхней челюсти) – два ряда подвесок из зубов лося (8 ед.) (рис. 34, 1, 2). Чуть выше таза справа залегала каменная «луновидная» подвеска (рис. 34, 3).

Скелет 2 расположен под углом ок. 30° к скелету 1. Череп находится на уровне костей грудной клетки скелета 1. Захоронен взрослый человек. Он помещен в могилу в вытянутом положении на спине, головой на северо-северо-восток, правая рука была вытянута вдоль тела, от левой сохранилась лишь плечевая кость. Из костей нижней части скелета имеются фрагменты таза, бедренной и большой берцовой костей левой ноги. Из-за норы часть костей грудной клетки смещена. Четко видно, что череп лежит выше других костей, как бы на земляной подушке.

По положению скелетов и наличию «луновидной» подвески погребение можно отнести к кротовской культуре. Подвеска аналогична двум украшениям из кротовского захоронения № 409 могильника Тартас-1.

Выводы

Результаты исследования группы рассматриваемых захоронений на памятнике Тартас-1 позволяют определить временную последовательность культурных комплексов эпохи бронзы. Захоронение усть-тартасской культуры № 422 перекрыто погребением одиновской культуры № 379. Одиновские мог. № 382–384, 410

перерезаны и перекрыты захоронениями кротовской культуры № 381 и 409. Поверх погребений усть-тартасской культуры находились позднекротовские мог. № 405 и 414 (см. рис. 2). Данная последовательность подтверждает правильность созданной одним из авторов статьи периодизации культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи [Молодин, 1985, с. 78–79; 2001].

Следует отметить, что серии калиброванных радиоуглеродных дат, которые определены в последнее время по материалам могильников Сопка-2, Тартас-1 и Преображенка-6, несколько изменили представления о временной принадлежности перечисленных выше культурных образований. Удревнение андроновских (федоровских) погребений могильника Тартас-1 [Молодин, Парцингер, Марченко и др., 2008] вписывается в общую концепцию удревнения памятников данной культуры, разработанную на основе радиоуглеродных дат, полученных разными коллективами исследователей по образцам из объектов достаточно удаленных территорий [Svyatko et al., 2009, p. 244; Кирюшин, Грушин, Орлова, Папин, 2007]. Однако удревнение захоронений одиновской культуры до первой половины III тыс. до н.э. (по материалам могильника Сопка 2/4А) [Молодин, Марченко, Гришин, Орлова, 2010, с. 244] и особенно отнесение к этому рубежу серии захоронений могильника кротовской культуры Сопка 2/4Б ставит перед специалистами ряд вопросов, на которые пока нельзя ответить однозначно. Согласно калиброванным датам, хронологические рамки усть-тартасской культуры – конец V – середина III тыс. до н.э. [Марченко, 2009, с. 141–143].

Представляется, что нужно учитывать достаточно широкий временной диапазон, в данном случае – более полутысячелетия, который дают радиоуглеродные даты. В действительности означенные рамки могут существенно сузиться. Это может относиться как к одиновским и кротовским захоронениям могильника Сопка-2, так и к погребениям усть-тартасской культуры. Уже отмечалось, что в данном районе Западной Сибири на определенном этапе могли параллельно развиваться две культурные линии: одиновская и кротовская культурные группы, возможно, бытовали в одно время [Молодин, 2010]. Чтобы более точно отве-

тить на поставленные вопросы, желательно располагать большей серией радиоуглеродных дат для разных памятников, которые будут определены в разных высокорейтинговых лабораториях. Стратиграфические данные, о которых шла речь в настоящей статье, имеют особое значение для разработки историко-культурных проблем памятников эпохи бронзы.

Список литературы

- Гришин А.Е.** Погребальный обряд кротовской культуры: типология погребальной практики (по материалам могильника Сопка-2): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 20 с.
- Зах В.А.** Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 317 с.
- Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скощина С.Н., Усачева И.В.** Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. – Новосибирск: Наука, 2008. – 212 с.
- Зимина О.Ю., Зах В.А.** Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. – Новосибирск: Наука, 2009. – 231 с.
- Киришин Ю.Ф., Грушин С.П., Орлова Л.А., Папин Д.В.** Хронология Алтая в бронзовом веке (проблемы радиоуглеродного датирования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 255–259.
- Киришин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А.** Елунинская культура бронзового века в Обь-Иртышском междуречье // На пути открытия цивилизации. – СПб.: Алетей, 2010. – С. 552–566. – (Тр. Маргиан. археол. экспедиции).
- Кокшаров С.Ф.** Памятники энеолита севера Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во НППМ «Вомет», 2009. – 272 с.
- Корочкова О.Н.** Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроновские древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. – 104 с.
- Марченко Ж.В.** Радиоуглеродная хронология археологических памятников эпохи неолита и раннего металла Барабинской лесостепи // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – С. 140–143.
- Матвеев А.В., Аношко О.М.** Зауралье после андроновцев. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 2009. – 414 с.
- Молодин В.И.** Бараба в древности: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1983. – 36 с.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
- Молодин В.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т.1: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. – 127 с.
- Молодин В.И.** Усть-тартасская культура // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: мат-лы XIII Западносиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2005. – С. 180–184.
- Молодин В.И.** Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – С. 9–13.
- Молодин В.И.** Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 61–76.
- Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Орлова Л.А.** Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней – развитой бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 240–246.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Писюнко Х., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Гришин А.Е.** Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмысления) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале, 2008 г. – М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 325–328.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Михеев О.А.** Археолого-геофизические исследования могильника Тартас-1 в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. 1. – С. 372–377.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А., Степаненко Д.В.** Новый могильник усть-тартасской культуры в Барабе (результаты археолого-геофизических исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 213–218.
- Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И., Ненахов Д.Л., Ковыршина Ю.Л., Нестерова М.С.** Тартас-1 – открытия 2010 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 262–266.
- Чемякин Ю.П.** Барсова Гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. – 224 с.
- Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J.** New Radiocarbon dates and a Review of the Chronology of Prehistoric populations from the Minusinsk basin, southern Siberia, Russia // Radiocarbon. – 2009. – Vol. 51, N 1. – P. 243–273.

Материал поступил в редколлегию 14.03.11 г.

УДК 903.5

А. ГассТОПОЙ, Междисциплинарное научно-исследовательское объединение
научный блок 264, исследовательская группа A-I-1

Германия

Exzellenzcluster 264 – TOPOI, Hittorfstr., 18, Berlin, 14195, Germany

E-mail: anton.gass@topoi.org

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЮГО-ВОСТОЧНОГО СЕМИРЕЧЬЯ В СВЕТЕ ДАННЫХ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В работе рассматриваются предварительные итоги геоархеологических исследований памятников сакской элиты раннего железного века на территории Юго-Восточного Семиречья/ (Казахстан). Анализируются климатические и ландшафтные особенности изучаемого региона как одни из важных факторов становления определенного типа хозяйства древнего населения региона. Дается подробное описание археологических объектов – курганных насыпей и дополнительных конструкций на их периферии, в т.ч. ритуальных дорог, которые сегодня являются наиболее древними свидетельствами дорожного строительства в Среднеазиатском регионе. Обсуждается ландшафтно-географическое размещение сакских могильников вдоль северных склонов Заилийского Алатау – территориальных маркеров сакрального родового пространства саков.

Ключевые слова: Казахстан, Юго-Восточное Семиречье, ранний железный век, саки, могильник.

Введение

Юго-Восточное Семиречье отличается уникальной концентрацией памятников сакской элиты I тыс. до н.э. Однако из сотен находящихся здесь археологических объектов исследованы лишь единицы. Основные изыскания проводились в 1960–1970-е гг. [Акишев, Кушаев, 1963; Акишев, 1978], отдельные раскопки – в первом десятилетии XXI в. [Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005; Самашев и др., 2006]. На территории Юго-Восточного Семиречья практически нет памятников, изученных с применением новейших методов, поэтому одна из задач исследований, которые проводятся с 2008 г.*, – попытаться исправить

сложившуюся ситуацию*. Кроме того, с помощью GPS (модель Garmin) планировалось определить координаты известных, картографированных и паспортизированных, а также выявленных в ходе проекта памятников эпохи раннего железа и при техниче-

речья/Казахстан», цель которого – изучение памятников элиты раннего железного века региона на основе методов археологии и физической географии. Исследования проводились при участии Фонда прусского культурного достояния (Берлин, Г. Парцингер, при участии М. Наврота и Р. Бороффки), Германского археологического института (Берлин, А. Наглер), Института физической географии Свободного университета (Берлин, Б. Шютт, К. Зингер и М. Блеттерманн) и отдела исследований раннего железного века Института археологии им. А.Х. Маргулана Республики Казахстан (Алматы, З. Самашев, при участии Б. Нурмуханбетова).

*Работа по проекту еще не закончена, поэтому все нижеизложенное отражает состояние исследований на текущий момент.

*В 2008 г. в научно-исследовательском центре ТОПОЙ (Exzellenzcluster 264 – TOPOI, Berlin, Germany) был разработан междисциплинарный проект «Археологические и геоархеологические исследования Юго-Восточного Семи-

ской поддержке спектра программ GIS по аэрокосмическим снимкам топографически их обработать. Предполагалось выяснить: в каких природно-ландшафтных зонах Семиречья находятся могильники с курганами сакской элиты? Прослеживается ли какая-либо взаимосвязь в распределении археологических объектов? Есть ли закономерность в расположении курганов на некрополе в зависимости от их размеров и формы насыпи? Как миграционные процессы отразились на освоении и использовании новых территорий? Являлись ли «царские» курганы саков Семиречья только местами погребений или же их функция была шире?

Географическая характеристика

Семиречье (каз. *Жетысу*) – географическая и историческая область в Центральной Азии. В настоящее время основная часть Семиречья находится на территории Республики Казахстан, а самая южная и юго-восточная его оконечности – на территориях Республики Кыргызстан и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Территория Семиречья, по которой текут семь крупных рек (Или, Каратал, Сарканд, Биен, Аксу, Лепса и Баскан), простирается от горных хребтов Северного Тянь-Шаня, Заилийского и Джунгарского Алатау на юге до озер Балхаш, Сасыколь и Алаколь на севере. Зоной исследований по проекту является юго-восточная часть Семиречья, находящаяся на территории Республики Казахстан. Ее северной границей считаются р. Или и Капчагайское водохранилище, южной – горы

Заилийского Алатау, включая плато Кеген, западной – реки Большая и Малая Алматинка, восточной – восточная оконечность Заилийского Алатау.

Вся исследуемая территория охватывает четыре ландшафтные зоны (рис. 1). Здесь на достаточно небольшом расстоянии (27 км по прямой воздушной линии от высокогорий Северного Тянь-Шаня до южной границы равнинной плоскости) наблюдаются очень большие перепады высот относительно уровня моря (пик Талгар – 4 975 м, южная граница равнинной плоскости – 973 м). Высокогорья Северного Тянь-Шаня сменяются лессовыми предгорьями, далее аллювиальными отложениями конусов выноса, переходящими в равнинную плоскость.

На территории Семиречья прослеживаются три климатические зоны (рис. 2). Высокогорья Тянь-Шаня характеризуются нивальным климатом с довольно коротким летом и большим количеством осадков. Причем твердых осадков выпадает значительно больше, чем успевает растаять и испариться. В зоне предгорий доминирует умеренно континентальный климат; по сравнению с высокогорьем здесь значительно меньше осадков, более продолжительное лето и более мягкая погода в зимние месяцы. В зоне степной полосы господствует резко континентальный климат с жарким летом, холодной зимой и малым количеством осадков. Редкая облачность приводит к колоссальным перепадам дневной и ночной температур. Малое количество осадков и, как следствие этого, низкая влажность являются важнейшими характеристиками данной климатической зоны.

Указанные особенности обусловили наличие на относительно небольшом участке северных склонов

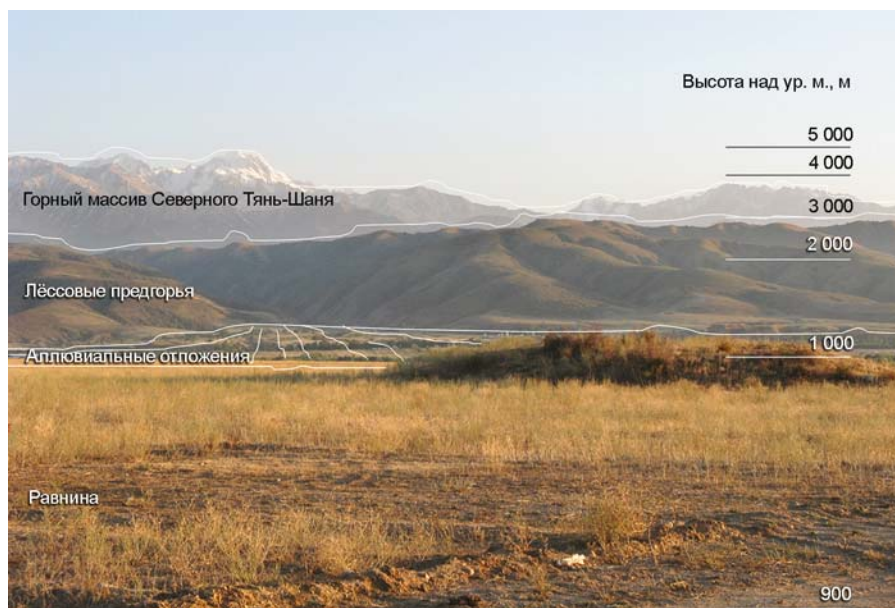

Рис. 1. Ландшафтные зоны Семиречья. Фото М. Блеттерманна.

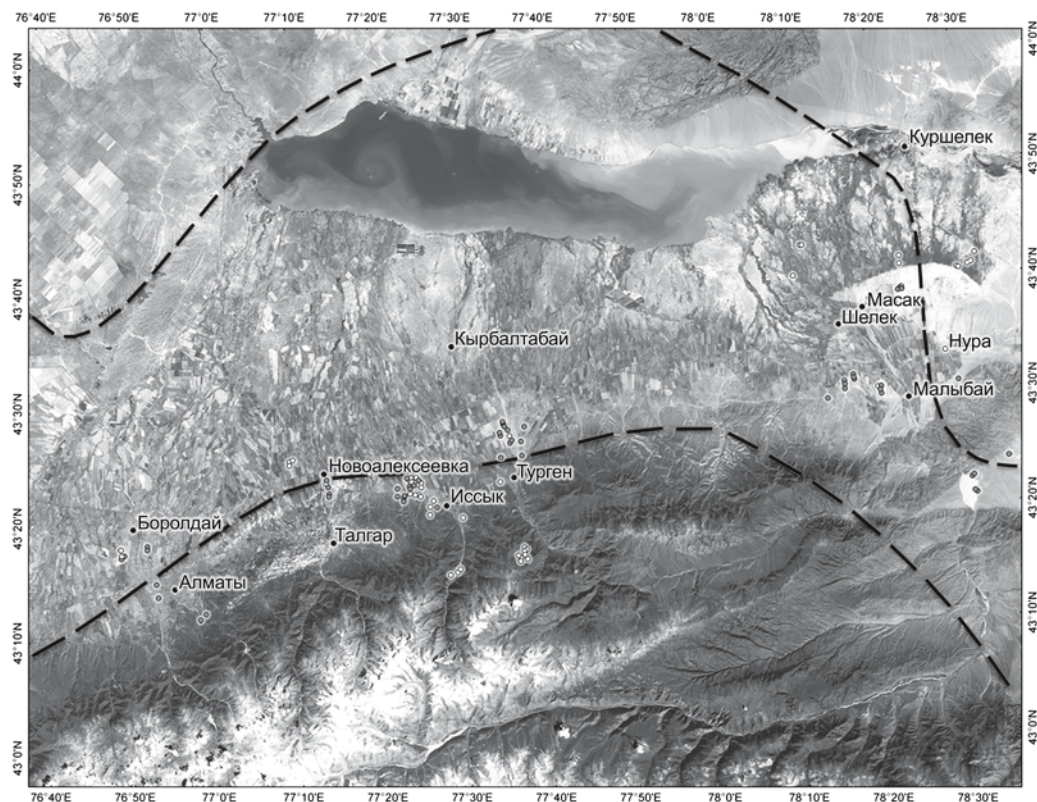

Рис. 2. Климатические зоны Семиречья. Фото М. Блеттерманна.
1 – резко континентальный климат; 2 – умеренно континентальный; 3 – нивальный.

Тянь-Шаня различных зон растительности, комбинированное использование которых дает преимущества для занятия животноводством. Полоса предгорий с плодородными почвами, мягкой зимой и ирригационной системой в жаркие летние месяцы является прекрасным местом для развития земледелия. Можно предположить, что северные склоны Заилийского Алатау являлись узловым пунктом как для оседлого, так и кочевого населения.

Общая характеристика

Могильники раннего железного века, содержащие курганы сакской элиты, были заново осмотрены, измерены и документированы. В качестве курганов элиты рассматриваются конструкции высотой 2 м и более, диаметром от 30–40 м (рис. 3).

В ходе картирования установлено, что все исследованные некрополи располагаются на берегах рек – на второй или третьей надпойменной террасе, вдоль предгорий Заилийского Алатау (т.е. практически на ландшафтном стыке аллювиальных отложений и равнинной плоскости), ориентированы к северу и находятся на расстоянии 0,5–3,0 км от предгорий, занимают плодороднейшие земли. Высокая концентрация

могильников с большими курганами наблюдалась также на плато Кеген и в высокогорных долинах Заилийского и Кунгей Алатау. Как правило, в пределах одного водораздела находится только один могильник. Почти все исследованные могильники возведены на западном берегу. Исключением является могильник у с. Турген, расположенный на обоих берегах р. Турген. Таким образом, реки представляли собой естественную природно-ландшафтную границу между сакральными участками «царских» могильников.

Все могильники раннего железного века с курганами сакской элиты построены по одному образцу. Курганы образуют в среднем одну – семь цепей. В одной курганной цепи находятся от 3 до 20 курганов, которые выстроены по линии север – юг (с небольшими отклонениями).

Курганные земляные насыпи созданы по одному принципу. Почти все они имеют вид усеченного конуса с крутыми склонами. Южный склон более пологий по сравнению с другими. На поверхности редко прослеживаются камни курганного панциря. Практически все курганы несут следы разграбления.

По расположению и специфике внешней формы курганов могильники Семиречья сходны с могильниками северной части Понтийского региона [Мозолевский, Полин, 2005; Polin, 2007], о которых имеются

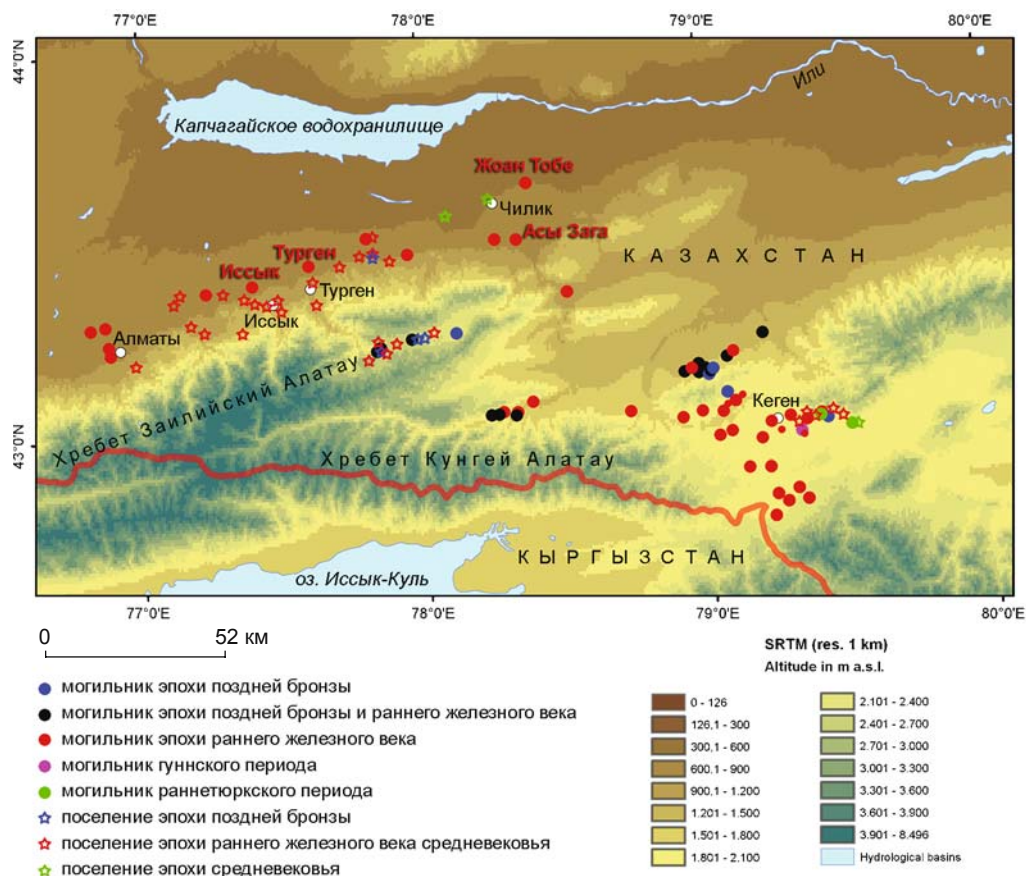

Рис. 3. Исследованные могильники и поселения в Юго-Восточном Семиречье.

письменные свидетельства античных авторов, например Геродота. «Царские» курганы по форме соответствуют описанным скифским святилищам, в частности Ареса [Геродот, 2006, кн. 4, § 62, с. 276–277], вместе с тем они представляют собой места коллективной памяти, которые имели особое значение для

Рис. 4. Соотношение некрополей сакской элиты с дополнительными архитектурными элементами.

самоидентификации скифов (в нашем случае саков) [Там же, § 71, с. 279–280; § 127, с. 300–301]. Таким образом, исследуемые нами могильники сакской элиты Семиречья являются не только «кладбищами вождей», но и сакральными местами культовой самоидентификации саков.

На территории Юго-Восточного Семиречья курганы создавались и размещались в системе могильника, подчиняясь, как правило, одному принципу. Однако на каждом третьем из исследованных нами могильников встречаются курганы подквадратной формы с пирамидальной насыпью (рис. 4). Также каждый третий исследованный некрополь содержит курганы с ритуальными дорогами. Практически на каждом четвертом могильнике встречаются курганы с каменными кольцами. На некоторых памятниках, например на некрополе Асы Зага, имеются и ритуальные дороги, и курганы с пирамидальной насыпью. Приведем характеристики трех могильников – Иссык, Турген и Асы Зага.

Могильник Иссык (рис. 5). Его координаты: 43°23'30.09" с.ш., 77°23'30.75" в.д., высота над ур. м. 835 м; протяженность по линии север – юг 2,7 км, запад – восток – 2,3 км.

Рис. 5. Могильник Иссык. Вид с севера.

Некрополь располагается приблизительно в 40 км к востоко-северо-востоку от г. Алматы, в 6,5 км к северо-западу от г. Иссык (каз. *Есік*), на левом современном берегу одноименной реки. Южнее могильника простираются северные склоны Заилийского Алатау. Объект получил мировую известность благодаря обнаруженному в 1970-е гг. «Золотому человеку» (рис. 6) [Акишев, 1978; Parzinger, 2004, с. 55–57; Samašev, 2007] и до открытия в 2001 г. «царского» погр. 5 в кург. Аржан-2 (Республика Тыва в РФ), содержавшего более 9,3 тыс. артефактов, в т.ч. 5,7 тыс. из золота [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2003, 2007, 2010], считался могильником с самым богатым захоронением эпохи раннего железного века восточнее Уральских гор. Столь важный для науки могильник, к сожалению, исчезает: на его территории появляются постройки. Сегодня он насчитывает 52 кургана крупных и средних размеров (рис. 7). Диаметр земляных насыпей курганов составляет 16–145 м, высота 2–8 м. Могильник включает шесть или семь курганных цепей, протянувшихся с северо-запада на юго-восток параллельно руслу реки. Ввиду застройки части территории некрополя точное количество последних установить сейчас не представляется возможным. Во всех курганных насыпях имеется одна или более грабительская воронка. Курганы округлой, полусферической формы с несколько уплощенной вершиной. Три склона курганных насыпей довольно крутые, четвертый, как правило, южный, покатый. Другие внешние архитектурные особенности курганных насыпей данного могильника не выявлены.

Рис. 6. «Золотой человек». Реконструкция К.А. Акишева (по: [Samašev, 2007]).

Могильник Турген (рис. 8). Координаты: 43°26'37.29" с.ш., 77°35'59.99" в.д., высота над ур. м. 826 м; протяженность по линии север – юг 6,7 км, запад – восток – 4,1 км. Некрополь Турген расположен в 17,8 км к востоко-северо-востоку от некрополя Иссык, на обоих берегах одноименной реки. Западная часть могильника (на левом берегу Тургена) находится в 1,5 км севернее с. Турген (каз. *Турген*), восточная – на территории с. Каракемер (каз. *Қаракемер*) и лежащих севернее него виноградников. В настоящее время на могильнике насчитывается 33 крупных и средних кургана (рис. 9). Из них 20 курганов, которые образуют две цепи, расположены на левом берегу реки. Третья цепь, состоящая как минимум из 13 курганов*, находится на противоположном берегу. Курганные цепи ориентированы по линии север – юг и располагаются параллельно руслу реки.

*Ввиду застройки части территории могильника на правом берегу точное количество курганов установить не удалось.

Рис. 7. План могильника Иссык (SPOT).

Рис. 8. Могильник Турген. Вид с юга.

Диаметр курганов от 22 до 70 м, высота от 3–4 до 9–10 м. Все курганные насыпи имеют следы разграбления. Курганы округлой, полусферической формы с несколько уплощенной вершиной. Южная часть насыпи 27 курганов более покатая. Курганы 7, 16 и 17 (по нашей рабочей нумерации) были частично или полностью раскопаны*, кург. 23 частично разрушен**, поэтому установить, какая сторона у них была покатой, не представлялось возможным.

Курган 12 имел подквадратную форму; он был построен в форме платформы с плоской вершиной. Вокруг кург. 4 на расстоянии 16 м от подошвы было выложено кольцо из белых и красных камней (речных окатышей). В северо-восточном секторе между каменным кольцом и подошвой кургана зафиксирована каменная насыпь диаметром 12 м и высотой до 0,2 м, являющаяся, возможно, малым курганом.

Наиболее интересным представляется кург. 3, диаметр которого 70 м, высота 7 м (рис. 10). У него округлая в плане насыпь полусферической формы, сильно уплощенная вершина, южный покатый склон. Всю насыпь покрывал серый камень мелких и средних размеров. На вершине кургана зафиксирована грабительская воронка. В периферийной части курган окружен 41 конструкцией, представлявшей собой округлое, в плане овальное или эллипсовидное скопление камней, едва возвышающееся над современной поверхностью, диаметром 1,5–6,3 м (рис. 11). В 30 м от подошвы кургана находилась

ритуальная дорога шириной в среднем 3 м, диаметр ее кольца по внешней линии 139 м (рис. 12). Ее внешние границы были обозначены крупными красными камнями. Внутреннее пространство заполняли серо-белые речные окатыши средних размеров. В 26 м от

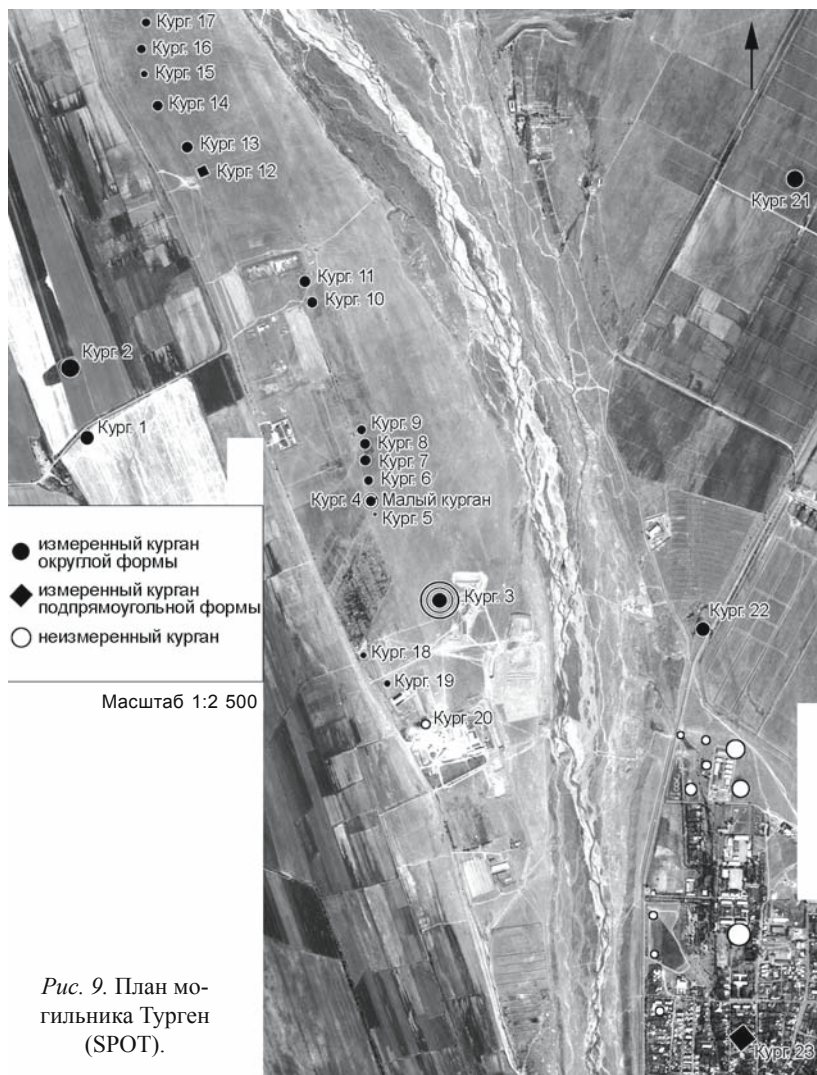

Рис. 9. План могильника Турген (SPOT).

*Охранные раскопки аварийных памятников проводились Б. Нурмуханбетовым в 1992 [Нурмуханбетов, Ченцов, Жаксылыков] и 1997 гг. [Нурмуханбетов].

**Со слов Б. Нурмуханбетова, в 1980-е гг. на поверхности кург. 23 в черте с. Каракемер был построен кинотеатр с прилегающей асфальтированной парковочной стоянкой. Вскоре кинотеатр был разрушен. В 2009 г. на поверхности кургана прослеживались следы фундамента кинотеатра и заброшенной стоянки.

Рис. 10. Курган 3 могильника Турген. Вид с востоко-юго-востока.

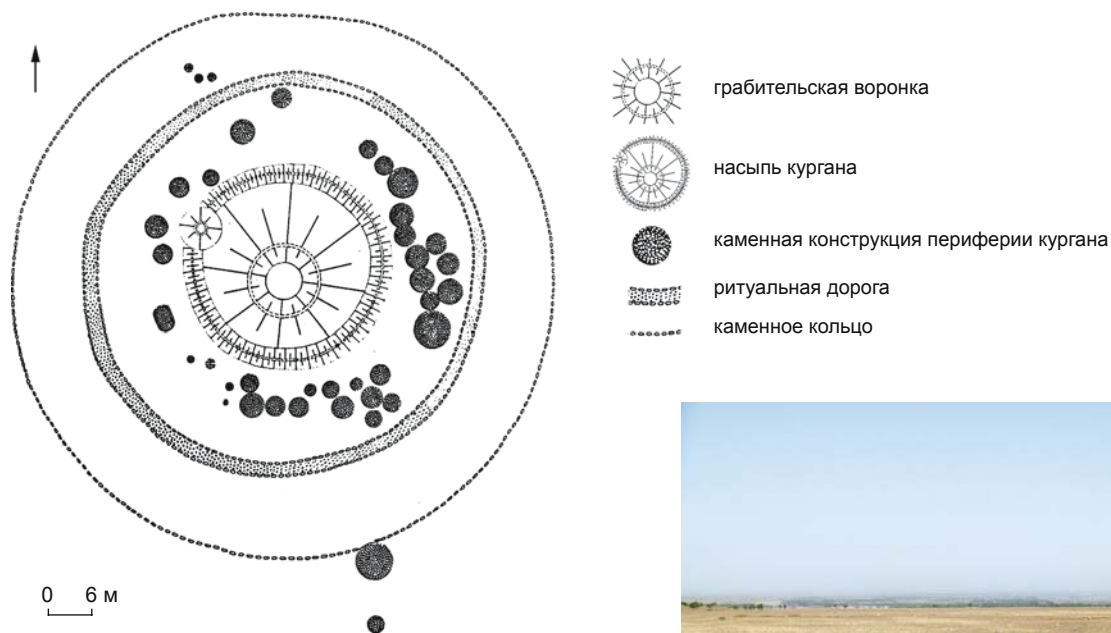

Рис. 11. План кург. 3 могильника Турген (по: [Нурмуханбетов, 1998]).

Рис. 12. Ритуальная дорога (западная часть). Курган 3 могильника Турген. Вид с юга.

Рис. 13. Каменное кольцо. Западная часть. Курган 3 могильника Турген. Вид с юга.

ритуальной дороги и в 61 м от подошвы кургана было выложено каменное кольцо диаметром до 200 м, которое состояло только из серых камней средних и крупных размеров (рис. 13).

Таким образом, кург. 3 могильника Турген представлял собой ритуальный комплекс, состоявший как минимум из четырех основных элементов (курганная насыпь, каменные конструкции на периферии кургана, ритуальная дорога и каменное кольцо). Необходимо отметить цветовую гамму конструкций (красно-бело-серая), которая безусловно имела значение, возможно, ритуальное.

Курган 3 занимал несомненно доминирующее положение в могильнике и благодаря цветным камням вся конструкция приобретала дополнительные черты монументальности.

Могильник Асы Зага (рис. 14, 15). Координаты: 43°30'18.13" с.ш., 78°20'26.32" в.д., высота над ур. м. 840 м; протяженность по линии север – юг 1,4 м, запад – восток – 0,5 км. Некрополь располагается около с. Кызылшарык (каз. *Қызыл шарық*), в 14 км юго-юго-восточнее г. Чилик (каз. *Шелек*) на правом берегу р. Асы (каз. *Асы*). Все курганные насыпи с южной стороны покатые, периферия практически не потревожена. Могильник состоит из шести курганов, выстроенных по линии север – юг. Его особенность в том, что все курганные насыпи довольно большие и разные, в диаметре от 40 до 148 м, высотой от 2,5 до 21 м.

Курган 1 – самый большой и, видимо, основной на могильнике: его высота 21 м, диаметр 148 м (рис. 16). С учетом диаметра ритуальной дороги по ее внешне-

Рис. 14. Могильник Асы Зага. Вид с юга.

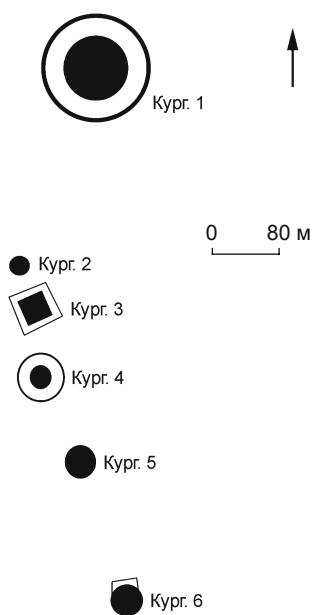

Рис. 15. План могильника Асы Зага.

му краю, размер конструкции увеличивается до 252 м. Курган маркирует самую северную точку некрополя, стоит обособленно, к северо-западу от цепочки остальных курганов. На земляной насыпи кургана прослежены мелкие и средние камни курганного панциря. Округлая в плане насыпь полусферической формы имела уплощенную вершину, южный склон был покатый. В центральной и северной частях курганной насыпи зафиксированы две грабительские воронки довольно больших размеров.

В 47 м от подножия кургана находилась ритуальная дорога, общая ширина которой составляла 5 м (рис. 17). По

Рис. 16. Курган 1 могильника Асы Зага. Вид с запада.

Рис. 17. Ритуальная дорога (юго-западная часть). Вид с востока. Курган 1 могильника Асы Зага.

краям дорога была ограничена уложенными в линию круглыми (средние размеры $60 \times 40 \times 30$ см) камнями красно-розового оттенка. Внутренняя ее часть была заполнена утрамбованным мелким камнем и глиной. Внутри очерченного пространства всей конструкции между курганной насыпью и ритуальной дорогой зафиксирована 21 каменная конструкция округлой формы диаметром от 1,5 до 5,0 м. Эти сооружения являются, скорее всего, малыми курганами, но уточнить это можно будет только в ходе раскопок.

Курган 2 – самый маленький на могильнике (рис. 18). Его полусферическая насыпь с сильно уплотненной вершиной достигает в высоту 3 м, в диаметре 40 м. На поверхности кургана встречены одиночные

Рис. 18. Курган 2 могильника Асы Зага. Вид с запада.

Рис. 19. Курган 3 могильника Асы Зага. Вид с запада.

Рис. 20. Курган 4 могильника Асы Зага. Вид с западо-северо-запада.

мелкие камни. В центре находится грабительская воронка. Южный склон курганной насыпи более покатый.

Курган 3 в плане подквадратной формы, с насыпью в виде усеченной пирамиды (рис. 19). Высота кургана 4 м, длина сторон 56 м. В 17 м от подошвы кургана построена ритуальная дорога (длина каждой стороны в среднем 95 м), повторявшая форму курганной насыпи. Последняя имела приблизительную ориентацию углами по сторонам света. Вся ее поверхность покрыта дроблеными камнями красного оттенка. В центре кургана – большая грабительская воронка. В северо-западном углу курганной насыпи зафиксированы остатки крепиды. Южный склон курганной насыпи по сравнению с другими более покатый.

Ритуальная дорога вокруг кург. 3 шириной 2,5 м, по конструкции идентична ритуальной дороге кург. 1, отличается лишь размерами и формой. Вокруг кург. 1 она сохранилась очень хорошо, вокруг кург. 3 в таком же состоянии только западная и северная части, восточная и южная части сохранились фрагментарно, небольшими отрезками или одиночными каменными линиями, видимыми на современной поверхности.

Курган 4 достигает в высоту 5 м, в диаметре 62 м (рис. 20). Полусферическая земляная насыпь кургана с уплотненной вершиной была покрыта камнями мелких и средних размеров белого цвета. В верхней части курганной насыпи камней не было. В центральной части кургана фиксировалось понижение, возникшее, видимо, в результате разграбления. Юго-юго-западный склон кургана по сравнению с другими наиболее покатый.

В 20 м от подошвы кургана пролегла ритуальная дорога шириной 2 м и диаметром по внешнему краю 106 м; она сохранилась фрагментарно. На северо-северо-западной периферии кургана между курганной насыпью и ритуальной дорогой были зафиксированы четыре небольших каменных сооружения, которые могут быть интерпретированы как малые курганы.

Курган 5 в высоту 6 м, в диаметре 72 м (рис. 21). Округлую полусферическую, с уплотненной вершиной насыпь по склонам покрывали камни средних размеров. На вершине кургана камни не отмечены. На кургане не было также следов грабительских воронок и просадок. Юго-западный склон курганной насыпи по сравнению с другими наиболее покатый.

Курган 6 в высоту 5 м, в диаметре 68 м (рис. 22). Вся поверхность округлого в пла-

не, полусферического, с уплощенной вершиной кургана покрыта отдельными камнями средних и малых размеров. На вершине каменное покрытие отсутствовало, в центре отмечена грабительская воронка. Южный склон насыпи по сравнению с другими наиболее покатый.

У подножия кургана с северной стороны над современной поверхностью возвышается своеобразная «ступенька» (длина 52 м, ширина 22, высота до 0,5 м) из земли, глины и битого камня. Поскольку кург. 6 самый крайний и территория южнее него распахивалась, можно предположить, что остальная часть конструкции комплекса была уничтожена, а «ступенька» представляет собой остатки разрушенной платформы кургана.

Ни подквадратная в плане форма пирамидальных курганов, ни наличие ритуальных дорог вокруг некоторых курганов не могут быть объяснены лишь архитектурной задумкой конструкции. Первичные исследования этого феномена на территории Юго-Восточного Семиречья тоже не дали какого-либо определенного ответа [Самашев и др., 2009]. Чем обусловлены разница в форме курганов, наличие или отсутствие ритуальных дорог вокруг них – предстоит выяснить в ходе дальнейших исследований. Возведение таких «отклоняющихся от нормы» сооружений можно отнести, скорее всего, к специфике религиозных представлений и связанных с ними ритуалов саков.

Ритуальные дороги

То, что вокруг кург. 3 могильника Турген и кург. 1, 3 и 4 могильника Асы Зага были построены ритуальные дороги, а не двойные каменные кольца, доказывают результаты раскопок кург. 1 могильника Жоан Тобе, расположенного в 12 км северо-восточнее населенного пункта Чилик и в 17 км северо-северо-восточнее могильника Асы Зага, который исследовался германско-казахстанской археологической экспедицией в 2008 г. [Там же]. Как и на могильнике Асы Зага, на некрополе Жоан Тобе наиболее крупным был самый северный курган. Его также оконтуривала ритуальная дорога. На нескольких ее участках проводились раскопки, благодаря которым

Рис. 21. Кург. 5 могильника Асы Зага. Вид с северо-запада.

Рис. 22. Кург. 6 могильника Асы Зага. Вид с западо-северо-запада.

Рис. 23. Кург. 1 могильника Жоан Тобе. План и разрез ритуальной дороги (восточный сектор). Объект 31.

можно составить представление о том, как была построена дорога (рис. 23)*.

Исследованная ритуальная дорога вокруг кург. 1 могильника Жоан Тобе является первым свидетельством

*Выражаю благодарность З. Самашеву, А. Наглеру, Г. Парцингеру, М. Навроту и Р. Бороффке за предоставленную возможность опубликовать данное фото.

бытования у населения Средней Азии традиции дорожного строительства в столь раннее время [Там же]. Технология была высокоразвитой: трасса будущей дороги выравнивалась, утрамбовывалась и вымачивалась средней величины камнями. Таким образом создавался фундамент будущей дороги. По краям он был ограничен уложенными в линию крупными продолговатыми камнями. Затем на него нанесли и утрамбовали слой перемешанной с мелким щебнем глины [Там же].

Некрополи – сакральные родовые пространства саков

Причины создания на относительно небольшом пространстве нескольких некрополей, содержащих курганы сакской элиты, пока малопонятны. Можно предположить, что один такой могильник, на котором похоронена находившаяся в родстве знать, был «родовым кладбищем» и маркировал собой рубежи территории, подвластной определенному роду. Но поскольку в Юго-Восточном Семиречье нет курганов ранних периодов, а основная масса изученных здесь памятников датируется V–III вв. до н.э. [Parzinger, 2006, S. 659–662], можно сделать вывод о практически синхронном сооружении этих могильников – в течение 180–200 лет в V–III вв. до н.э. и о сосуществовании нескольких родов, которые приблизительно в одно и то же время могильниками с курганами элиты отметили подвластные им территории. Однако его можно опровергнуть с помощью несложного математического расчета. На исследуемом участке северных склонов Заилийского Алатау (без учета высокогорных долин), длина которого составляет ок. 200 км, было зафиксировано 12 могильников с курганами сакской элиты, удаленных друг от друга на относительно равное расстояние. «Владения» одного рода, находившиеся в окрестностях некрополя, простирались в среднем на 16,7 км; этой территории для древнего населения, которое вело кочевой образ жизни, было совершенно не достаточно.

По нашему мнению, северные склоны Заилийского Алатау не являлись основной зоной расселения родов, племен и племенных объединений носителей сакской культуры (она находилась за пределами этого региона). Здесь возводились курганы «вождей». Именно сюда саки привозили своих умерших «царей». Каждый род или племя имел определенный участок «сакрального пространства», где и создавал курганные цепи, которые со временем образовывали могильники. Территория одного такого «сакрального участка» ограничивалась естественными рубежами, в нашем случае – реками. Какие земли относились к «сакральным участкам» – на том же берегу, где были могильники, или на противоположном, объяснить пока не представляется возможным.

Выводы

В ходе полевых исследований в Юго-Восточном Семиречье на линии ландшафтного перехода от предгорий к равнине на берегах рек выявлен ареал памятников сакского периода эпохи раннего железного века, в т.ч. больших курганов сакской элиты. Курганы образуют цепи, ориентированные в основном по линии север – юг. На некрополях может быть одна или несколько цепей.

Прослеживается закономерность в выборе мест для могильников и организации внутреннего пространства некрополей. Курганы сооружались по одному принципу. Почти все они округлой формы, с уплощенной верхушкой и одним более покатым склоном, как правило, южным. По форме курганы сакской элиты сходны с курганами Европейской Скифии и в целом соответствуют подробно описанным Геродотом скифским святилищам, в частности Ареса [2006, кн. 4, § 62, с. 276–277] *. Следует отметить параллели с другими исследованными археологическими объектами скифской культурно-исторической общности, к которой принадлежат носители сакской культуры, например, со скифским святилищем на могильнике Байкара в Северном Казахстане [Parzinger et al., 2003] или с большим «царским» курганом-святилищем Барсучий Лог в Хакасии [Parzinger, Nagler, Gotlib, 2007]. Можно предположить, что большие курганы сакской элиты повторяли по крайней мере по форме святилище Ареса – одного из главнейших богов скифского пантеона. Как известно, в большинстве культур высшую знать обычно хоронили в святилищах или храмах [Stadelmann, 1985; Hesberg, Panciera, 1994; Brandenburg, 1972; Heidenreich, Johannes, 1971; Gersman, 2008]; такая традиция могла бытовать и у представителей скифской культурно-исторической общности [Мозолевский, Полин, 2005, с. 198]. Являлись ли большие курганы, в которых погребена сакская элита, святилищами, или же они лишь по форме были аналогами святилищ-храмов – пока не ясно. Наличие вокруг курганов ритуальных дорог и рвов, очерчивающих границу «сакрального пространства», позволяет предположить, что курганы в частности и могильники сакской элиты в целом не только были кладбищами, но и имели сакральное значение.

В свете информации, полученной в ходе последних исследований, носители сакской культуры предстают в новом облике. Кочевники эпохи раннего железа были не только скотоводами и отличными воинами, но и, судя по четкой планировке и монументальности сооружений, прекрасными организаторами, архитек-

*По мнению некоторых исследователей, современная форма кургана – результат «естественных» процессов [Руденко, 1918, с. 4; Мозолевский, Полин, 2005, с. 236–237].

торами и строителями с мощнейшей аналитически слаженной и отработанной системой логистики. Они занимались и дорожным строительством; проложенные ими ритуальные дороги – единственный пример такой деятельности в то время в Средней Азии.

Следующим шагом наших исследований является обработка полученных материалов и их систематизация. На основе полученных данных будет создана теоретическая модель историко-культурного ландшафта Юго-Восточного Семиречья.

Список литературы

- Акишев К.А.** Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 131 с.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.** Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 321 с.
- Геродот.** История / пер. и примеч. Г.А. Стратановского. – М.: АСТ, 2006. – 671 с.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В.** Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. – Киев: Изд. дом «Стилос», 2005. – 599 с.
- Нурмуханбетов Б.Н.** Тургенский культурно-ландшафтный комплекс // Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Отчет о работах Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в 1997 г. // Архив ИА МОН РК. Д. 2496.
- Нурмуханбетов Б.Н., Ченцов С.П., Жаксылыков С.Д.** Охранные археологические работы МП «Аталык» 1992 г. по договорам с Министерством культуры Республики Казахстан // Архив ИА МОН РК. Оп. 2. Д. 2379.
- Руденко С.И.** Отчет о раскопках Прохоровских курганов // Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. – Пг.: [б.и.], 1918. – С. 1–12. – (МАР; N: 37).
- Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г.** Древности Алматы. – Алматы: КазИздат КТ, 2005. – 182 с.
- Самашев З., Джумабекова Г., Нурпеисов М., Чотбаев А.** Древности Алматы: Курганы Боролдая. – Алматы: Grapho-art, 2006. – 215 с.
- Самашев З., Наглер А., Парзингер Г., Наврот М.** Совместные германско-казахские исследования больших сакских курганов Семиречья // Пятая Кубанская археологическая конференция: мат-лы конф. – Краснодар, 2009. – С. 350–352.
- Brandenburg D.** Samarkand. Studien zur islamischen Baukunst in Uzbekistan (Zentralasien). – Berlin: Hessling, 1972. – 294 S.
- Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A.** Der skythische Fürstengrabbügel von Aržan 2 in Tuva. Vorbericht der russisch-deutschen Ausgrabungen 2000–2002 // Eurasia Antiqua. – 2003. – Bd. 9. – S. 113–162.
- Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A.** Der Fürstengurgan Aržan 2 // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskat. Berlin, 6. Juli bis 1. Oktober 2007; München, 26. Oktober 2007 bis 20. Januar 2008, Hamburg, 15. Februar bis 25. Mai 2008. – München et al.: Prestel, 2007. – S. 69–82.
- Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A.** Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. – Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2010. – 330 S. + 153 Taf.
- Gersman G.** Saint-Denis und der Totenkult der Restauration. Von der Rückeroberung eines königlichen Erinnerungsortes // Kulturelles Gedächtnis und interkulturelle Rezeption im europäischen Kontext / Hrsg. E. Dewes, S. Duhem. – Berlin: Akademie, 2008. – S. 139–158.
- Heidenreich R., Johannes H.** Das Grabmal Theodorichs zu Ravenna. – Wiesbaden: F. Steiner, 1971. – 189 S.
- Hesberg H. von, Panciera S.** Das Mausoleum des Augustus: der Bau und seine Inschriften. Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. – München: Verlag der Bayerischen Akad. der Wiss., 1994. – 199 S. – (Abh. N.F., [108]).
- Parzinger H.** Die Skythen. – München: Verlag C.H. Beck, 2004. – 128 S.
- Parzinger H.** Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter. – München: Verlag C.H. Beck, 2006. – 1045 S.
- Parzinger H., Nagler A., Gotlib A.** Die Fürstengräber der Tagar-Kultur // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskat. Berlin, 6. Juli bis 1. Oktober 2007; München, 26. Oktober 2007 bis 20. Januar 2008, Hamburg, 15. Februar bis 25. Mai 2008. – München et al.: Prestel, 2007. – S. 102–115.
- Parzinger H., Zajbert V., Nagler A., Plešakov A.** Der große Kurgan von Bajkara. Studien zu einem skythischen Heiligtum. Archäologie in Eurasien 16. – Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2003. – 280 S.
- Polin S.V.** Fürstengurgane in der ukrainischen Steppenzonen // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskat. Berlin, 6. Juli bis 1. Oktober 2007; München, 26. Oktober 2007 bis 20. Januar 2008; Hamburg, 15. Februar bis 25. Mai 2008. – München et al.: Prestel, 2007. – S. 256–267.
- Samašev Z.** Die Fürstengräber des Siebenstromlandes // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskat. Berlin 6. Juli bis 1. Oktober 2007; München, 26. Oktober 2007 bis 20. Januar 2008; Hamburg, 15. Februar bis 25. Mai 2008. – München et al.: Prestel, 2007. – S. 162–170.
- Stadelmann R.** Die ägyptischen Pyramiden: vom Ziegelbau zum Weltwunder. – Darmstadt: Wiss. Buchges., 1985. – 296 S.

Материал поступил в редколлегию 24.06.10 г.

УДК 902.694

А.Ф. Шорин, А.А. ШоринаИнститут истории и археологии УрО РАН
ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия
E-mail: istor@uran.ru

ХРОНОСТРАТИГРАФИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СВЯТИЛИЩА КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ*

Данные относительной и абсолютной хронологии свидетельствуют, что на святилище Кокшаровский холм ранне-неолитическими являются кошкинские и кокшаровско-юрьинские (козловские) комплексы. Они сформировались, скорее всего, в конце VI – на рубеже VI–V тыс. до н.э. и бытовали до конца V – рубежа V–IV тыс. до н.э. На рубеже V–IV – в начале IV тыс. до н.э. на их основе сложились поздненеолитические полуденские и басьяновские комплексы. В третьей четверти IV тыс. до н.э. поздненеолитические комплексы на святилище сменялись энеолитическими.

Ключевые слова: неолит Зауралья, святилище Кокшаровский холм, комплексы кошкинского, кокшаровско-юрьинского, басьяновского, полуденского типов, хронология.

Введение

Святилище Кокшаровский холм расположено в лесной зоне Среднего Зауралья, на берегу Юрьинского озера в Верхнесалдинском городском округе Свердловской обл. Это искусственное земляное сооружение (диаметр ок. 40 м, высота более 1 м в южной и ок. 3,5 м в северной части) создано в центре неолитического Юрьинского поселения. На территории Евразии памятников подобного насыпного типа не более десяти, все они находятся в таежной зоне Зауралья и Западной Сибири севернее 58° с.ш., в бассейне левобережных притоков Оби. Наиболее известны Кокшаровский, Махтыльский, Усть-Вагильский холмы, Чёртова Гора, где проводились раскопки. Наиболее полно изучен первый (рис. 1). Анализ археологических данных, полученных во время раскопок Кокшаровского холма, позволяет считать па-

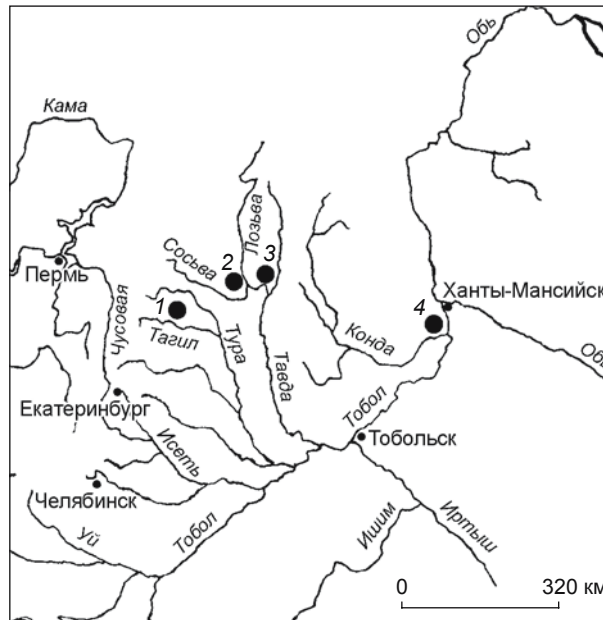

Рис. 1. Карта-схема расположения неолитических насыпных холмов-святилищ.

1 – комплекс археологических памятников «святилище Кокшаровский холм – Юрьинское поселение»; 2 – Махтыльский холм; 3 – Усть-Вагильский холм; 4 – Чёртова Гора.

*Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (проект «Истоки культурного наследия древнего населения Урала»).

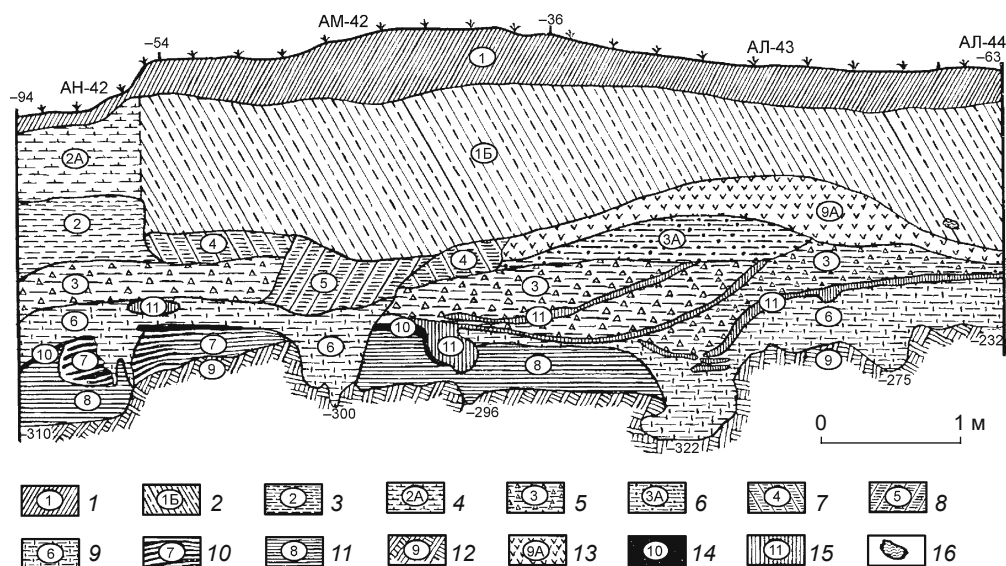

Рис. 2. Стратиграфический разрез в центральной части Кокшаровского холма.

1 — современный дерн и темно-серая гумусированная супесь с небольшим включением гальки и угольков — осыпь экскаваторной траншеи; 2 — темно-серый переотложенный суглинок с включением гальки и угольков — заполнение раскопов и грабительских ям; 3 — темно-серо-коричневый суглинок с небольшим включением гальки и углей — верхний насыпной ненарушенный слой холма; 4 — рыхлый переотложенный темно-серо-коричневый суглинок с небольшим включением гальки и углей; 5 — темно-серый однородный суглинок с более интенсивными, чем в слое 2, включениями гальки и угля — средний насыпной ненарушенный слой холма; 6 — темно-серый суглинок с пятнами темно-коричневого суглинка, гальки и угольков — переотложенный слой; 7 — серо-коричневый суглинок с интенсивными включениями мелких пятен материкового песка и глины, гальки и угля — переотложенный слой; 8 — перемешанный коричневый суглинок с небольшим включением гальки и угля — переотложенный слой; 9 — темно-серый суглинок, интенсивно насыщенный углем и мелкими пятнами прокалов и светло-коричневого материкового суглинка — нижний насыпной ненарушенный слой холма; 10 — толща тонких (мощность 1–3 см) прослоек угля; светло-серой и желтой материковой глины и песка — преднамеренная подсыпка в основании холма; 11 — слой из перемешанных и замкнутых прослоек, составляющих слой 7; 12 — желтый и светло-коричневый крупнозернистый песок с большим включением гальки, светло-серая и светло-коричневая глина — материк; 13 — слой материка в переотложенном состоянии — выкиды из ям и раскопов, углубленных в материк; 14 — слой угля и насыщенные углем прослойки суглинка; 15 — прокалы; 16 — обгоревшее дерево.

мятник святилищем, вероятно, высокого ранга*. Такой вывод основан на следующих наблюдениях:

возведение комплекса потребовало значительного объема трудозатрат; фиксируется не менее трех этапов подсыпки холма в неолитическое время (рис. 2). В результате на равнинном пространстве Зауралья для обрядовых действий была создана возвышенная площадка, своеобразная гора. Традиция использования возвышенных мест в качестве культовых площадок хорошо известна как по археологическим, так и по этнографическим материалам;

пространство холма отделено от территории Юрьинского поселения двумя рвами (рис. 3). Подобная организация сакрального и жилого пространства, по археологическим и этнографическим данным, встречается часто;

в слоях холма имеются остатки 15 деревянных объектов размерами 2×2 м и более (ок. 5×5 м), высотой

не менее 1 м. Рядом или внутри некоторых из них отмечены конструкции меньших размеров: 55×30, 80×55 см. Эти объекты либо перекрыты чередующимися прослойками светлого материкового песка и углистыми прослойками, либо сооружены на подушках из таких прослоек. Внутри или рядом с некоторыми из таких построек найдены перевернутые вверх дном сосуды (рис. 4, 11; 5, 1, 3, 5; 6, 2, 4). Не исключено, что после проведения обряда конструкции сжигались: в культурных слоях холма отмечены мощные кострища и прокаленные прослойки (см. рис. 2). Вероятно, сооружения носили также культовый характер, а огненные ритуалы играли большую роль в обрядовых действиях;

в комплексе представлены специфические артефакты*: сверленная орнаментированная каменная булава в виде стилизованной головы животного (см. рис. 4, 1),

*Культовый характер памятника обоснован в ряде статей [Шорин, 2006, 2008, 2010].

*Большую часть составляют обломки, имеются также и целые образцы. Все артефакты, за исключением булав — случайной находки, найдены на насыпной культовой площадке святилища или в районе рвов.

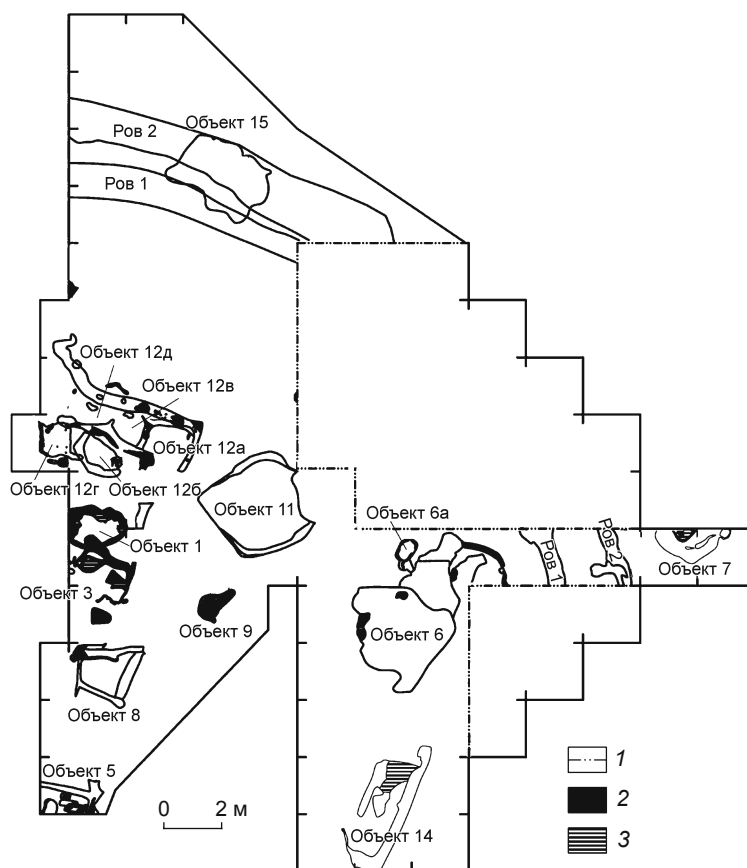

Рис. 3. План расположения объектов и рвов на Кокшаровском холме.

1 – границы раскопов, где вскрыты только верхние горизонты; 2 – углистые прослойки; 3 – прокаленные слои.

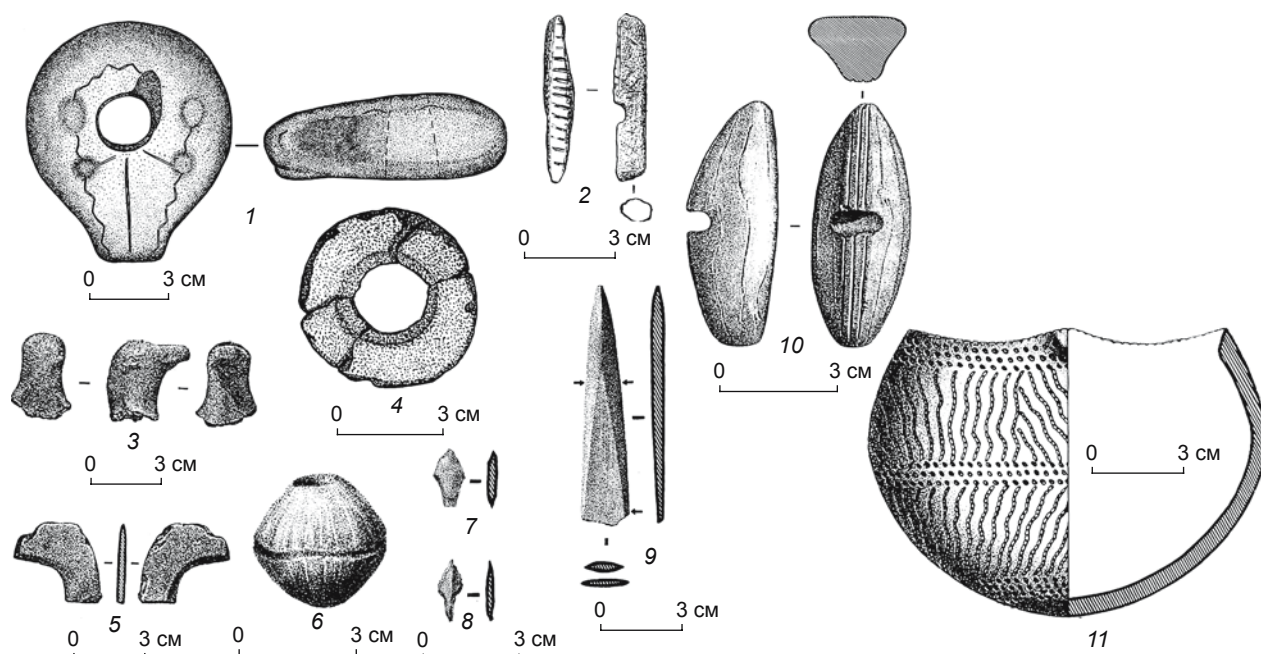

Рис. 4. Культовые артефакты из слоев Кокшаровского холма.

1 – булава; 2 – стержень; 3 – головка утки; 4 – диск; 5 – обломок обушковой части ножа; 6 – изделие биконической формы; 7–9 – наконечники стрел; 10 – «утижонок»; 11 – сосуд.
1, 2, 5, 7–9 – камень; 3, 4, 6, 10, 11 – глина.

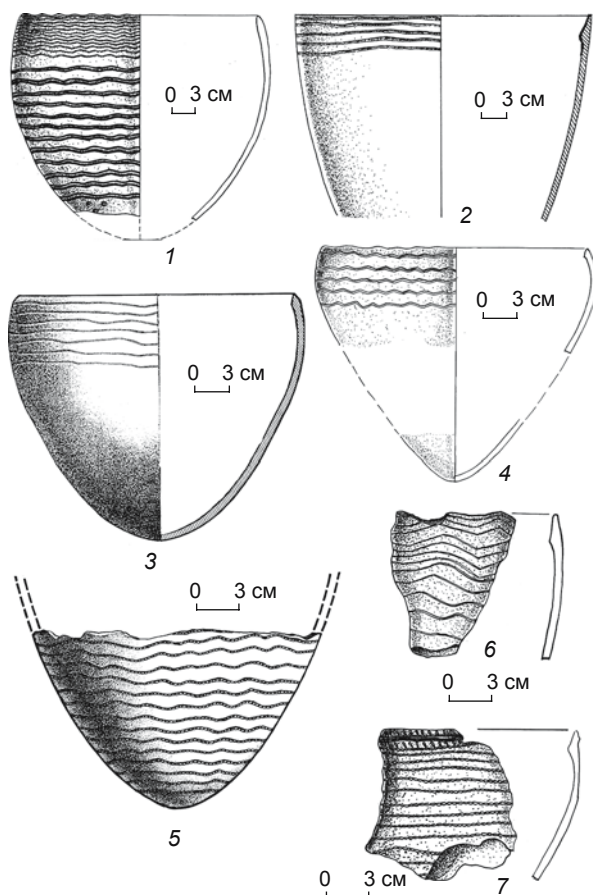

Рис. 5. Керамика кошкинской культуры.

таляковые стержни с насечками (см. рис. 4, 2), глиняная головка утки (см. рис. 4, 3), керамические «пряслица» и диски (см. рис. 4, 4), обломок обушковой части сланцевого шлифованного ножа серповидной формы, оформленный в виде головки птицы (см. рис. 4, 5), глиняные предметы сферической и биконической формы, обычно орнаментированные (рис. 4, 6), глиняные «утюжки» (см. рис. 4, 10), свыше 60 сосудов с зооморфными налепами (см. рис. 4, 11) и др. [Шорин, 2010];

каменный инвентарь имеет особенности. Например, шлифованные, а также небрежно обработанные наконечники стрел, изготовленные из некачественного сырья. Фактически это имитации орудий, не исключено, что они использовались как votivnye (см. рис. 4, 7–9);

в культурных слоях святилища и поселения представлены все типы неолитической посуды: кошкинская, кокшаровско-юринская (козловская), басьяновская (боборыкинская), полуденская, которые распространены в Среднем и Южном Зауралье, Тоболо-Ишимском междуречье*, а вариации этих культурных традиций в виде

*Святилище могло быть территориальным, межклановым. В этнографии народов Урала (ханты, манси, удмурты) и других регионов мира известны межгрупповые святилища,

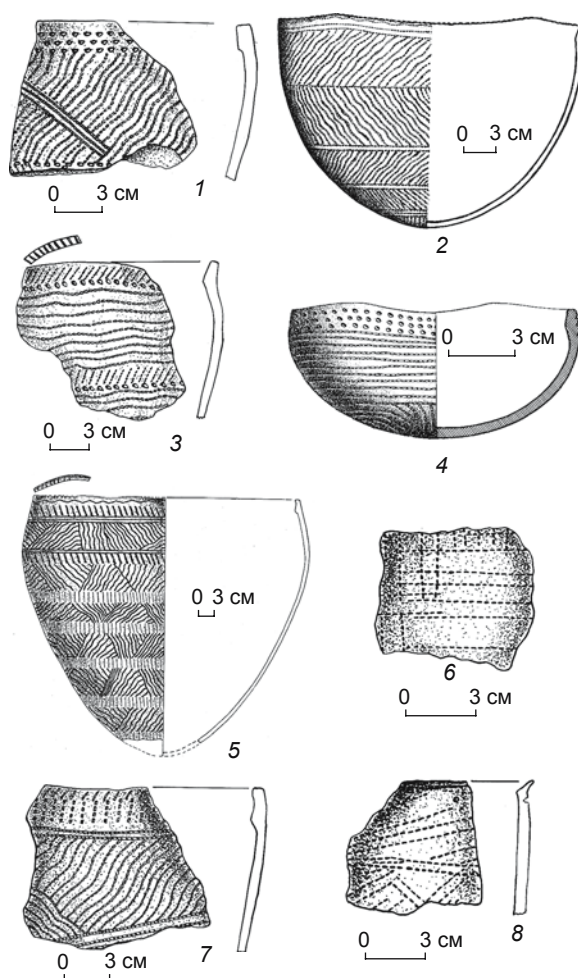

Рис. 6. Керамика кокшаровско-юринского типа эпохи неолита (1–5, 7); эпохи энеолита (6, 8).

специфических культурных комплексов отмечены на территории к востоку от Уральского хребта: на лево- и правобережье средней Оби на севере (памятники амнинского, сумпаньинского, сатыгинского, барсовогорского, быстринского, каюковского типов и др.) и в Центральном Казахстане на юге (памятники, близкие к боборыкинским). Менее заметно влияние кошкинских, козловских, боборыкинских и полуденских орнаментальных традиций на керамику неолитических культур западного склона Урала. Но здесь также встречаются отдельные зауральские сосуды и проявления орнаментальных традиций.

Наличие в культурных слоях святилища всех типов керамики, известных в Зауралье, определило предмет нашего исследования, т.к. локальная стратиграфия

на которых в важнейшие праздники календарного цикла собиралось население со значительной территории и из мест, расположенных в нескольких днях пути от общего культового центра.

Таблица 1. Распределение неолитической керамики разных культур по основным стратиграфическим слоям Кошаровского холма

Слой	Кошкинская		Басьяновская		Кокшаровско-юринская		Полуденская	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
<i>Центральная часть</i>								
Верхний	108	20,0	29	15,3	234	28,8	160	34,5
Средний	278	51,6	49	25,8	432	53,1	258	55,6
Нижний	153	28,4	112	58,9	147	18,1	46	9,9
<i>Всего</i>	539	100	190	100	813	100	464	100
<i>Восточная периферийная часть</i>								
Верхний	98	34,4	27	81,8	110	29,3	127	33,0
Нижний	187	65,6	6	18,2	266	70,7	258	67,0
<i>Всего</i>	285	100	33	100	376	100	385	100

Таблица 2. Распределение неолитической керамики разных культурных типов в центральной и восточной периферийной частях холма

Участок холма	Кошкинская		Басьяновская		Кокшаровско-юринская		Полуденская	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Центр	539	65,4	190	85,2	813	68,4	464	54,7
Восточная периферия	285	34,6	33	14,8	376	31,6	385	45,3
<i>Всего</i>	824	100	223	100	1189	100	849	100

отражает фактически хронологию и взаимодействие древних коллективов не только этой территории, но и крупного историко-культурного региона*. Анализ стратиграфии и планиграфии осложнен особенностью формирования культурных слоев холма: насыпь создавалась в ходе нескольких этапов (см. рис. 2). Грунт для подсыпки брался с Юринского поселения, т.е. культурный слой Кокшаровского холма включает и культурный слой поселения (подробнее см.: [Шорин, 2003; 2007]). Таким образом, культурные комплексы в слоях святилища в какой-то степени переотложены.

Относительная хронология керамических комплексов святилища

Статистический анализ залегания разнотипных керамических комплексов в основных стратиграфических слоях – насыпанных в древности и

не потревоженных позднее (см. рис. 2), а также их распределения по раскопанной площади памятника (центральной и восточной периферийной) позволяет сделать следующие наблюдения по относительной хронологии (табл. 1, 2).

Керамика кошкинского и кокшаровско-юринского типов многочисленнее в среднем и нижнем слоях, нежели в верхнем, как в центре, так и на периферии (см. табл. 1). Ее больше в центральной, чем в восточной периферийной части памятника (см. табл. 2). Это дает основание считать кошкинские и кокшаровско-юринские комплексы более ранними на святилище. Именно с этими же типами посуды связаны и зафиксированные на центральной площадке святилища культовые объекты*.

Керамика полуденского типа в центре холма шире представлена в среднем и верхнем слоях святилища, ее крайне мало в нижнем. Но в периферийной части святилища этой керамики больше в нижних, нежели в верхних слоях (см. табл. 1). Керамика данного типа почти в равных долях распределяется по площади холма (см. табл. 2). Странное, на первый взгляд, стратиграфи-

*По керамике всех типов в Киевской радиоуглеродной лаборатории Национальной академии наук Украины получена серия дат, на основе которых можно обсуждать проблемы абсолютного датирования. Даты по керамике для культовых объектов 12 и 15, которые сопровождалась сосудами кошкинской культуры, коррелируют с датами по углю, определенными в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН.

*Кошкинские объекты 5, 6, 12, 15, кокшаровско-юринские – 3, 7 (см. рис. 3). В объекте 12 найден также обломок обушковой части шлифованного ножа, оформленный в виде головки птицы (см. рис. 4, 5). Здесь же лежала большая шлифовальная плита.

ческое распределение полуденской керамики в восточной части холма, как и по площади святилища в целом, имеет свое объяснение. Холм, вероятно, увеличивался в размерах за счет периферии, поэтому многочисленность указанной керамики в удаленной от центра части святилища даже в нижних слоях (и равномерное распределение по площади) является косвенным свидетельством того, что керамика этого типа занимает в относительной хронологии памятника позднюю позицию. Косвенным аргументом в пользу принадлежности комплексов полуденского типа к более позднему периоду является отсутствие на площадке святилища культовых объектов,

сопровождающихся сосудами данного типа. Развалы сосудов полуденского типа встречаются в заполнении поздненеолитического рва 2 или около него.

В относительной хронологии святилища менее определенной представляется позиция басьяновского керамического комплекса, самого немногочисленного из неолитических. В центральной части холма басьяновской керамики больше в нижнем, чем в среднем и верхнем слоях (см. табл. 1, 2), но на восточной периферии она преобладает в верхних слоях (см. табл. 1). Возможно, это проявление специфики формирования культурных слоев памятника.

Таблица 3. Радиоуглеродные даты по керамике

№ п/п	Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванная дата, гг. до н.э.*		Культура	Номер рисунка
			1σ	2 σ		
1	Ki-15540	6 070 ± 80	5 070–4 840	5 300–4 700	Полуденская	7, 1**
2	Ki-15539	5 980 ± 90	4 960–4 770	5 250–4 600		
3	Ki-16170	5 980 ± 90	4 960–4 770	5 250–4 600	»	7, 3
4	Ki-15913	5 970 ± 80	4 950–4 770	5 100–4 600	»	7, 2
5	Ki-16384	5 960 ± 80	4 940–4 770	5 060–4 670	Басьяновская	7, 7
6	Ki-16038	5 950 ± 90	4 950–4 710	5 100–4 550	»	7, 6
7	Ki-15906	5 890 ± 90	4 910–4 870 4 860–4 670 4 640–4 610	4 960–4 520	»	7, 5**
8	Ki-15538	5 750 ± 80	4 690–4 490	4 790–4 440	»	7, 4**
9	Ki-15589	5 670 ± 90	4 620–4 440 4 430–4 360	4 720–4 340		
10	Ki-16386	7 610 ± 80	6 530–6 380	6 610–6 330	Кошкинская	5, 1**
11	Ki-16424	6 830 ± 90	5 800–5 630	5 900–5 600		
12	Ki-15915	7 010 ± 80	5 930–5 800	6 020–5 720	»	5, 2
13	Ki-16388	6 570 ± 90	5 620–5 470	5 670–5 360	»	5, 3
14	Ki-16390	6 290 ± 80	5 370–5 200	5 470–5 040	»	5, 4
15	Ki-16389	6 020 ± 90	5 040–4 790	5 250–4 650	»	5, 5
16	Ki-15535	5 960 ± 80	4 940–4 770	5 060–4 670	»	5, 6
17	Ki-16169	5 840 ± 90	4 800–4 580	4 860–4 490	»	5, 7
18	Ki-15914	6 950 ± 80	5 900–5 730	5 990–5 700	Кокшаровско-юрьинская	6, 1
19	Ki-16037	6 820 ± 90	5 790–5 630	5 900–5 530	»	6, 3
20	Ki-16383	6 480 ± 80	5 520–5 360	5 560–5 300	»	6, 2
21	Ki-16385	6 420 ± 90	5 480–5 320	5 560–5 200	»	6, 5
22	Ki-16387	6 260 ± 90	5 320–5 200 5 190–5 060	5 500–4 950	»	6, 4
23	Ki-15536	6 225 ± 90	5 300–5 060	5 500–4 850	»	6, 7**
24	Ki-15537	6 045 ± 90	5 060–4 800	5 300–4 700		
25	Ki-15541	5 440 ± 90	4 370–4 220	4 460–4 040	Энеолитическая	6, 6
26	Ki-15907	5 250 ± 90	4 230–4 190 4 170–3 970	4 350–3 800	»	6, 8

*Использована калибровочная программа OxCal Version 3.9.

**Для одного фрагмента керамики получено несколько дат.

Таблица 4. Радиоуглеродные даты по углю из культовых объектов 12 и 15 кошкинской культуры

№ п/п	Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванная дата, гг. до н.э.*		Объект
			1σ	2σ	
1	Le-7879	6 920 ± 100	5 970–5 950 5 910–5 710	5 990–5 640	15
2	Le-7880	7 560 ± 200	6 640–6 220	7 100–6 000	15
3	Le-7881	6 940 ± 150	5 990–5 710	6 100–5 550	15
4	Le-7882	7 440 ± 200	6 400–6 030	6 600–5 800	15
5	Le-7883	7 050 ± 180	6 070–5 730	6 350–5 600	15
6	Le-7884	7 450 ± 450	6 850–5 800	7 500–5 500	15
7	Le-7885	5 920 ± 60	4 880–4 870 4 850–4 710	4 960–4 670 4 640–4 610	15
8	Le-7886	6 940 ± 150	5 990–5 710	6 100–5 550	15
9	Le-7887	6 900 ± 160	5 980–5 940, 5 920–5 660	6 100–5 500	15
10	Le-8900	6 640 ± 45	5 620–5 535	5 640–5 480	12
11	Le-8901	7 150 ± 100	6 210–6 190 6 180–6 170 6 160–6 140 6 100–5 900	6 230–5 800	12
12	Le-8902	6 900 ± 45	5 840–5 730	5 900–5 700	12
13	Le-8903	6 450 ± 65	5 480–5 360	5 530–5 300	12
14	Le-8904	6 700 ± 50	5 670–5 560	5 720–5 530	12

*Использована калибровочная программа OxCal Version 3.10.

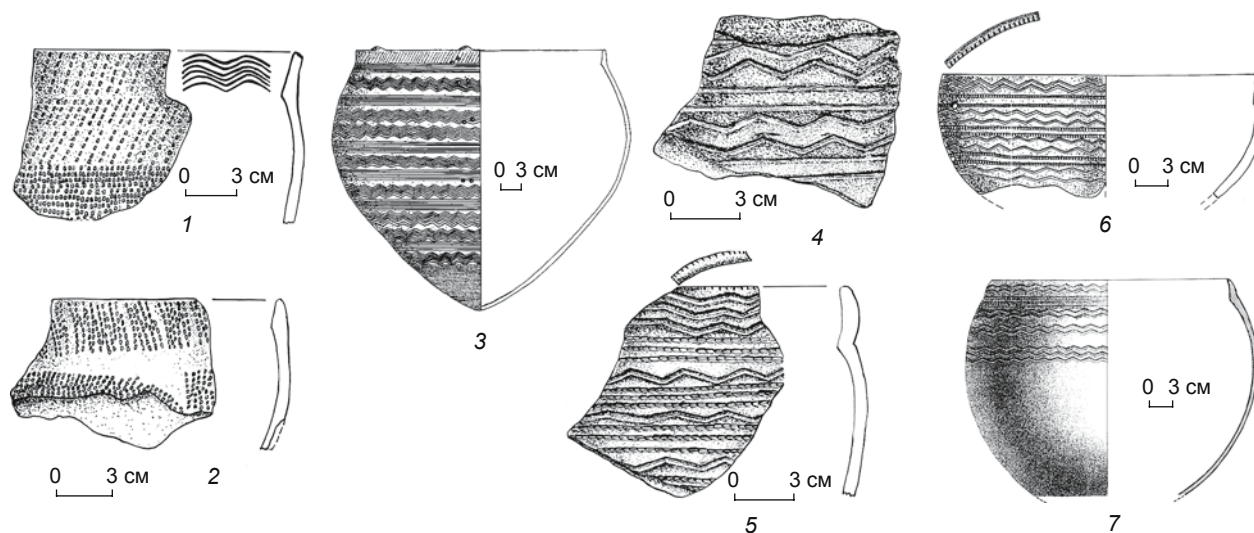

Рис. 7. Сосуды и фрагменты керамики эпохи неолита.
1–3 – полуденский тип, 4–7 – басыановский тип.

Радиоуглеродные даты

Радиоуглеродные даты, полученные по керамике, определяют короткий период существования полуденского комплекса на святилище (табл. 3, № 1–4; рис. 7, 1–4). Это конец V – начало IV тыс. до н.э. (здесь и далее даты по некалиброванной хронологической шкале). Даты, установленные по фрагментам басьяновской керамики (табл. 3, № 5–9; рис. 7, 4–7), также свидетельствуют об относительно непродолжительном бытовании на святилище комплексов этого типа – в пределах первой половины IV тыс. до н.э.

Кошкинские и кокшаровско-юринские комплексы по радиоуглеродным датам в целом определяются как более ранние, чем полуденские и басьяновские. Фрагменты кошкинской керамики датируются серединой VI – началом IV тыс. до н.э. (табл. 3, № 10–17; рис. 5). Даты по углю из кошкинских объектов относятся к рубежу VI–V – середине V тыс. до н.э. Восемь дат, установленных по образцам из заполнения объекта 15 (табл. 4, № 1–6, 8, 9), находятся в интервале от $7\,560 \pm 200$ до $6\,900 \pm 160$ л.н. И только для образца № 7 получена дата $5\,920 \pm 60$ л.н. Она укладывается в даты второго из указанных по керамике интервалов. Кстати, усредненная дата $7\,037 \pm 56$ л.н. очень близка дате, полученной по сосуду (см. рис. 5, 2) из этого объекта, – $7\,010 \pm 80$ л.н.

Усредненная дата (R Combine), установленная по пяти образцам угля из объекта 12 (см. табл. 4, № 10–14), соответствует $6\,738 \pm 24$ л.н.; 1σ – $5\,665$ – $5\,625$ гг. до н.э., 2σ – $5\,710$ – $5\,620$ гг. до н.э. Для сосуда из этого же объекта (см. рис. 5, 3) имеется дата $6\,570 \pm 90$ л.н. (см. табл. 3, № 13). Следовательно, объект 12 может быть датирован второй четвертью – серединой V тыс. до н.э.

Даты для фрагментов кокшаровско-юринской керамики находятся в пределах V тыс. до н.э. (табл. 3, № 18–24; см. рис. 6, 1–5, 7).

Выводы

Хроностратиграфия Кокшаровского холма подтверждает относительную хронологию неолита Зауралья, предложенную В.Н. Чернецовым [1968], О.Н. Бадером [1970] и В.Т. Ковалевой [1989]. Ранними являются кошкинские и кокшаровско-юринские (козловские) керамические комплексы, которые сформировались, скорее всего, в конце VI – на рубеже VI–V тыс. до н.э. и просуществовали до конца V – рубежа V–IV тыс. до н.э. На рубеже V–IV, в начале IV тыс. до н.э. на смену

им пришли полуденские и басьяновские комплексы, основанные преимущественно на предшествующих традициях. В третьей четверти IV тыс. до н.э. на святилище поздненеолитические комплексы сменились энеолитическими. В орнаментальной композиции последних нашли отражение как аятские, так и сосновоостровские черты. Основой для энеолитических керамических комплексов послужили, вероятно, предшествующие, прежде всего полуденские, орнаментальные традиции. По двум фрагментам такой энеолитической керамики святилища получены даты, соответствующие третьей и четвертой четвертям IV тыс. до н.э. (см. табл. 3, № 25, 26; см. рис. 6, 6, 8).

Святилище Кокшаровский холм в неолитическое время функционировало, возможно, с перерывами, не менее 1,5 тыс. лет от рубежа VI–V до середины IV тыс. до н.э. сначала как культовое место кошкинских и кокшаровско-юринских групп населения, а в первой половине IV тыс. до н.э. – басьяновских и полуденских.

Список литературы

- Бадер О.Н.** Уральский неолит // МИА. – 1970. – № 166. – С. 157–171.
- Ковалева В.Т.** Неолит Среднего Зауралья. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. – 80 с.
- Чернецов В.Н.** К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 41–53.
- Шорин А.Ф.** Кокшаровский холм – новый тип культовых комплексов Северной Евразии // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. – С. 87–102.
- Шорин А.Ф.** О функциональном назначении «жертвенных холмов» Среднего Зауралья (по материалам Кокшаровского холма) // Современные проблемы археологии России: мат-лы Всерос. археол. съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 331–333.
- Шорин А.Ф.** История и некоторые итоги изучения Кокшаровского холма // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. – С. 30–42.
- Шорин А.Ф.** Маркеры сакрального пространства среднеуральского святилища Кокшаровский холм // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. 2008 г. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 279–281.
- Шорин А.Ф.** Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Урал. ист. вестн. – 2010. – № 1. – С. 32–42.

Материал поступил в редколлегию 24.05.10 г.

УДК 903.531

П.К. Дашковский, И.А. Усова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия

E-mail: dashkovskiy@fpm.asu.ru

ПОГРЕБЕНИЕ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА МОГИЛЬНИКЕ ХАНКАРИНСКИЙ ДОЛ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)*

В статье представлены результаты исследования кургана пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский Дол в Северо-Западном Алтае. Особенности погребального обряда и инвентаря, а также результаты радиоуглеродного анализа позволяют датировать некрополь IV–III вв. до н.э. Особое внимание уделяется анализу погребального обряда и реконструкции уникального женского головного убора с зооморфными аппликациями и навершиями, который существенно дополняет материалы по костюмному комплексу кочевников Центральной Азии скифо-сакского периода.

Ключевые слова: погребальный обряд, кочевники, пазырыкская культура, Алтай, реконструкция, головной убор.

Введение

Начиная с 2001 г. Краснощековская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета под руководством П.К. Дашковского исследует комплекс памятников в окрестностях с. Чинета Краснощековского р-на Алтайского края (рис. 1). В пределах археологического микрорайона раскопано более 40 объектов пазырыкской, тюркской, сrostкинской и кыргызской культур. Известны здесь и памятники эпохи верхнего палеолита [Дашковский, Кунгуров, 2003]. Могильник Ханкаринский Дол расположен на второй надпойменной террасе левого берега Ини (левый приток Чарыша) в 1,2 км к юго-юго-востоку от с. Чинета (рис. 2). Курганы сгруппированы в две «цепочки» по линии Ю–С с незначительными отклонениями (рис. 3). В настоящее время на памятнике зафиксировано 29 объектов. Не исключено, что курганов на могильни-

ке больше, но из-за мощного гумусного слоя их можно обнаружить только в процессе зондирования грунта металлическим шупом и вскрытия сплошным раскопом значительной площади. Именно такая методика и применялась при изучении погребальных сооруже-

Рис. 1. Расположение могильника Ханкаринский Дол в Алтайском крае.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН МНР (проект № 10-01-00535а/G «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая»).

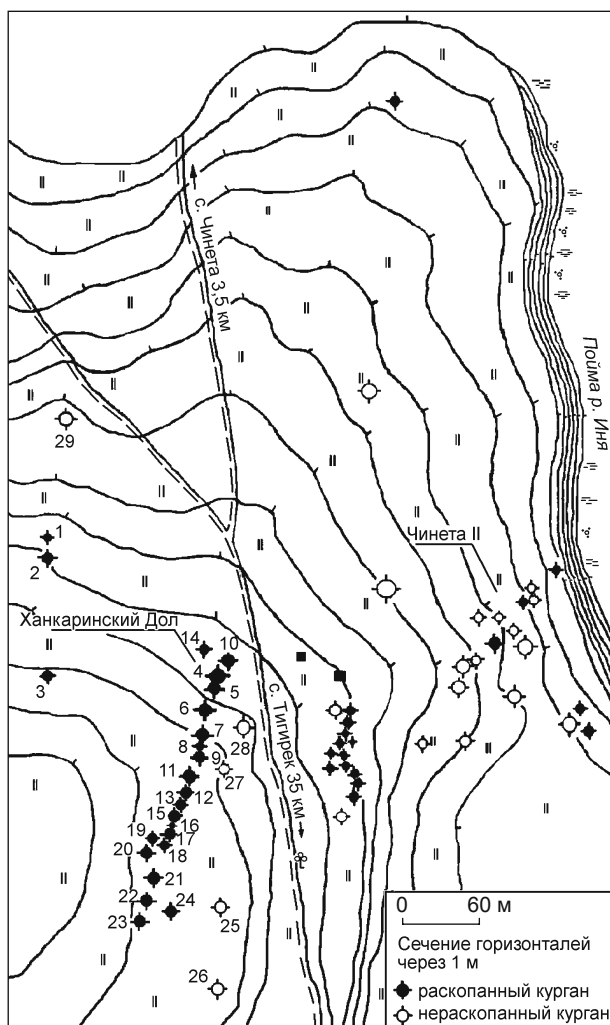

Рис. 2. План могильников Ханкаринский Дол и Чинета II.

ний пазырыкской культуры. Полученные результаты частично опубликованы [Дашковский, Тишкин, Тур, 2005; Дашковский, Тишкин, 2006; и др.]. Среди объектов рассматриваемого памятника особый интерес представляет курган 15, исследованный в 2008 г.

Анализ погребального обряда и инвентаря

Курган 15 находился в центральной части некрополя. Диаметр сооружения, по окружности которого зафиксирована кольцевая каменная выкладка-крепида, составил с С на Ю 14 м, а с З на В 14,25 м. Высота кургана, сложенного из камней в один – четыре слоя, достигала 0,75 м. Южную его полу перекрывало сооружение 16 (рис. 4).

Под каменной насыпью обнаружена могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. Ее размеры $3,85 \times 3,05 \times$

Рис. 3. Могильник Ханкаринский Дол после зачистки насыпей.

Рис. 4. Насыпи курганов 15 и 16.

$\times 2,4$ м. В могиле выявлены остатки деревянной конструкции (рамы?), перекрытой продольными деревянными плахами. Внутри нее находился настил.

У южной стенки рамы (?) на деревянном настиле обнаружен скелет женщины 35–40 лет* (рис. 5). Умершая была погребена в скорченном положении на правом боку, головой на ВЮВ. У северной стенки могилы зафиксировано сопроводительное захоронение лошади, которая была уложена на живот с подогнутыми ногами и ориентирована головой, так же как и человек, на ВЮВ. Между зубами животного обнаружены фрагменты железных удиц (рис. 6, 5), а в районе ребер – костяная подпружная пряжка (рис. 6, 4).

Из сопроводительного инвентаря в погребении найдены развал керамического сосуда, остатки «жерт-

*Антропологические определения сделаны канд. ист. наук С.С. Тур.

Рис. 5. Погребение в кург. 15.

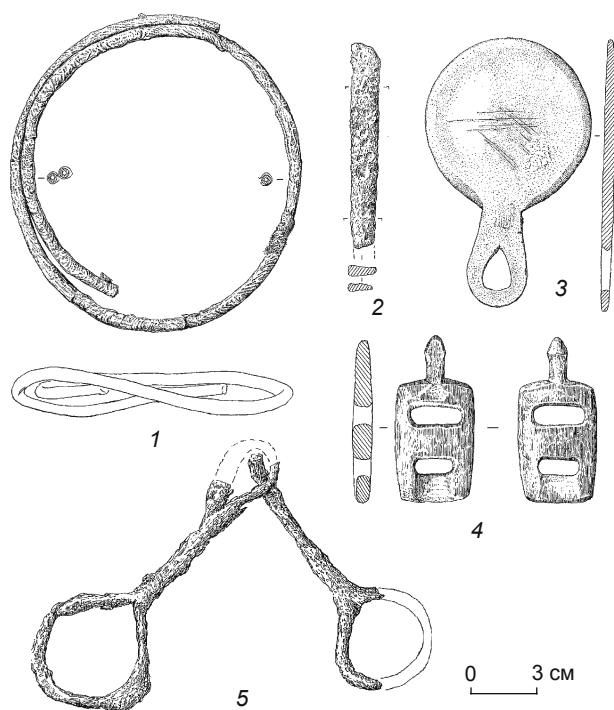

Рис. 6. Погребальный инвентарь из кург. 15.
1 – бронза, золото; 2, 5 – железо; 3 – бронза; 4 – кость.

венной пищи» (кости овцы), железный нож (рис. 6, 2), бронзовое зеркало (рис. 6, 3). Под правой малой берцовой костью погребенной обнаружено каменное изделие, которое лежало в пятне черной минеральной краски, по цвету и структуре соответствующей краске с парика женщины. Возможно, этот предмет служил для растирания косметической краски. В районе шеи погребенной найдены бронзовая гривна (рис. 6, 1), две серьги (рис. 7, 15, 16), восемь нашивок, выполненных из золотой фольги (рис. 7, 3, 4, 8–12). Последние пред-

ставлены двумя формами: «запятой» (6 экз. длиной 1,8–2,1 см, шириной 0,9 см) и ромбом с ромбовидным отверстием в центре (2 экз. длиной 2,5 см, шириной 1,7 см). На ромбах имеется по четыре отверстия для пришивания, на «запятых» – по одному. Исходя из четкого размещения нашивок в области шеи, можно предположить, что они симметрично нашивались на ворот одежды в комбинации из трех «запятых» и одного ромба. В районе черепа зафиксированы остатки уникального головного убора в виде черного органического пятна и аппликаций из золотой фольги (рис. 7, 17–26).

Могильник Ханкаринский Дол маркирует северо-западную границу распространения памятников пазырыкской культуры на Алтае. Раскопанные курганы 4–13, 16–22

этого памятника датированы радиоуглеродным методом и на основе анализа погребального обряда в пределах IV – начала III в. до н.э. [Дашковский, Тишкин, 2006; Тишкин, Дашковский, 2007; и др.]. О принадлежности кург. 15 к пазырыкской культуре свидетельствуют не только его расположение в центральной части «цепочки» раскопанных объектов и особенности погребального обряда, но и состав сопроводительного инвентаря. Так, бронзовое зеркало с каплевидной петлей, серебряные (?) восьмеркообразные серьги, железные однокольчатые удила и нож, костяная подпружная пряжка с двумя овальными вырезами и выступающим язычком, железные заколки, покрытые золотой фольгой, имеют широкие аналогии в памятниках пазырыкской культуры Центрального и Юго-Восточного Алтая V–III вв. до н.э. [Кубарев, 1987, с. 31–32, 39–41, 90–91; 1992, с. 29–31; Кирюшин, Степанов, Тишкин, 2003, с. 78–84; и др.]. Возможно, время сооружения кург. 15 ближе к IV в. до н.э. Об этом можно судить, например, по наличию в погребении достаточно массивной бронзовой гривны, обложенной золотой фольгой. Такого типа изделия показательны для пазырыкской культуры [Кубарев, 2005] и датируются в пределах второй половины VI–IV в. до н.э. [Степанова, 2001, с. 92].

Пазырыкские памятники Северо-Западного Алтая, как и ряд объектов в бассейне средней Катунь, П.И. Шульга [2003, с. 115–116] предложил отнести к третьему типу погребений, названному сентелекским. К нему автор причислил 38 объектов, из которых 14 находились в рассматриваемом регионе, 21 – на средней Катунь и 3 – в Центральном Алтае. Кроме того, исследователь разделил погребения сентелекского типа на две группы (по Чарышу и Катунь) и указал на возможность в перспективе выделить локальный вариант пазырыкской культуры.

Материалы, полученные при исследовании могильника Ханкаринский Дол, позволяют рассматривать осо-

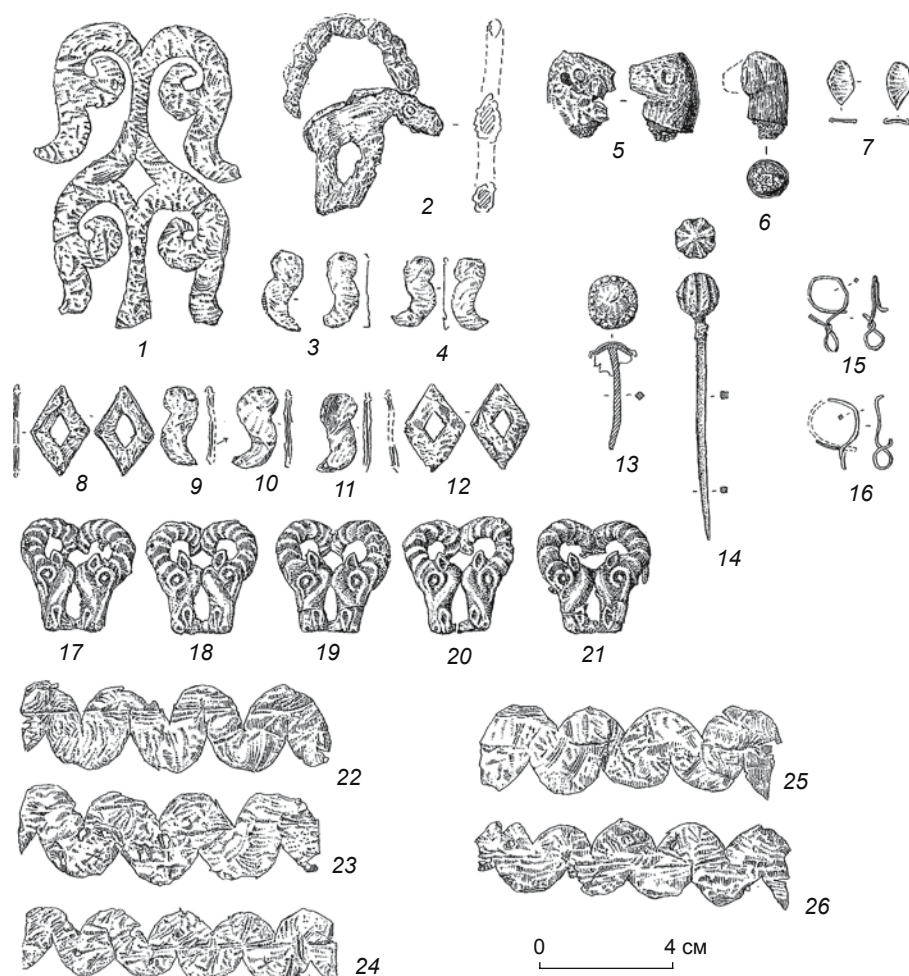

Рис. 7. Украшения из кург. 15.

1–4, 7–12, 17–26 – золото; 5 – дерево, золото; 6 – дерево; 13, 14 – золото, железо; 15, 16 – серебро (?).

бенности погребального обряда пазырыкской культуры в разных районах ее распространения. Среди важных признаков погребений сентелекского типа П.И. Шульга [Там же, с. 115] отметил почти полное отсутствие сопроводительных захоронений лошадей. Между тем на могильнике Ханкаринский Дол в 14 из 21 раскопанного кургана они есть. Если эти погребения добавить к ранее учтенным исследователем 14 курганам, то из 35 объектов в 15 (42,8 %) достоверно отмечен факт сопроводительных захоронений лошадей. Таким образом, указанный признак имеет более широкое распространение в данном районе, чем на синхронных памятниках средней Катунь. Более того, он очень близок к аналогичному показателю, зафиксированному в погребениях на территории основного расселения пазырыкцев в Юго-Восточном и Центральном Алтае [Тишкин, Дашковский, 2003а, с. 146–147].

Другая особенность, выделенная П.И. Шульгой [2003, с. 115] для указанной группы памятников, – преобладание парных и коллективных погребений –

также нуждается в уточнении. Среди исследованных курганов на могильнике Ханкаринский Дол только в одном случае (кург. 5) зафиксировано парное захоронение. Не является исключительным для «сентелекской группы памятников» и ряд других признаков, отмеченных П.И. Шульгой [Там же, с. 115–116]: наличие кольцевых выкладок по окружности кургана, юго-восточная и восточная ориентация умерших, отсутствие балбалов, разнообразие внутримогильных конструкций, наличие углей в заполнении могил, кольцевые насыпи с не заложенной камнями серединой. Указанные признаки погребального обряда, хотя и в разной степени, но известны по могильникам пазырыкской культуры в других районах Алтая [Кубарев, 1987, 1991; Тишкин, Дашковский, 2003а; Кирюшин, Степанов, Тишкин, 2003; и др.], что признает и сам ученый [Шульга, 2003, с. 116].

Вопрос о культурно-хронологическом разграничении памятников пазырыкской культуры один из наиболее сложных и дискуссионных и требует от-

дельного рассмотрения. Достаточно указать на выделение тыткескеньского локального варианта [Тишкин, Дашковский, 2003б; Степанова, 2004]. В этой связи следует обращать особое внимание как на исторический, так и на методологический аспект таких изысканий. В противном случае при культурно-хронологических построениях исследователи часто одну и ту же источниковую базу (например, памятники кара-кобинского типа) пытаются интерпретировать как отдельную археологическую культуру, самостоятельную группу памятников, локальный вариант и как тип погребений. В этой связи представляется не совсем оправданным использование одних и тех же признаков для обоснования типа погребений, распространенного в разных районах Алтая, и указания на возможность в перспективе выделить локальный вариант культуры [Шульга, 2003, с. 116].

В то же время памятники пазырыкской культуры Северо-Западного Алтая, безусловно, обладают определенным своеобразием (отсутствие устойчивых внутримогильных конструкций в виде сруба, преобладание рам, наличие заплечиков, высокий процент вторичных захоронений, обильное использование золотой фольги при изготовлении одежды и головных уборов и др.). Однако для обоснования выделения на данной территории локального варианта пазырыкской культуры [Там же] требуется накопление более репрезентативной источниковой базы.

Описание и реконструкция головного убора

В археологических памятниках кочевников Южной Сибири и Центральной Азии головные уборы, изготовленные из органических материалов, сохраняются

исключительно редко. В большинстве случаев только наличие золотых аппликаций в непотревоженном виде на остатках головного убора позволяет восстановить его конструкцию и форму. В этой связи остановимся более подробно на головном уборе из кург. 15 могильника Ханкаринский Дол (рис. 8).

Высота зафиксированного головного убора достигала 35,5 см. По передней и задней кромкам наверхия крепилась золотая фольга в форме волнообразных полосок (см. рис. 7, 22–26), длина которых составляла соответственно 30 и 37,5 см. Задняя полоска переходила с наверхия на нижнюю часть убора-парики (рис. 9). При сгибе орнамента по продольной линии образовывался ряд округлых фестонов (длина 2 см, ширина 0,9 см), симметрично расположенных относительно друг друга.

На правой стороне головного убора, в его нижней части по центру находился орнамент из листового золота длиной 8,7 см, шириной 5,8 см (см. рис. 7, 22–26). Основным его мотив растительный. Здесь также представлены другие мотивы, характерные для изобразительного искусства кочевников скифского времени Алтая: «запятая», пальметка, розетка, «олений рог» [Руденко, 1960, с. 245–272]. Ключевой композицией украшения, состоящего из двух S-образных фигур с ромбовидной прорезью в центре, возможно, является стебель цветка с бутоном и двухлепестковыми листьями по краям (см. рис. 7, 1). Схожий по форме, но не по композиционным элементам листовидный орнамент присутствует на конском снаряжении из Туэктинского кургана [Там же, с. 252, рис. 130, ч].

В состав украшений данного головного убора входили зооморфные образы: баран, олень и грифон (см. рис. 7, 2, 5, 17–21). Парные и одиночные изображения голов баранов, выполненные из золотой фольги, обнаружены в хорошем состоянии. Первые (8 экз.) вертикально располагались на правой стороне убора-парики через промежутки в 1 см, вторые (4 экз.), обращенные в разные стороны, – на левой, в ее центральной части (см. рис. 9). Длина каждого изделия 3,2 см. Местоположение пяти одиночных изображений голов баранов в общей структуре убора определить сложно, поскольку они хаотично располагались в правой нижней его части. Возможно, изделия являлись частью накосников, материалом для которых, кроме дерева [Полосьмак, 2001, с. 145; Кубарев, 1991, с. 113], могла служить ткань. В частности, накосники из шелка были встречены в ноин-улинских погребениях хунну [Руденко, 1962, с. 44, табл. XIX, 1].

Рис. 8. Остатки головного убора в погребении кург. 15.

У основания навершия головного убора-парики найдены две железные шпильки, шаровидные дольчатые навершия которых были покрыты листовым золотом (см. рис. 7, 13, 14). Длина одной 8 см, другой – 3 см. Они располагались рядом с разрозненными изображениями голов баранов, что может свидетельствовать о креплении при помощи заколок косы женщины либо к убору-парику, либо к накосникам. Шпильки, найденные в курганах Юстыда и Уландрыка, также конструктивно связаны с накосниками [Кубарев, 1991, с. 111].

В налобной части убора обнаружено своеобразное навершие в виде головы орлиного грифона со звериными ушами, изготовленное из дерева, обложенного золотой фольгой (см. рис. 7, 5, 6). Его высота 2,6 см, ширина 1,8 см (в самой широкой части). Уши длиной 1,2 см, шириной 0,7 см вставлялись в отверстия навершу фигурки. Изображение мифической птицы крепилось в основании навершия женского убора на расстоянии 5 см от него (см. рис. 9) при помощи либо штырька, расположенного внизу фигуры, либо шпильки, которая не сохранилась. Для женских и мужских головных уборов пазырыкского населения в качестве украшения более характерны изображения хищных птиц (орлов) и копытных, нежели грифонов. В искусстве кочевников обычно противопоставлялись образы животных Верхнего и Нижнего миров. Это нашло отражение и в их расположении на предметах костюма (одежда, головной убор). Изображения оленей, горных баранов, козлов, лошадей, орлов являлись непрямым атрибутом сакрализованного головного убора, в то время как образ грифона (грифа) мог присутствовать в качестве украшения на подоле одежды, что указывает на его принадлежность к символам сакрального низа, смерти [Там же, с. 157–159].

На вершине женского убора-парики находилась деревянная фигурка оленя высотой 5 см, шириной 3 см, обложенная золотой фольгой (см. рис. 7, 2; 9). У нее были вставные уши, большие рога и сведенные к центру основания ноги. Фигурка крепилась при помощи деревянной палочки-стержня, фрагменты которой найдены в парику. Аналогичные длинные шпильки с навершием в виде стоящего оленя зафиксированы в мог. 5 кургана Аржан и в погр. 2 могильника Уландрык IV [Аржан..., 2004, с. 24; Чугунов, Парцингер, Наглер, 2002, с. 120; Кубарев, 1987, с. 96; и др.]. Такие предметы закрепляли узел, полученный при связывании косы женщины с искусственной косой [Кубарев, 1987, с. 96].

Основу головного убора составляли, вероятно, углисто-глинистое вещество, волосы, войлок, ткань. Аналогичный по морфологическим показателям головной убор-парики обнаружен при исследовании захоронения женщины в кург. 1 могильника Ак-Алаха-3

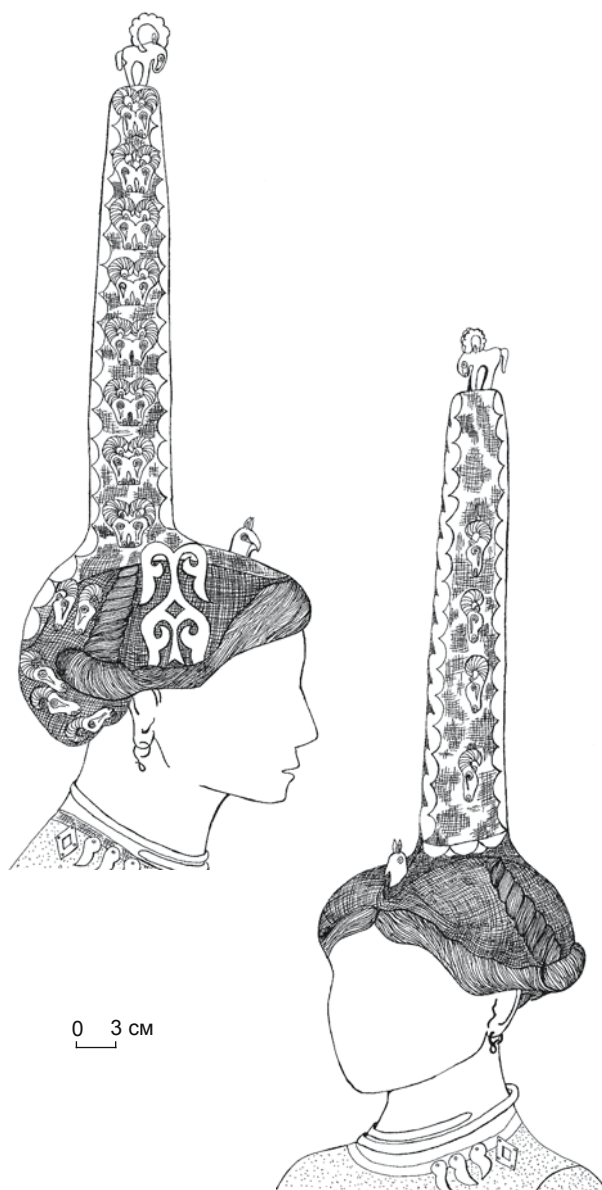

Рис. 9. Реконструкция женского головного убора из могильника Ханкаринский Дол.

[Полосьмак, 2001; Полосьмак, Баркова, 2005]. Навершие, судя по сохранившейся черной краске, могло быть изготовлено из войлока, обтянутого шерстяной тканью, которой покрывалась нижняя часть головного убора. Нашивки крепились с помощью расположенных на них отверстий. Палочка-стержень с фигуркой оленя наверху проходила через весь головной убор, что делало его устойчивым при ходьбе. Кроме того, вся конструкция закреплялась на затылке и по бокам головы несколькими шпильками. Растительный орнамент и одиночные изображения голов горных баранов были прикреплены на ткань, которая покрывала волосы женщины.

Заключение

Результаты исследования кург. 15, а также ранее раскопанных объектов на могильнике Ханкаринский Дол позволяют обозначить северо-западную границу распространения пазырыкской культуры на Алтае. Рассмотренные основные признаки погребального обряда и сопроводительного инвентаря, несмотря на некоторое своеобразие, в целом соответствуют особенностям этой культуры и не дают достаточных оснований для выделения ее локального варианта. Исследование объектов скифского времени в Северо-Западном Алтае в перспективе позволит более конструктивно решать вопросы культурно-хронологического и территориального разграничения памятников кочевников.

Полученные материалы представляют также интерес в плане изучения особенностей социальной организации и мировоззрения кочевников. Так, анализ погребального обряда и инвентаря позволяет высказать предположение о социальном статусе погребенной. Кург. 15 – один из наиболее крупных объектов пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский Дол. Кроме того, в погребении обнаружено сопроводительное захоронение лошади, что являлось маркером особого статуса женщины у кочевников [Тишкин, Дашковский, 2003а]. Дополнением к этому служат и некоторые предметы: зеркало, гривна, серьги и головной убор с золотыми зооморфными аппликациями. Необходимо отметить, что головной убор являлся важным показателем положения человека в общественной организации и отражал определенные мировоззренческие представления кочевников Евразии скифо-сакского периода [Акишев, 1984; Полосьмак, 2001; Яценко, 2006; и др.]. Однако изучение стилистических особенностей изображений на головном уборе и его семантики – отдельное направление дальнейших исследований.

Список литературы

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1984. – 176 с.

Аржан: Источник в долине царей: Археологические открытия в Туве. – СПб.: Славия, 2004. – 64 с.

Дашковский П.К., Кунгуров А.Л. Верхнечинетинский пещерный комплекс на р. Иня (Средний Чарыш) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. 1. – С. 59–62.

Дашковский П.К., Тишкин А.А. Ханкаринский дол – памятник пазырыкской культуры в Северо-Западном Алтае // Современные проблемы археологии России: мат-лы Всерос. археол. съезда. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 2. – С. 20–22.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 62–68.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Ч. 2: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – 234 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.

Кубарев В.Д. Диадемы и гривны из курганов Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1. – С. 55–69.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2001. – 336 с.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. – 232 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 361 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.

Степанова Н.Ф. Гривны из погребений скифского времени Горного Алтая // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2001. – № 7. – С. 89–94.

Степанова Н.Ф. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры скифской эпохи Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 267–274.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003а. – 430 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003б. – Кн. 2. – С. 166–169.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский дол и Яломан III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб.: Теза, 2007. – С. 291–299.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительные публикации полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2. – С. 115–126.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 204 с.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. – М.: Вост. лит., 2006. – 664 с.

Материал поступил в редколлегию 06.11.09 г.

УДК 903

С.С. Калиева, В.Н. Логвин*Сургутский государственный университет**пр. Ленина, 1, Сургут, 628412, Россия**E-mail: logvin1@yandex.ru*

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОКОВ КОЧЕВНИЧЕСТВА В АЗИАТСКИХ СТЕПЯХ

В статье подводится итог примерно тридцатилетнего изучения проблемы реконструкции основ хозяйства и образа жизни населения степной провинции зауральской общности энеолитических культур геометрической керамики. Исследователями России, Казахстана и Западной Европы была получена разноплановая информация, позволяющая утверждать, что основой экономики населения являлось разведение крупного рогатого скота и лошадей, а охота на таких животных, как сайга и кулан, в экономическом плане играла второстепенную роль; поселения носили сезонный характер, но при этом не были пастушескими лагерями, а имели значительное число обитателей; уровень развития орудийного комплекса исключал возможность заготовки корма для животных в зимний период, содержание скота было возможно только при условии его круглогодичного выпаса. Таким образом, общества, оставившие терсекские и ботайские древности, должны быть признаны кочевыми.

Ключевые слова: энеолит, кочевничество, скотоводство, domestикация, терсекские, ботайские и суртандинские древности.

Введение

В российской историографии традиционно большое внимание уделялось изучению всех аспектов кочевничества. В частности, этнографами и археологами была разработана стройная и логичная концепция формирования кочевого образа жизни у населения евразийских степей в начале I тыс. до н.э. [Акишев, 1972; Мошкова, 1992; Хазанов, 2000, с. 185–187]. Вместе с тем уже с конца 50-х – начала 60-х гг. XX в. разрабатывалась и концепция существенно более раннего (примерно на 2 тыс. лет) формирования кочевого образа жизни у обитателей восточно-европейских степей. Разработка этого направления началась с постановки Б.А. Латыниным и Н.Я. Мерпертом вопроса о наличии производящего хозяйства у носителей ямной культуры (см.: [Шилов, 1975, с. 8]). Несколько позднее ряд исследователей говорит уже о подвижном и даже кочевом хозяйстве и образе жизни ямников [Шилов, 1970, 1975; Мерперт, 1974, с. 110–118]. В настоящее время представление о кочевом образе жизни носителей ям-

ной культуры прочно утвердилось [Шишлина, Булатов, 2000; Рындина, Дегтярева, 2002, с. 107; Моргунова, Турецкий, 2004]. В отношении азиатских степей до сих пор преобладает мнение, что «скотоводы освоили азиатскую степь существенно позднее, нежели восточно-европейскую» [Кол, 2005, с. 65].

В азиатских степях синхронные ямной культуре древности длительное время изучались эпизодически. Одним из первых актов этого процесса, пожалуй, можно считать публикацию А.А. Формозовым информации о стоянках Терсек-Карагай и Коль, на материалах которых он поставил вопрос о выделении терсек-карагайской культуры [1946, 1951]. Затем был длительный период, когда изучением терсекских древностей никто не занимался. Возобновилось оно в 1978 г. раскопками поселения Солёное Озеро-1 [Логвин, 1979]. С 1980 г. параллельно нашим работам В.Ф. Зайберт начал исследовать близкое терсекским поселение Ботай на р. Иман-Бурлук [Зайберт, 1981]. В основном на его материалах была выделена родственная терсекской ботайская культура [Зайберт,

1993]. Среди синхронных древностей сопредельных территорий ботайским и терсекским оказались наиболее близки суртандинско-кысыкульские в Южном Зауралье [Крижевская, 1977; Матюшин, 1982]. Эти три группы древностей (терсекская, ботайская и суртандинско-кысыкульская) представляют южную степную провинцию обширной, охватывающей несколько географических зон, зауральской общности энеолитических культур геометрической керамики [Калиева, 1990, с. 16; Чаиркина, 1995, с. 18–20]. Большая близость материальной культуры населения данной провинции и единство географической среды (степь) предполагают сходный в основных чертах тип хозяйственной и бытовой деятельности. Поэтому естественно, что, рассматривая вынесенную в заголовок статьи проблему в основном на терсекских материалах, мы использовали информацию, полученную исследователями ботайской и суртандинско-кысыкульской культур.

Л.Я. Крижевская, имея в своем распоряжении очень ограниченный остеологический материал, склонна была считать охоту и рыбную ловлю основными видами хозяйственной деятельности кысыкульского населения [1977, с. 105]. Г.Н. Матюшин говорил о скотоводстве как основе экономики суртандинцев и не исключал наличия среди них групп «кочующего населения» [1982, с. 283–294]. В.Ф. Зайберт реконструирует модель особого «ботайского ХКТ (хозяйственно-культурного типа. – С.К., В.Л.)», который определяется «как оседлый многоотраслевой с доминантой коневодства (раннего)» [1993, с. 168–169]. Своеобразно понимается им оседлость: «...если в пределах зоны обитания сезонные подвижные группы скотоводов решают проблемы жизнеобеспечения общности в рамках годового цикла, то такое население можно считать оседлым», при этом зона обитания может достигать «десятков тысяч квадратных километров» [Зайберт, 2009, с. 293–295].

Археозоологи в своих мнениях разошлись кардинально. Л.А. Макарова и Т.Н. Нурумов, опираясь на размерные характеристики костей, считают лошадь Ботая и терсекских поселений Соленое Озеро-1, Евгеньевка-2, Ливановка домашней, а быка – диким [Ахинжанов, Макарова, Нурумов, 1992, с. 31–39, 159–166]. Изучая черепа и кости конечностей ботайской лошади, И.Е. Кузьмина также пришла к выводу о их принадлежности домашним особям [1993]. В противоположность этому Н.М. Ермолова и П.А. Косинцев говорят о дикой лошади Ботая [Ермолова, 1993; Косинцев, 2007, с. 148]. М. Левин, не исключая возможности использования ботайцами прирученных лошадей, считает, что основная масса лошадиных костей на Ботае принадлежит особям, добытым в процессе охоты [Levine, 1999, p. 63–74]. О дикой ботайской лошади говорят также Н. Бенеке и А. фон ден Дриш, опираясь на подход и аргументацию М. Левин [Benecke,

Driesch, 2003]. Д. Энтони и Д. Браун на основании наличия зубов со следами от удил склонны считать ботайскую лошадь домашней, однако не исключают возможности того, что на Ботае только отдельные особи были «взнузданы и оседланы» охотниками за дикими лошадьми [Anthony, 2007, p. 220].

Наша, сформированная совместно с Л.Л. Гайдученко, позиция заключается в признании терсекского общества, а шире – и всех, оставивших памятники южной степной провинции общности энеолитических культур геометрической керамики, кочевым в его полукочевом варианте [Логвин, Калиева, Гайдученко, 1989; Гайдученко, Калиева, Логвин, 1989; Калиева, Логвин, 1997, с. 100–123; Гайдученко, 1998a]. К сожалению, издания, в которых была изложена наша аргументация, видимо, оказались малодоступны исследователям, особенно зарубежным. В последнем случае наслаиваются еще и языковые проблемы. В результате, даже ссылаясь на наши работы, исследователи приводят из них лишь цифровые данные по археозоологическим определениям [Benecke, Driesch, 2003]. Публикация в настоящем издании, надеемся, изменит ситуацию.

Факты и точки зрения

Поскольку в термины «кочевники» и «кочевничество» зачастую вкладывается совершенно разное содержание, следует отметить, что мы придерживаемся позиции А.М. Хазанова. Отличительные признаки кочевничества он определяет следующим образом: «1) скотоводство как преобладающий род хозяйственной деятельности; 2) экстенсивный характер хозяйства, связанный с круглогодичным внестойловым содержанием скота на подножном корму; 3) периодическая сезонная подвижность в пределах определенной пастбищной территории; 4) участие в перекочевках большей части населения (в отличие от отгонно-пастбищного скотоводства); 5) преобладание натуральных форм хозяйства (в отличие от современного капиталистического ранчо)» [Khazanov, 1984, p. 16; Хазанов, 2000, с. 84–85]. Рассмотрим соответствие наших материалов этим признакам по порядку.

1. *Скотоводство как преобладающий род хозяйственной деятельности.* Среди всех животных, кости которых представлены в коллекциях терсекских поселений, только бык и лошадь могут претендовать на статус домашних [Калиева, Логвин, 1997, с. 100–101]. Начнем с быка, кости которого достаточно многочисленны на ряде терсекских памятников: на Кумкешу-1 они составляют 53,6 % всех остеологических материалов, на Соленом Озере-1 – 36,7, на Каиндах-3 – 24,1, на Кожае-1 – 2,1 %.

Как известно, при определении ископаемых костных остатков археозоологами основным показателем,

отличающим домашних животных от диких, являются большие размеры последних (естественно и костей). Очевидно, однако, что на ранних этапах одомашнивания этот признак не может работать. Терсекский бык был довольно крупным, о чем свидетельствует высота в холке, рассчитанная по таранным костям с использованием методики В.И. Цалкина [1970, с. 162–164]. Для Кумкешу-1 этот показатель колеблется в диапазоне 128–161 см, для Кожая-1 – 137–167, для Каинды-3 – 143–146 см [Гайдученко, 1998а, с. 250]. У тура высота в холке 139–174 см, у серого степного быка народной селекции – 126–150 и даже 175 см. Эти данные наглядно показывают, сколь велика трансгрессия размерных характеристик дикого и домашнего быка.

Поскольку стандартные морфометрические показатели не могут дать однозначного ответа на вопрос, домашнему или дикому быку принадлежали найденные на терсекских памятниках кости, пришлось искать другие критерии. По мнению Л.Л. Гайдученко, одним из оснований считать терсекского быка домашним является тот факт, что в изучаемом регионе наиболее поздние бесспорные костные остатки тура обнаружены в отложениях первой половины плейстоцена [Там же, с. 248]. Все находки более позднего времени сомнительны по причине либо неопределенности их стратиграфической приуроченности, либо условности определений (типа: «*Bovinnac gen. indet.*», «*Bos aut Bison*», «*Bos sp.*» и т.п.). Следовательно, существует большая вероятность того, что позднее раннего голоцена тур на этой территории не обитал. Тогда следует признать невероятным «появление тысячелетиями отсутствовавшего вида» [Там же].

Одним из характерных для домашних животных показателей является высокая степень изменчивости признаков, которая может выходить за рамки «не только видовых, но и родовых особенностей» [Шварц, 1972, с. 12]. Некоторые костные остатки терсекского быка показывают высокую степень изменчивости. Общепризнанно происхождение крупного рогатого скота в Северной Евразии от тура (*Bos*). Зубр (*Bison*) в этом процессе как будто не принимал участия. Хотя жесткого запрета на гибридизацию зубра и тура (и крупного рогатого скота) нет, селекционеры при создании гибридов столкнулись с настолько серьезными трудностями, что признали ее нецелесообразной. Это делает маловероятной в прошлом не только естественную гибридизацию, но и обусловленную человеком. Следовательно, на костях крупного рогатого скота не должно быть признаков зубра. Однако на практике дело обстоит иначе. Изучая кости энеолитического терсекского и современного крупного рогатого скота, Л.Л. Гайдученко обнаружил, что некоторые из них в обеих выборках имеют признаки как зубра, так и тура [Гайдученко, Калиева, Логвин, 1989, с. 28–31]. При достаточно большой выборке эти кости (например, M_3) можно распо-

ложить таким образом, что образуется ряд, в котором прослеживается плавный переход от признаков зубра к признакам тура [Гайдученко, 1998б, рис. 1]. При этом «зубов с признаками только зубра в коллекции нет. Зубов со смешанными признаками из Кожая – 66,7 %, из Кумкешу – 58,8 %, Каинды – 66,7 %». Такое же соотношение отмечено для эпохи бронзы: «в среднем – 64 %». «У рецентного КРС (крупного рогатого скота. – С.К., В.Л.) этот показатель равен 53 %» [Там же, с. 177–178]. С учетом сказанного выше о трудностях при гибридизации с участием зубра и тура эти факты следует рассматривать как естественно возникающую в среде домашних животных изменчивость.

Хорошо согласуется с приведенными данными и такой признак, как комолость терсекского крупного рогатого скота. Критерии определения этого признака по костным остаткам в свое время были разработаны В.И. Цалкиным, который обратил внимание на то, что на скифских и античных памятниках, оставленных населением, разводившим комолый скот, роговые стержни составляют от 0,23 до 0,88 % всех костей крупного рогатого скота. В коллекциях лесных поселений того же времени этот показатель поднимается до 1,35 % и выше [Цалкин, 1966, с. 11–13]. На трех терсекских памятниках, давших наиболее представительные остеологические коллекции, он колеблется от 0,27 до 0,53 % (Кожай-1 – 0,27 %, Каинды-3 – 0,47, Кумкешу-1 – 0,53%)*. На этих памятниках довольно много костных остатков сайги, в т.ч. и роговых стержней. По устному сообщению Л.Л. Гайдученко, их плотность сопоставима с плотностью роговых стержней крупного рогатого скота. На Кожая-1 роговые стержни сайги составляют 1,1 % всех костей животных этого вида, на Каиндах-3 – 3,59, на Кумкешу-1 – 8,29 %. Отличие по данному показателю от коллекций костей крупного рогатого скота существенно, что не позволяет объяснять малый процент роговых стержней быка особенностями сохранности. Поскольку дикий комолый бык науке неизвестен, то приходится признать терсекский крупный рогатый скот домашним, несмотря на его крупные размеры.

Можно привести еще одно наблюдение, свидетельствующее о содержании терсекским населением домашних животных. По результатам анализа нагара на сосудах с поселения Кумкешу-1 более 13 % образцов указывают на присутствие молока [Гайдученко, 2000, с. 157]. В принципе, оно могло быть получено и от домашней лошади, но с учетом исторически известного опыта предположение об использовании обитателями Кумкешу-1 для приготовления вареной пищи не кобыльего, а коровьего молока предпочтительнее.

*Разница с ранее опубликованной информацией объясняется уточнением ее Л.Л. Гайдученко [Гайдученко, Калиева, Логвин, 1989, с. 32; Калиева, Логвин, 1997, с. 104; Гайдученко, 1998б, с. 176].

Наиболее острые дебаты развернулись вокруг интерпретации костных остатков лошади. Л.А. Макарова и Т.Н. Нурумов провели довольно детальное сравнение морфометрических характеристик лошадиных костей с поселений Солёное Озеро-1 и Ботай и известных к тому времени костных остатков неолитических лошадей, а также костей лошади с памятников эпохи бронзы Казахстана. В результате они пришли к выводу, что «лошадь эпохи неолита или ранней бронзы Казахстана не отличалась ничем от этих животных эпохи поздней бронзы...» [Ахинжанов, Макаров, Нурумов, 1992, с. 31–38, 160]. Даже если согласиться с тем, что диагностические признаки доместикизации у примитивных лошадей отсутствуют и на основании морфобиометрических данных отнести их с уверенностью к дикой или домашней форме нельзя, эти данные не исключают возможность одомашнивания терсекской лошади.

К настоящему моменту из исследователей, отрицающих наличие домашней лошади у степного населения общности неолитических культур геометрической керамики, наиболее развернутую аргументацию своей позиции дала М. Левин на основе анализа костей с поселения Ботай. Принципы определения критериев доместикизации она отработывала еще до обращения к ботайскому материалу, изучая остеологические коллекции со стоянок «охотников-собираателей» плейстоцена и с неолитического поселения Деревка среднестоговской культуры [Levine, 1983, 1990]. М. Левин обратила внимание на то, что охотничья добыча на разных плейстоценовых памятниках существенно различалась по половозрастной структуре. Она предположила, что это объясняется различиями в способах добычи животных, и рассмотрела несколько возможных моделей организации охоты, при реализации которых, по ее мнению, и формировались коллекции костей с разным сочетанием половозрастных характеристик [Levine, 1983, p. 29–31].

М. Левин подвергла анализу остеологическую коллекцию с участка 31 поселения Ботай. Этот участок раскапывался в 1992 г. А.М. Кисленко и Н.С. Татаринцевой при участии М. Левин специально для решения последней поставленной задачи [Levine, 1999, p. 30–32]. Более половины лошадей, представленных в анализировавшейся коллекции, были забиты в возрасте 3–7 лет, более трети – 4–6 лет. Пик приходится на возраст 6 лет. Костей очень старых животных мало. Соотношение молодых и старых особей М. Левин считает близким естественному. Соотношение самцов и самок ею установлено как 1:1 [Ibid, p. 72, fig. 24]. На основании этих данных М. Левин считает, что ботайская лошадь была дикой и добыта в процессе неизбежной охоты. Поскольку к тому времени Д. Энтони и Д. Браун установили наличие на Ботее зубов лошади со следами использования удила, она не исключала возможности участия в охоте всадников [Ibid, p. 67–73].

По материалам поселения Кожай-1 реконструируется сходная возрастная структура. Порядка 42 % лошадей забивалось в возрасте 4–6 лет. Кости старых особей также немногочисленны. Жеребцы составляют примерно 60 % забитых животных [Гайдученко, 1998а, с. 245–247]. По логике М. Левин, основная масса лошадей Кожай-1 также должна была быть добыта в процессе неизбежной охоты. Однако представляется, что ее исходные посылки весьма уязвимы.

Важную роль в концепции М. Левин играет сопоставление с этнографической информацией. Опрошив двух казахов и двух монголов о ситуации начала XX в., она заключила, что традиционные коневоды – монголы и казахи – на мясо в качестве пищи предпочитают забивать двух-трехлетних лошадей. Если же лошадь предназначалась для других целей, то, по мнению М. Левин, забиваться должны были особи в возрасте 16 и более лет. Поскольку возрастная структура лошадей поселения Ботай не соответствует этим положениям, то она считает их дикими [Levine, 1990, p. 738; 1999, p. 41–52, 73]. Такое использование этнографической информации нельзя признать корректным. Казахское и монгольское общества в начале XX в. уже были включены в систему рыночных отношений. В данной системе в случае мясного направления коневодства действительно выгодно, интенсивно откормив молодняк, отправить его на забой, как только темпы прироста мясной массы начнут снижаться. В рыночной экономике это диктуется требованиями рентабельности производства.

Что касается немясного направления, то сама М. Левин приводит интересные данные по памятникам римского времени Кестерен и Торнхилл, где, по ее мнению, лошади использовались в транспортных целях [Levine, 1999, p. 52–55]. На первом количество забитых животных резко сокращается уже с возраста 10 лет, а на втором – с 13 лет. Можно отметить также, что на Кестерене, так же как и на Ботее, пик забоя лошадей приходится на возраст 6 лет [Ibid, p. 55, fig. 5]. Д. Энтони обратил внимание исследователей на то, что кривые возраста забоя лошадей для Кестерена и Деревки практически идентичны [Anthony, 2007, p. 205, 206, fig. 10.4]. Между тем именно сходство возрастной структуры забитых лошадей на этом неолитическом поселении и на палеолитическом памятнике послужило основанием для отнесения М. Левин большинства лошадиных костей деревинской коллекции к диким животным [Levine, 1990, p. 737–739]. Видимо, следует согласиться с Д. Энтони, что такой признак, как половозрастная структура, при рассмотрении проблемы доместицированности лошади не работает [Anthony, 2007, p. 205].

Нам представляется, что возрастная структура забитых домашних лошадей на поселениях Ботай и Кожай-1 достаточно логична. Говоря об уровне развития оставившего эти памятники общества в первом прибли-

жении, мы можем предположить, что оно находилось на позднеродовой стадии, максимум, на начальном этапе разложения родового общества. В нем действовали рычаги не рыночной, а престижной экономики, в которой скот всегда имеет очень важное значение. В этом случае нет резона забивать молодых животных, но и нет смысла держать их до предела репродуктивного периода, когда ценность животного резко падает. Следует иметь в виду также замечания Л.Л. Гайдученко о некоторых причинах формирования зафиксированной на Кожае-1 возрастной структуры забитых лошадей. Данные по современным лошадям показывают, что зрелость скелета наступает у них к 4,5–5 годам, верховые лошади приобретают способность нести полный груз примерно в 4 года. Приблизительно к 3,5 годам казахская лошадь джабе при табунном содержании показывает «наибольший вес и наивысший убойный выход». В 5–6 лет жеребцы пытаются формировать собственные косяки. Таким образом, в возрасте 4–6 лет терсекская лошадь «наиболее интенсивно вовлекается в круг событий, определяемых как биологическими причинами, так и хозяйственными потребностями... что естественно приводило к высокому уровню травматизма среди особей именно этого возраста, обусловившему, вероятно, в ряде случаев вынужденность убоя» [Гайдученко, 1998а, с. 246]. О вынужденном забое, по мнению Л.Л. Гайдученко, свидетельствует наличие на поселении Кожай-1 костей дистальных отделов конечностей, сохраняющих анатомический порядок, но с переломанными (в основном посередине) метаподиями. Таким образом, замечание М. Левин о том, что присутствие на Ботае нерасчлененных частей скелета говорит о нерациональном (хищническом) типе охоты [Levine, 1999, р. 69], можно оспорить. По крайней мере часть таких находок можно объяснить вынужденным забоем больных животных.

Определенный интерес представляет полученная по морфобиометрическим данным информация о росте лошадей и степени их тонконогости. Эти показатели лежат в пределах вариаций домашней лошади. По данным Л.Л. Гайдученко, на Кожае-1 рост колебался от 129 до 146 см и в среднем составлял 139 см. Кожайские лошади были полутонконогие, средненогие, полутолстоногие и толстоногие. На Кумкешу-1 лошади имели примерно такой же рост (128–146 см, в среднем 139,4 см) и в основном были средненогие и полутолстоногие. На Каиндах-3 рассчитанные значения роста несколько ниже (128–143 см, в среднем 135 см), что может объясняться существенно меньшей величиной выборки. Здесь преобладают кости полутолстоногих лошадей [Гайдученко, 1998а, с. 241]. Рост ботайской лошади колебался в диапазоне 128–152 см [Зайберт, 2009, с. 412].

Л.Л. Гайдученко предпринял попытку изучить лошадь, известную по материалам поселения Ко-

жай-1, «на организменном уровне по двум направлениям, выявляя структуру популяции в отношении конституции входящих в нее особей и направления селекционной работы» [Гайдученко, 1998а, с. 234]. За основу структурного анализа был взят тип лошади, определяемый по соотношению показателей роста и тонконогости [Гайдученко, 1998а, 2002]. Л.Л. Гайдученко отмечает, что на территории современного Казахстана на протяжении плейстоцена и голоцена, до неолитической эпохи включительно, лошади были средние и рослые, а эволюция шла по направлению увеличения тонконогости. В первой половине плейстоцена фиксируются толстоногие и полутолстоногие лошади, во второй – средненогие и полутонконогие, в голоцене (неолите) – тонконогие. В терсекское время, если судить по коллекции Кожай-1, ситуация резко изменилась. Наряду со средними и рослыми появились малорослые лошади. Встречены все разновидности от толстоногих до полутонконогих, но тонконогих нет. Создается впечатление, что в степях Казахстана к III тыс. до н.э. естественный ход событий в эволюции лошади был нарушен. Пожалуй, можно согласиться с Л.Л. Гайдученко в том, что наиболее реально объяснить произошедшие изменения влиянием доместикационных процессов, когда лошадь развивается под опекой человека, обретая невыгодные, с позиций естественного отбора, качества [1998а, с. 243].

В 1992 г. Д. Энтони и Д. Браун просмотрели выборку из 19 неповрежденных нижних предкоренных зубов взрослых особей из Ботая. Пять из них имели бесспорные следы воздействия удила, что составляет 26 % от выборки. Позднее Н. Бенеке и А. фон ден Дриш указали на возможность аналогичного износа зубов у диких животных с неправильным прикусом [Benecke, Driesch, 2003, р. 78, 79]. В связи с этим Д. Энтони попытался определить частоту встречаемости этого признака у диких (в т.ч. плейстоценовых) лошадей и пришел к выводу, что она составляет менее 1 % [Anthony, 2007, р. 211–213, tabl. 10.1]. Из 12 неповрежденных зубов с поселения Кожай-1 два (16,6 % от выборки) также оказались с четкими следами сработанности [Ibid, р. 218]. Еще об одном зубе со следами от воздействия удила из коллекции Ботая сообщают А. Оутрам и его коллеги [Outram et al., 2009]. Интересно отметить, что в современном табунном коневодстве мясного направления на 200–250 голов приходится два–четыре табунщика. При наличии у каждого табунщика запасных лошадей для выпаса табуна в 1 000 голов необходимо 16–40 (1,6 – 4,0 % от стада) обученных животных [Гайдученко, 1998а, с. 245]. Следовательно, терсекские и ботайские коневоды были обеспечены обученными лошадьми не хуже исторически известных кочевников.

Интерес представляет также то, что на участке 31 Ботая были обнаружены крупные нерасчлененные час-

ти скелета лошадей. По мнению изучавшей их С. Олсен, это возможно только в том случае, если животных забивали на поселении или же части туш доставляли с помощью лошади. В любом случае речь должна идти о домашних животных [Olsen, 2003, p. 86, 96].

Все приведенные факты в пользу домостикации лошади носителями ботайской и терсекской культур очень важны, но не позволяют ответить на вопрос, имеем ли мы дело с костными остатками отдельных одомашненных особей, или же основная масса обнаруженных костей принадлежит домашним животным. На поселениях Кожай-1 и Кумкешу-1 нами получены данные, подтверждающие второе предположение. Мы подметили факт несомненно разного отношения к лошади и быку, с одной стороны, к кулану и сайге – с другой. На Кожай-1 в 3,5 раза, а на Кумкешу-1 в 2,5 раза молодых куланов (определялось по приращению эпифизов) забивали чаще, чем молодых лошадей. По сайге и быку этот показатель соответственно в 2,3 и 1,3 раза [Калиева, Логвин, 1997, с. 107]. Обитатели обоих поселений предпочитали забивать взрослых лошадей, у которых скелет уже полностью сформировался. Что касается сайги и кулана, то, похоже, их мало интересовало, молодых или взрослых животных они забивают. На Кумкешу-1 ребра в коллекциях костей лошади и быка составляют соответственно 9,5 и 8,1 %, а кулана и сайги – 2,4 и 1,3 %. Ситуация с лопаткой прямо противоположная. В коллекции костей лошади и быка они составляют 1,1 и 3,7 %, а кулана и сайги – 17,9 и 12,0 % [Калиева, Шевнина, 2007, с. 102]. Явно кулан и сайга забивались не на поселении, в силу чего большая часть ребер, в противоположность лопатке, оставлялась на месте охоты. Что касается лошади и быка, то проблемы доставки их туш на поселения, судя по всему, не существовало. Сайга и кулан, безусловно, дикие животные, и если мы фиксируем диаметрально противоположное, в сравнении с лошадью и быком, отношение к ним людей, то по принципу антитезы напрашивается вывод, что последние были домашними. Кулан и лошадь в диком (последняя и в одичавшем) состоянии ведут практически одинаковый образ жизни. Приемы охоты на тех и других одинаковы, и если считать лошадь дикой, то следует ожидать одинакового представительства молодых и взрослых особей кулана и лошади в охотничьей добыче, чего мы не наблюдаем в действительности. Эти прямые факты особого (и однопорядкового) отношения людей к лошади и быку (последний уже в силу комолости не может считаться диким) свидетельствуют о домостикации основной массы лошадей, представленных в остеологических коллекциях, что, естественно, не исключает возможности присутствия в них какой-то доли костных остатков диких или одичавших особей, добытых в результате охоты.

В пользу одомашненности терсекской лошади свидетельствует также никем не оспариваемый факт разведения домашних лошадей западными соседями – населением, оставившим памятники ямной культуры [Цалкин, 1970, с. 183–204; Мерперт, 1974; Шилов, 1975; Петренко, 1984, с. 69–70; Косинцев, 2007]. Ямные, суртандинские, терсекские и ботайские древности в целом синхронны. Обитатели западной части азиатских степей не могли не знать о домашних лошадях носителей ямной культуры. Граница между азиатскими и европейскими степями условна, она никогда не была неодолимой преградой между европейским и азиатским степным населением [Мерперт, 1974]. Лошадь слишком ценное для степняка животное, чтобы, познакомившись с практикой разведения домашних лошадей, не попытаться перенять этот опыт.

Все свидетельствует о ведущей роли скотоводства в экономике терсекского общества. В мясном рационе населения продукция охоты имела явно второстепенное значение. Выход поедаемой массы диких животных на Каиндах-3 составляет 26,81 % всей мясной продукции, на Кожай-1 – 13,04, на Кумкешу-1 – 6,36 % [Гайдученко, Зданович, 2000, с. 45–66]*. Помимо мяса в питании использовалось и молоко. На Кумкешу-1 в составе вареной пищи заметное место занимает молочная (более 13 %). Поскольку молоко может потребляться и в сыром виде, следует предполагать важное значение его в питании терсекского населения [Гайдученко, 2000, с. 156–157]. Свидетельств рыбной ловли немного. На Кожай-1 найдены кости двух щук и одного карася, а на Кумкешу-1 – двух язёй и одной щуки. Однако наличие на Кумкешу-1 фрагмента керамического грузила и результаты изотопного анализа фрагмента человеческого черепа с поселения Ботай, возможно, свидетельствуют о достаточно важной роли рыбы в рационе питания [Калиева, Шевнина, 2007; O'Connell et al., 2003, tabl. 16.2].

Прямых данных о земледелии нет, однако технические возможности для занятия им у терсекского населения были. Например, часть крупных топоровидных орудий имеет явные следы использования их в качестве землеройных инструментов (мотыги). Диски могли служить утяжелителями палок-копалок. Крупные абразивные камни могли использоваться для растирания растительной пищи. Кроме того, по результатам анализа пригара на сосудах с поселения Кумкешу-1, примерно 6 % анализировавшихся образцов указывают на использование в вареной пище какого-то просовидного злака. Однако все эти признаки жестко с земледелием не связаны. Даже злаки могли быть получены во время кон-

*Сравнительно высокий удельный вес продукции охоты на Каиндах-3 объясняется спецификой памятника, представляющего собой, по нашему мнению, пастушескую стоянку (летний отгон) [Логвин, 1992].

тактов с южными соседями. Хотя вопрос о земледелии у терсекского населения остается открытым, ясно, что оно не могло играть более важную роль, чем это было зафиксировано у кочевников данного региона в историческое время. Вместе с тем мы должны отметить наличие достаточно интенсивного собирательства, поскольку незерновая растительность использовалась в приготовлении вареной пищи не намного реже (33 %), чем мясо (43 %) [Гайдученко, 2000, с. 156–157]. Таким образом, все изложенное выше позволяет говорить, что в системе комплексного хозяйства терсекского населения скотоводство играло ведущую роль, являлось экономической основой функционирования общества.

2. *Экстенсивный характер хозяйства, связанный с круглогодичным внестойловым содержанием скота на подножном корму.* Интенсивным хозяйство обитателей терсекских поселений не могло быть по двум причинам. Во-первых, для этого надо иметь достаточно развитое земледелие, а во-вторых, инвентарий, которым располагали терсекцы, не позволял заготавливать корм для такой массы животных. Следовательно, терсекский скот по необходимости содержался на подножном корму.

3. *Периодическая сезонная подвижность в пределах определенной пастбищной территории.* Большое количество скота при отсутствии возможности заготовок корма предопределяет необходимость смены пастбищ. Подтверждение этому мы находим в особенностях конструкции жилищ и состава остеологических коллекций. На поселениях Кожая-1 и Кумкешу-1 жилища хотя и были полужемляночными, но наземная их часть, судя по остаткам сгоревших конструкций, сооружалась из тальника, что предполагает и сравнительно легкую кровлю, которая могла быть сделана с использованием камыша, травы, шкур животных, но не дерна [Калиева, Гайдученко, Логвин, 1989]. В зимнее время в таком жилище огонь в очаге необходимо поддерживать практически постоянно. Отсюда, если предположить круглогодичное обитание на поселениях Кожая-1 и Кумкешу-1, следует ожидать наличие мощных очагов и зольников, однако мы их не находим. Только в жилищах 1 и 14 Кожая-1 обнаружены остатки более или менее интенсивно использовавшихся очагов. Прослеживались они как пятна диаметром 0,6 м, в которых грунт прокален на глубину 0,1 м. Возможно, часть расположенных внутри сооружений зольников также фиксируют кострища, хотя большинство, скорее всего, являются просто местами последнего складирования золы. Все они маломощные, диаметром от 0,4 до 1,0 м, с толщиной золистых отложений до 0,1 м. На раскопанную часть памятника приходится всего лишь до десятка таких зольников [Калиева, 1998, с. 7–9]. Это как-то не вяжется с большой насыщенностью культурного слоя находками – в среднем ок. 300 на 1 м² раскопа. Единственное

разумное объяснение такого сочетания признаков заключается в признании Кожая-1 долговременным, но сезонным (летним) поселением. Примерно такую же ситуацию мы имеем на Кумкешу-1. Только в жилище 6 зафиксировано небольшое (диаметром 0,2 м) пятно прокала толщиной 0,05 м. Расположено оно в центральной части на дне ямы. Зольников как таковых нет, но во многих жилищах обнаружены линзы песка диаметром до 1 м, мощностью 0,15–0,20 м с обильными углистыми включениями. Только в двух случаях (жилища 1 и 9) эти линзы достигают 2 м в диаметре при мощности 0,2–0,3 м. Похоже, несмотря на легкость конструкций жилищ, обитатели Кожая-1 и Кумкешу-1 не испытывали потребности в постоянном их обогреве, что возможно только в теплый период года. Большая насыщенность культурного слоя находками обусловлена ежегодным возвращением к обжитому месту летнего обитания. Остеологические коллекции подтверждают такое предположение. В них имеются кости животных, которые зимой в этих местах не обитают. На Кожая-1, Кумкешу-1 и Каиндах-3 это сайга. Помимо них, на Кожая-1 найдены кости лебедя, журавля, серого гуся, чирка, болотного луны, а также лягушки и сурка, а на Кумкешу-1 и Каиндах-3 – зурмана и тушканчика, которые на зиму залегают в спячку. Это однозначно свидетельствует о том, что летом поселения были обитаемы.

Анализ ростовых слоев цемента коренной части зубов животных с Кожая-1 и Кумкешу-1, проведенный Л.Л. Гайдученко по методике Г.А. Клевезаль [1988], показал, что животные забивались в теплый период года (весна, лето, осень) [Калиева, Логвин, 1997, с. 115–116]. К аналогичному заключению приводят и результаты палинологических исследований на Кожая-1. Взятые на поселении образцы дали типичный для мест обитания человека спектр растений с резким преобладанием маревых. Неожиданным оказалось отсутствие ивы. Ни в культурном слое, ни в перекрывающей его почве ивовая пыльца не фиксировалась, хотя тальник растет в пойме реки сейчас и, видимо, рос в прошлом, поскольку его макроостатки (угольки) найдены в культурном слое [Калиева, 1998, с. 233]*. Истоки этого парадокса лежат в особенности местоположения памятника. Поселение занимает ложбину между прилегающими к реке сопками и скальным выступом в пойме. Зимой в ней, естественно, скапливался снег. Ива начинает цвести при появлении первых проталин [Флора Казахстана, 1960, с. 20, 26, 29], длительность цветения пять–десять дней [Миньков, 1974, с. 114]. В это время в ложбине еще лежал снег, и пыльца ивы оседала на его поверхности, а затем уносилась в реку по мере таяния снега. Обитатели Кожая-1 появлялись на поселении после того, как ива отцветала и ложбина освобождалась от снега. В про-

*Возможность ошибочной интерпретации пыльцы ивы Р.А. Терещенко, выполнившая анализы, исключает.

тивном случае человек и сопутствовавшие ему животные занесли бы пыльцу в культурный слой.

Из всего сказанного следует, что Кумкешу-1 и Кожай-1 были обитаемы только в летний период, но тогда должны быть и зимние поселения. Возможно, таковым является Соленое Озеро-1. Жилище здесь было совершенно другой конструкции. В центральной части его котлована по кругу располагались столбы, являвшиеся, судя по всему, опорой всей конструкции, которая способна была выдержать значительно большие нагрузки, чем каркас жилищ Кожая-1 и Кумкешу-1. Крыша и стены в этом случае могли быть существенно более тяжелыми, а следовательно, жилище более теплым. В придонной части котлована зафиксированы три довольно мощные линзы песка с углистыми включениями. Вероятно, это остатки костра, который не имел жестко фиксированного местоположения. С учетом сравнительно небольшой площади поселения создается впечатление, что обитатели Соленого Озера-1 испытывали большую потребность в отоплении жилищ, чем на Кожая-1 и Кумкешу-1. В остеологической коллекции Соленого Озера-1 отсутствуют кости животных, обитающих в этих местах только летом. Объекты охоты представлены кабаном. Поскольку памятник находится на краю реликтового бора в окружении озер, отсутствие костей летних обитателей леса правдоподобнее всего связывать с тем, что летом на поселении не было людей. Это место очень удобно для зимовки скотовода. Лес защищал от сильного ветра. Степные пространства обеспечивали кормом лошадей, способных тебеневать при значительном снежном покрове. Система озер с большими участками тростниковых зарослей обеспечивала кормом крупный рогатый скот, когда снежный покров увеличивался. В итоге оснований считать Соленое Озеро-1 сезонным зимним поселением немногим меньше, чем Кумкешу-1 и Кожай-1 летними.

4. *Участие в перекочевках большей части населения (в отличие от отгонно-пастбищного скотоводства).* Предположение об отгонном скотоводстве, когда основное население оставалось на стационарном поселении, а стада перегонялись и выпасались пастухами, не выдерживает критики уже из-за насыщенности находками культурного слоя, свидетельствующей о большом числе обитателей поселений. На Кожая-1 на 1 м² приходится порядка 300 находок, а на Кумкешу-1 – более 60.

5. *Преобладание натуральных форм хозяйства (в отличие от современного капиталистического ранчо).* Поскольку в степях в III тыс. до н.э. до формирования рыночных отношений было еще далеко, хозяйство терсекского населения могло быть только натуральным, каким оно являлось в степях еще долго и после него.

Таким образом, в рассматриваемых материалах нашли отражение все обозначенные А.М. Хазановым

признаки кочевничества. Следовательно, и общества, оставившие терсекские и ботайские древности, должны быть признаны кочевыми.

Список литературы

Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 31–46.

Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане (по остеологическому материалу из археологических памятников энеолита и бронзы). – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 218 с.

Гайдученко Л.Л. Домашняя лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай 1 // Калиева С.С. Поселение Кожай 1. – Алматы: ИА МН–АН РК, 1998а. – С. 234–252.

Гайдученко Л.Л. Крупный рогатый скот энеолита степной зоны Казахстана (доместикационные признаки на черепе и нижней челюсти) // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы: Гылым, 1998б. – Вып. 2. – С. 175–178.

Гайдученко Л.Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита – бронзы // Археологический источник и моделирование древних технологий: Тр. музея-заповедника Аркаим. – Челябинск: СПЛИИАЦ «Аркаим»; ИИИА УрО РАН, 2000. – С. 150–169.

Гайдученко Л.Л. Определение конституционного и хозяйственного типа лошади по археологическим останкам // Аркаим: некрополь. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. – Кн. 1. – С. 189–195.

Гайдученко Л.Л., Зданович Г.Б. Расчеты величин биомассы и поедаемой массы тела копытных в археологических исследованиях // Археологический источник и моделирование древних технологий: Тр. музея-заповедника Аркаим. – Челябинск: СПЛИИАЦ «Аркаим»; ИИИА УрО РАН, 2000. – С. 45–72.

Гайдученко Л.Л., Калиева С.С., Логвин В.Н. О хозяйстве энеолитического населения Тургайского прогиба // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Караганд. гос. ун-т, 1989. – С. 27–33.

Ермолова Н.М. Остатки млекопитающих из поселения Ботай // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. – Петропавловск: Отд. археологии Сев. Казахстана НАН РК, 1993. – С. 87–89.

Зайберт В.Ф. Исследования в Северном Казахстане // АО 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 435–436.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: ИА НАН РК, 1993. – 244 с.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. – Алматы: КазАқпарат, 2009. – 576 с.

Калиева С.С. Энеолит Тургайского прогиба: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1990. – 18 с.

Калиева С.С. Поселение Кожай-1. – Алматы: ИА МН–АН РК, 1998. – 255 с.

Калиева С.С., Гайдученко Л.Л., Логвин В.Н. К вопросу о сезонности поселения Кожай-1 // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР; Тюм. гос. ун-т, 1989. – С. 129–132.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. – Кустанай: ИА МН-АН РК; Куст. гос. ун-т, 1997. – 179 с.

Калиева С.С., Шевнина И.В. Основы жизнеобеспечения терсекского общества // Экология древних и традиционных обществ: докл. конф. – Тюмень: Вектор-Бук, 2007. – Вып. 3. – С. 100–102.

Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. – М.: Наука, 1988. – 285 с.

Кол Ф.Л. Трансформация культуры от мобильных скотоводов к оседлым земледельцам (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс) // РА. – 2005. – № 1. – С. 64–71.

Косинцев П.А. Поселения неолита – средней бронзы Восточной Европы и Казахстана со сверхвысокой ролью лошади в хозяйстве // XVII Уральское археологическое совещание. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. – С. 148–149.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1977. – 128 с.

Кузьмина И.Е. Лошади Ботая // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. – Петропавловск: Отд. археологии Сев. Казахстана НАН РК, 1993. – С. 178–188.

Логвин В.Н. Работы в Наурзумском заповеднике // АО 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 537–538.

Логвин В.Н. Новые данные по хозяйству терсекского населения // Маргулановские чтения: тез. докл. – Петропавловск, 1992. – С. 40–42.

Логвин В.Н., Калиева С.С., Гайдученко Л.Л. О номадизме в степях Казахстана в III тыс. до н.э. // Маргулановские чтения: (сб. мат-лов конф.). – Алма-Ата, 1989. – С. 78–81.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. – М.: Наука, 1982. – 328 с.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М.: Наука, 1974. – 168 с.

Миньков С.Г. Медоносные растения Казахстана. – Алма-Ата: Кайнар, 1974. – 204 с.

Моргунова Н.Л., Турецкий М.А. Происхождение и этапы развития ямной культуры южно-уральских степей на фоне окружающей среды // Древний Кавказ: ретроспекция культур: Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова: (XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). – М.: ИА РАН, 2004. – С. 127–129.

Мошкова М.Г. Предисловие // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 5–8.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М.: Наука, 1984. – 174 с.

Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век: учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. – 226 с.

Флора Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – Т. 3. – 459 с.

Формозов А.А. Памятники древности Наурзумского заповедника // Вестн. Каз. фил. АН СССР. – Алма-Ата, 1946. – № 4 (13). – С. 50–52.

Формозов А.А. Археологические памятники в районе Орск // КСИИМК. – 1951. – Вып. 36. – С. 115–121.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – 604 с.

Цалкин В.И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. – М.: Изд-во АН СССР, 1966. – 160 с. – (МИА; № 135).

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. – М.: Изд-во АН СССР, 1970. – 280 с. – (МИА; № 161).

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1995. – 21 с.

Шварц С.С. Вид, подвид и порода // Основные проблемы териологии. – М.: Наука, 1972. – С. 8–18.

Шилов В.П. Походження кочового скотарства у Східній Європі // Український історический журн. – 1970. – № 7. – С. 18–25.

Шилов В.П. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА. – 1975. – № 1. – С. 5–16.

Шишлина Н.И., Булатов В.Э. К вопросу о сезонной системе использования пастбищ носителями ямной культуры Прикаспийских степей в III тыс. до н.э. // Тр. ГИМ. – 2000. – Вып. 120: Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. – С. 43–54.

Anthony D.W. The horse, the wheel and language: How Bronze Age riders from the Eurasian Steppes shaped the modern world. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2007. – 553 p.

Benecke N., Driesch A., von den. Horse exploitation in the Kazakh steppes during the Eneolithic and Bronze Age // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. – Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research. – 2003. – P. 69–82.

Khazanov A.M. Nomads and the outside world. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. – 369 p.

Levine M.A. Mortality models and the interpretation of horse population structure // Hunter-Gatherer Economy in Prehistory. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. – P. 23–46.

Levine M.A. Dereivka and the problem of horse domestication // Antiquity. – 1990. – Vol. 64, N 245. – P. 727–740.

Levine M.A. Botai and the Origins of Horse Domestication // J. of Anthropological Archaeology. – 1999. – Vol. 18. – P. 29–78.

O'Connell T.C., Levine M., Hedges R. The importance of fish in the diet of central Eurasian peoples from the Mesolithic to the early Iron Age // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. – Cambridge: MacDonald Institute for Archaeological Research, 2003. – P. 253–268.

Olsen S. The exploitation of horses at Botai, Kazakhstan // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. – Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2003. – P. 83–104.

Outram A.K., Stear N.A., Bendrey R., Olsen S., Kasparov A., Zaibert V., Thorpe N., Evershed R. The Earliest Horse Harnessing and Milking // Science. – 2009. – N 323. – P. 1332–1335.

УДК 904

А.М. Мурыгин*Институт языка, литературы и истории**Коми научного центра УрО РАН**ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982, ГСП-2, Россия**E-mail: asweb.hist@ksc.komi.ru*

ЭШМЕССКОЕ ПЕЩЕРНОЕ СВАТИЛИЩЕ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ПЕЧОРСКОМ ПРИУРАЛЬЕ

В статье рассматривается уникальный исторический источник – жертвенное место X–XI вв. н.э. в Эшмесской пещере в бассейне р. Печоры. Находки представлены монетами, серебряными изделиями с золочением и граффити, зоо- и антропоморфным декором, наконечниками стрел, костями животных и деревянными изваяниями-идолами. Комплекс металлических поделок из пещеры реконструируется как целенаправленно подобранный культовый комплект. Эшмесское святилище является памятником однородной группы населения, в элементах духовной культуры которой прослеживается связь с коллективами крайнего севера Уральского региона. Сравнение с культовыми памятниками Северного Приуралья позволяет выделить здесь сакральный центр локальной группы населения и межрегиональное место почитания.

Ключевые слова: *северо-восток Европы, средневековье, святилище.*

Введение

На севере границы между Европой и Азией известные к настоящему времени святилища располагаются в довольно узкой полосе вдоль обоих склонов Уральских гор и вблизи от них, от бассейна р. Белой на юге до бассейна р. Печоры на севере. В Северном Приуралье шесть культовых памятников эпохи средневековья практически полностью изучены раскопками (рис. 1). Большинство из них представляют собой места жертвоприношений в пещерах Урала и Тиманского края (рис. 1, 1–5). Одно жертвенное место находилось на открытом пространстве Большеземельской тундры (рис. 1, 7). Седьюсская пещера в бассейне р. Ижмы (левый приток Печоры) (рис. 1, 6) разрушена при добыче известняка.

В последние годы вышел ряд работ, обобщающих результаты изучения культовых памятников на смежных с Северным Приуральем территориях, в частности, жертвенных мест горно-лесного Урала [Культовые памятники..., 2004] и горно-лесной полосы Среднего Предуралья [Изосимов, 2007]. Содержа-

тельно сходное исследование проведено на материалах святилищ восточных славян, балтов и финно-угров [Свирин, 2007]. Однако работ, которые в полном объеме представляли бы отдельные памятники, отражающие средневековую культовую практику финно-угорского и самодийского населения Урала и Приуралья, в отечественной научной литературе известно немного. В этой связи публикация комплекса находок из Эшмесской пещеры может оказаться полезной для исследователей средневековой археологии северных территорий Евразии.

Описание памятника

Первые сведения об Эшмесской пещере относятся к 1926 г.* Местный охотник нашел в ней два деревянных изваяния, одно из которых хранится в Национальном музее Республики Коми (рис. 2, 2). Позднее путь к пещере был утерян, и ее местонахождение удалось

*Коми му. – Усть-Сысольск, 1926. – № 5. – С. 49.

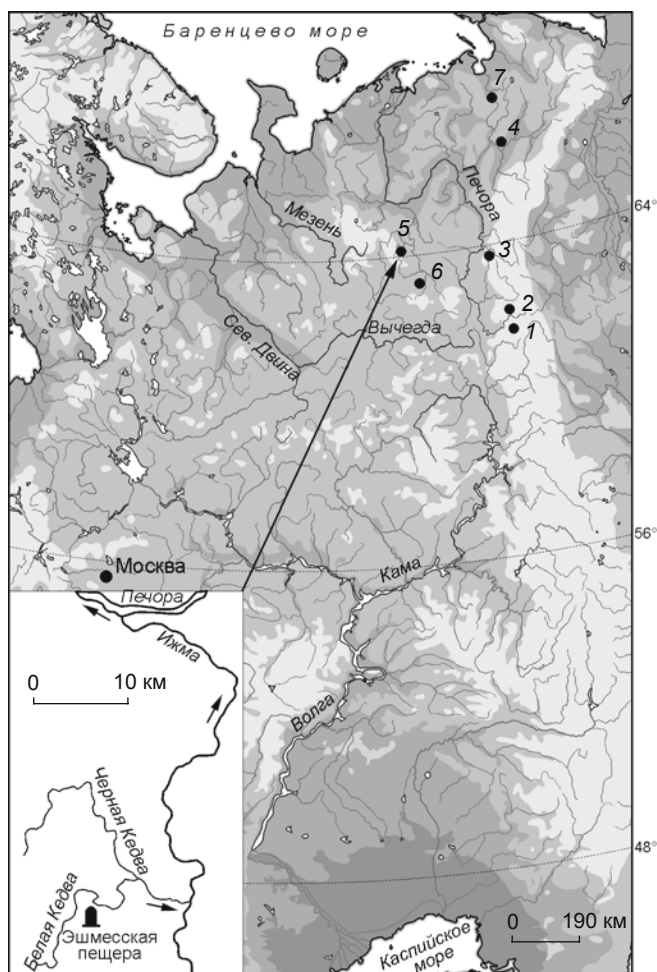

Рис. 1. Расположение средневековых культовых мест на крайнем северо-востоке Европы.

1 – Уньинская пещера; 2 – Канинская пещера; 3 – грот Арка; 4 – Адакская пещера; 5 – Эшмесская пещера; 6 – Седьюсская пещера; 7 – Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место.

установить только в 1981 г.* В пещере стояли пять деревянных идолов. Один из них хранится в музее г. Ухты (рис. 2, 1), остальные утрачены. Отложения в пещере были исследованы в 1982 г. [Мурыгин, 1987].

Эшмесская пещера расположена на западном склоне Среднего Тимана, в междуречье р. Белая Кедва и ее правого притока р. Белый Эшмесс (см. рис. 1). Вход в нее расположен на высоте ок. 11 м над уровнем дна долины, ориентирован на запад (рис. 3, Б). Пещера представляет собой небольшой грот, переходящий в узкую щель (рис. 3, А, В). Длина ок. 12 м, ширина 1–4 м, высота 1–3 м; у входа ширина грота 1,7 м. Общая исследованная площадь составила ок. 19 м².

В раскопе культурные остатки залежали под слоем задернованного щебня (мощность до 26 см). Они были приурочены к нижележащему горизонту гумуси-

рованной известковой щебенки с большим содержанием угольков (мощность до 90 см) и к зольно-углистой прослойке (мощность до 14 см), которая включала скопления древесного угля, сгнившую и обугленную древесину – остатки от сгоревшего настила. Прослойка фиксировалась на глубине 14–36 см в толще гумусово-щебнистого горизонта и в его основании (глубина 40–48 см). При входе в пещеру она имела почти четырехугольную форму, сползая по склону в северо-западном направлении. Ниже шел слой известковой щебенки сероватого цвета (мощность до 100 см) с малым содержанием гумуса, залегавший на твердом известковом туфе. В зольно-углистой прослойке расчищены остатки обуглившихся досок или плах, лежавших почти параллельно входу с наклоном наружу. По образцам обугленного дерева с глубины 20–26 см в лаборатории радиоуглеродного датирования ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) получена ¹⁴C-дата 1050 ± 40 л. н. (LE-2171), или 900 г. н. э.

Вход в пещеру ориентирован таким образом, что солнце попадает в него только во второй половине дня и освещает левую (северную) часть устья грота. Именно в этом месте найдено основное количество металлических изделий (рис. 3, А). Они располагались очень плотно, друг на друге.

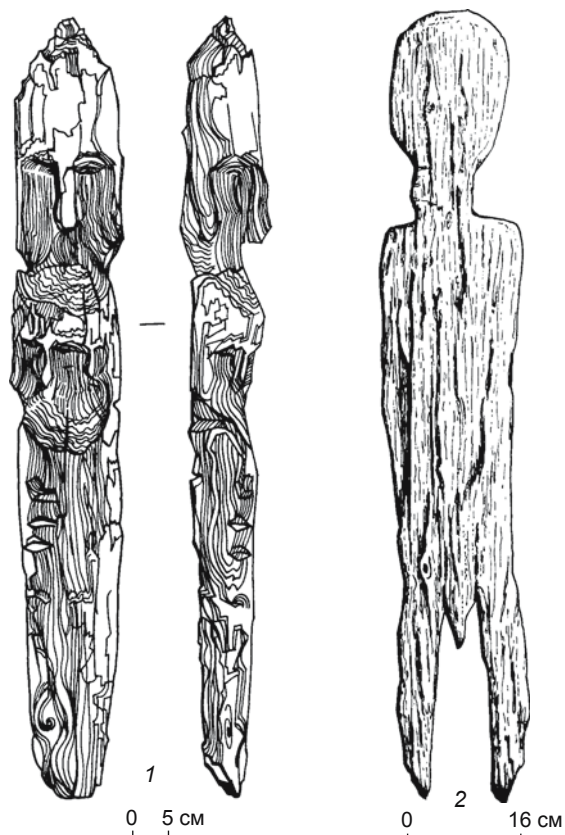

Рис. 2. Деревянные изваяния-идолы.

*Красное знамя. – Сыктывкар, 1981. – 5 мая.

Находки залежали в раскопе на глубине 12–72 см от поверхности, но большая их часть (80,3 %) обнаружена на глубине 12–38 см. Всего при раскопках найдено 23 костяных и один кремневый наконечник стрелы, 36 различных металлических изделий, 80 обломков костей животных, один из которых, возможно, обработан человеком.

В шурфе представлен горизонт сероватой щебенки мощностью 80 см, подстилаемой твердым известковым туфом. Здесь среди кусков щебня обнаружены обломок костяного наконечника стрелы и шесть фрагментов костей животных. В тыльной части грота в поверхностном слое щебня найдены пять сломанных или бракованных костяных наконечников стрел (рис. 3, А).

Вещевой инвентарь памятника

Монеты. Представлены серебряными денарием (рис. 4, 1), чеканенным в период правления Генриха II (1002–1024 гг.) в Оснабрюке (Германия) и являющимся подражанием кельнскому чекану (определение В.М. Потина, г. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж), а также восточной монетой (рис. 4, 2) с именем халифа ал-Мустакфи (944–946 гг.), чеканенной в Нисабуре (?) (определение И.Г. Добровольского, г. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж). К этой категории находок можно отнести три круглые подвески, состоящие из бронзовой основы, серебряной накладки той же формы и приклепанного бронзового ушка для подвешивания (рис. 4, 3–5). Накладки являются оттисками с восточных монет. Они сильно затерты, содержание не читается. На серебряной накладке одной из этих подвесок (рис. 4, 3) в золоченом круге* выцарапаны изображения ящера (с прорисовкой линии жизни), голов медведя и собаки (?) и еще один рисунок неясного содержания.

Культовый предмет. Это бронзовое изделие, на котором изображены две стоящие на ящере человеческие фигуры (мужчина и женщина?) (рис. 4, 8). Аналогичный предмет был найден в с. Коча (бывш. Чердынский уезд Пермской губ.) и опубликован А.А. Спициным, датировавшим его X–XI вв. н.э. [1906, с. 58, рис. 173]. В.А. Оборин отнес этот предмет к VIII–IX вв. н.э. [1976, рис. 61a].

*На рисунках золочение не отмечено по техническим причинам.

Рис. 4. Металлические изделия.

Подвески. Биметаллические (составные) подвески (8 экз.) состоят из двух плоских круглых пластин – бронзовой основы и серебряной накладки – с приклепанным сверху бронзовым ушком для привешивания (рис. 4, 6, 7, 9, 10). У семи из них рельефные узоры выштампованы одновременно на обеих пластинах (рис. 4, 7, 9, 10), а у одной декор выполнен чеканной техникой только на серебряной накладке (рис. 4, 6).

Пять подвесок аналогичны друг другу, отличаются лишь по количеству тех или иных элементов узора на штампованных серебряных накладках. Они украшены пятью или семью круглыми стеклянными синими бусинами в бронзовых оправках и concentрическими окружностями из ложного шнура-шеврона и мелких «полугорошин», в центре выдавлена человеческая личина, в двух случаях покрытая позолотой (рис. 4, 9).

Три подвески оригинальные. Одна украшена циркульно-лучевым орнаментом (рис. 4, 10). На другой композиция состоит из человеческой личины с тремя выступами сверху, фигурок различных животных, среди которых усматриваются лось, соболь, лисица или заяц; ее оконтуривают по бокам изображения лосиных голов, внизу – ящера (рис. 4, 7). В центре подвески остались следы припая, крепившего утерянную деталь изделия. Аналогичные подвески найдены в Уньинской пещере на р. Унья [Канивец, 1962, рис. 12], в гроте Арка

на р. Подчерем в таежном Припечорье [Багин, 2005, рис. 4, 10] и на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте в Большеземельской тундре [Мурыгин, 1984, рис. 4, 12]. Находка из Уньинской пещеры датирована X–XI вв. н.э. [Канивец, 1962, с. 118], святилище Арка – концом XI или началом XII в. н.э. [Багин, 2005, с. 64]. Подобные культовые предметы с несколько иным декором обнаружены в Канинской пещере на верхней Печоре и на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте [Канивец, 1964, рис. 34, 6; Мурыгин, 1984, рис. 4, 11].

Третья оригинальная подвеска (рис. 4, 6) украшена орнаментом из чеканных мелких «полугорошин». На внутреннем поле серебряной накладки остались следы от трех горизонтально расположенных припаев. В верхней и нижней половинах подвески выцарапаны реалистичные изображения оленей с линией жизни. Еще два граффити, с обеих сторон верхнего рисунка, возможно, являются сильно схематизированными изображениями птиц, напоминающими родовые знаки обских угров [Иванов, 1954, рис. 11, 1].

Одночастные подвески по способу крепления подразделяются на четыре группы: 1) с приклепанным ушком, 2) с отверстием, 3) с припаянным ушком, 4) с выступом.

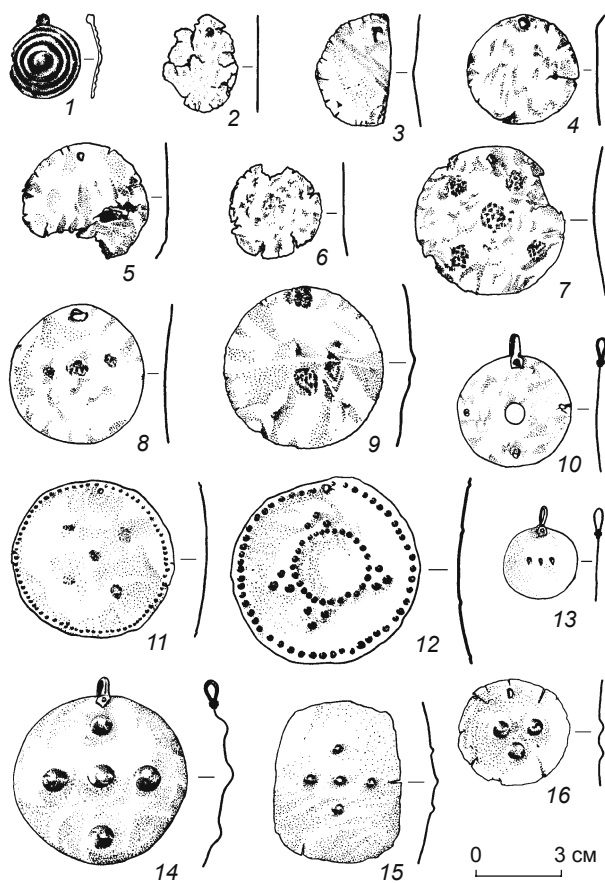

Рис. 5. Металлические подвески.

1. Подвески с бронзовым приклепанным ушком для подвешивания (3 экз.) круглые, плоские. Одна из них бронзовая, с тремя горизонтально расположенными отверстиями, пробитыми острым предметом (рис. 5, 13). Под ушком сохранились остатки от серебряной накладки. Вторая подвеска изготовлена из серебра, имеет три небольших круглых отверстия по краям и одно большое в центре; центральное оконтурено кольцевой золоченой полоской (рис. 5, 10). Третье изделие также серебряное, украшено четырьмя крестообразно расположенными рельефными полушариями (рис. 5, 14); на центральном – золоченое стилизованное изображение медвежьей головы (?).

2. Подвески с пробитым отверстием для подвешивания (13 экз.) изготовлены из серебра. У трех изделий отверстие круглое. Две подвески без орнамента (рис. 5, 2, 3). У трех в центре сохранились остатки позолоты в виде округлых пятен (рис. 5, 4–6). Еще на трех отмечены следы припая от каких-то утраченных деталей, расположенные в горизонтальную линию (рис. 5, 8) и крестообразно (рис. 5, 7, 11). Одна из последних (рис. 5, 11) по краю украшена чеканным точечным ободком, другая (рис. 5, 7) имеет узор в виде позолоченной четырехлепестковой розетки. У одной из плоских подвесок (рис. 5, 16) в центре выдавлены три полушария, между которыми сохранилось золоченое округлое пятно. Выпуклая круглая подвеска (рис. 5, 12) украшена с вогнутой стороны чеканным точечным циркульно-лучевым орнаментом, в центре нанесена золоченая фигура в виде креста. Аналогичные или очень близкие подвескам этой группы изделия найдены только в Печорском Приполярье (Нерицкий могильник X–XI вв. н.э.) [Истомина, 1997, с. 114, рис. 7, 2, 4–6] и Большеземельской тундре (Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место) [Мурыгин, 1992, рис. 11, 3–5, 21, 49, 50].

В данной серии находок представлены три подвески с зоо- и антропоморфными изображениями. Первая из них (рис. 6, 3) выделяется изображенной на ней штампованной техникой человеческой фигурой в «танцующей» позе, с поднятыми руками и согнутыми в коленях ногами. По краю изделия нанесен рельефный узор, а на лицевой части сохранились остатки позолоты.

Вторая подвеска (рис. 6, 4) украшена рельефным орнаментом в сочетании с граффити и позолотой. В центральной части рельефные кружки образуют позолоченную внутри, крестообразно пересеченную четырехлепестковую розетку. Слева от нее выцарапано изображение лося с прорисованными линией жизни и элементами скелета.

Третья подвеска с обеих сторон покрыта различными граффити (рис. 6, 6). В центральной части вогнутой стороны прослеживается золоченое кольцо. К числу читаемых граффити на этой стороне подвес-

ки относятся стоящая человеческая фигура с лосяной головой, опирающаяся ногами на овальный «камень», и два изображения идущих оленей с прорисовкой линии жизни, утробы, элементов скелета (рис. 6, 6а). Остальные граффити неясны или это случайные царапины. На выпуклой стороне выявлены изображения оленя (с прорисовкой линии жизни и элементов скелета), рыбы и два сложных рисунка, состоящие из фигурок людей (с линиями жизни), ящеров под их ногами и человеколосей по бокам (рис. 6, 6б).

3. Две серебряные подвески крепились с помощью припаянных к основе ушек, от которых сохранились следы пайки. Одна из них выпуклая, подпрямоугольной формы, украшена узором из крестообразно расположенных рельефных полушарий, вокруг центрального прослеживается округлое золоченое пятно (см. рис. 5, 15). Другая подвеска плоская, круглая, в центре сохранились следы от какой-то припаянной детали, а выше — округлое золоченое пятно (см. рис. 5, 9).

4. Плоская круглая литая подвеска изготовлена из какого-то светлого сплава и имеет в верхней части выступ для крепления (см. рис. 5, 1). Изделие украшено рельефным concentрическим узором.

Накладки. Представлены двумя одинаковыми изделиями из серебряной пластинки подтрапециевидной формы со штампованными изображениями трех медвежьих голов с остатками позолоты и двух лап медведя (см. рис. 6, 1, 2). По краю идет рельефный прямоугольно-рубчатый ободок. На одной накладке (см. рис. 6, 2) остались три круглых следа от пайки, на другой сохранились граффити в виде двух медвежьих голов и между ними фигурки оленя с прорисованными линией жизни и элементами скелета (см. рис. 6, 1).

Бляха. Круглая, изготовлена из серебра*. Украшена рельефным чеканным циркульно-лучевым орнаментом (см. рис. 6, 5). Центральная часть выпуклой стороны изделия, внутри меньшей окружности из рельефных «полугорошин», покрыта позолотой (см. рис. 6, 5а). На вогнутой стороне бляхи выцарапано изображение стоящего оленя с прорисовкой линии жизни и элементов скелета (см. рис. 6, 5б).

Наконечники стрел. Один кремневый, остальные (29 экз.) костяные. Кремневый наконечник ланцето-

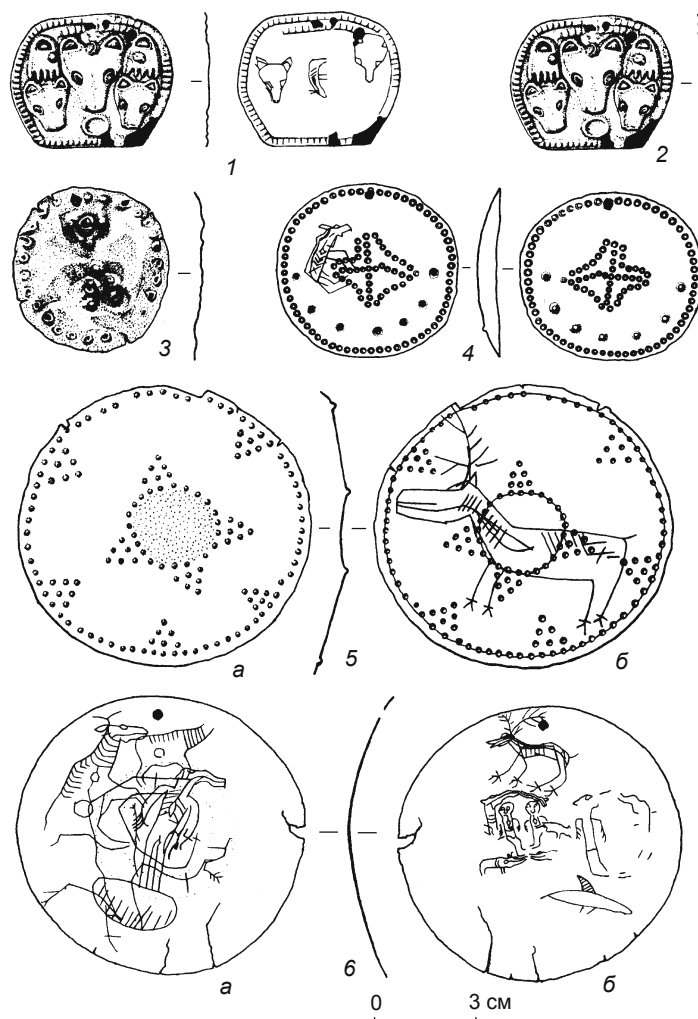

Рис. 6. Металлические изделия.

видный, с усеченным основанием, ромбический в сечении (рис. 7, 1). Такие наконечники характерны для эпохи бронзы [Канивец, 1964, с. 51, 52, рис. 15, 2–6].

Костяные наконечники стрел все черешковые, с четко или неявно выраженным насадом. В качестве заготовок использовались желобчатая и цельная кости. По поперечному сечению выделяются четыре основные группы наконечников стрел: 1) с пером уплощенно-овального сечения, переходящим в ромбическое острие, и черешком, уплощенным срезами с двух сторон (2 экз.; рис. 7, 2, 3); 2) трехгранные, изготовленные из желобчатых костей (4 экз.; рис. 7, 4–7); 3) ромбические из цельной кости (4 экз.; рис. 7, 8–11), у одного экземпляра черешок развернут на 90° относительно плоскости пера (рис. 7, 9); 4) трапециевидные желобчатые с коническим черешком (19 экз.; рис. 7, 12–19). Все разновидности эшмесских наконечников из кости находят аналогии в материалах пещерных жертвенных мест верхней Печоры [Канивец, 1962, 1964; Багин, Чеснокова, 1997].

*Цветной металл из Эшмесской пещеры, в т.ч. эта бляха, был проанализирован в лаборатории лазерного микроанализа Института геологии Коми НЦ УрО РАН (исполнитель В.Н. Каликов).

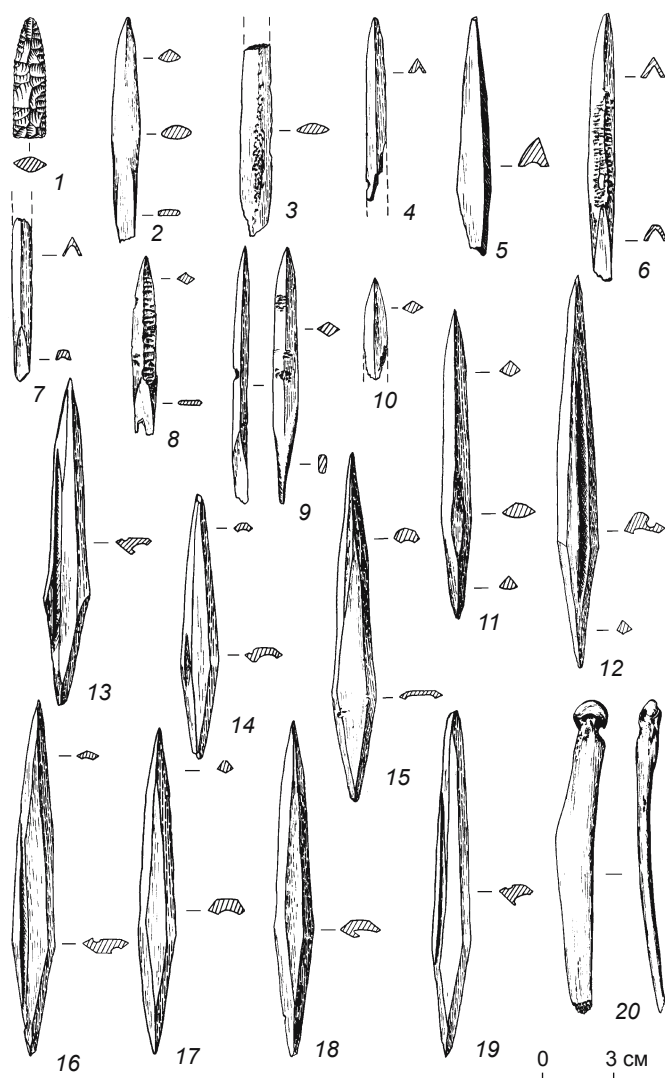

Рис. 7. Наконечники стрел (1–19) и проколка (?).
1 – кремень; 2–20 – кость.

Они являются неперенным атрибутом пещерных культовых памятников таежного Припечорья.

К числу прочих костяных изделий из Эшмесской пещеры относится, видимо, проколка (рис. 7, 20).

Антропоморфные идолы. Два изваяния изготовлены из лиственницы. Первое представляет собой доску высотой 120 см в виде мужской фигуры с выраженным признаком пола (см. рис. 2, 2). Голова круглая, без моделировки черт лица, туловище удлиненно-прямоугольное, руки не обозначены, ноги расчленены. По образцу, взятому с тыльной части изваяния (фонды НМРК, инв. № 711), в лаборатории радиоуглеродного датирования ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) получена ^{14}C -дата 1010 ± 40 л.н. (JE-2169), или 940 г. н.э.

Второе изваяние имеет вид конически заостренного вверху столбика высотой 143 см (см. рис. 2, 1).

В верхней части лицевой стороны высечена крупная личина, под ней на одном уровне – еще две более мелкие спаренные. Ниже прослеживаются четыре насечки. Тратовка лиц схематична: щеки и глазные впадины показаны одной плоскостью, рот не обозначен. По образцу, взятому с основания идола (фонды Ухтинского краеведческого музея, инв. № УКМ/62-КП), в лаборатории радиоуглеродного датирования ИИМК РАН получена ^{14}C -дата 1060 ± 40 л.н. (JE-2170), или 890 г. н.э.

По классификации С.В. Иванова [1970, с. 284] первое эшмесское изваяние можно отнести ко второму уральскому типу сибирской антропоморфной скульптуры, который характеризуется, в частности, отсутствием у фигур рук и расчлененными ногами. Второй эшмесский идол близок к западно-арктическому типу деревянных изваяний с многоэтажным расположением нескольких голов или лиц.

Датировка памятника

Эшмесская пещера является единственным на территории Северного Приуралья средневековым святилищем с не затронутым позднейшими нарушениями культурным слоем и достаточно точной узкой датировкой всей коллекции. Металлические изделия датируются по восточной монете второй четверти X в. н. э. и денарию первой четверти XI в. н.э., а культурный слой – радиоуглеродным методом по обугленной древесине из отложений – 900 г. н.э. По-видимому, жертвенный комплекс в пещере сформировался в течение не очень длительного времени, во всяком случае его основная, функционально значимая часть.

Входящие в него вещи отложились главным образом на рубеже I–II тыс. н. э. и могут быть датированы X–XI вв. н. э. Поскольку деревянные идолы относятся практически к тому же времени (890 и 940 гг. н.э.), что и жертвенный комплекс из культурного слоя, их включение в единое целое вполне оправданно.

Обсуждение материалов

Помимо Эшмесского святилища, на крайнем северо-востоке Европы известны жертвенные места в Канинской, Уньинской и Адакской пещерах, гроте Арка в бассейне р. Печоры (см. рис. 1, 1–5) [Канивец, 1962, 1964; Рябцева, Семёнов, 1990; Павлов, Любашков, 1998; Багин, 2005]. В Большеземельской тундре исследовано Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место (см. рис. 1, 7) [Чернов, 1955; Мурыгин, 1984, 1987].

Культурный слой североуральских святилищ отложился в основном в эпоху средневековья*.

Вещевые приношения состояли из костяных, меньше – металлических, наконечников стрел, различных бронзовых, серебряных, стеклянных украшений, среднеазиатских и германских серебряных монет, бытовых предметов и орудий труда, глиняной посуды, реже – оружия. Для украшений, найденных на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте, в Канинской и Уньинской пещерах, типична фрагментарность – большинство из них сломаны или представлены отдельными деталями. Многочисленны неидентифицируемые пластинки, обломки и обрезки металла (Канинская – 44,2 %, Уньинская – 40,3, Хэйбидя-Пэда – 69,1 %). Только в Эшмесской пещере все изделия целые. Характерной чертой является использование предметов более ранних эпох в качестве приношений на средневековые жертвенные места. В их число входят единичные кости мамонта, преимущественно фрагменты бивней и пластинки зубов (Канинская, Адакская пещеры), кремневые наконечники стрел (Эшмес, Арка), металлические вещи (Хэйбидя-Пэда). Предметы непосредственно культового назначения представлены литыми и штампованными изображениями реальных и фантастических животных, антропоморфными и зооантропоморфными фигурками (некоторые из них повторены в граффити). Основным материалом для изготовления этих вещей служила бронза. На серебряные изделия наносились граффити, рельефные изображения, золоченые символы.

Существенную долю в общем количестве находок с жертвенных мест составляют остеологические материалы. При этом типичными являются черепа (или их фрагменты) медведя (*Ursus arctos* L.), оленя (*Rangifer tarandus* L.) и бобра (*Castor fiber* L.) – от 81,1 до 93,3 % от числа костей животных данных видов. Подавляющее большинство определимых остатков принадлежит млекопитающим. Наибольшим видовым разнообразием отличаются остеологические материалы Канинской и Уньинской пещер. В них преобладают кости пушных и копытных животных. В Канинской пещере костные остатки медведя (*Ursus arctos* L.) составляют 38,3 %, среди них доминируют кости черепа и ближайший к нему позвонок (87,7 % от общего количества костей медведя). Немногочисленны костные остатки лоса (*Alces alces* L.), бобра (*Castor fiber* L.), полевки водяной (*Arvicola terrestris* sp.), зайца (*Lepus timidus* L.), белки (*Sciurus vulgaris* L.), северного оленя (*Rangifer tarandus* L.) и др.

*В Канинской, Уньинской и Адакской пещерах имеются также следы посещений в эпоху бронзы и раннем железном веке. Отложения в гроте Арка нарушены, культурный слой частью разрушен, коллекция малоинформативная и далее в полном объеме не рассматривается.

Домашние животные представлены костями лошади, овцы, коровы, свиньи (*Equus caballus*, *Ovis aries*, *Bos taurus*, *Sus scrofa domestica*) – всего 0,8 %. Для Уньинской пещеры характерны костные остатки северного оленя (*Rangifer tarandus* L.) – 33,8 %. Меньше представлены бобр (*Castor fiber* L.), медведь (*Ursus arctos* L.), куница (*Martes martes* L.) и др. Костей домашних животных: лошади (*Equus caballus*), овцы (*Ovis aries*) – всего 2,7 %.

Не так многочисленны и разнообразны по видовому составу фаунистические материалы из Хэйбидя-Пэдары и Эшмесской пещеры*. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место выделяется абсолютным преобладанием костных остатков северного оленя (*Rangifer tarandus* L., 93,3 %) и наличием костей собаки (*Canis familiaris*, 5,0 %), отсутствующих в святилищах таежного Припечорья. Среди костных остатков оленя доминируют черепа и их фрагменты (81,1 % от числа костей оленя из раскопок 1987 г.). На этом памятнике очень мало костных остатков домашних животных (лошадь, овца (?) – *Equus caballus*, *Ovis aries* (?); всего 0,2 %) и медведя (*Ursus arctos* L.; клыки и верхняя челюсть – 0,9 %). Из пушных животных здесь представлена только россомаха (*Gulo gulo* L., 0,4 %). Для остеологического материала Эшмесской пещеры характерно высокое содержание костей бобра (*Castor fiber* L., 81,8 %), среди которых черепа и их фрагменты составляют 93,3 %. Обращает на себя внимание отсутствие здесь костных остатков домашних животных и медведя, немногочисленность костей северного оленя (*Rangifer tarandus* L., 5,5 %) и пушных зверей – волка (*Canis lupus* L., 1,8 %), зайца (*Lepus timidus* L., 10,9 %). Напротив, в остеологических материалах Канинской и Уньинской пещер пушные животные имели большой удельный вес (соответственно 30,6 и 45,7 % костей млекопитающих).

Орнито- и ихтиофауна в Эшмесской пещере не представлена. На Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте найдены только единичные косточки птиц. В фаунистических материалах Канинской и Уньинской пещер костные остатки промысловых птиц занимают значительное место, есть и кости рыб. Кроме этого, в средневековом слое Уньинской пещеры найдены человеческие зубы и фаланги пальцев, принадлежавшие не менее чем двум индивидам [Канивец, 1964, с. 130, 131].

Очевидно, что, несмотря на функциональную идентичность памятников как мест совершения древ-

*Кости животных из Эшмесской пещеры и из раскопок 1967 г. на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте определены В.П. Данильченко (Институт археологии РАН, г. Москва), из раскопок 1987 г. на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте – П.А. Косинцевым (Институт экологии УрО РАН, г. Екатеринбург).

них языческих обрядов, между ними существует разница в наборе вещей утилитарного назначения, составе непосредственно культового инвентаря, выборе жертвенных животных. Более всего от других культовых памятников Северного Приуралья отличается Эшмесская пещера. В ней нет таких приношений, как сломанные украшения, орудия труда и бытовые предметы, керамика, многочисленных и разнообразных фаунистических остатков, типичных для других жертвенных мест Печорского Приуралья. Для этого памятника характерно крайне ограниченное число находок. Святилище расположено в очень уединенном месте, вдали от основных речных магистралей. В «эшмесском» культе предпочтение перед другими видами жертвенных животных отдавалось бобру.

Не случаен, видимо, подбор металлических атрибутов культа с выраженной солярной символикой. Она проявляется через характерную форму золочения предметов (круги, кольца, кресты, четырехлепестковые розетки), циркульно-лучевой и крестообразный вид штампованных геометрических узоров, круглую форму большинства металлических изделий, а также в выборе оленя как одного из центральных образов зооморфных граффити, в золочении и расположении человеческой личины в центре круглых серебряных подвесок. Об этом же свидетельствуют скопление находок на солнечной стороне входной части пещеры, использование серебра для изготовления большинства предметов культа (90,6 %).

Символика некоторых эшмесских находок выявляется при обращении к мифологии народов Сибири [Мурыгин, 1985]. Не останавливаясь на мифологических параллелях эшмесскому металлу, отметим, что они позволяют предполагать проведение в пещере ритуала общения с небесным Верхним миром, олицетворенном в зооморфном образе солнечного оленя-лося. В этом отношении интересна серебряная подвеска с золоченым диском в центре, основное место на которой занимает изображение оленя (см. рис. 6, 5).

Если обратиться к стилистическим особенностям эшмесских граффити, то наиболее выразительной из них является прорисовка внутренностей. Судя по материалам В.Н. Чернецова [1972, с. 50, 51], этот изобразительный прием был выработан в среде приполярного населения, сохранившего этнические черты древних уральцев вплоть до средневековья. Аналогичной точки зрения фактически придерживается Ю.Б. Симченко. На основе изучения большого этнографического материала он отнес обычай изображать линию жизни к воззрениям древних охотников на дикого северного оленя [Симченко, 1976, с. 262, рис. 22]. Не случайно, что граффити и культовое литье, изображающие оленей, на территории Северного Приуралья, кроме Эшмесской пещеры, обнаружены только в Заполярье – на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте.

Характерно также, что деревянная антропоморфная скульптура западно-арктического типа, к которой близок эшмесский идол с поэтажным расположением лиц, известна именно по этнографии северных народов – ненцев, северных хантов, нганасан, энцев, селькупов, приенисейских эвенков [Иванов, 1970, с. 284]. В.И. Мошинская отмечала, что такого типа многоликие изображения, выполненные из дерева и других материалов, широко распространены в Сибири, а за ее пределами – в арктической зоне [1976, с. 48].

По всей видимости, истоки сакральных представлений о мире у оставивших Эшмесское святилище коллективов следует искать в воззрениях древних этносов западно-сибирского (нижеобского) происхождения, европейская периферия культурного ареала которых, вероятно, уже с энеолита и вплоть до средневековья включала субарктические и арктические районы Северного Приуралья в качестве территорий не только посещения, но и постоянного обитания [Мурыгин, 2004, 2006].

Заключение

Приведенные данные позволяют считать Эшмесскую пещеру святилищем группы населения, в элементах духовной культуры которой просматриваются черты сходства с коллективами обско-печорского севера (древнеугорскими или древнесамодийскими). Выраженное единообразие эшмесского металла дает основание предполагать, что эти вещи в совокупности представляют собой не случайный набор предметов, а сознательно и целенаправленно подобранный культовый комплект, сформированный в течение относительно непродолжительного времени (где-то на рубеже X–XI вв. н. э.). Он мог являться остатками облачения шамана (?) как посредника между миром людей и миром духов. В пользу данного предположения свидетельствует серебряная подвеска с золочением, на которой изображен человек в реалистично переданной «танцующей» позе. Не исключено, что это стилизованное изображение шамана, совершающего ритуальные действия перед идолами и испрашивающего у духов-покровителей благополучия для своего народа.

Средневековый комплекс артефактов из Адакской, Канинской и Уньинской пещер, Хэйбидя-Пэдары формировался на протяжении середины I тыс. н.э. – XIII или XIV вв. н.э. Он содержит разновременный, многочисленный и разнообразный по составу и в культурном отношении инвентарь, в своей совокупности значительно отличающийся от найденного в Эшмесской пещере. Все это делает практически невозможным достоверное выделение на его основе культового комплекта, функционально идентичного эшмесскому.

Выявленная разница в материалах жертвенных мест, объясняемая, видимо, как региональной спецификой культа, так и культурными отличиями населения, позволяет наметить два типа средневековых памятников этой категории в Северном Приуралье. Первый представлен материалами Эшмесской пещеры. Это святилища, на которых древние языческие обряды совершались избранным представителем аборигенного населения. Пещера могла служить ритуальным местом для небольшой группы либо сакральным центром для достаточно широкого круга коллективов, связанных между собой общими чертами материальной и духовной культуры. В этом же ряду небольших, скрытых от посторонних глаз святилищ, возможно, следует рассматривать и грот Арка.

Второй тип характеризуется материалами Канинской, Уньинской, Адакской пещер, Хэйбидя-Пэдары. Это места почитания, отражающие особенности традиционного культа как местного, так и пришлого населения. Они существовали на протяжении нескольких столетий и были известны многим поколениям разноэтничного населения Северного Приуралья и Обского Зауралья. Сакральные действия на этих жертвенных местах имели индивидуальный характер и совершались любым человеком.

Список литературы

- Багин А.Л.** Скальное святилище Арка в Среднем Припечорье // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 17: Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока. – С. 62–68.
- Багин А.Л., Чеснокова Н.Н.** Костяные наконечники стрел из печорских пещерных святилищ (первая половина I тыс. н.э. – первая треть II тыс. н.э.) // Проблемы истории России XVIII–XX вв.: науч. чтения памяти проф. Ю.Д. Марголиса. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 1997. – С. 140–162.
- Иванов С.В.** Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 838 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. 22).
- Иванов С.В.** Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, 1970. – 295 с.
- Изосимов Д.А.** Культурные памятники населения горно-лесной полосы среднего Предуралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2007. – 21 с.
- Истомин Т.В.** Нерицкий могильник // Проблемы истории России XVIII–XX веков: науч. чтения памяти проф. Ю.Д. Марголиса. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 1997. – С. 106–120.
- Канивец В.И.** Первые результаты раскопок в Уньинской пещере // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 1962. – Вып. 1. – С. 103–144.
- Канивец В.И.** Канинская пещера. – М.: Наука, 1964. – 136 с.
- Культурные памятники** горно-лесного Урала / В.Д. Викторова, В.Н. Широков, С.Е. Чаиркин, Ю.Б. Сериков, А.Ф. Шорин, Н.А. Алексашенко, Н.М. Чаиркина, В.Ф. Кернер, Р.Б. Волков. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 429 с.
- Мошинская В.И.** Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М.: Наука, 1976. – 130 с.
- Мурыгин А.М.** Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. – Сыктывкар: Изд-во Коми фил. АН СССР, 1984. – 51 с. – (Науч. докл. Коми фил. АН СССР; вып. 114).
- Мурыгин А.М.** Культурный комплекс Эшмесской пещеры в сопоставлении с мифологическими преданиями народов Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1985. – С. 99–103.
- Мурыгин А.М.** Древнее святилище в Эшмесской пещере: Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока // Тр. ИЯЛИ Коми НЦ УрО АН СССР. – Сыктывкар, 1987. – Вып. 39. – С. 35–41.
- Мурыгин А.М.** Печорское Приуралье: эпоха средневековья. – М.: Наука, 1992. – 182 с.
- Мурыгин А.М.** Западносибирский компонент на крайнем северо-востоке Европы: ареал посещения или многовекового обитания // Материалы науч.-практ. конф. «IV Берсовские чтения». – Екатеринбург, 2004. – С. 207–224.
- Мурыгин А.М.** Крайний северо-восток европейской части России в раннем средневековье (по данным археологии) // Современные проблемы археологии России: мат-лы Всерос. археол. съезда. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 2. – С. 267–269.
- Оборин В.А.** Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1976. – 190 с.
- Павлов П.Ю., Любашков С.В.** Пещерное жертвенное место в нижнем течении р. Подчерем // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе: докл. 1-й науч. конф. ФЦП «Интеграция». – Сыктывкар, 1998. – Т. 1. – С. 83–84.
- Рябцева Е.Н., Семёнов В.А.** Адакское пещерное святилище на реке Усе и проблемы освоения Полярного Урала // КСИА. – 1990. – Вып. 200: Двести лет арктической археологии. – С. 66–72.
- Свирин К.М.** Святилища-жертвенники на территории Восточной Европы VI–XIII вв. // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. История. – 2007. – № 26 (54), вып. 4. – С. 47–58.
- Симченко Ю.Б.** Культура охотников на оленей Северной Евразии. – М.: Наука, 1976. – 310 с.
- Спицин А.А.** Шаманские изображения // Зап. отд. рус. и славян. археологии Рус. археол. об-ва. – 1906. – Т. 8, вып. 1. – С. 29–145.
- Чернецов В.Н.** Наскальные изображения Уральского ареала // Проблемы археологии и древней истории ургов. – М.: Наука, 1972. – С. 32–55.
- Чернов Г.А.** Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре // СА. – 1955. – № 23. – С. 291–320.

Материал поступил в редколлегию 19.11.09 г.

УДК 904

О.В. КардашНПО «Северная археология»
а/я 398, Нефтеюганск, 628310, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru**ПОСОХ ЖРЕЦА ИЗ НАДЫМСКОГО ГОРОДКА XVI–XVII ВЕКОВ**

В статье публикуется группа предметов, обнаруженных при археологическом изучении Надымского городка, принадлежавшего аборигенному населению Северо-Западной Сибири, в слоях конца XII – первой трети XVIII в. На основе анализа этнографических коллекций и сведений о ритуальной практике коренных народов Сибири, а также морфологических признаков самих артефактов они идентифицируются как шаманские жезлы, или посохи жреца. Представленные в работе ритуальные вещи – деревянные посохи и костяные ложки с зооморфным навершием – впервые вводятся в научный оборот. Анализируется семантика зооморфных композиций на таких предметах из ранних слоев памятника. Шаманские жезлы являлись наиболее древним магическим атрибутом и выполняли функции, близкие описанным в этнографии. Функционально различные предметы ритуального назначения имели единый зооморфный декор, архетип которого появился на территории Северо-Западной Сибири в середине I тыс. до н.э. В отличие от других подобных памятников – Войкарского, Полуйского (Обдорского) городков, – при раскопках Надымского городка найдено много ритуальных предметов, что, вероятно, свидетельствует о его большим религиозно-ритуальном значении.

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Надым, р. Надым, р. Обь, Обская губа, самоеды, остяки, религия, обряды, жрецы, шаманы, посохи.

Введение

Археологические находки, непосредственно связанные с религией древнего аборигенного населения Северо-Западной Сибири, довольно редки. Но не только этим определяется особое внимание исследователей к таким вещам. Очевидно, специалистов привлекает возможность с их помощью воссоздать духовный мир людей прошлого, намного менее изученный, чем бытовая культура и хозяйство. Как ни странно, чем хронологически ближе археологические материалы памятников севера Сибири к современности, тем меньше среди них артефактов религиозно-культового характера. Особенно это касается периода XVI–XVII вв. Данное обстоятельство определяет значимость любых вновь вводимых в научный оборот таких источников. В настоящей статье впервые публикуются артефакты религиозно-культового назначения, найденные при раскопках Надымского городка в слое XVI в. Характеристика этого памятника приводилась в ряде работ.

В частности, мною введены в научный оборот материалы XVII – первой трети XVIII в. [Кардаш, 2006а, 2009б]. В рамках данной статьи будет уместным лишь напомнить, что Надымский городок – общинный центр аборигенного населения Северо-Западной Сибири – находился в Нижнем Приобье, в самом устье р. Оби при слиянии ее с р. Надым (рис. 1).

Процесс идентификации предметов, обнаруженных при раскопках Надымского городка, исследуемого мною с 1998 г., нельзя назвать завершенным. К настоящему времени из 14 тыс. артефактов немногим более половины систематизированы в рамках 250 категорий. Нередко атрибуции предметов или фрагментов способствует обнаружение целых изделий, имеющих формальные признаки функционального назначения и, что еще лучше, дополнительные этнографические аналогии. Так, в последний полевой сезон был найден целый посох, определенный как атрибут жреца (шамана?), что позволило идентифицировать группу ранее не опознанных фрагментов и вы-

делить новую категорию вещей, дополнивших крайне малочисленные материалы по религиозной культуре жителей Надымского городка.

Ритуальные посохи в культуре аборигенных народов Сибири

В современной этнографии народов Сибири известны два типа посохов, которые можно охарактеризовать как ритуальные или статусные. Один из них – посох свата – применительно к коллекции Надымского городка достаточно подробно проанализирован [Кардаш, 2010]. В данной статье рассматривается второй тип – посох шамана.

К сожалению, в современной этнографии западно-сибирских хантов и ненцев таких предметов известно немного [Хомич, 1995, с. 243]. К примеру, в опубликованных коллекциях Российского этнографического музея (РЭМ, г. Санкт-Петербург) они отсутствуют, а в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ, г. Санкт-Петербург) их только два. Поскольку это единственные предметы, по этнической и культурной принадлежности наиболее близкие надымским посохам, то остановимся на их характеристике подробнее.

Один шаманский посох (МАЭ, № 5707-10) изготовлен из дерева. Он имеет форму жерди, разделенной на семь частей, на каждой из которых по семь зарубок, а на верхней изображен антропоморфный лик. Этот посох был обнаружен у священной лиственницы рядом со старым бубном и священной нартой [Там же].

Другой посох (МАЭ, № 5707-9) железный, длиной 102 см. Он представляет собой плоский кованый стержень с семью расширениями: на верхнем изображен антропоморфный лик, нижнее выполнено в виде оленьего копыта, остальные орнаментированы косыми крестами и имеют боковые парные отверстия, в которые продеты медные и железные кольца. Промежутки между расширениями инкрустированы медью и оловом. Л.В. Хомич атрибутирует предмет как посох ненецкого шамана для проводов души умершего в мир мертвых. По представлениям аборигенов, шаман опирался на него, передвигаясь по ледяной дороге [Там же]. Этот же посох опубликован Е.Д. Прокофьевой в составе костюма энецкой шаманки Савоне, у которой он был приобретен в 1938 г. Г.Д. Вербовым вместе с другими предметами. По этнографическим данным, такой железный посох мог служить атрибутом шамана самой высшей, третьей категории *будтодэ*, способного непосредственно общаться с небесными духами. На верхнем расширении был изображен лик духа – «хозяина посоха». Посох использовался во всех случаях, когда шаману необходимо было «перейти ледяную дорогу, отделяющую видимый мир (живых) от нижнего (невидимого) мира (мертвых)» [Прокофье-

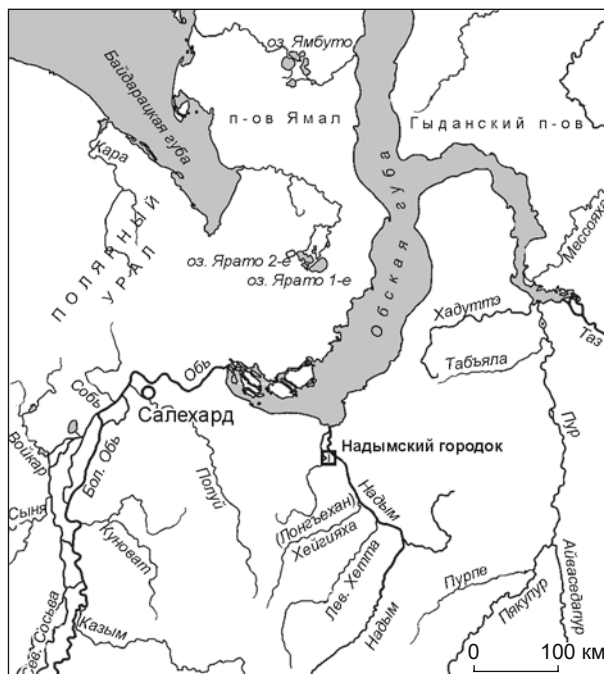

Рис. 1. Расположение Надымского городка XIII–XVIII вв.

ева, 1951, с. 151, рис. 32]. Поскольку эта этническая атрибуция представляется наиболее достоверной, для полноты анализа обратимся к более широкому кругу сибирских шаманских жезлов.

Энецкий шаманский посох функционально и семантически был схож с селькупским, который одновременно символизировал «древо жизни» шамана и выполнял роль фигуральной опоры во время опасного пути через ледяные горы и ущелья в мир предков. В процессе ритуальных камланий некоторые шаманы откладывали бубен и продолжали церемонию с посохом, что подчеркивало их равнозначность [Там же, с. 152].

По религиозным воззрениям селькупов, только избранные шаманы получают от духов предков разрешение иметь *сопыль туры* – «лыжный» посох. И именно эти шаманы способны пройти в страну предков. Считается, что посох необходим не только для преодоления пути через мистические горы и ущелья, но и в качестве оружия для борьбы с враждебными духами. Селькупский шаманский жезл представлял собой железный стержень с кружком на нижнем конце (наподобие лыжной палки) и трезубым навершием, символизировавшим три священных дерева – березу, кедр и лиственницу. В целом посох являлся символом *касылъ по* – жертвенного дерева, к которому привязывались лоскуты материи, амулеты, а также «древа жизни» самого шамана, поднимавшегося по нему в Верхний мир [Прокофьева, 1949, с. 373–375]. У кетов шаманский посох также символизировал мировое древо [Алексеев, 1967, с. 187].

Дополняют семантическую характеристику ритуального жезла народов Сибири представления амурских гольдов, которые тоже считают посох одним из важных отличительных атрибутов полноправного (великого) шамана, способного пройти «во все миры Вселенной» [Лопатин, 1922, с. 247–248]. Именно жезл используется в ритуале проводов души умершего в *бун* – загробный мир. Шаман не только опирается на него в изображаемом долгом и нелегком пути, но и выгоняет им злых духов из *итуа* – ритуального шалаша для поминального обряда, погоняет собак, везущих его и душу умершего. Кроме этого, посох присутствует в процессе гадания, параллельно проводимого в рамках поминального обряда [Там же, с. 303–309].

У удэгейцев, орочей, нанайцев, эвенков, эвенов также существовал близкий по форме и сути ритуал проводов души в мир мертвых на *каса таори* – больших поминках, при котором использовался посох. Шаман в таком ритуале выступал в роли хозяина вселенной и сопровождал душу умершего. Универсальная цель обряда не вечное упокоение души, а обеспечение продолжения жизни рода через возрождение предков в потомках. Этот обряд исполнялся только шаманом наивысшего статуса. Посох *боло нирка* – один из особых атрибутов обряда больших поминок. Он имеет форму копья. У нанайцев, эвенков и эвенов его навершие представляет собой антропоморфное изображение всевидящего духа с двумя лицами. Древка удэгейских шаманских посохов из коллекции РЭМ выполнены в виде змеи, длина одного экземпляра 150 см, другого – 139 см, у него имеется навершие в форме человеческой фигуры [На грани миров..., 2006, с. 186–187, 236]. Подобный шаманский посох орочей из коллекции МАЭ, длиной 117 см, имеет навершие в виде антропоморфной головы [Там же, с. 236]. В начале ритуала *каса таори* через *боло нирка* шаман сообщает душе – *пане* о том, что он отвезет ее в мир мертвых – *бун* [Сем, 2006б, с. 603–610]. Использование посоха как коммуникативного предмета дополнительно подчеркивает его важную медиативную функцию. Помимо обряда *каса таори*, он применялся шаманами при гадании [Там же, с. 576]. Судя по фотоматериалам из РЭМ, эвенкийские шаманы при этом пользовались довольно простыми по форме посохами в виде обычной деревянной жерди [На грани миров..., 2006, с. 193].

Шаманские жезлы шорцев были связаны и с выполнением лечебной функции. В коллекции МАЭ (№ 5073) имеется один посох *пышки таяак*, принадлежавший шорскому шаману [Дьяконова, 1981, с. 150, рис. 2, а]. Это жердь длиной 69 см, круглая в сечении, диаметром 1,5–2,0 см, с орнаментированной средней частью. Спиральный орнамент выполнен путем срезания коры. На верхнем конце жерди веревкой привязан кусок свернутой бересты. Шаман исполь-

зовал этот посох при камлании над больным человеком. Большая семантическая значимость шаманского посоха у шорцев дополнительно определяется наличием жезла у одного из двух видов изображений духа – покровителя охотников *Шаныра* [Там же].

У кумандинцев при жертвоприношении лошади Ульгеню – божеству, символизирующему плодородие, посох *таяак* с привязанными к нему красными, черными и белыми лентами был обязательным атрибутом шамана – исполнителя роли Коча-кана. В одной из легенд о Коча-кане повествуется о том, что, когда он был земным шаманом, во время камлания над больным на него напал сильный злой дух, спасаясь от которого, Коча попал на небо к Ульгеню. Для атрибутики лечащих шаманов и Коча-кана характерно отсутствие бубна, но обязательно наличие посоха, являвшегося магическим орудием борьбы со злыми духами [Там же, с. 150–151].

По представлениям бурят, посохи во время обрядовых действий превращались в мистических коней, служивших средством передвижения и сообщения шаманов с невидимым божественным миром. Такие посохи воспринимались как ритуальные предметы, равнозначные бубну, и украшались подвесками, символизировавшими помощников шамана [Там же, с. 152].

Приведенные этнографические данные демонстрируют широкий спектр морфологических признаков шаманских жезлов народов Сибири. Но, несмотря на большие различия в деталях, культовый статус посохов, их ритуальные функции и семантика во многом идентичны. В этой связи семантические и морфологические признаки одинаково важны для идентификации этнографических и археологических предметов данной категории. Безусловно, по ним и одному известному в этнографии Северо-Западной Сибири ненецкому шаманскому жезлу общие формальные признаки выделить сложно. Тем не менее попытаюсь это сделать.

Основываясь на приведенных выше сведениях, можно дать общую характеристику ритуального посоха. Это деревянная жердь, реже железный стержень длиной в среднем 117–150 см (минимальный размер 69 см), диаметром от 1,5–2,0 до 5,0 см, с религиозно значимым декором и особым антропоморфным или зоморфным навершием. В большинстве случаев как сам посох, так и его декор связаны с символикой Мирового древа и идеей божественного плодородия.

Посох использовался в таких обрядовых действиях, как гадание, лечение человека, борьба со злыми духами и, наверное, самое важное – поминки души, сопровождение ее в мистический мир для последующего перерождения. Ему были присущи фигуральные коммуникативные функции: средства диалога и средства перемещения.

Вне зависимости от формы шаманский жезл (посох) большинством исследователей отмечается как

обязательный атрибут шамана высшего посвящения [Сем, 2006а, с. 532]. Опираясь на материалы исследований алтайских народов, В.П. Дьяконова считает, что это один из самых ранних магических атрибутов, предшествующий таким ритуальным предметам, как бубен и колотушка [1981, с. 151]. Того же мнения придерживаются исследователи культуры кетов и эвенков [Алексеев, 1967, с. 185; Василевич, 1969, с. 252].

Все приведенные признаки позволяют идентифицировать обнаруженный при раскопках Надымского городка предмет и вместе с ним группу аналогичных артефактов как «посох жреца». Следует оговориться, что этого термина в современном этнографическом понятийном аппарате нет. Его применение обусловлено необходимостью подбора некоего общего понятия для обозначения определенного круга предметов, которое исключало бы конкретные ассоциации с известными категориями и типами вещей, в данном случае с этнографическими посохами. На основе археологических данных невозможно достоверно определить, была ли религия жителей Надымского городка идентична известному в современной этнографии шаманизму и существовал ли в то время отдельный шаман, или подобные функции мог выполнять вождь. Термин «жрец» в современном русском языке является обобщенным определением человека – главного исполнителя ритуальных функций во всех древних (языческих) религиях [Даль, 1989, с. 546; Ожегов, Шведова, 1995, с. 191; Толковый словарь..., 2001, с. 352]. Вводя понятие «посох жреца», я вкладываю в его содержание принадлежность предмета человеку особого статуса, в функции которого входило совершение ритуально-обрядовых действий.

Жреческие посохи Надымского городка

Целый посох, позволивший определить группу предметов как жреческие атрибуты, был обнаружен на полу первого уровня постройки 10 остяцкого квартала I, этническая принадлежность которого обосновывается ретроспекцией планиграфии верхнего уровня, где постройки датированы концом XVI – первой третью XVIII в. и идентифицированы на основе письменных и археологических источников [Кардаш, 2009а, с. 94–95]. Первый уровень в рамках относительной хронологии городка соответствует периоду не ранее конца XV – первой четверти XVI в. (ок. 1300–1730 гг.).

Посох 1. Он представляет собой тонкую жердь овального сечения, увенчанную ажурным зооморфным навершием (рис. 2). Общая длина изделия 154 см. Для удобства описания посох условно разделен на три части. В верхней части с помощью трех сквозных отверстий переданы две сопоставленные фигуры животных: круглое формирует головы, полуовальные –

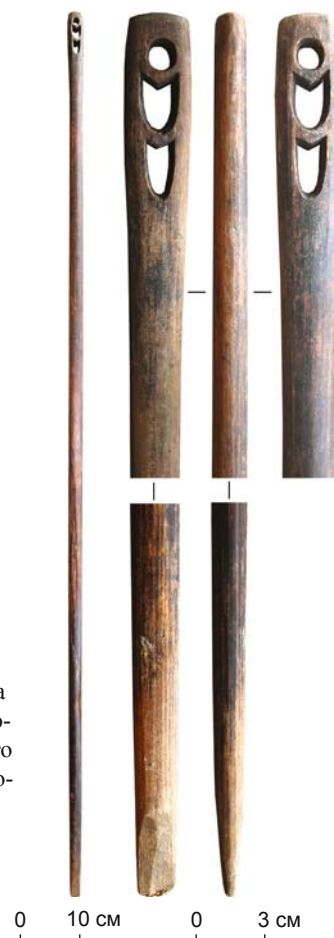

Рис. 2. Посох жреца из хозяйственной постройки 10 остяцкого квартала I Надымского городка.

туловища и лапы. Изображения крайне стилизованы и схематичны. В них едва можно угадать фигурки животных, видовая принадлежность которых на уровне семейства куньих или псовых определяется с большими оговорками. Размер фигурок также условен: по окончанию прорезей это 7,0 см. По динамике изменения сечения, максимальный размер которого 2,7×1,2 см, длину верхней части можно определить в пределах 13 см. Среднюю часть отличает одинаковый по всей длине 120 см размер сечения 2,2×1,6 см. Нижняя часть определена по изменению параметров сечения. Условно ее длина составляет 21 см. Нижний конец заострен двумя срезами с противоположных сторон. Длина срезов 4,0 см. Размер сечения до заострения 1,9×1,2 см, нижнего конца – 1,8×0,5 см. Следует отметить наличие на нижнем торце следов забитости (погнутости волокон древесины), что свидетельствует об использовании предмета как посоха при ходьбе.

Посох 2. Фрагмент, включающий полностью навершие и отрезок средней части предмета, найден в постройке 12 самоедского квартала V, в пространстве галереи у задней стены [Кардаш, 2007, с. 100, № 11912]. Постройка на две трети разрушена вследствие осыпания берега и продолжает оползать в воду.

Многочисленные уровни ее реконструкции свисают и перемещаются. Это обстоятельство затрудняет определение хронологии слоев жилища. Уровень, где найден предмет, относится к периоду не ранее конца XVI – не позднее середины XVII в. (ок. 1550–1590 гг.).

По фрагменту реконструируется посох в форме тонкой жерди овального сечения с ажурным зооморфным навершием (рис. 3, 1). Общий размер изделия определить невозможно. Верхняя часть имеет длину в пределах 8 см, ширину 3,5, толщину 1,4 см. В навершии с помощью двух сквозных отверстий переданы две сопоставленные фигуры животных: круглое формирует головы, полуовальное – лапы и туловище. Поперечными нарезками с наружной стороны изображений обозначены шея и короткие уши. Степень стилизации очень велика, видовую принадлежность изображенных животных к небольшим хищникам можно определить только по близости иконографии этих изображений к вышеописанным на посохе 1. Размер фигурок соответствует длине верхней части, определенной по сужению предмета до 2,8×1,5 см. Ниже размер сечения увеличивается и у обломанного конца составляет 3,4×1,9 см.

Рис. 3. Фрагменты посохов жреца из Надымского городка.

1 – из постройки 12 самодского квартала V; 2 – с северо-западной многофункциональной площадки; 3 – из осыпи берега.

Посох 3. Навершие с зооморфной композицией, не оставляющей сомнения, как минимум, в ритуальном использовании предмета, которому оно принадлежало, обнаружено на северо-западной многофункциональной площадке к северу от северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка у основания наружной стены. Предмет находился в слое, который по относительной хронологии городка датируется последней третью XVII – не позднее начала XVIII в. (ок. 1670–1710 гг.) [Кардаш, 2003, с. 55–56, рис. 188].

По фрагменту реконструируется посох в форме тонкой жерди овального сечения, увенчанной ажурным зооморфным навершием (рис. 3, 2). Общий размер изделия установить невозможно, длина верхней части в пределах 12 см, ширина 3,5, толщина 0,8 см. В навершии посредством сквозных отверстий различной конфигурации переданы две пары сопоставленных фигур животных. Верхние смыкаются мордами, передними и задними лапами. Длина фигурок не более 6 см. На головах обозначены короткие маленькие ушки, что в совокупности с другими признаками, несмотря на схематизм изображений, позволяет определить видовую принадлежность животных на уровне семейства куньих или псовых (песцы). Сквозные отверстия на туловище каждой фигуры, наряду с декоративной нагрузкой, явно имеют определенное знаково-символическое значение.

Описанная композиция плавно переходит в нижнюю, также зооморфную, но более упрощенную, близкую композиции посоха 2: три круглых отверстия формируют головы, а три вытянутых полуовальных – передние лапы и туловище. Размер нижних фигурок вряд ли превышал 4 см. Вполне вероятно, что эту композицию можно реконструировать по-иному. Судя по динамике изменения сечения, максимальный размер которого был не более 3,0×1,5 см, она близка к переходу от верхней части посоха к средней. Реконструируемое сечение средней части ок. 2,0×1,2 см.

Посох 4. Фрагмент изделия был обнаружен в осыпи берега на отрезке пространства оборонительно-жилого комплекса городка в 1998 г. и поэтому достоверной стратиграфической привязки не имеет. Его можно датировать в достаточно широком диапазоне от XIV до первой трети XVIII в. (ок. 1300–1730 гг.). Первоначально фрагмент был идентифицирован как обломок рукояти. Только сейчас на основании сопоставления с другими подобными предметами его можно определить как верхнюю часть ритуального посоха.

По фрагменту реконструируется посох в форме тонкой жерди овального сечения, декорированный ажурным зооморфным навершием (рис. 3, 3). Общий размер определить невозможно, длина верхней части не более 11 см, ширина 3,2, толщина 1,3 см. Фигуры животных крайне стилизованы. Они переданы посредством трех сквозных отверстий: два круглых фор-

мируют смыкающиеся головы и передние лапы, нижнее круглое и треугольное – туловище, задние лапы и хвост. Вид животных определен условно в рамках группы небольших хищников. Размер фигурок по краю нижнего отверстия в пределах 7 см. Верхняя часть на расстоянии 11 см максимально сужается до $2,0 \times 1,4$ см, а затем расширяется книзу и у обломанного конца составляет $2,2 \times 1,6$ см.

Следует отметить, что при раскопках других синхронных памятников с замерзшим культурным слоем, в частности Полуйского и Войкарского городков, подобных предметов не обнаружено [Кардаш, 2005а, б; 2006а, б; Брусницина, 2003, 2005а, б; Фёдорова, 2004, 2006]. В этой связи вышеописанная группа предметов в настоящее время является не только самой представительной, но и единственной.

Ритуальные аналогии

Зооморфные изображения на навершиях надымских посохов не являются уникальными не только для западно-сибирской иконографии культовых образов, но и для мировой. Две сопоставленные фигуры животных – это довольно универсальный символ, имеющий широкое распространение с эпохи неолита [Голан, 1993, с. 160–163, рис. 340–359]. Подобные изображения есть и на других изделиях, найденных при изучении Надымского городка. Эти предметы позволяют не только расширить круг ритуальных артефактов, известных на сегодняшний день, но и дополнить серию образов надымских жреческих посохов для семантического анализа и интерпретации.

Ложка 1. Фрагмент изделия был обнаружен в 1998 г. при зачистке осыпи культурного слоя в центральной части оборонительно-жилого комплекса на уровне материкового основания [Кардаш, 1999, с. 39, рис. 161]. Раскопки этого уровня еще не производились, но на первоначальной стадии исследований была взята серия вывалившихся из обрыва спилов с древесных остатков строений для датировки дендрохронологическим методом. Установлено, что период активной рубки деревьев для строительства городка приходится на конец XII – начало XIII в. (ок. 1190–1220 гг.). Этим временем можно датировать найденный предмет.

Фрагмент рукояти ложки, выполненной из рога северного оленя, имеет размеры $7,1 \times 2,0 \times 0,3$ см и представляет собой навершие с зооморфной трехфигурной композицией (рис. 4, 1). В верхней части изображен олень, склонивший голову к земле. Примечательно, что у него обозначены короткий хвост, ребра, но нет рогов. Возможно, их отсутствие подчеркивает половую принадлежность животного, т.е. изображена самка северного оленя. Снизу к этой фигурке примыкают два сопоставленных профильных изоб-

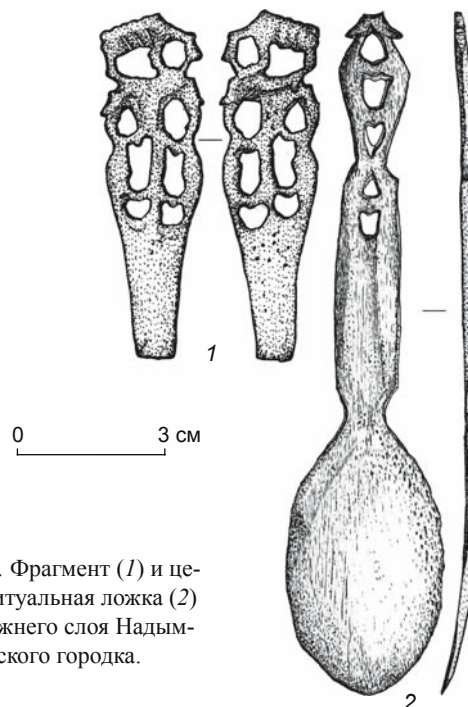

Рис. 4. Фрагмент (1) и целая ритуальная ложка (2) из нижнего слоя Надымского городка.

ражения зверьков, которых можно соотнести с семейством куньих (куница, выдра?). Они имеют разные размеры, что, скорее всего, предполагает разную половую принадлежность. Поверхность фигур и пространства под ними покрыта хаотичным точечным орнаментом – углублениями диаметром ок. 0,1 см.

Ложка 2. Найдена в 2000 г. при разборке культурного слоя, осыпавшегося в центральной части оборонительно-жилого комплекса городка, на уровне, близком к материковому основанию [Кардаш, 2001, с. 45, рис. 173], что позволяет датировать предмет XIII–XIV вв. (ок. 1200–1400 гг.).

Изделие размером $13,8 \times 3,2 \times 0,3$ см выполнено из рога северного оленя и имеет форму ложки с овальным ($3,2 \times 6,0$ см) плоским черпаком и прямоугольной ($1,2 \times 7,8$ см) рукоятью, декорированной ажурным навершием, на котором изображены два зверька (рис. 4, 2). Сопоставленные фигуры животных переданы схематично. Они смыкаются мордами, лапами и хвостами. На головах показаны приостренные уши, непропорционально большие относительно самих фигурок. Возможно, они должны подчеркивать видовую принадлежность животных, которых условно можно отнести к семейству псовых (лисицы?). Хвосты фигур смыкаются с нижним ажурным элементом. Последний, очевидно, является еще более стилизованным изображением пары животных, подобным вышеописанному на посохе 2.

Сопоставленные фигуры животных или определенное изображение, фланкированное парными фигурами зверей, известны в иконографии культового бронзового литья Урала и Западной Сибири [Оборин,

Чагин, 1988; Зыков и др., 1994; Зыков, Фёдорова, 2001; Древние бронзы..., 2000], причем более распространен последний вариант. Одно из наиболее ранних таких изображений, датированное VII–IV вв. до н.э. (белоярская археологическая культура), найдено в 2009 г. при раскопках городища Стрелка на р. Большой Юган близ пос. Угут Сургутского р-на Ханты-Мансийского АО (рис. 5). Следовательно, древность этого сюжета и его использование в культовых изображениях на протяжении многих столетий позволяют заключить, что его значение было хорошо известно древнему аборигенному населению Северо-Западной Сибири.

Семантика подобных изображений достаточно подробно рассмотрена А. Голаном [1993, с. 160–163, рис. 340–359]. Если обобщить результаты его анализа, то подавляющее большинство парных сопоставленных фигур животных можно интерпретировать как элементы божественной триады, символизирующие стражей верховного божества (богини) или близнецов – детей верховной богини. Разнополюсные фигурки в данном контексте олицетворяют идею божественного плодородия [Там же, с. 161–162]. Такая трактовка парных зооморфных изображений всецело согласуется с системой религиозных представлений коренных народов Сибири, взаимосвязанной с шаманской ритуальной практикой, в которой используется посох.

Рис. 5. Культовая антропоморфная скульптура из бронзы. Белоярская археологическая культура (VII–IV вв. до н.э.). Городище Стрелка (р. Большой Юган, Сургутский р-н, ХМАО).
1 – скульптура; 2 – ее зооморфные элементы – модель сопоставления фигурок зверьков.

Заключение

Ритуальные посохи XVI – первой трети XVIII в. и ритуальные ложки XIII–XV вв. из Надымского городка благодаря их относительной многочисленности позволяют сделать ряд выводов и предположений на более широком территориальном и хронологическом фоне. На основе представленного материала достаточно аргументированно можно выделить такой тип предметов, как ритуальный посох жреца. Он представляет собой тонкую жердь длиной ок. 1,5 м, увенчанную навершием в виде композиции из сопоставленных фигур животных, олицетворяющей идею божественного плодородия. Именно такая форма навершия маркировала на протяжении XIII – первой трети XVIII в. не только жреческие посохи, но и другие предметы ритуального назначения. Они были присущи культуре всех этнических групп, проживавших в Надымском городке, и в частности документально зафиксированных остяков и самоедов.

Анализ семантики культовых зооморфных изображений, связанных с надымскими жреческими посохами, позволяет высказать мнение о комплексе бронзовых предметов, бытовавших на обширной территории Северо-Западной Сибири в IX–XV вв. [Чемакин, Карачаров, 2002, с. 57–65, рис. 17–20]. Большая группа этих изделий (несколько сотен), выполненных в зверином стиле, относится к вожпайской и кинтусовской археологическим культурам, с которыми ряд исследователей связывает истоки формирования таких современных сибирских народов, как ханты и ненцы [Чернецов, 1957, с. 180; Хлобыстин, 1993, с. 26]. Среди них известен только один предмет, который композиционно близок надымским навершиям и мог быть навершием жреческого посоха. Это бронзовое ажурное изделие с зооморфной композицией найдено в 1993 г. при раскопках разрушенной части могильника Арантур-27, расположенного в верхнем течении р. Конды в Советском р-не Ханты-Мансийского АО [Степанова, 1994, с. 61]. Размер навершия 7,7×4,7×2,4 см при наружном диаметре втулки 3,0×2,1 см. (рис. 6). Композиция состоит из пары сопоставленных фигур животных, смыкающихся мордами, передними и задними лапами. Хотя изображения выполнены в относительно реалистичной манере, определить видовую принадлежность животных можно лишь предположительно на уровне семейства псовых. На туловищах фигур имеется орнамент: на одной – цепочка из семи маленьких полусфер, на другой – из семи рельефных линз листовидной формы. Вероятно, эти различия в декоре должны были дифференцировать животных, и скорее всего, по полу. Между задних ног фигур расположена вертикальная цепочка из четырех полусфер. Вся композиция опирается на короткую (высотой 1,2 см) втулку, декорированную пояском из полусфер. Размер навершия, композиция и другие чер-

ты сближают это изделие с надымскими посохами, что позволяет отнести их к одной группе предметов.

Вместе с тем среди многочисленных бронзовых изделий XIII–XV вв., периода сайгатинской археологической культуры, художественный металл которой отличается радикальной схематизацией образов животных, аналогичные предметы пока вообще не известны. По-видимому, производственные центры, где отливались художественные изделия в зверином стиле, были крайне слабо или совсем не связаны с религиозно-обрядовой системой аборигенного населения Северо-Западной Сибири. Тот факт, что деревянные и костяные ритуальные атрибуты были изготовлены жителями Надымского городка, не вызывает сомнений, как и то, что это население имело представление о языке звериных образов и пользовалось им в религиозно-обрядовой практике. Вероятно, некая часть сакральных знаний была малодоступна или совсем неизвестна чужим ремесленникам и торговцам, привозившим художественные бронзовые изделия как жителям Надымского городка, так и, скорее всего, другим аборигенным общинам Нижнего Приобья, а возможно, и более обширной территории Северо-Западной Сибири.

Полное отсутствие таких предметов, как жреческий посох, в вещевых комплексах других средневековых памятников с замерзшим культурным слоем позволяет предполагать особый религиозный статус Надымского городка в регионе, что могло быть связано с расположением поселения недалеко от Святого мыса – *Хэбидя сале*, маркирующего устье р. Оби. Это святое место отмечено на карте С.У. Ремизова «Море Мангазейское с урочище», датированной XVII в. Оно почиталось разным населением региона на протяжении длительного времени и является культовым по сей день [Дмитриев-Садовников, 1918, с. 41; The Atlas..., 1958, l. 115; Белов и др., 1981, с. 114; Поляков, 2005, с. 117]. Возможно, надымские вожди и жрецы осуществляли ритуально-обрядовые действия для большого числа приезжавших паломников.

В завершение можно сделать еще один вывод о религиозных воззрениях жителей Надымского городка. Правда, основанный только на археологических источниках, он может показаться малоубедительным. Тем не менее обращу особое внимание на уникальную особенность культурного слоя Надымского городка – замерзшее состояние. Накапливаясь и замерзая, слой не оттаивал, и вещи в нем не перемещались. Именно это обстоятельство позволяет делать некоторые выводы не только по наличию артефактов, но и по их отсутствию. К категории культовых предметов и принадлежностей ритуалов в настоящее время отнесено ок. 200 изделий, и это не считая вещей из категории детских игрушек (ок. 1 500 экз.), в рамках которой сложно дифференцировать бытовые предметы и вотивные, а последние могут составлять не менее половины. Сле-

Рис. 6. Бронзовое навершие с зооморфной композицией X–XI вв. Могилярник Арантур-27 (р. Конда, Советский р-н, ХМАО).

ды различных ритуалов и жертвоприношений свидетельствуют об активной религиозной деятельности на территории Надымского городка. Совокупность этих фактов и отсутствие в коллекции предметов XVI – первой трети XVIII в. каких-либо деталей бубнов позволяют с большой долей уверенности заключить, что у северных остяков и самоедов того времени ритуальный посох был основным и наиболее древним магическим орудием жреца. Следовательно, шаманская религиозная традиция, с которой связано использование бубна в обрядах, сформировалась у населения Нижнего Приобья не ранее середины XVIII в.

Список литературы

- Алексеев Е.А.** Кеты: историко-этнографические очерки. – Л.: Наука, 1967. – 262 с.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.** Мангазей. – М.: Наука, 1981. – Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – 147 с.
- Брусицина А.Г.** Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры: мат-лы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 9–11 декабря 2003 г. – Тобольск: ТГИАМЗ, 2003. – С. 45–42.
- Брусицина А.Г.** Войкарский городок в XV–XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития: мат-лы Всерос. науч. конф. «Ямал: история, историография, краеведение». Салехард, апрель 2005 г. – Екатеринбург, Салехард: РА АРТмедиа, 2005а. – С. 22–32.
- Брусицина А.Г.** Археологические раскопки городища Усть-Войкарского в Шурышкарском районе ЯНАО в 2004 г.: отчет о НИР / ЯНОМВК им. И.С. Шемановского. – Екатеринбург, Салехард, 2005б. – 215 с.
- Василевич Г.М.** Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
- Голан А.** Миф и символ. – М.: Руслит, 1993. – 375 с.
- Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1989. – Т. 1. – 699 с.
- Дмитриев-Садовников Г.М.** Река Надым // Ежегодник Тобольского государственного музея. – 1917. – Вып. 28. – С. 1–24; 1918. – Вып. 29. – С. 25–43.

Древние бронзы Оби: Западно-сибирский звериный стиль: Коллекция бронз IX–XII вв. из собрания Сургутского художественного музея / отв. ред. Ю.Б. Неруш. – Сургут: Сургут. худ. музей, 2000. – 56 с.

Дьяконова В.П. Предметы к лечебной функции шаманов Тувы и Алтая // Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1981. – Т. 37: Материальная культура и мифология. – С. 138–152.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Фёдорова Н.В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 160 с.

Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – 176 с.

Кардаш О.В. Археологические исследования Надымского городища летом 1998 года: отчет о НИР: в 2 т. / НПО «Северная археология». – № 31/1–2. – Нефтеюганск, 1999. – Т. 2. – 194 с.

Кардаш О.В. Комплексное изучение Надымского городища летом 2000 года: отчет о НИР: в 6 т. / НПО «Северная археология». – № 52/1–6. – Нефтеюганск, 2001. – Т. 2: Археологические исследования. – 208 с.

Кардаш О.В. Комплексное изучение Надымского городища в 2002 году: отчет о НИР: в 5 т. / НПО «Северная археология». – № 85/1–5. – Нефтеюганск, 2003. – Т. 1: Археологические исследования. – 230 с.

Кардаш О.В. Раскопки стоянки Салехард-1 в 1946 и 2004 гг. // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: мат.-лы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005а. – С. 17–20.

Кардаш О.В. Археологические раскопки стоянки Салехард-1 (Обдорский городок), планируемой под строительство архитектурного ансамбля «Город мастеров», в 2004 году: отчет о НИР / НПО «Северная археология». – № 105/1. – Нефтеюганск, 2005б. – 240 с.

Кардаш О.В. Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // Урал. ист. вестн. – Екатеринбург, 2006а. – № 13. – С. 128–131.

Кардаш О.В. Аварийные археологические раскопки стоянки Салехард-1 (Обдорский городок) летом 2005 года: отчет о НИР / НПО «Северная археология». – № 118/1. – Нефтеюганск, 2006б. – 140 с.

Кардаш О.В. Комплексное изучение Надымского городища в 2007 году: отчет о НИР / НПО «Северная археология». – № 234. – Нефтеюганск, 2007. – 240 с.

Кардаш О.В. Комплексные археологические исследования Надымского городка XV–XVI вв. в 2009 году: отчет о НИР / НПО «Северная археология». – № 303. – Нефтеюганск, 2009а. – 266 с.

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009б. – 360 с.

Кардаш О.В. Посохи свата из Надымского городка XVII–XVIII веков // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 1. – С. 61–71.

Лопатин И.А. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские: опыт этнографического исследования. – Владивосток: [Тип. Упр. внутр. дел], 1922. – 370 с. – (Зап. Об-ва

изучения Амурского края Владивосток. отд-ния Приамур. отд. Рус. геогр. об-ва; т. 17).

На грани миров: Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея): альбом. – М.: Художник и книга, 2006. – 296 с.: ил.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Искусство Прикамья. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 184 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1995. – 928 с.

Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. – Тюмень: Мандр и Ка, 2005. – 200 с. – (Прил. к т. 30 «Зап. Имп. Акад. наук»; № 2).

Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сб. МАЭ. – М; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 11. – С. 335–375.

Прокофьева Е.Д. Энецкий шаманский костюм // Сб. МАЭ. – М; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 13. – С. 125–153.

Сем Т.Ю. Современный взгляд на проблемы шаманства: к психологии пути «знания» // Шаманизм народов Сибири: Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2006а. – С. 523–532.

Сем Т.Ю. Семиотика шаманских ритуалов (по материалам тунгусских народов Сибири и Дальнего Востока) // Шаманизм народов Сибири: Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2006б. – С. 568–626.

Степанова Г.А. Отчет об исследованиях памятника Арантур-27 в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1993 г.: [отчет о НИР] / Предприятие «Аудиовидео коммуникации». – Екатеринбург, 1994. – 122 с.

Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова: в 3 т. – М.: Вече, Мир книги, 2001. – Т. 1. – 704 с.

Фёдорова Н.В. Городище Усть-Войкарское (Войкарский Городок) // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. – Новосибирск: Наука, 2004. – Вып. 2. – С. 11–17.

Фёдорова Н.В. Войкарский Городок: Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Науч. вестн. – Салехард, 2006. – Вып. 4 (41): Научно-практическая конференция «Обдорья: история, культура, современность». – С. 11–17.

Хлобыстин Л.П. Вожпайская культура на Западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // AD POLUS: Археологические изыскания. – СПб.: Фарн, 1993. – Вып. 10. – С. 19–27.

Хомич Л.В. Ненцы: очерки традиционной культуры. – СПб.: Русский Двор, 1995. – 336 с.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 5–65.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 136–245. – (МИА; № 58).

The atlas of Siberia by Semyon U. Remezov: facs. ed. with an introduction by Leo Bagrow's. – Gravenage: Mouton & Co, 1958. – 173 L.

Материал поступил в редколлегию 24.08.09 г.

УДК 903.26

И.М. Бердников

Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия
E-mail: yan-maiski@yandex.ru

ДЕРЕВЯННЫЙ НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЯ НА СПАСКОМ НЕКРОПОЛЕ XVIII ВЕКА В ИРКУТСКЕ*

В научный оборот вводится уникальная для Сибири находка – деревянный нательный крест из погребения на Спасском некрополе в Иркутске, датируемом 1710–1768 гг. Приводится описание предмета, дается его анализ. Рассматривается проблема использования деревянных крестов-тельников в погребальной практике русских в XVIII в. Отмечается уникальность креста, изготовленного из палисандра. Приводятся доказательства существования захоронений с деревянными нательными крестами в Сибири XVIII в., но вопрос о количестве деревянных крестов, с которыми хоронили умерших, остается открытым.

Ключевые слова: Иркутск, Спасский некрополь, XVIII век, православная погребальная практика, ставрография, деревянные нательные кресты.

Введение

Зарождение ставрографии – науки о крестах – относится, вероятно, к первой половине XIX в. [Гнутова, 2001, с. 3–12; Молодин, 2008, с. 3–7]. Во второй половине столетия появились работы, с которыми принято связывать становление этой науки [Гнутова, 2001, с. 4–10]. В послереволюционный период в России резко сократилось количество исследований, связанных с изучением крестов; ситуация начала улучшаться только в 60-х гг. XX в. [Гнутова, 2001, с. 12]. Возрождение ставрографии как самостоятельной дисциплины началось в 90-е гг. XX в. [Молодин, 2008, с. 8].

В настоящее время при увеличении археологических коллекций крестов из раскопок русских го-

родских и сельских поселений, сибирских острогов, православных некрополей очевидна актуальность ставрографических исследований. Нательные кресты часто встречаются при раскопках археологических объектов XVII–XIX вв., преимущественно в погребениях. В Европейской России во время раскопок некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в центре Москвы были обнаружены кресты, изготовленные из металла, кости и дерева [Векслер, Беркович, 1999]. Кресты-тельники найдены в ходе археологических работ на территории Твери [Новиков, 2001], Пскова [Колпакова, 2007] и Вятского края [Макаров, 2003]. В Екатеринбурге при проведении аварийных работ на территории Ново-Тихвинского женского монастыря собрана коллекция крестов, среди которых встречаются каменные, перламутровые и деревянные [Погорелов, 2005]. В Челябинске на первом городском кладбище в большинстве захоронений обнаружены металлические тельники [Самигулов, 2002, 2005]. В Западной Сибири нательные кресты

*Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (государственный контракт № П52).

Деревянный нательный крест из захоронения Спасского некрополя в Иркутске.

известны по материалам раскопок Мангазеи [Белов, Овсянников, Старков, 1981; Визгалов, Пархимович, 2008], Умревинского острога [Бородавский, Горохов, 2009], Тобольска [Балюнов, 2010; Данилов, 2007] и кладбища с. Изюк в Омской обл. [Татаурова, 2010]. Интересны также исследования Тискинского могильника селькупов, где в захоронениях обнаружены православные кресты-тельники [Боброва, 2007]. Кресты в большом количестве встречаются и в Восточной Сибири. Регион известен раскопками православного некрополя и сооружений Илимского острога, оказавшихся в зоне затопления ГЭС [Молодин, 2007], а также исследованиями Саянского острога, на территории которого найдены как готовые кресты [Скобелев, 2005], так и необработанная отливка, выполненная, по всей видимости, в остроге [Скобелев, Чуриков, 2009, с. 267]. В ходе аварийных работ на территории Красноярского острога собрана большая ставрографическая коллекция интересующего нас периода [Тарасов, 2000, 2002]. На Дальнем Востоке нательные кресты обнаружены в ходе раскопок Албазинского острога [Артемьев, 1999, 2005], в Якутии – Алазейского и Стадухинского острогов [Алексеев, 1996].

Развитие целого направления в археологии, связанного с исследованием культуры, быта, духовной жизни русских, требует привлечения методов других наук. Ввиду многочисленности нательных крестов из культурных слоев и погребений русских и аборигенных могильников археологи все чаще обращаются к ставрографическим методам описания и анализа материала. Кресты-тельники из археологических раскопок становятся отдельной темой исследования [Боброва, 2004; Векслер, Беркович, 2005; Молодин, 2002, 2005, 2007; Погорелов, Попов, 2005]. Э.П. Винокуровой разработана типология для металлических литых крестов-тельников XVII в. [1993, 1999],

основой для которой является подход, предложенный А.К. Жизневским [Молодин, 2007, с. 40]. Впоследствии базирующаяся на классификационных разработках А.К. Жизневского и Э.П. Винокуровой типология В.И. Молодина для коллекции металлических нательных крестов из раскопок Илимского острога с некоторыми дополнениями и изменениями легла в основу единственной в своем роде монографии [Там же]. Сегодня работы Э.П. Винокуровой и В.И. Молодина являются важнейшими при классификации ставрографических коллекций, на которые следует ориентироваться археологам и искусствоведам. Заслуживает внимания также исследование, направленное на совершенствование работы ставрографов в рамках конструктивного подхода, в котором излагаются методы описания, анализа, уточняется терминология и предлагается программа измерений крестов [Пежемский, 2003, 2005].

В 2007–2008 гг. в ходе археологических раскопок Спасского некрополя в Иркутске, проводившихся в рамках программы по сохранению археологического объекта федерального значения «Иркутский острог», исследовано 379 погребений и найдено 234 нательных креста [Бердников, 2009б; Бердникова, Воробьева, 2007; Бердникова, Воробьева, Бердников, 2008]. Это преимущественно металлические кресты из сплавов на основе меди или серебра. В общий ряд не вписывается массивный деревянный крест-тельник хорошей сохранности из погр. № 7 19-го пикета (см. рисунок). Умерший мужчина старческого возраста (*senilis*) был захоронен в гробу трапециевидной формы. В ногах зафиксированы остатки кирпичной конструкции, вероятно, основания надгробия – креста или плиты. Нательный крест находился в районе локтевого сгиба левой руки.

Деревянные нательные кресты известны по материалам раскопок в Европейской России и на Урале

[Векслер, Беркович, 1999, с. 204–206; Колчин, Янин, Ямщиков, 1985, с. 112, рис. 210, а, б; Макаров, 2003, с. 211; Погорелов, 2005, с. 210]. На территории Сибири нателный крест XVIII в. обнаружен впервые.

Описание креста

Изучаемый крест изготовлен из каповой древесины, вероятно, индийского палисандра (*Dalbergia latifolia*), известного также как индийское (или восточно-индийское) розовое дерево, или сонокелинг*. Этот вид тропических деревьев встречается в Индии, Пакистане, Шри-Ланке и Индонезии. Изделие находится в удовлетворительном состоянии**, большая часть плоскорельефных изображений и надписей хорошо читается. Некоторые повреждения имеются на окончании верхней и нижней лопастей и на небольшой части левой лопасти.

Размеры креста: длина 4,8 см, ширина 3,5 см, толщина 1,1 см. Ширина мачты (вертикальная часть креста)*** 1,4 см. Ширина перекладины 1,4 см. У средокрестия нижняя и верхняя лопасти сужаются, в результате чего образуются своеобразные выемки. Ширина верхней лопасти в районе выемки 1,3 см, нижней – 1,2 см. Отверстие для подвешивания просверлено на боковой грани верхней части мачты. Диаметр отверстия на входе 0,5 см.

С лицевой стороны изделие, вероятно, по всему периметру (в некоторых местах края креста повреждены) оконтурено тонким рельефным валиком. Такой же валик отделяет верхнюю лопасть от перекладины у средокрестия. В центре находится рельефное изображение восьмиконечного креста на Голгофе, под ним – схематично переданная Глава Адама. Слева от восьмиконечного креста показано копые, справа – трость с губкой. Изображение копья по отношению к вертикальной оси располагается с небольшим наклоном влево, изображение трости – параллельно. На верхней лопасти видна аббревиатура ХСЪ – возможно, ХСЪ (Христос) либо ХСБ (Христос Сын Божий?). Предпочтительным представляется первый вариант реконструкции – ХСЪ. Вероятно, выше также имелась надпись, но прочесть ее не представляется возможным. Можно предположить, что здесь была аббреви-

атура, означающая слово «Иисус». На левой и правой лопастях надписи располагаются в два ряда. Верхняя надпись на левой лопасти не читается, нижняя видна четко – КО (Копье). На правой лопасти сверху – ХС (Христос), снизу – ТР (Трость). На оконечности нижней лопасти под Главой Адама была надпись, но ввиду значительного повреждения поверхности идентифицировать ее невозможно. Обратная сторона и боковые поверхности креста гладкие, со следами шлифования, имеется несколько трещин.

Аналоги и проблемы атрибуции изделия

Устоявшейся классификации для деревянных нателных крестов не существует, хотя попытки ее создания имели место [Шабалина, 2001]. Особенности нателного креста из погребения Спасского некрополя являются форма мачты с выемками у средокрестия, характерная преимущественно для деревянных крестов, и аббревиатура на верхней лопасти, не соответствующая традиционному титулу «Царь Славы». К ближайшим аналогам этого креста по морфологии можно отнести новгородские резные тельники XV в. из кости [Колчин, Янин, Ямщиков, 1985, с. 93, рис. 176, а, б] и дерева [Там же, с. 112, рис. 210, а, б], а также костяные резные кресты из Переяславля Рязанского, которые датируются XV–XVI вв. [Барышев, 2001]. Следует упомянуть также близкий по форме деревянный крест, обнаруженный на некрополе Моисеевского монастыря в Москве [Векслер, Беркович, 1999, с. 206, рис. 19, 1]. Установить время изготовления этого креста трудно, но, как отмечают специалисты, он похож на деревянный крест XVI в. из собрания Загорского музея [Там же, с. 205]. Аналогичный наперсный крест в серебряном окладе, датируемый XVI в., хранится в собрании Государственного музея заповедника «Ростовский кремль» [Шабалина, 2005]. Указанная форма характерна и для других крестов этой коллекции [Шабалина, 2002].

Иконография рассматриваемого креста не отличается сложностью и изысканностью. Изображения восьмиконечного креста на Голгофе над Главой Адама и орудий страстей Христовых – копыя и трости – распространенный сюжет для изделий мелкой пластики XVIII в. Голгофская тематика появилась в XIV в., а к XVI в. уже доминировала среди изображений на «предметах личного благочестия» [Колпакова, 2007, с. 8–9]. Такая символика использовалась также на государственных печатях конца XVI – начала XVII в. [Авдеев, 2005, с. 282]. В XVII в. данная традиция распространилась и прочно закрепилась в иконографии крестов-тельников, наперсных и напестольных

*Определение д-ра биол. наук В.И. Воронина (Сибирский институт физиологии и биохимии растений СО РАН).

**Очистка и консервация предмета произведены ст. науч. сотрудником Института углефтеоргсинтеза Иркутского государственного университета канд. хим. наук В.А. Хуторянским.

***При описании нателного креста использована терминология, предложенная Д.В. Пежемским [2003].

крестов и продолжала бытовать после раскола Русской православной церкви вплоть до XIX–XX вв.

Важным является вопрос датировки креста. Функционирование некрополя в юго-восточной части, где обнаружен крест, относится к 1739–1768 гг. [Бердников, 2009а; Бердников, Бердникова, 2008]. Если верхняя хронологическая граница представляется довольно точной, то определение нижней вызывает вопрос, т.к. у стен Спасского храма, имевшего функции общегородского, захоронения производились с 1710 г. (года окончания строительства основного здания церкви). Следовательно, погребение с деревянным крестом с некоторой долей вероятности может быть отнесено и к более раннему периоду – с 1710 г.

Использование деревянных нательных крестов в погребальной практике

Вопрос о том, насколько широко деревянные кресты-тельники использовались при погребении, является дискуссионным. Т.Д. Панова указывает, что в городских захоронениях XI–XV вв. нательных крестов зафиксировано мало; такие находки относятся в основном ккладам из жилых слоев древнерусских городов [Панова, 2004, с. 157]. В памятниках домонгольской Руси кресты находят преимущественно в погребениях представителей феодальной знати и монашества, больше в последних [Там же, с. 160]. Традиция хоронить с нательным крестом все чаще проявляется с XVI в. (до трети погребений сопровождается крестами), и только в XVIII в., по мнению Т.Д. Пановой, она закрепляется [Там же]. Исследователь Вятского края Л.Д. Макаров отмечает практически полное отсутствие предметов религиозного культа в древнерусских захоронениях региона [2003, с. 211]. По его мнению, обычай хоронить с крестиками, связанный с вновь возникшей потребностью демонстрировать принадлежность к определенному течению православия, появляется в XVII в. после реформы патриарха Никона [Там же].

Действительно, уже в погребениях XVIII в. зафиксировано значительное количество нательных крестов. Среди 336 исследованных захоронений некрополя Илимского острога в 215 находились кресты-тельники [Молодин, 2007, с. 39], что составляет 64 % от общего количества погребений. В Иркутске при раскопках Спасского некрополя среди 379 погребений в 229 были обнаружены кресты (60 % от всех изученных захоронений), на Владимирском некрополе [Бердникова, Бердников, Батракова, 2009] нательные кресты находились в 31 (62 %) из 46 погребений. На кладбище XVIII–XIX вв. в с. Изюк на 261 захоронение приходится 207 медных тельников [Татауро-

ва, 2010, с. 100], что составляет 79 % от общего числа погребений. Как видно из приведенных данных, от 20 до 30 % захоронений не содержат нательных крестов. Попробуем интерпретировать этот факт, приняв за условие, что утверждение Т.Д. Пановой о распространении и закреплении в XVIII в. традиции хоронить с крестами верно. В качестве одного из объяснений можно привести предположение С.Н. Погорелова и В.Н. Святова о том, что на православных кладбищах XVII – начала XIX в. Каменска-Уральского и Верхотурья были и языческие погребения; в большинстве исследованных погребений нательные кресты не обнаружены [2002, с. 121]. Однако, по мнению Г.Х. Самигулова, отсутствие крестов в значительной части захоронений следует считать отражением средневековой практики, которая начала изменяться в XVI в. [2005, с. 162]. В XVIII в. она, как отмечает исследователь, не изжила себя полностью, и захоронения без крестов были обычным делом. Однако маловероятно, что все умершие, попадающие в указанные 20–30 %, были погребены без нательных крестов. В это время на территории России бытовало очень много металлических и деревянных тельников, их в огромных количествах изготавливали в мастерских Центральной России и Русского Севера с конца XVII в. Кроме того, большинство нательных крестов XVIII в. (в отличие от таких же крестов XI–XV вв.) обнаружено при раскопках некрополей, а не городских слоев. Это может быть косвенным подтверждением того, что преобладающая часть крестов попадала в могилу вместе с умершими.

Описанная в статье находка из захоронения на Спасском некрополе в Иркутске – свидетельство того, что в XVIII в. деревянные нательные кресты становятся частью погребального обряда русских не только в Европейской России, но и в Сибири. Дешевые в изготовлении деревянные тельники из мягкой древесины могли широко использоваться в погребальной практике бедных слоев населения. Бытование православной традиции захоронения с деревянными крестами-тельниками подтверждается этнографическими материалами. Например, по представлениям старообрядцев коми, умершего нельзя хоронить с металлическим нательным крестом, а у вычегодских и печорских коми захоронение человека с серебряным или медным крестиком на груди считается тяжким грехом: душа усопшего может навсегда остаться неприкаянной [Шарапов, 2001, с. 300]. Покойнические деревянные нательные кресты (*пу перна*) у печорских коми изготавливались из мягкой древесины черемухи или осины [Там же, с. 301], подверженной гниению. По понятным причинам они редко сохранялись, в отличие от крестов из дерева твердых пород. Легко разрушаются в агрессивной почвенной среде и некоторые металлические

тельники. При раскопках Спасского некрополя обнаружены следы полностью разрушенных крестов из оловянно-свинцовых сплавов, уцелевшие образцы не подлежали реставрации и восстановлению. Предположение о том, что металлические кресты из олова и свинца разрушаются в агрессивной почвенной среде, высказывает и В.И. Молодин [2007, с. 86]. Он обращает внимание на то, что нательные кресты из олова делали редко: по народным поверьям, металлом, обеспечивающим оградительную силу кресту, была медь [Там же]. Однако и медные кресты не всегда сохраняются в погребениях. При раскопках некрополя Моисеевского монастыря в Москве в нескольких захоронениях зафиксированы следы медных окислов, которые, вероятно, являются остатками нательных крестов [Векслер, Беркович, 1999, с. 191, 192]. Перечисленные факты также могут служить объяснением отсутствия нательных крестов в значительной части захоронений XVIII в.

Заключение

Деревянный нательный крест из захоронения на Спасском некрополе – бесспорно, уникальная находка. Во-первых, это первое изделие мелкой пластики такого рода, обнаруженное в погребении XVIII в. на территории Сибири. Благодаря хорошей сохранности оно обладает особой ценностью как объект исследования. Гипотезы о практике использования русскими в Сибири деревянных тельников в погребальном обряде теперь получили подтверждение. Во-вторых, крест изготовлен из редкого вида древесины – капа палисандра. Считается, что при производстве мелкой резной пластики, в т.ч. крестов (нательных, наперсных, напестольных), часто использовалась древесина кипариса. Из нее делали кресты, например, в резной мастерской Соловецкого монастыря [Кондратьева, 2006]. В коллекции музея «Ростовский кремль» также имеются кипарисовые кресты [Шабалина, 2002]. Из археологических находок можно отметить кипарисовые кресты, обнаруженные в захоронениях вятских священников XVII–XVIII вв. [Макаров, 2003, с. 211]. В наши дни кап индийского палисандра считается довольно дорогим материалом, из него изготавливают эксклюзивные детали интерьера, мебели, музыкальных инструментов. В XVIII в. крест из палисандра, вероятно, также имел немалую стоимость и мог быть сделан на заказ. В-третьих, крест имеет архаичную форму, характерную для крестов XV–XVI вв. Учитывая это, можно предположить, что он был изготовлен не в XVIII в., а гораздо раньше. Ценные «предметы личного благочестия» в православной среде нередко передавались по наследству в качестве семейной реликвии.

Возможно также, что крест был сделан в мастерской, где сохранялись старые традиции. В XVII–XVIII вв. резные центры действовали на территории Европейской России и Русского Севера: в Вологде, Устюге Великом, Холмогорах, Ростове Великом [Шабалина, 2002], в Спасо-Прилуцком, Кирилло-Белозерском [Мальцев, 1995, с. 21] и Соловецком [Кондратьева, 2006; Мальцев, 1995] монастырях. В Сибири такие мастерские не известны. Однако связать происхождение обсуждаемого креста с конкретным центром не представляется возможным ввиду того, что до сих пор не разработана методика атрибуции изделий подобного рода. Поиск аналогов среди изделий мелкой пластики XV–XVIII вв., к сожалению, не проясняет ситуацию.

Следует отметить, что многие погребения, в которых обнаружены деревянные кресты, являются захоронениями представителей духовенства. Однако рассматриваемая могила с деревянным крестом на Спасском некрополе не относится к этой категории, во всяком случае, по внешним признакам.

Несмотря на то, что сегодня деревянные кресты-тельники в русских захоронениях находят все чаще, вопрос о широте их использования в погребальной практике XVIII в. остается открытым. Недолговечность такого материала, как дерево, и отсутствие сведений в письменных источниках об этой детали погребального обряда усложняют ситуацию. Для решения этой проблемы требуется привлечение дополнительных достоверно датированных материалов из археологических раскопок и музейных коллекций.

Список литературы

- Авдеев А.Г.** Из истории древнерусской эпиграфики и ставрографии // Ставрографический сборник. – М.: Древлехранилище, 2005. – Кн. III: Крест как личная святыня. – С. 276–294.
- Алексеев А.Н.** Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 152 с.
- Артемов А.Р.** Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в. – Владивосток: Изд-во Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. – 336 с.
- Артемов А.Р.** Археологические исследования русских памятников нового времени в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье // РА. – 2005. – № 1. – С. 155–166.
- Балюнов И.В.** Погребальный обряд Спасского кладбища г. Тобольска // Диалог культур и цивилизаций. – Тобольск: Изд-во Тобол. гос. соц.-пед. акад., 2010. – С. 12–13.
- Барышев И.Б.** Костяные резные крестики-тельники из раскопок Переяславля Рязанского // Ставрографический сборник. – М.: Древлехранилище, 2001. – Кн. I. – С. 307–310.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – Ч. II. – 147 с.

Бердников И.М. К определению хронологии Спасского некрополя (по материалам раскопок на территории археологического объекта «Иркутский острог») // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). – Кемерово, 2009а. – Ч. II. – С. 10–12.

Бердников И.М. Особенности погребального обряда Спасского некрополя Иркутского острога // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2009б. – Т. 8, вып. 5. – С. 252–260.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е. К вопросу о времени первых захоронений на территории Иркутского острога // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2008. – С. 233–237.

Бердникова Н.Е., Бердников И.М., Батракова Н.А. Раскопки Владимирского некрополя в Иркутске // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 204–208.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Новый этап исследований на территории Иркутского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – С. 202–206.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Бердников И.М. Раскопки исторического центра Иркутска // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. 2008 г. – М., 2008. – Т. 2. – С. 428–430.

Боброва А.И. Нателные кресты Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 107–115.

Боброва А.И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – 176 с.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН; Новосиб. гос. пед. ун-т, 2009. – 244 с.

Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы: XVIII век. – М.: Наука, 1999. – С. 181–225.

Векслер А.Г., Беркович В.А. Находки нателных крестов с изображением святого Никиты-бесогона из раскопок на улице Дмитровка в Москве // Ставрографический сборник. – М.: Древлехранилище, 2005. – Кн. III: Крест как личная святыня. – С. 223–230.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.

Винокурова Э.П. О типологии медной художественной пластики конца XVII – начала XIX века. Принципы формирования научного каталога // Русское медное литье. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 1. – С. 34–42.

Винокурова Э.П. Металлические литье кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы XVII в. – М.: Наука, 1999. – С. 326–360.

Гнутова С.В. От редактора // Ставрографический сборник. – М.: Древлехранилище, 2001. – Кн. I. – С. 3–14.

Данилов П.Г. Археологические исследования храма Воздвижения Креста в Тобольске // II Емельяновские чтения. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. – С. 32–34.

Колпакова Ю.В. Христианские древности населения Пскова и Псковской земли конца X – XVIII в. (предметы личного благочестия): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2007. – 21 с.

Колчин Б.А., Янин В.Л., Ямщиков С.В. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. – М.: Изобраз. искусство, 1985. – 168 с.

Кондратьева В. Г. Изделия из дерева // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области. – 2006. – URL: <http://www.solovky.ru/reserve/collections/nasledie/kondrat/11.html> (дата обращения: 01.06.2010).

Макаров Л.Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2003. – Т. 6. – С. 192–232.

Мальцев Н.В. Искусство декоративной резьбы и деревянной скульптуры Русского Севера // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера: Каталог выставки. – Архангельск; М.: Изд-во Всерос. худ. науч.-реставр. центра им. ак. И.Э. Грабаря, 1995. – С. 17–26.

Молодин В.И. Кресты-тельники Сибири как объект научного изучения // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2002. – С. 96–102.

Молодин В.И. Кресты-тельники с изображением распятого Иисуса в Илимской коллекции // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 148–153.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: Инфолио, 2007. – 248 с.

Молодин В.И. Очерки по ставрографии. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2008. – 164 с.

Новиков А.В. Некрополь у церкви Богоявления на Загородском посаде в г. Твери // Тверской археологический сборник. – 2001. – Т. 2, вып. 4. – С. 303–306.

Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. – М.: Радуница, 2004. – 184 с.

Пежемский Д.В. Пути объективизации ставрографических исследований // Ставрографический сборник. – М.: Древлехранилище, 2003. – Кн. II: Крест в Православии. – С. 333–344.

Пежемский Д.В. Пути объективизации ставрографических исследований. Ч. II // Ставрографический сборник. – М.: Древлехранилище, 2005. – Кн. III: Крест как личная святыня. – С. 645–656.

Погорелов С.Н. Охранные исследования захоронений Ново-Тихвинского женского монастыря г. Екатеринбурга // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2005. – С. 204–211.

Погорелов С.Н., Попов В.А. Культурная атрибутика из погребений Ново-Тихвинского женского монастыря г. Екатеринбурга // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2005. – С. 212–221.

Погорелов С.Н., Святков В.Н. Захоронения первопоселенцев г. Верхотурья и г. Каменска-Уральского // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2002. – С. 118–121.

Самигулов Г.Х. Первое Челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2002. – С. 133–137.

Самигулов Г. Х. К вопросу о погребальном обряде русских Урала и Сибири XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2005. – С. 154–168.

Скобелев С.Г. Особенности отношения к предметам религиозного культа у русских первопроходцев Южной Сибири // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2005. – С. 235–260.

Скобелев С.Г., Чуриков Р.С. Керамические тигли как часть металлолитейного комплекса Саянского острога // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2009. – Т. 8, вып. 5. – С. 261–269.

Тарасов А.Ю. Некрополь Покровской церкви Красноярского острога (предварительное сообщение) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: тез. докл. – Новосибирск, 2000. – Т. 2. – С. 150.

Тарасов А.Ю. Раскопки Покровского некрополя Красноярского острога // АО 2001 года. – М.: Наука, 2002. – С. 470–471.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. По материалам комплекса Изюк-I. – Омск: Апельсин, 2010. – 284 с.

Шабалина И.Д. Голгофский Крест в мелкой пластике из дерева в собрании Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» // История и культура Ростовской земли: мат-лы конф. – Ростов, 2001. – С. 202–213.

Шабалина И.Д. Голгофский крест в мелкой пластике из дерева в собрании Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» // Сообщения Ростовского музея. – 2002. – № 12. – URL: <http://rostmuseum.ru/publication/srm/012/shabalina01.html> (дата обращения: 01.06.2010).

Шабалина И.Д. Мелкая пластика из дерева конца XV – XX в. в собрании Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» // Сообщения Ростовского музея. – 2005. – № 15. – URL: <http://rostmuseum.ru/publication/srm/015/shabalina01.html> (дата обращения: 01.06.2010).

Шарапов В.Э. Нателный крест в традиционном мировоззрении коми // Ставрографический сборник. – М.: Древлехранилище, 2001. – Кн. I. – С. 297–306.

Материал поступил в редколлегию 09.07.10 г.

УДК 903.27

Е.А. Окладникова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
 наб. р. Мойки, 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия
 E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

РЕШЕТЧАТЫЕ ФИГУРЫ НА ГОРЕ КАЛБАК-ТАШ (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

На горе Калбак-Таш представлены наскальные рисунки, относящиеся к разным периодам древней истории Горного Алтая: от неолита до эпохи древних тюрков. Основной корпус изображений – зоо- и антропоморфные. Среди геометрических рисунков выделяются т.н. решетчатые фигуры, датируемые эпохой энеолита (конец IV – III тыс. до н.э.). Предложенные археологами два варианта интерпретации этих фигур – как женских антропоморфных изображений и ритуальных построек – дополняют друг друга.

Ключевые слова: наскальное искусство, Горный Алтай, храм/хлев, Богиня-Мать, решетчатые фигуры, энеолит.

Введение

Памятники наскального искусства Горного Алтая, представленные десятками монументальных комплексов, в настоящее время широко известны, глубоко и всесторонне изучены. В их исследовании можно выделить три крупных этапа. Первый, описательный, представлен работами ученых XIX в., открывших наскальные рисунки Алтая: Г.О. Спасского, М.А. Брежневского, Н.М. Ядринцева и др. Второй этап (конец XIX – середина XX в.) ознаменован созданием археологами (С.И. Руденко, П.П. Хороших и др.) первых классификаций алтайских петроглифических комплексов. Третий (вторая половина XX – начало XXI в.) – это период активного монографического исследования наскального искусства Алтая, разработки типологий петроглифов, изучения семантики изображений, о чем свидетельствуют работы А.И. Мартынова, М.А. Дэвлет, В.Д. Кубарева, Е.А. Окладниковой и др. Начиная с 2000 г. количество публикаций, посвященных памятникам наскального искусства Горного Алтая, стремительно увеличивалось. Среди них работы В.Д. Кубарева, Д.В. Черемисина, Д.Г. Савинова, Е.М. Килуновской, Е.П. Маточкина и др.

Первые сведения о петроглифах на горе Калбак-Таш как одном из наиболее ярких и уникальных па-

мятников наскального искусства не только Алтая, но Евразии в целом были опубликованы П.П. Хороших [1947, 1949]. Мною памятник был впервые изучен в 1979 г. во время полевых исследований в Горном Алтае в составе петроглифического отряда ИИФФ СО АН СССР. Он расположен на Чуйском тракте, в 18 км от пос. Июдро (729 км от г. Новосибирска). Обзор материалов петроглифов на горе Калбак-Таш были посвящены две публикации [Окладникова, 1981; Kubarev, Jacobson, 1996], а к описанию и интерпретации решетчатых фигур на этом памятнике как сложного и многопланового в семиотическом аспекте сюжета наскального искусства обращались многие известные археологи [Новгородова, 1979, 1984, 1989; Дэвлет, 1992, 1996; Молодин, Черемисин, 1995, 2002; Kubarev, Jacobson, 1996; Русакова, 1997; Кубарев, 2000, 2002; Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001; Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г., 2005; Савинов, 2005; и др.].

Цель настоящей работы – обзор интерпретаций решетчатых фигур на горе Калбак-Таш как метафор энеолитического культа возрождения жизни в контексте мировоззренческих доминант, ассоциируемых с моделью мира, культом гор и сакральной географией древнего Алтая.

Калбак-Таш – это многослойный памятник наскального искусства, созданный мастерами разных

эпох: начиная с эпохи неолита и вплоть до тюркского времени. Репертуар его сюжетов отличается многообразием и представлен тремя группами образов: зооморфной, антропоморфной и геометрической. Наиболее яркие комплексы изображений появились в позднем неолите, энеолите и бронзовом веке [Новгородова, 1984; Кубарев, Маточкин, 1992; Кубарев, 2002, 2004, 2007; Кубарев и др., 2005].

Наличие палимпсеста подтверждает факт принадлежности рисунков разным эпохам. Можно предположить, что рисунки, которые перекрыты другими изображениями, относятся к более раннему времени. Например, в композиции на вертикальной скале нижнего яруса горы Калбак-Таш изображение оленя, выполненное в технике сплошной выбивки, перекрывает прямоугольную решетку (см. рисунок), что, вероятно, свидетельствует о большей древности решетчатой фигуры. То же можно сказать и о другой композиции этого яруса, в которой поверх решетчатой фигуры изображен бык. Хотя археологами высказывалось мнение, что палимпсест может быть свидетельством не столько принадлежности рисунков разным эпохам (т.е. они могли быть созданы художниками одной эпохи, например бронзового века), сколько особого почитания того места, где они создавались [Молодин, Черемисин, 2002].

Изображения решетчатых фигур, в частности в Монголии, археологи датируют энеолитом [Новгородова, 1984, с. 40–57; Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г., 2005, с. 138–144]. На этом основании их появление на скальных выходах горы Калбак-Таш должно относиться к концу IV – началу II в. до н.э. В то время облик неолитической культуры таежных охотников Горного Алтая претерпел изменения под влиянием культур неолита и энеолита южных районов Евразии, Средней Азии, что сказалось и на наскальном искусстве. Метафорой противостояния охотничьей (таежной) и скотоводческой (степной, афанасьевской) культур были образы медведя и быка (петроглифы Узунгура) [Шер, 1980; Черемисин, 2000, с. 55].

Вслед за В.И. Молодиным и Д.В. Черемисиным [Молодин, 1996; Черемисин, 2000, с. 5–7; Молодин, Черемисин, 2002, с. 62] можно предположить, что изменения в репертуаре наскального искусства Алтая и его стилистике – результат взаимовлияния культур энеолита и эпохи палеометалла, распространявшихся на юг Сибири из южных районов Евразии (Ближний Восток, Кавказ), Средней Азии. «Если это действительно так, то можно очертить пути продвижения на юг Горного Алтая и далее – в Синьзян – носителей изобразительных традиций эпохи палеометалла. Пока прослеживаются маршруты по долинам высокогорных рек (Чуе, Кучерле, Джазатору), т.е. по тем рекам, которые связывают высокогорную степь и таежные долины, проторенные первыми скотоводами Алтая,

Решетчатые фигуры третьего типа. Гора Калбак-Таш.

эти традиционные пути использовались поколениями кочевников высокогорной зоны, следовавших естественными коридорами – речными долинами через традиционные переправы и перевалы, отмечая значимые места наскальными изображениями» [Молодин, Черемисин, 2002, с. 62]. Археологи, которые занимались изучением культуры древних кочевников Алтая, а также поисками истоков скифского звериного стиля конца II – I тыс. до н.э., еще в середине XX в. убедительно доказали, что этот стиль также возник под влиянием искусства Ближнего Востока [Артамонов, 1968; Членова, 1971].

Изменения в наскальном искусстве Горного Алтая эпох энеолита и палеометалла, по сравнению с неолитом, нашли отражение в появлении новых сюжетов (решетчатые фигуры, изображения животных с декорированием туловища геометрическим орнаментом, быков с лировидными рогами, астральная символика и др.) и техники рисунка, уменьшении размеров изображений людей и животных и др.

Типология и интерпретация решетчатых фигур

Многие образы наскальных рисунков на горе Калбак-Таш легко поддавались расшифровке, интерпретация же решетчатых фигур неоднозначна. По своим формально-стилистическим особенностям и смысловой нагрузке они могут быть отнесены как к антропоморфным, так и к геометрическим сюжетам.

Геометрический облик решетчатых фигур на горе Калбак-Таш является особенностью, которая пер-

вой обращает на себя внимание [Окладникова, 1990, с. 56]. Д.Г. Савинов писал: «Один из наиболее ярких мотивов наскального искусства Горного Алтая и Монголии – геометризованные (“решетчатые”) изображения женских фигур в роскошных одеяниях с поднятыми руками, рядом с которыми располагаются рисунки копытных животных и каких-то сооружений, напоминающих легкие каркасные постройки. В некоторых случаях такие изображения образуют целые развернутые композиции. В наиболее полном виде они представлены в петроглифах Калбак-Таш» [2005, с. 219].

Большинство решетчатых фигур обнаружены на горизонтальных поверхностях северо-западного склона горы Калбак-Таш. По форме изображения различаются лишь в деталях, сохраняя общую композиционную структуру, в которой можно вычленил следующие компоненты: прямоугольные или близкие к треугольным очертания; членение нижней и средней частей внутреннего пространства вертикальными параллельными (в одном случае зигзагообразными) линиями; две ветви-отростка (напоминающие развилки древних «визиров», гномонов) в верхней части конструкции [Стафеев, Томилин, 2006]; округлое завершение расположенного между ними верхнего среднего отростка; треугольник в нижней части конструкции; «бахрома» по периметру.

Формально-стилистический анализ изображений позволил выделить три основных типа решетчатых фигур. К первому относятся двухъярусные башнеобразные конструкции с двумя отростками в верхней части, ко второму – треугольные решетчатые фигуры с «бахромой» по периметру, к третьему – решетки прямоугольной формы, часто композиционно соотносённые с изображениями животных (см. *рисунок*).

В ранних работах, посвященных публикации материалов горы Калбак-Таш [Окладникова, 1981, 1986, 1990], мною были предложены четыре возможных варианта интерпретации этого во многом загадочного сюжета наскального искусства Горного Алтая: женское изображение; срубное сооружение – храм/хлев; загон или ловчая сеть; волокуша. Последний вариант появился после консультаций с этнографами*, которые предположили, что решетчатые фигуры первого типа могли быть изображениями транспортных средств, служивших для перевозки тяжелых грузов. В ходе дальнейших исследований он был мною отвергнут.

К настоящему времени кристаллизовались два направления в области интерпретации семантики памятников наскального искусства:

1) раскрытие их содержания через сопоставление с мифологическими сюжетами. Основоположниками

этой традиции были В.И. Равдоникас, К.Д. Лаушкин, М.Д. Хлобыстина, Я.А. Шер и др.;

2) объяснение рисунков как изображений «реальных, существовавших в действительности... персонажей, а также соответствующих им атрибутов, используемых при проведении ритуальных действий» [Савинов, 2005, с. 219]. Это направление пока недостаточно разработано.

Одним из первых подходов к интерпретации семантики петроглифов Саяно-Алтайского нагорья и горы Калбак-Таш обобщил Д.Г. Савинов: «По материалам петроглифических памятников Саяно-Алтайского нагорья можно выделить целый ряд таких изображений, представляющих ритуальную сферу бытия, которые условно разделяются на три группы: 1) ритуальные постройки; 2) статуарные изображения; 3) ритуальные предметы» [Там же]. Он указывал, что существуют два основных варианта интерпретации решетчатых фигур на горе Калбак-Таш: как антропоморфных, статуарных объектов и как ритуальных построек. Сам автор склонялся ко второму варианту. Интерпретация решетчатых фигур как изображений матерей-прародительниц (на р. Чулуут, Монголия) [Новгородова, 1984, рис. 14, 16–18; с. 46–49; 1989, с. 103] или матерей-родоначальниц [Дэвлет, 1992, с. 30–32; Савинов, 2005, с. 219–220] подкрепляется:

– описанием таких фигур на р. Чулуут Э.А. Новгородовой с выделением центрального отростка с ромбовидным завершением в верхней части фигур (который трактуется как голова); дуговидных отростков, напоминающих воздетые к небу руки; широкой прямоугольной нижней части с вертикальными рядами полос (трактуется как юбка); треугольного знака в верхней части «юбки» (женский наружный половой орган) [1984, с. 46–49]. На р. Чулуут, как полагала Э.А. Новгородова, были изображены парные фигуры (вероятно, мужские и женские), запечатленные в момент исполнения ритуального танца;

– семиотическим анализом решетчатых фигур на петроглифах Алтая, среднего Енисея, Тувы (р. Хемчик, Бижиктиг-Хая) с привлечением широкого круга аналогий (памятники наскального искусства Дагестана [Котович, 1976], Кносский дворец на о-ве Крит, Валькамоника в Северной Италии и др.), осуществленным М.А. и Е.Г. Дэвлет [2005, с. 148–154];

– интерпретацией как женских фигур в общих чертах аналогичных по стилю и форме изображений на петроглифах среднего [Русакова, 1997] и верхнего (Бижиктиг-Хая) [Дэвлет, 1996, с. 3; Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г., 2005, с. 148–154] Енисея, Алтая (гора Калбак-Таш [Кубарев, 2002, с. 75–78; Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 587, 664, 891], Зеленое озеро [Маточкин, 2004, 2005, 2006]).

В петроглифах бронзового века Южной Сибири и Центральной Азии изображения жилищ, как писала

*Сообщение Е.А. Алексеенко (Ленинград, 1986 г.).

М.А. Дэвлет, были зафиксированы «в Саянском каньоне Енисея на святилище бронзового века Мугур-Саргол [Дэвлет, 1976, 1980], один наскальный рисунок обнаружен на правом берегу Енисея у подножия горы Алды-Мозага [Дэвлет М.А., 1998]. Аналогичные петроглифы известны на Алтае в Елангаше [Окладников, Окладникова, Запорожская и др., 1980, табл. 64; Окладникова, 1984, табл. 41, 7], в Средней Азии на святилище Саймалы-Таш [Мартынов, Марьяшев, Абетеков, 1992, рис. 3, 5–7; Марьяшев, Потапов, 1993, с. 136, рис. 2а, б], в Монголии в местности Сальхинд [Санжмятав, 1995, табл. 70, 191], во Внутренней Монголии в горах Иньшань [Gai Shanlin, 1986, ил. 1418]» [2002, с. 41–42]. Упомянутые М.А. Дэвлет изображения жилищ отличал плоскостной характер. Тем не менее архитектурная традиция бронзового века Хакасии и, вероятно, сопредельных регионов, включая Алтай, знала срубную технологию [Савинов, 1991, 1996, 1998]. Изображения построек, похожих на якутскую урасу, нарисованную краской (Ат-Дабан) [Окладников, Запорожская, 1972, с. 119, табл. 13, рис. 2; с. 123, табл. 17], а также на срубные постройки, изображенные на Боярской писанице [Дэвлет, 1976], сохранились на горе Калбак-Таш [Кубарев, 2004].

Определение решетчатых фигур как изображений примитивных архитектурных сооружений, чумов или срубов может быть расширено с помощью привлечения этнографических материалов: «Хотя петроглифы в той или иной мере передают конструктивные и планиграфические особенности древних строений, зачастую бывает трудно отнести наскальные изображения жилых сооружений к тому или иному классу или типу традиционных жилищ, которые выделены этнографами. Их различия находились в зависимости от природной среды, типа хозяйства, происхождения или этнического своеобразия, а также этнических контактов [Соколова, 1998, с. 6–7]. А.А. Попов выделял три класса традиционных сибирских построек: наземные и полуподземные, свайные, подземные [Попов, 1961]. Согласно типологии З.П. Соколовой, таких классов четыре: каркасные, срубные, каркасно-срубные, бескаркасные [Соколова, 1998]. В каждом классе традиционных жилищ исследователи выделяют подклассы» [Дэвлет, 2002, с. 42]. Например, курейские кеты сохранили до конца XIX в. черты саянской оленеводческой культуры, самой древней в Сибири, о чем писал В.Г. Богораз, а для содержания оленей они сооружали специальные деревянные сараи. По сути дела, такой сарай был срубной постройкой с двускатной крышей и двумя дверями – животные могли проходить его насквозь. Бревна сруба выступали по углам, и если изобразить в беглом наброске такой сарай, то они будут выглядеть как «бахрома» на решетчатых фигурах прямоугольного типа на горе Калбак-Таш. В этнографической

литературе утвердилось мнение, что такой способ ведения оленеводческого хозяйства – явление позднее. Но петроглифы на горе Калбак-Таш и аналогичные памятники Саяно-Алтая, например Боярская писаница (всадник на олене), свидетельствуют о древности саянского оленеводства и связях этого района с Ближним и Средним Востоком в I тыс. до н.э. [Савинов, 2003, с. 47].

В наскальном искусстве Монголии (р. Чулуут) женские фигуры, выполненные в той же манере, что и решетчатые фигуры на горе Калбак-Таш, запечатлены в окружении животных [Кубарев, 2000]. Э.А. Новгородова писала: «В нескольких метрах от камня с масками нашли плиту с простым и ясным, казалось бы, изображением пятнистых быков. Так и обозначили мы эти фигуры в полевых дневниках. А поодаль обнаруживаем силуэт животного с пятнистой шкурой – у него тело быка, а рога... оленя. Стало очевидным, что перед нами быки, замаскированные под пятнистых оленей-онгонов, которые согласно древним верованиям были вместилищем душ предков. Так в один священный ряд выстроились тотемные изображения и маски медведя, Мать-олениха с символами нескончаемости рода и быки в оленьих шкурах с оленьими рогами» [1979, с. 23].

Решетчатые фигуры первого и второго типов имеют в верхней части парные трехлепестковые отростки, которые сторонниками «антропоморфной» интерпретации толковались как руки с тремя пальцами. Если сопоставить треугольные решетчатые фигуры с изображениями реальных шалашей или чумов охотников, а также с древними свадебными жилищами-шалашами алтайцев XIX в., то эти отростки можно истолковать как мистические «громоотводы», спасающие от злых духов, которые, согласно верованиям алтайцев и их северных соседей – якутов, постоянно витают над жилищем и стремятся проникнуть внутрь. Такими «громоотводами» служили три березовые ветки, воткнутые в дымовое отверстие. Похожее устройства были зафиксированы этнографами и у якутской урасы.

Два подхода к интерпретации решетчатых фигур на горе Калбак-Таш не противоречат, а дополняют друг друга. Соединение в одной композиции решетчатых фигур и изображений диких и домашних (например стреноженных) животных воплощает архаические представления о божествах-хозяевах природы, которые на начальной стадии формирования этих представлений (энеолит – ранние этапы эпохи палеометалла) наделялись женскими чертами.

Представления о женском божестве плодородия имманентны культурам неолита, энеолита и ранней бронзы Юго-Западной Евразии (трипольская культура, Чатал-Хуюк, архаическая Греция, например росписи Кносского дворца [Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г.,

2005, с. 142]). Как результат «инновационного» влияния идей неолитической революции они могли проникнуть в Среднюю и Центральную Азию, на юг Сибири. Они отразились в мифологических воззрениях древних тюрков Алтая (богиня Умай) [Кроль, 2008]. Изображения женского божества – матери-прародительницы – были обнаружены в памятниках эпохи бронзы Хакасии.

Представления о женщине-храме ассоциируются с идеями о «местах хранения душ умерших» и «оградами-храмами» на петроглифах Тувы, Монголии, Забайкалья, где точками изображены «единицы генофонда» рода [Савинов, 2005, с. 220]. Поэтому интерпретация решетчатых фигур как изображений объектов материальной культуры (загон, храм/хлев), вероятно, связана не только с охотой на лесных зверей и их последующим возрождением матерью-прародительницей всего сущего, но и репродукцией/реинкарнацией домашних животных.

В культурах Евразии эпох энеолита, бронзы и тюркского периода прослеживается семантическая связь геометрических и антропоморфных сюжетов наскального искусства: изображения загона (ловчей сети), храма/хлева и женской фигуры могут быть рассмотрены в контексте представлений о женском божестве плодородия. Одной из отличительных особенностей этого образа была его органическая связь с животным миром. В наскальном искусстве она подчеркнута сюжетно и композиционно. Многие черты внешнего сходства антропоморфных изображений на р. Чулуут и решетчатых фигур на горе Калбак-Таш позволяют предположить, что рисунки на горе Калбак-Таш воспроизводят сложный комплекс идей, в которых находят выражение представления не только о женском божестве – Великой матери природы, но и о месте, где осуществлялось поклонение ей. Таким местом могут быть храм-хлев или, например, срубная постройка, возведенная возле горы Калбак-Таш либо на самом скальном святилище, ассоциируемом с культом гор. Образ Великой матери, а в более поздней версии богини-хранительницы очага (например, тюркская богиня Умай), так же как и образ богини плодородия Ближнего Востока, был сопряжен с идеей реинкарнации, возрождения живой природы, благополучия людей и скота.

А. Леруа-Гуран, А. Маршак, А.П. Окладников и другие исследователи памятников палеолитического наскального искусства Западной Европы и Центральной Азии полагали, что гравированные изображения животных, птиц, а также абстрактные символы на скальных поверхностях и предметах в эпоху позднего палеолита были связаны с идеей цикличности природных процессов, с вычислением времени наступления конкретных сезонов года [Leroi-Gourhan, 1955, p. 158–164; Marshack, 1972, p. 248; Окладников, 1967]. Для

выявления природных циклов велись и астрономические наблюдения. На Алтае с этой целью могли использоваться и наблюдательные площадки на скалах с рисунками. Например, с горизонтальных плит среднего яруса горы Калбак-Таш открывается прекрасный панорамный обзор всей долины р. Чуи.

Этнографические материалы свидетельствуют о том, что скальные святилища с рисунками имели непосредственное отношение к продуцирующей магии, а также были связаны с сезонной обрядностью, направленной на стимулирование производящих сил природы. По внешним очертаниям гора Калбак-Таш, отстоящая от горной цепи, идущей по берегу Чуи, напоминает зиккураты Ближнего Востока. Как указывала М.А. Дэвлет, «в наскальном искусстве древности, надо полагать, изображения жилищ представляли не реальные, а ирреальные сооружения: жилища обитателей Верхнего мира – духов предков, божеств и пр. Это обстоятельство не лишает их значения ценного исторического источника. Подобные жилища небожителей и т.п. отражали конструктивные особенности реальных строений» [2002, с. 42].

Не исключено, что на относительно плоской вершине горы Калбак-Таш в эпоху энеолита было воздвигнуто архитектурное сооружение, отдаленно напоминающее Белый храм Урука. Это могла быть бревенчатая срубная постройка. Как известно, Белый храм Урука, который мыслился местом, куда нисходил бог неба Ану, представлял собой зиккурат, воспроизводивший гору. Письменные источники сообщают, что, согласно мифологической традиции, бог Ану по длинной лестнице следовал в главный храм, чтобы присутствовать на богослужении в честь праздника обновления природы. Также известно, что наиболее ранние древнеегипетские храмы возводились на платформах. Стены их обычно имели тростниковое покрытие. Такие храмы по конструкции и функции были генетически связаны с хлевами, сооружавшимися по ближневосточной традиции из тростника. На эту мысль наводят некоторые изображения тростниковых храмов-хлевок на печатях Древнего Востока. Например, на печати, найденной в Кафее, изображен храм-хлев, по внешним очертаниям напоминающий решетчатые фигуры первого типа на горе Калбак-Таш. Сходство между рисунками прослеживается в рядах параллельных прямых, передающих стебли тростника (печать), и вертикальных линий в нижней части решетчатых фигур (петроглиф); одинаково переданной выступающей вертикально вверх округлой (печать) и ромбовидной (петроглиф) части конструкции; изображении двух направленных в разные стороны штандартов (печать) и отростков с тремя ответвлениями (петроглиф) в верхней части.

На печати из Кафее вокруг храма-хлева изображены быки. Они показаны как бы выходящими из

места рождения – храма-хлева. Сама идея связи воспроизведения поголовья животных с местом рождения – хлевом, тождественным храму, у скотоводов Ближнего Востока энеолита и бронзового века ассоциировалась с представлениями о божестве плодородия, хозяйке храма/хлева. Решетчатые фигуры на горе Калбак-Таш также окружены изображениями животных. На горизонтальных плитах северо-западного склона изображения оленей примыкают к решетчатым фигурам. На вертикальной поверхности юго-западного склона крупное изображение оленя, выполненное в стиле неолитического искусства, перекрывает решетчатую фигуру, причем их взаиморасположение такое же, как на скальной поверхности грота Куяс [Окладникова, 1984, с. 73, табл. 9, рис. 1] и стенах пещер Ляско, Фон-де-Гом [Leroi-Gourhan, 1955, p. 443], т.е., возможно, решетчатая фигура является изображением ловчей сети или «загона» [Окладников, 1967, с. 123]. Соответственно, можно предположить, что они изображены и на горизонтальных плоскостях северо-западного склона. Таким образом, эти решетчатые фигуры могут быть интерпретированы как изображения не только ритуальных построек (храмов), дальние аналоги которых восходят к ближневосточным прототипам – храмам-хлевам, но и ловчих сетей или «загонов» для животных. Время их появления – поздний неолит (судя по перекрывающим их поздненеолитическим изображениям оленей).

На синкретический характер образа решетчатых фигур на горе Калбак-Таш указывал Д.Г. Савинов: «...подобные решетчатые фигуры представляют “сооружения башенного типа, вероятно, являлись изображениями мест пребывания матерей-прародительниц... матерей животных” [Окладникова, 1995, с. 223]. ...Некоторые изображения женских фигур явно “эволюционируют” от антропоморфного облика к подобию двухъярусной и даже конической постройки... Контаминация “женщина-дом” известна в ближневосточной изобразительной традиции – это хижины для рождения, а точнее – реинкарнации животных. Сохранилось и имя женского божества, которое само не изображалось, но представлялось как “Владычица хижины для рождения” – Нинхурсаг [Смирнов, 2002, с. 64–67]. Эту аналогию приводит Окладникова Е.А. [Окладникова, 1995, с. 61]. В некоторых случаях на изображениях “женщина-дом” показаны пятиугольные решетчатые фигуры (так называемые “щиты”), такие же как на оленных камнях монголо-збайкальского типа, где они иногда снабжены дополнительными реалиями или находятся посередине многофигурных композиций... Это позволяет предположить их более емкое содержание, чем просто предметы вооружения (места для хранения душ умерших?)» [2005, с. 219–220].

Женщина как символ плодородия в палеолитическом пещерном искусстве (Западная Европа) [Окладников, 1967; с. 73–80; Абрамова, 2002, с. 38], Великая богиня и мать-прародительница в земледельческих культурах (Чатал-Хуяк) [Mellaart, 1967], богиня-мать Умай (Алтай) [Кроль, 2008, с. 147–148], мать-оленья скотоводческих племен Центральной Азии и Южной Сибири [Новгородова, 1979; 1984, рис. 18; 1989, с. 103] неразрывно связаны с идеей зверя. В искусстве палеолита тема «женщина и зверь» является ведущей. В энеолитических храмах Чатал-Хуяка женщина и зверь (бык как символ мужского начала) представляют семантическое единство [Шер, 2008, с. 28–30].

Поскольку скалы и валуны с петроглифами были особо почитаемыми древним населением Алтая местами, где осуществлялось поклонение божествам – покровителям людей и животных, о чем писали практически все исследователи, можно предположить, что решетчатые изображения на горе Калбак-Таш выражали абстрактную идею синкретического характера. Эта идея аккумулировала образы ритуальной постройки (храма/хлева/загона для скота) и богини плодородия. Решетчатая фигура могла быть в некоторых случаях (грот Куяс, решетки третьего типа на горе Калбак-Таш) изображением западни-ловушки вроде охотничьей изгороди [Окладников, 1967, с. 123; Савинов, 2003, 2005].

Разработка контаминации «женщина-дом» или «женщина-храм» как места реинкарнации животных позволила использовать само понятие «контаминация» в его прямом значении (лат. *contaminatio* – соприкосновение). Контаминация понималась как возникновение новой формы или выражения либо его нового значения посредством скрещивания, объединения элементов нескольких связанных по смыслу идей. В случае анализа семантики решетчатых фигур на горе Калбак-Таш такими близкими по смыслу стали идеи: женщина, возрождение жизни (животных), храм, сакральный ландшафт.

Учитывая опыт расширенного толкования семантики решетчатых фигур на основе привлечения широкого круга источников (первобытного искусства, мифологии, культуры Ближнего Востока, новых открытий в области наскального искусства Горного Алтая), можно рассмотреть эти изображения в контексте концепции сакрального ландшафта, сторонниками которой являются Э.А. Новгородова [1979], Л.С. Марсаолов [1992, 2007], В.Д. Кубарев [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001], В.И. Ларичев [Ларичев и др., 2004], Я.А. Шер [2008], Д.Г. Савинов [2008; Святилища..., 2000] и др. Гора Калбак-Таш, наравне с гротом Куяс, а также отдельными вершинами на каменных террасах долины р. Елангаш [Окладникова, 1986, с. 98] и другими петроглифическими памятниками Алтая, является одним из наиболее важных пун-

тков сакральной географии Горного Алтая, обладавших статусом модели мироздания, почитавшихся как места пребывания сначала женских (энеолит), затем мужских (бронзовый век и последующие эпохи) божеств, ответственных за плодородие людей и животных, возрождение природы.

Список литературы

- Абрамова З.А.** «О женщине с северным оленем» // Первобытная археология: Человек и искусство. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 32–39.
- Артамонов М.И.** Сокровища скифских курганов. – М.: Л.: Наука, 1968. – 30 с.
- Дэвлет М.А.** Большая Боярская писаница. – М.: Наука, 1976. – 124 с.
- Дэвлет М.А.** Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 246 с. – (Наскальные рисунки Евразии).
- Дэвлет М.А.** Петроглифы Енисея: История изучения (XVIII – начало XX в.). – М.: Наука, 1996. – 249 с.
- Дэвлет М.А.** Изображения жилищ эпохи бронзы в наскальном искусстве Центральной Азии // Первобытная археология: Человек и искусство. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 41–47.
- Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г.** Мифы в камне. – М.: Алетей, 2005. – 472 с.
- Котович В.М.** Древнейшие писаницы горного Дагестана. – М.: Наука, 1976. – 186 с.
- Кроль Г.Г.** Енисейская богиня-мать // Тропую тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлета. – Кемерово: Кузбассиздат, 2008. – С. 147–155.
- Кубарев В.Д.** Мифологический сюжет «женщина и зверь» и его эволюция в петроглифах Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 312–317.
- Кубарев В.Д.** Наскальное искусство Алтая. – Горно-Алтайск: АКИН РА, 2002. – 124 с.
- Кубарев В.Д.** Жилища древних кочевников в петроглифах Монгольского Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 63–68.
- Кубарев В.Д.** Калбак-Таш II: Памятник наскального искусства Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2007 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13, ч. 1. – С. 282–287.
- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П.** Петроглифы Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.
- Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н.** Равноденственное «окно» астрономической обсерватории окуневской эпохи юга Западной Сибири // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии / под. ред. Ю.Ф. Кириюшина, А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 190–197.
- Маточкин Е.П.** Антропоморфные персонажи Зелёного озера // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики, 2004. – Вып. 2. – С. 26–37.
- Маточкин Е.П.** Древние персонажи святилища Зелёное озеро // Мир наскального искусства: сб. докл. Междунар. конф. / под ред. Е. Дэвлета. – М.: Ин-т археологии РАН, 2005. – С. 172–176.
- Маточкин Е.П.** Петроглифы Зелёного озера – памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2. – С. 104–114.
- Марсадолов Л.С.** Комплекс археологических памятников у скалы Кара-Бом (пункт Семисарт-1) в Горном Алтае // Северная Азия от древности до средневековья. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. – С. 114–118.
- Марсадолов Л.С.** Древнее святилище в Тархате на Алтае // Археологические материалы и исследования Северной Азии в древности и средневековье. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – С. 206–213.
- Молодин В.И.** Древние культуры Южного Алтая: Плоскогорье Укок // Вестн. РГНФ. – 1996. – № 4. – С. 23–29.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В.** Древнейшие петроглифы Горного Алтая // Обзорение 1993 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 89–91.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В.** Палимпсест на валуне с озера Музжы-Булак // Первобытная археология: Человек и искусство. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 59–62.
- Новгородова Э.А.** Чулуут – долина петроглифов // Во круг света. – 1979. – № 8. – С. 20–26.
- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 384 с.
- Окладников А.П.** Утро искусства. – М.; Л.: Искусство, 1967. – 136 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Средней Лены. – Л.: Наука, 1972. – 272 с.
- Окладникова Е.А.** Петроглифы Калбак-Таша // Изв. СО АН СССР. – 1981. – № 11: Сер. обществ. наук, вып. 3. – С. 61–64.
- Окладникова Е.А.** Петроглифы средней Катунь. – Новосибирск: Наука, 1984. – 110 с.
- Окладникова Е.А.** К вопросу о каменных выкладках в долине реки Елангаш // Традиционная культура народов Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 97–112.
- Окладникова Е.А.** Тропую Когульдея. – Л.: Лениздат, 1990. – 190 с.
- Русакова И.Д.** Новый памятник наскального искусства на Енисее (писаница у д. Абакано-Перевозное в Хакасии) // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1997. – Вып. 2. – С. 34–47.
- Савинов Д.Г.** Открытие карасукского поселения Торгажак в Хакасии // Древние культуры и археологические изыскания. – СПб.: ИИМК РАН, 1991. – С. 17–21.
- Савинов Д.Г.** Древние поселения Хакасии: Торгажак. – СПб.: Петербург. востоковедение, 1996. – 105 с.
- Савинов Д.Г.** Жилища Торгажака – якутский балаган (опыт историко-культурной корреляции) // Сибирь в пано-

раме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 45–59.

Савинов Д.Г. К интерпретации изображений Боярской писаницы // Археология Южной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 234–238.

Савинов Д.Г. Ритуальная сфера бытия в наскальных изображениях эпохи бронзы // Мир наскального искусства: сб. докл. Междунар. конф. / под ред. Е. Дэвлет. – М.: Ин-т археологии РАН, 2005. – С. 219–224.

Савинов Д.Г. Вначале был Иволгинский камень (о наскальных изображениях в стиле оленных камней) // Homo Eurasicus в глубинах и пространствах истории. – СПб.: Ас-терион, 2008. – С. 151–166.

Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: мат-лы темат. науч. конф. / отв. ред. Д.Г. Савинов. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2000. – 236 с.

Стафеев С.К., Томилин М.Г. Пять тысячелетий опти-ки. – СПб: Политехника, 2006. – 310 с.

Хороших П.П. Писаницы Алтая (предварительное со-общение) // КСИИМК. – 1947. – Вып. 14. – С. 26–34.

Хороших П.П. Изображения на скале Ялбак-Таш // КСИИМК. – 1949. – Вып. 25. – С. 132–133.

Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2000. – 172 с.

Членова Н.Л. Памятники I тысячелетия до н.э. Север-ного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасук-

ской общности // Искусство и археология Ирана. – М.: На-ука, 1971. – С. 208–217.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 310 с.

Шер Я.А. Петроглифы – древнейший изобразительный фольклор // Тропой тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. – Кемерово: Кузбассиздат, 2008. – С. 28–35.

Jacobson E., Kubarev V.D., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. – P.: De Boccard, 2001. – 132 p., 346 taf., 399 photogs. – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale / eds. J.A. Sher, H.-P. Francfort; T. V. 6).

Kubarev V.D., Jacobson E. Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de L'Altai). – P.: De Boccard, 1996. – 45 p., 15 pl., 662 fig. – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; T.V. 3).

Leroi-Gourhan A. Treasures of prehistoric art. – N.Y.: Harly N. Abrams, 1955. – 543 p.

Marshack A. The Roots of Civilization. – N. Y.: McGraw-Hill Book Company, 1972. – 413 p.

Mellaart J. Catal Huyuk: A Neolithic Town in Anatolia. – N. Y.: McGraw-Hill Book Company, 1967. – 320 p.

Материал поступил в редколлегию 30.03.09 г.

СИМВОЛИКА ПИЩИ В КОНТЕКСТЕ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ КОМИ (ЗЫРЯН)

Пища в контексте свадебной обрядности выступает в качестве интегрирующего символа, призванного объединить партии жениха и невесты, создать новый коллектив родственников. С помощью кулинарного кода моделируется плодотворность и богатство молодых. Хлеб-соль свадебного застолья выступают символом богатства и любовного влечения, а также выполняют оберегающие функции. Дичь и яйцо в свадебной обрядности являются определенными маркерами мифологического времени.

Ключевые слова: свадебная обрядность, символика пищи.

Все ритуалы свадебного обряда коми (зырян) заканчиваются застольями, подчеркивающими важность события не только для семейного круга, но и всего социума. Пищевой код культуры является важнейшей составляющей традиционной картины мира, культурным маркером, значимым для самоидентификации этноса. Ритуальная еда трактуется как наиболее удобный способ символизации ритуальных преобразований. Объясняется это тем, что из всей совокупности вовлеченных в ритуал символов только пища представлена полным циклом – от приготовления до уничтожения/поглощения, в котором наглядно демонстрируется преобразование естественных, природных продуктов в культурные [Байбурин, 1993, с. 86–87].

Цель работы – рассмотреть значение пищи в контексте свадебной обрядности, определив ее символическое содержание. Исследование охватывает первую половину XX в. – время устойчивого сохранения традиционной культуры. Работа написана на основе полевых материалов, собранных в районах Республики Коми на рубеже XX–XXI вв. по специально разработанному автором опроснику, а также материалов, полученных в середине XX в. и отложившихся в Научном архиве Коми научного центра (НА КНЦ) УрО РАН.

У коми (зырян) сваты не садились за общий стол, пока родители невесты не давали знать, что они не против их предложения. Считалось, что если будешь сидеть за самоваром в доме невесты, то сватовство не удастся. По традиционным представлениям, за общим столом могли находиться только родственники, браки между которыми невозможны. В Прилузье девушка, выражая свое согласие на предстоящий брак, сама ставила на стол самовар для сватов. Если же она отказывалась от предложения, то самовар ставила ее мать [Жеребцов, Гагарин, Куратов, Дукарт]. На Ижме после сговора стол устраивали у невесты; жених с невестой угощали присутствующих, но сами за общий стол не садились.

Обряд рукобитья завершался трапезой в доме невесты. Жених приносил с собой в качестве подарка домашнее пиво *сур* или вино, что в целом можно рассматривать как способ обмена дарами между мирами невесты и жениха. Получение статуса невесты закреплялось вручением ей родственниками жениха туеса пива, что фактически означало серьезность намерений. Если же невеста с согласия родителей не брала пиво, то сговор считался нарушенным. В период после рукобитья и до кануна свадьбы вари-

ли пиво. Начало варки пива после сватовства, как и в северорусской свадебной обрядности, считалось событием, подтверждающим сговор [Андреева, 2004, с. 79]. Угощение пивом (вином, самогоном) в вологодской свадебной обрядности выступало магическим актом, жертвоприношением, совершаемым по случаю начала или конца какого-то дела, с его помощью закрепляли достигнутые соглашения [Макашина, 2006, с. 320]. На Ижме невеста угощала участников обряда рукобутья вином, привезенным женихом, при этом рюмку полагалось прикрывать хлебом. Отметим, что рюмку, накрытую кусочком хлеба, ставят и на поминальный стол. В данном контексте интерес представляет коми поговорка о замужестве как вторичном рождении: *Верёс саяд мунёмыд выль пёв чужо́м кодь* (Замуж выходить, что вторично родиться) [Коми..., 1983, с. 149].

Примирение двух партий выражает особый элемент обряда рукобутья: жених и невеста через стол пожимают друг другу руки, прикрытые платками, а крестная невесты разнимает рукопожатие, ударяя караваем хлеба, после чего стороны обмениваются платками. В данном контексте весьма показательно использование караваев как символа материального благополучия. Лузско-летские коми подают блины, стопку которых жених должен перевернуть, чтобы родственники невесты могли убедиться, что на его пальцах нет увечий.

После получения пива невеста совершала обход своих родственников и приглашала их на свадьбу; то же самое делал жених. Данный обряд в каждом доме завершался застольем, главным угощением которого были блины. В Прилузье гостям обязательно подавали также яичницу. В некоторых районах по традиции невеста посещала могилы предков: девушка приносила еду, раскладывала ее на могильном холме и приглашала «родителей» на свадьбу.

Традиции кануна свадьбы коми (зырян) имеют локальные различия. Например, у сысольских коми накануне свадьбы невеста за плач, обращенный к подругам, получает от каждой участницы обряда яйцо и кладет его в специальное лубяное лукошко. В день свадьбы она одаривает этими яйцами каждого присутствующего за пожелание счастливой жизни [Куликова Елена Егоровна...]. Ритуально-магическая цель данного обряда связывается с продуцированием детородных возможностей девушек и молодых, от которых ожидали пополнения общины; яйцо выступает символом новой возрождающейся (или зарождающейся) жизни [Соколова, 1979, с. 140]. В данном контексте примечательной выглядит традиция марийцев. На празднике сохи молодухи, вышедшие замуж в текущем году, подносили старшему жрецу ковш пива и два яйца и взамен получали тоже два яйца. Жрец произносил молитву, в которой были такие слова: «бла-

гополучием и добротой будьте полны как яйцо» [Календарные праздники..., 2003, с. 48]. У лузских коми на свадебном пире невеста одаривала родственников жениха принесенными с собой яйцами, а ей давали яйца за поднесенное пиво. В основе действий с яйцом, включенных в структуру свадебного обряда, – пожелания увеличения детородных способностей невесты и будущего благополучия новой семьи. В мифопоэтической картине мира коми яйцо выступает символом зарождения жизни, а в обрядовой практике – маркером плодородия. Дополнительным аргументом в пользу этого может служить буквальный перевод у лузских коми слова *позтыр* (яйцо) – полное гнездо; в лексике других этнографических групп яйцо обозначается словом *кольк*.

Обряд кануна свадьбы на Лузе растягивался на два дня. Первый день, обозначаемый как *блин сёян рыт* (букв. вечер поедания блинов), завершался трапезой, главным угощением которой выступали блины. Жених обязан был первым съесть блин. На следующий день крестная благословляла жениха и невесту пивом. Каждый делал по три глотка из одного стакана, а остатки наотмашь выплескивал на матицу, которая в структуре дома ассоциировалась с Мировым деревом. На Летке всех, кто заходил к невесте, угощали пивом. На нижней Сыsole накануне свадьбы было принято устраивать застолье, где подавали три рыбника, жареное мясо и сладкий пирог. На пирог ставили блюдо, на которое каждый клал деньги с пожеланиями благополучия молодым. В верховьях Печоры за съеденный блин участник обряда кидал на сковородку мелкие деньги [Гагарин, Дукарт].

Банщицам невесты дружка жениха приносил жареную дичь. Это угощение называют по-разному. Так, на Удоре его определяют как *байник яй* (букв. банное мясо) или *рака яй* (букв. воронье мясо), на верхней Вычегде и Ижме – *мур кок яй* (перевод затруднен). Использование мяса птицы, выступающей в мифологии зырян демиургом, в данном ритуале подчеркивает символическую направленность обряда и отражает одно из направлений промысловой деятельности коми (зырян).

Таким образом, в досвадебных ритуалах атрибутами застолья были блины, яйца и пиво. Обмениваясь «дарами», партии жениха и невесты выражали стремление обеспечить добрые отношения между собой.

В день свадьбы в доме жениха поезжан благословляли иконой и хлебом, с которыми они отправлялись в дом невесты. Там дружка сладостями (конфетами, сушеной репой – *пареньча*) выкупал стол, за которым сидели подруги невесты (см. *рисунок*). Партия жениха привозила с собой бочонок пива, четное количество пирогов, туес *чомёра* (каша, обильно сдобренная маслом) и жареную утку. Передача невесты жениху происходила театрализованно. Двери

У невесты, с. Сизябск, Ижемский р-н (быв. Ижмо-Печерский уезд), 1929 г. Фото В. Гуляева.
Собрание Национального музея Республики Коми.

в дом открывали только после получения выкупа, символика которого связывается с «добыванием» невесты в ином мире. В качестве выкупа жених отдавал родителям невесты хлеб, банщице – жареную утку, подругам невесты – пироги. Всех участников церемонии угощали пивом. Ижемские коми, переселившиеся на Кольский полуостров, при угощении участников свадебного поезда жениху не подносили пиво/вино [Котов, 1989, с. 52]. День свадьбы отмечался непродолжительным застольем в доме невесты, где жениха знакомили с новыми родственниками. На столе для поезжан были суп, каша или яичница и выпечка. Перед отъездом в церковь жених с невестой выпивали вино из одной рюмки [Гагарин, Дукарт], что символизировало сопричастность общей доле, воплощенной в обрядовом напитке [Морозов, 2002, с. 20]. Идея сопричастности общей доле и единства жизненных целей жениха и невесты выражается также в традиции, обязывающей молодых перед венчанием есть одной ложкой. Она нашла отражение в пословице: *Сідз ладмõны, весиг õти паньõн сйõны* (Так ладят, что даже одной ложкой едят) [Коми..., 1983, с. 100]. В углы платка, который невеста дарила жениху, его крестный завязывал куски хлеба. За эти углы брачующиеся держались, когда невесту выводили из родного дома [Плесовский, 1968, с. 76]. Выходя к венцу, молодые обходили стол по солнцу три раза, а невеста старалась сдернуть скатерть – на

счастье (ср. бить посуду – к счастью, разбитая посуда – к счастью). Такая же практика характерна и для свадьбы Пинежья [Тучина, 2002, с. 67].

Из церкви молодые возвращались в дом либо невесты, либо жениха, где их встречали иконой и хлебом-солью. Считалось, чем больше откусишь от каравай, тем богаче будет жизнь [Гагарин, Дукарт]. В традициях коми слова *нянь-сов* (хлеб-соль) выступают устойчивой формулой пожелания счастья, здоровья, безбедного существования [Мифология коми, 1999, с. 345]. Сочетание хлеба с солью имеет сакральный смысл: и хлеб, и соль наделялись магической силой. На всех этапах свадебного обряда жениха и невесту осыпали солью, которой приписывали оберегающие свойства [Сидоров, 1997, с. 207]. Однако через соль можно было нанести вред человеку. Так, соль, незаметно просыпанная между молодоженами за свадебным столом, обрекала их на постоянные ссоры. Отсюда необходимое условие свадебной обрядности – оберегать молодых.

На верхней Вычегде свадебный хлеб назывался *гыбаник*. К караваю привязывали солонку-утицу, а сверху клали икону. Всем этим комплексом благословляли молодых. Верхневьчегодские коми свадебный хлеб называют *Лукиша нянь* (букв. хлеб Лукши). Традиционно всех плакальщиц на свадьбе вне зависимости от их собственных имен называли Лукшей (Лукерья). В данном контексте любопытным выгля-

дит свадебный обычай мордвы: мать жениха выпекала большой пирог *лукиш*, начинку которого послойно составляли пшенная каша, жареная курица и яйца в скорлупе. Родственницы невесты пекли из теста различные фигурки, обязательно две большие птицы, еловые веточки и звездочки. Ими украшали свадебный пирог, в центре которого устанавливали фигурки двух птиц. С ним отправлялись за невестой. Верхушку пирога подавали к столу в доме невесты, а низ увозили в дом жениха [Динес, 1963, с. 122–123].

В доме невесты после венчания устраивали обед, после которого дружка брал скатерть, заворачивал в нее два стакана, две тарелки с хлебом, солонку и забирал все это в качестве приданого. На Вишере молодые ехали в дом жениха только под вечер; они забирали скатерть со стола, где сидела молодая, со всеми остатками хлеба: чтоб невеста не стала скучать [Плесовский, 1968, с. 84].

На Сыsole после венчания молодые отправлялись в дом жениха, где невеста одаривала подарками свекра и свекровь. «Невеста босьтö Божье матерь ен мича кузьчышъянön гартыштöмön, стеклö костас сүйöны кык сись. Керкаö пыригön сийö сетö енсö айкалыслы (жöниклön батъыслы) да шуö: “Кыдзи тайö енсö примитан, сідз жö менö примит, ме овны тані кута”. Гösнечсö, кодös тшöтш вайö, сетö энъкаыслы да висьталö: “Кыдзи тайö гösнечсö примитан, сідзи жö менö примит, овмöдча тиянкöд” (Невеста берет икону Божьей матери, обернутую полотенцем, за стекло вставлены две свечи. Зайдя в дом, она подает икону свекру со словами: “Как эту икону принимаешь, так и меня прими. Я буду жить здесь”. Гостинец, принесенный с собой, подает свекрови со словами: “Как этот гостинец принимаешь, так и меня прими, буду жить с вами”» (ПМА, А.Т. Турова, 1997).

В Прилузье в день свадьбы в доме жениха невесту на некоторое время усаживали у печки и подавали ей горшок со сметаной, который она принимала со словами: «Тут буду жить, кушать» [Югова Евдокия Семеновна...]. Данный обычай маркирует не только включенность невесты в «свой» локус, но и ее будущее место в новом доме (околопечное пространство называется *иньпöв* – женская половина). Такая пространственная организация данного ритуала могла означать и «знакомство» с «предками», символизирующее их благословление.

За свадебный стол партии жениха и невесты садились раздельно. При рассаживании за столом строго соблюдалась иерархия, соотносимая с социальной стратификацией общества: более уважаемые гости усаживались ближе к красному углу. На нижней Вычегде во время свадебного застолья родственники невесты занимали места ближе к печи, а родственники жениха – к дверям. На свадебном столе была только целая посуда. Это правило сервировки стола строго

соблюдалось, поскольку посуда с различными дефектами в традиционном обществе наделяется негативной символикой [Чудова, 2001, с. 76–78].

Свадебное пиршество отличалось богатством и разнообразием подаваемых блюд. В доме жениха потчевали рыбником, студнем, мясным супом, жареной рыбой и мясом, рисовой и пшенной кашей, яичницей, молоком и др. Сначала подавали рыбник, первой его пробовала невеста. Однако на Летке угощать на свадьбе рыбником запрещалось: это было ритуальное блюдо поминального стола. Сыsoleские коми на свадебный стол не подавали мучной кисель, который ассоциировался с поминальной едой. Основу свадебного меню ижемских коми, переехавших на Кольский полуостров, составляли блюда из оленины и молочные продукты [Котов, 1989].

На свадебном столе ижемцев непременно был целиком приготовленный лебедь. Лебедь подавался только на свадьбе, есть его мясо в другие дни строго запрещалось. Иногда лебедь заменялся другой лесной птицей, но обязательно приготовленной целиком. Брат матери невесты либо ее крестный делил тушку на кусочки и подавал каждому участнику обрядового застолья. Исключительность этого блюда была призвана подчеркнуть важность и значимость застолья, которое являлось одним из способов объединения двух партий, создания единого коллектива свойственников. По традиционным представлениям сыsoleских коми, застрелить лебедя – потерять супруга, поэтому мясо лебедя в пищу не употребляется [Чудов Михаил Андреевич...].

В других районах (Вымь, Удора) особая значимость свадебного стола подчеркивалась подачей целено приготовленной дичи (утка, глухарь), реже зайца. Здесь просматривается противопоставление мяса дичи и домашних животных (*скöтинöй яй*). В мифологической картине мира птица, точнее утка, предстает символом плодородия [Мифология коми, 1999, с. 370]. В этой связи привлекательной выглядит практика осыпания пухом молодоженов летскими коми. Народное объяснение связывает легкость пуха с легкой жизнью: «Как пух летит, так и ты легко ходи» [Югова Евдокия Семеновна...]. В данном контексте интерес представляет и приданое невесты, включающее, в частности, выполненную в виде уточки деревянную солонку, которую специально для племянницы изготавливал дядя по материнской линии. В лексике отдельных групп коми дядя по материнской линии и уточка обозначаются одним словом – *чöж*. Очень часто такие солонки имеют подвижные крышки, украшенные скульптурно вырезанными утятами. Солонка-уточка выступала символом невесты, молодухи с маленькими детками. В этой связи выглядит привлекательной метафора детей в причитаниях невесты: «...Как выводок утят мы прежде играли / Как в гнезде птенцы игра-

ли мы...» [Плесовский, 1968, с. 238]. У мари во время святочного девичьего пира девушки традиционно поют песни, в которых образно сравнивают себя с детьми лебедя и утки [Календарные праздники..., 2003, с. 243–244]. На Удоре такую солонку в дом жениха торжественно несет один из друзей свадебного поезда жениха, называемый *баля* (букв. ягненок).

Свадебный стол отличается разнообразием блюд. В первый день пира последней перед тем, как молодые удалятся, подают кашу. Молодожены едят одной ложкой, по ложке съедает и каждый участник церемонии. Иногда эту кашу обильно сдабривают солью. Горько-соленая еда свадебного обряда противопоставляется сладкой кутье поминального стола. На Выми молодых угощают привезенным из дома невесты хлебом, обильно посыпанным солью. Использование соли в контексте свадебной обрядности не выглядит случайным, поскольку соль считается средством, провоцирующим сексуальное влечение. В данном контексте интересной выглядит практика девичьих гаданий на скорое замужество у коми: девушка перед сном съедала ложку или наперсток соли и муки и запивала таким же количеством воды [Конаков, 1993, с. 15]. По традиционным представлениям, соль, добавленная в «любовное зелье», вызывает жажду любви или узнавания; через поедание происходит процесс узнавания суженого [Байбурин, 2004, с. 9]. На Лузе и Летке вместо каши подавали яичницу, приготовленную в небольшом глиняном горшке. Перед тем, как уложить молодых спать, в Керчомье молодому мажут лицо сметаной, которую должна слизать жена – чтобы сильнее любила мужа.

Основные ритуалы второго-третьего дней свадебного пира связаны с испытанием молодых. Обрядовые действия у разных этнографических групп совпадали. У вымских коми принято печь сладкий пирог с начинкой из творога, в котором спрятана тонкая драгва. Такой пирог, называемый *жённик чеган пирёг* (букв. пирог для разделения женихом), жених должен был разделить на две половинки, а затем соединить их вместе. Летские коми, выпекая *ёсьта пирёг* (букв. пирог с лучинками), прятали в нем маленькие лучинки и мелкие монетки. Те, кому они попадались, должны были поцеловать молодых, а молодожены в ответ угостить их пивом. В вымской и нижневьегодской традициях второй день свадьбы назывался *ичмонь пирёг лун* (букв. день пирога невестки). В доме мужа молодая жена (*ичмонь*) пекла пироги *ичмонь пирёг* (букв. пирог невестки). Свекровь (*инька*) смотрела, умеет ли молодая печь пироги. Все остальные участники свадебной церемонии мешали, строили всякие козни молодой хозяйке [Шлопова Ольга Степановна...].

Летские коми испытание для молодой хозяйки устраивали на третий день свадьбы и называли его

пирёг сёян лун (букв. день поедания пирога). Вторым днем свадьбы они называли *сур юан лун* (букв. день распития пива). Молодая жена подносила стакан пива каждому родственнику мужа и дарила «подарок», а тот бросал на поднос мелкие деньги. На третий день свадебного гулянья у летских коми родственники жениха, переодевшись в рваную одежду, ходили по деревне и «побирались». В качестве даров они принимали выпечку и яйца. Когда корзина наполнялась, участники обряда возвращались за свадебный стол и угощали всех присутствующих. Особо кормили молодоженов, невесте, подавая яйцо, говорили: «Как любишь яйцо, так и нас люби» [Бойко, 2008, с. 55].

Таким образом, целью свадебного пира, во время которого партии жениха и невесты обменивались «подарками», было установление добрых родственных отношений. В свадебном меню некоторых этнографических групп отсутствовали блюда, ассоциировавшиеся с похоронно-поминальной обрядностью. Атрибутами свадебного застолья были хлеб, яйцо и дичь – символы плодородия, призванные обеспечить плодovitость и благополучие новой семьи.

В послесвадебный период совершались обряды посещения тещи молодыми и включения молодой в круг замужних женщин. У летских коми зафиксировано слово *наклэбину*, означающее угощение у родителей новобрачной. Через две недели после свадьбы молодые вместе с близкими родственниками отправлялись к теще на блины. До этого молодича не должна была покидать дом мужа. В этот день родители жены давали молодоженам скот. На Выми было принято под блины класть шпагат, а молодой разрезал их на четыре части. Считалось, что если нож неострый, то зять – плохой. Поэтому молодой всегда носил с собой остро наточенный нож. В структуре свадебной обрядности ижемских коми существовал обряд, называемый «ходить есть сметану»: молодые с участниками свадьбы посещали дом родителей невесты. В Усть-Куломе молодые, отправляясь к теще на блины, брали с собой пироги молодой жены. С помощью блинов зять показывал, честна ли его жена. Если честна, то первый блин, сложенный вчетверо, он клал в сторону, если нет – первый блин или вешал на гвоздь, или начинал есть его с середины, или в середине блина пальцем либо ложкой делал дырку. В народной культуре коми приход зятя к теще связывался с блинами: «Зятьыдлөн гоститны волёмыс йитчылё блинкёд, зятявны ветлыны – блин сёйны ветлыны» (Гостьба зятя связана с блинами, ходить в зятях – ходить есть блины) [Материалы...]. Вымские коми приезд зятя в гости на масленицу называли *ветлыны зятявны* (букв. ходить в зятях). Если зять приезжал в гости из другой волости, то он, держа в руках вожжи, входил в избу через сарай

и обращался к теще со словами: «Но, теща, блиныд готов абу? А то ме пачто бергёда» (Теща, блины готовы ли? А то я печь разворочу). В ответ теща говорила: «Важен нин виччысям, сё блин кисьті» (Давно уже ждем, сто блинов напекла) и ставила на стол тарелку с блинами, а зять взамен клал гостинец, как правило, платок [Там же].

На Лузе летом в первый год после свадьбы теща привозила зятю в деревянном коробе (*позтыр караб* – корабль яиц) от 50 до 300 яиц. Большую часть она отдавала зятю, остальные яйца раздавала членам семьи, исключая молодницу. В этот день устраивали праздничный стол [Плесовский, 1968, с. 101]. В Прионежье был подобный обычай семейного характера: теща дарила прибывшему к ней в гости зятю-молодожену 100 яиц, а он преподносил ответный подарок [Винокурова, 1996, с. 91].

На Удоре известен обряд *азьла мынтём* (букв. плата на лугу), который был приурочен к празднованию Троицы. Молодица, вышедшая замуж в текущем году, угощала всех присутствующих шаньгами и другой выпечкой, которую приготовила ее мать. Организация угощения в разных деревнях была различной. Так, в с. Чупрово молодницы, держась за руки, с песнями медленно двигались по кругу. Их матери, находящиеся внутри круга, через головы дочерей бросали присутствующим выпечку. В с. Важгорт обряд проходил на лугу, который назывался *азь/азьла* (*азь* – борщевик сибирский). Угощение раскладывали отдельно для каждой половозрастной группы (молодежь, женщины, мужчины и старики) [Дукарт, 1975, с. 148]. Другой вариант одаривания (запись 1999 г.) был приурочен к Петрову дню, первому выходу на сенокос. Молодые женщины во время обряда *азьла мынтём* пробегали через небольшие ворота – вертикальные столбы с поперечной перекладиной (д. Коптюга), а в качестве угощения выставляли калачи, сушки, пряники и конфеты. Скорее всего, преодоление препятствия (ворота) символизировало процесс «перехода», а круглая форма угощения – завершение «перехода-превращения» [Старообрядческий центр..., 2002, с. 108–109]. Этот обряд имел целью закрепление статуса молодой женщины. По своей семантической направленности он напоминает обряд вьюнины у русского населения: молодая женщина прощалась со своими прежними подругами и просила замужних женщин принять ее к себе «в подруженьки» [Соколова, 1979, с. 198–201]. Обряд *азьла мынтём* органично вписывался в систему дарений, составлявших существенную часть свадебного обряда и призванных обеспечить успешное вхождение молодых замужних женщин в соответствующие половозрастные и родственные сообщества.

Таким образом, еда в контексте свадебной обрядности выступает как интегрирующий символ объеди-

нения партий жениха и невесты и установления добрых отношений между ними. Атрибуты свадебного стола (блины, яйцо, дичь и пиво) как символы плодородия должны были обеспечить благополучную семейную жизнь молодым. Хлеб-соль свадебного застолья не только символизировали богатство и любовное влечение, но и выполняли оберегающие функции.

Список литературы

- Андреева Т.Б.** Пиво в обрядах и обычаях северорусских крестьян в XIX в. // ЭО. – 2004. – № 1. – С. 77–88.
- Байбурин А.К.** Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
- Байбурин А.К.** Заметки о кулинарной символике: «пересол» // *Studia Ethnologica*: Тр. факультета этнологии. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2004. – Вып. 2. – С. 4–13.
- Бойко Ю.И.** О некоторых особенностях свадебной обрядности летских коми // Мат-лы докл. I Всерос. молодеж. науч. конф. «Молодежь и наука на Севере». – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2008. – Т. 3. – С. 54–55.
- Винокурова И.Ю.** Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). – Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1996. – 139 с.
- Гагарин Ю.В., Дукарт Н.И.** Научный отчет об этнографической экспедиции в Троицко-Печорский район Коми АССР по теме «Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление» // НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159.
- Динес Е.И.** Пища и домашняя утварь // Исследования по материальной культуре мордовского народа. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 104–126. – (Тр. Мордов. этногр. экспедиции; вып. II).
- Дукарт Н.И.** Весенне-летние праздники и обряды в северной деревне конца XIX – начала XX в. // Вопросы истории Коми АССР. – Сыктывкар: КФАН СССР, 1975. – С. 141–152. – (Тр. ИЯЛИ КФАН СССР; вып. 16).
- Жеребцов Д.Н., Гагарин Ю.В., Куратов П.А., Дукарт Н.И.** Научный отчет об этнографической экспедиции 1966 г. в Прилузский район Коми АССР, Кировскую область и Коми-Пермяцкий национальный округ Пермской области // НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 140.
- Календарные праздники** и обряды марийцев // Этнографическое наследие. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. – Вып. 1.: Сб. мат-лов. – 286 с.
- Коми шусьёгъяс да кывйёзъяс.** Коми пословицы и поговорки / сост. Ф.В. Плесовский. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. – 208 с.
- Конаков Н.Д.** От святок до сочельника. Коми традиционные календарные обряды. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – 127 с.
- Котов О.В.** Традиционная духовная культура кольских коми // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1989. – С. 44–57. – (Тр. Ин-та языка, лит. и истории КНЦ УрО РАН; вып. 43).
- Куликова Елена Егоровна,** 1908 г.р., с. Куратово, Сысольский район. Запись 2004 г. // НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (Э). Д. 273а.

Макашина Т.С. Застолье в вологодском свадебном обряде // Мировоззрение и культура севернорусского населения. – М.: Наука, 2006. – С. 291–340.

Материалы из с. Турья Княжпогоский район. Запись 2003 г. // НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (Э). Д. 337.

Мифология коми / науч. ред. В.В. Напольских. – М.; Сыктывкар: ДИК, 1999. – Т. 1. – 480 с. – (Энциклопедии уральских мифологий).

Морозов И.А. Структура и семантика традиционного застолья: обычаи, верования, магия, связанные с его началом и завершением // Традиционная культура: науч. альманах. – 2002. – № 2. – С. 18–35.

Плесовский Ф.В. Свадьба народа коми. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. – 319 с.

Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча. Материалы по психологии колдовства. – СПб.: Алетейя, 1997. – 272 с.

Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. – М.: Наука, 1979. – 285 с.

Старообрядческий центр на Вашке: Устная и письменная традиция Удоры. – Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 2002. – 251 с.

Тучина О.А. Свадьба Пинежья. Структура и номинация чинов // Традиционная культура: науч. альманах. – 2002. – № 1. – С. 65–70.

Чудов Михаил Андреевич, 1931 г.р., с. Пажга, Сыктывдинский район. Запись 2007 г. // НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (Э). Д. 409а.

Чудова Т.И. Гончарство коми (зырян) во второй половине XIX – первой половине XX в. – Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 2001. – 88 с.

Шлопова Ольга Степановна, 1921 г.р., с. Турья, Княжпогосский район. Запись 2003 г. // НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (Э). Д. 200а.

Югова Евдокия Семеновна, 78 лет, с. Прокопьевка, Прилузский район. Запись 1990 г. // ФА СыктГУ. Прилузское собрание. 1307-5.

Материал поступил в редколлегию 08.07.10 г.

О.И. Курто

Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая
 Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия
 E-mail: panlijia@gmail.com

ЖЕЛТУГИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА: ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО ОБУСТРОЙСТВА НА ГРАНИЦЕ РОССИИ И КИТАЯ

В статье освещается малоизученная страница российской истории – создание в конце XIX в. на базе незаконного поселения золотоискателей на р. Желтуге (бассейн Амура) Желтугинской республики. В короткие сроки многонациональное сообщество приисковиков сумело создать протогосударственное образование, основанное на российских принципах государственного строительства, обладающее собственной законодательной, исполнительной и судебной властью, гербом, флагом, армией и карательными органами. Поселение с более чем 10-тысячным населением стало экономическим и культурным центром Забайкалья.

Ключевые слова: Желтугинская республика, Желтуга, Амурская Калифорния, река Желтуга, золотая лихорадка, золотоискатели, золотодобыча, золотой прииск, золотonosные реки, желтугинцы.

Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. Сибирь и Дальний Восток переживали «золотую лихорадку». Тысячи людей разных национальностей в поисках быстрой наживы устремились на прииски, создавали стихийные старательские поселения. Обилие неучтенного золота и жажда обогащения обусловили формирование высоко криминализованной обстановки. Чувство самосохранения вынуждало поселенцев принимать меры по наведению порядка. Одним из примеров успешного урегулирования межличностных отношений является Желтугинская республика; она просуществовала около трех лет и стремительно эволюционировала от сообщества беглых каторжников до некоего демократического образования, своеобразного культурно-промышленного центра. В рамках данного исследования мы попытаемся ответить на вопросы: каковы были национальный состав, социальный статус и культурная принадлежность жителей самопровозглашенной республики? на каком языке они говорили? кем и как управлялось

поселение? было ли разделение властей? что составляло основу экономики Желтуги?

Для ответа на поставленные вопросы нами были изучены материалы Российского государственного архива Дальнего Востока. Проведены также самостоятельные полевые исследования на северо-востоке Автономного района Внутренняя Монголия КНР, в ходе которых были опрошены потомки китайцев-старателей, мывших золото на российских и китайских приисках в конце XIX в. Ценные сведения получены при изучении коллекций Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского и Музея землеведения МГУ. Комплексный и заслуживающий доверия источник сведений о Желтугинской республике – работы «Амурская Калифорния» [1888], «Описание Маньчжурии» [1897] и др. (например: [Лебедев, 1896]). Они содержат важную и объемную информацию.

Незаконность деятельности старателей не способствовала росту интереса к поселению со стороны российских ученых XIX в. Этим объясняется определенный дефицит научных работ того времени по

означенной теме. В период существования Желтугинской республики наибольшее количество информации о ней можно было почерпнуть из свидетельств очевидцев, публикуемых в прессе, например, в газете «Сибирь» и журналах «Восточное Обозрение», «Вестник Императорского Русского географического общества», «Жизнь на Восточной окраине». Только в 1890-х гг., когда Российская империя проявляла наиболее пристальное внимание к ресурсам Северо-Восточного Китая, данные о «золотой вольнице» появились в официальных документах и научных работах. Любопытные, но очень краткие сведения по интересующей нас теме можно найти в художественном произведении Н.В. Латкина «На сибирских золотых приисках», созданном по воспоминаниям очевидцев [1898]. Н.В. Латкин много общался с приискателями и хорошо знал их жизнь, поэтому его работы, хотя и в художественной форме, помогают расширить наше представление о нравах, царивших на приисках. Некоторые факты можно почерпнуть и из других художественных произведений, сюжеты которых были основаны на реальных событиях [Очерки..., 1876; Сибирский сборник, 1886; Баринев, 1999; Васильев, 1897; Игнаткин, 1994; Русанов, 1995; Сурков, 2009]. Безусловно, пользоваться такого рода ресурсами нужно осторожно и исключительно в тех случаях, когда иные сведения не сохранились.

Незаконные поселения в районе золотых приисков были весьма распространены в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. О них сохранилась разная по объему информация. Поскольку подобные поселения и в Забайкалье, и в Приамурье относятся к одному времени, их обитателей характеризуют одни цели и мотивы, деятельность и условия, можно предположить, что сформированный быт и особенности жизнеобеспечения в них были похожими. Поэтому мы считаем возможным заполнять лакуны в информации по Желтугинской республике сведениями по другим незаконным образованиям [Завитков, 1888; Сретенский, 1888; Н. Г-в, 1888; Арсеньев, 1972; Васильев, 1897; Голиков, Семевский, 1898; Латкин, 1898; Надин, 1898; Садовников, 1909; Уманьский, 1888]. Обрывочные данные встречаются в популярных в то время дневниках путешественников [Очерки..., 1876; Грулёв, Тереш, 1904]. Ценные сведения по геологии региона содержатся в трудах крупнейшего исследователя Маньчжурии геолога Э.Э. Анерта [1897, 1900, 1907, 1910, 1913]. Полезны также статьи, рассказывающие о профессиональных объединениях золотоискателей и развитии золотой промышленности в Маньчжурии [Словцов, 1886; Экономические организации..., Карсаков; Мухин, 1972]. Косвенно затрагивает тему золотых приисков и особенностей поведения людей, живущих близ богатых ресурсами регионов, работа А.Е. Фёдорова [2009].

Вопросы концентрации производства и рабочей силы, технической модернизации, эволюции организационных форм предприятий, деятельности коммерческих банков, привлечения иностранных капиталов, динамики социального состава золотопромышленников освещаются в монографии Л.В. Сапоговской [1998]. Освоение богатых месторождений золота Сибири, формирование российского промышленного и финансового капитала – темы исследования В.А. Ламина [2002]. Материал о крупнейших золотопромышленниках Сибири можно найти в работе П.Ю. Афанасьева «Золото Приамурья» [2006]. Из последних публикаций, посвященных Желтугинской республике, следует назвать статью, подготовленную сотрудниками Музея землеведения МГУ [Скрипко, Семенова, Снакин, Березнер, 2009]. Коллектив Музея землеведения МГУ обнаружил в своих фондах уникальные фотографии, запечатлевшие приискателей Желтуги за работой и на отдыхе. Эти фотоматериалы подтолкнули исследователей к написанию статьи о Желтугинской республике.

Большую помощь в подготовке данной статьи нам оказал известный российский ученый А.В. Сурков, в прошлом главный геолог Министерства геологии РСФСР, участник многочисленных экспедиций на Алтай, Хибины, в Приморский и Хабаровский края, крупный специалист по золотым россыпям. Как человеку, много лет проработавшему на приисках, ему хорошо известны жизнь и условия труда старателей. Замечания и рекомендации А.В. Суркова были учтены при доработке текста.

Возникновение Желтугинской республики

История «золотой лихорадки» на Дальнем Востоке началась с открытия вольными старателями во второй половине XIX – начале XX в. богатейших золотых месторождений на Среднем Витиме, Зее, Охотском побережье, в Олёкминском окр., на Чукотке и в Северном Китае. Поселения в местах добычи золота со временем приобретали вид колоний и даже республик. Легендарная Желтугинская республика – старательская вольница – появилась на одном из наиболее известных приисков Маньчжурии [Описание Маньчжурии, 1897, с. 476–478] на небольшой речке Желтуге (Желтухе/Желтее, китайское название Мохэ), которая впадает в Малую Албазиху и относится к правой части бассейна Амура. Жители самопровозглашенной республики, проводя параллели с «золотой лихорадкой» в Калифорнии, назвали свое поселение Амурской Калифорнией, а себя – калифорнийцами.

Ближайшими к китайской речке Желтуге населенными пунктами были русские станицы Игнашино,

Покровка и Амазар. Именно отсюда весть о случайно обнаруженных на реке ранней весной 1883 г. золотых самородках мгновенно разлетелась по всему Амуру и Забайкалью, спровоцировав огромный приток населения на эти территории [Амурская Калифорния, 1888, с. 275]. Сотни ремесленников и мелких служащих, бросив работу, устремились на прииск. Уже в сентябре 1883 г. в Благовещенск на пароходах прибыло несколько тысяч работников Ниманской, Бутинской, Верхне-Зейской и других золотопромышленных компаний с целью дальнейшей переправки на Желтугу. Вслед за ними потянулся мелкий торговый люд [Описание Маньчжурии, 1897, с. 278]. К началу 1884 г. численность населения прииска достигла 5–7 тыс., а в начале 1885 г. уже превысила 10 тыс. Газета «Сибирь» писала, что весной 1885 г. в числе жителей поселения было 12 тыс. русских и более 500 китайцев [Сибирь, 1885]. По данным газеты «Ревю франсэз де летранже э де колони» за тот же год, на прииске насчитывалось 9 тыс. русских и 6 тыс. китайцев. Летом, в период разлива рек, в связи с невозможностью проведения работ численность рабочих сокращалась, однако к осени вновь возрастала. В конце 1885 г. на прииске было порядка 5 тыс. чел. [Там же, с. 487].

В старательском поселении на Желтуге, по выражению его обитателей, в «международной Калифорнии» [Амурская Калифорния, 1888, с. 273], проживали не только русские и китайцы, но и «корейцы, орочоны, евреи, немцы, французы, поляки, американцы, сибирские инородцы и много разных авантюристов, прибывших в большинстве из Америки и сделавшихся руководителями массы» [Описание Маньчжурии, 1897, с. 487]. Сохранилось описание обитателей аналогичной вольницы, расположенной немного севернее, на р. Олёкме: «Тут и плечистая, высокая фигура поселенца, приземистая фигура сибиряка, и широкое, скуластое, с маленькими глазками, блестящими белыми зубами, безусое и безбородое лицо тунгуса или якута, и красивый кавказский профиль черкеса, обрамленный черной бородой, с его черными выразительными, хотя и суровыми глазами, и татарин в своей мурмолке на бритой, вспотевшей голове, и длинный, сухощавый, простоватый белорус...» [Н. Г-в, 1888, с. 253]. По нашему мнению, есть все основания полагать, что подобную многоликость можно было наблюдать и в Желтуге.

Богатство края привлекало представителей самых разных социальных слоев, каждый из которых мечтал стать приискателем. Завитков писал: «Нет определенного цветника в Сибири, где произрастают эти цветы местного финансового мира. Они являются случайно, часто из сфер и из куч, о которых не подозреваем. Жалкий приказчик, разведчик, материальный на приисках, даже мальчик, подававший чай, делается золотопромышленником... Счастливыми золото-

промышленниками являлись прасолы, конторщики и даже писцы губернских канцелярий... На поприще золотопромышленности выступали и миллионеры, и нищие, аристократы, отставные кавалеристы, приезжавшие в Сибирь искать счастья, техники и прямо безграмотные люди низкого происхождения. Белая перчатка с грязной лапой одинаково тянулась к завидному металлу» [1888, с. 8].

На поселении проживали исключительно мужчины. Женщины на прииск не допускались [Описание Маньчжурии, 1897, с. 493–494]. Запрет не действовал лишь в последние месяцы существования республики. Подавляющее большинство жителей Желтуги – беглые каторжники, приисковые рабочие, сибирские ремесленники, казаки, бывшие исправники, отставные чиновники и пр. [Амурская Калифорния, 1888, с. 273]. Прииски привлекали большое число аферистов, игроков, шулеров и «вообще всякого пошиба туристов, пришедших сюда ловить рыбу в мутной воде» [Там же, с. 288].

Многоязычная община говорила в основном на русском языке, поскольку большую часть поселенцев составляли российские подданные. Вторым по распространенности был китайский язык. Китайцы на приисках жили, как правило, обособленно, так что их общение чаще всего ограничивалось собственной артелью. Весьма вероятно, что в Желтуге звучал и «кяхтинский пиджин» – необычная лексико-грамматическая смесь русского и китайского языков. Кроме того, в условиях тайги была развита и активно использовалась система условных знаков и зарубок.

Все приисковое население делилось по роду деятельности на ряд категорий. Основная масса жителей республики принадлежала к разряду *приискателей*, или *хищников/хитников*. Старателями они становились по собственной инициативе либо с помощью агентов золотопромышленных компаний: рассказами о вольной жизни вербовщики заманивали в Желтугу крестьян Урала, Сибири и Дальнего Востока. По дороге на прииск будущие работники, одурманенные мечтами о самородках, пропивали выданные им агентами новые тулупы, зимние сапоги и вещи, взятые из дома. В тайгу они входили спившимися, изможденными, в драных зипунах и опорках на босу ногу.

Вторую категорию составляли *спиртоносы*. Они давали возможность жителям Желтугинской республики изредка промочить горло рюмкой водки. Но из-за распрей, возникавших между старателями «с пьяных глаз», на общем сходе было решено запретить деятельность каких-либо питейных заведений на расстоянии ближе 50 в. от золотых приисков [Латкин, 1898, с. 169]: «Заниматься продажей спиртных напитков всем приезжающим для временной торговли на приисковой базар безусловно воспрещается под ответственностью наложения на означенный предмет

тройной пошлины или же, в случае несостоятельности, конфискации его. За продажу спиртных напитков кем-либо из постоянно торгующих на прииске без особо установленного разрешения на то, виновный подвергается за каждую проданную бутылку водки в первый раз штрафу в 25 руб., во второй – 50 и в 3-й – 100 рублей» [Амурская Калифорния, 1888, с. 299]. Кроме того, за открытое пьянство назначалось наказание в виде 100 розог [Описание Маньчжурии, 1897, с. 494]. Позднее расстояние между кабаками и приисками сократили до 25 в., что привело к росту торговли спиртными напитками. Товар выменивался на наличные деньги или украденное рабочими золото.

Спиртоносы шли на разные ухищрения, чтобы продать водку *хищникам*. Спрятав в глубине своей котомки бутылку со спиртом, они бродили по таежным тропам, оповещая доверенных лиц о своем прибытии с помощью специальных условных знаков. Узнав о появлении *спиртоноса*, рабочий, скрываясь от приисковой администрации и милицейских казаков, выменивал спирт на припрятанное золото [Грулёв]. Такой торговлей занимались только начинающие *спиртоносы*. Заработав немного денег, они меняли тактику: делали заявку на участок, расположенный неподалеку от крупного прииска с населением 5–10 тыс., и получив его, выставляли под видом рабочих несколько своих людей, которые начинали тайно выменивать разбавленную водку на золото. В среде *спиртоносов* такие торговцы считались наиболее успешными. Разбогатевав, они приобретали несколько приисков, на которых вели работы по добыче золота, заводили хозяйство и торговали: «завезет побольше водки в сороковедерных боченках, благо ноне насчет этого добра свободно, рому, настоек, наливок разных, размадеристых Енисейских мадер, товару красного, табаку, чаю, сахару, да и моет себе золото, в большинстве не свое, конечно, а чужое, соседское... водка у него и всякое другое питье тоже сравнительно недорогое, благо он его всячески сыропит, да стрючковым перцем сдабривает, а то и другим чем, ну и несут ему золотую крупку – пшеничку с соседского прииска, а он на этот товар что хочешь из своего склада променяет» [Латкин, 1898, с. 175].

К третьей категории следует отнести *торговцев*. После принятия населением республики ряда строгих законов, упорядочивавших уклад на приисках, они стали смелее приезжать в Желтугу; вскоре здесь насчитывалось 300 постоянных *торговцев*. «Торгующий элемент нес пошлину в размере 10 % на все товары, за исключением мяса и сухарей; с торгующих же спиртными напитками оптом взималось 25 %; трактирные же содержатели, кабатчики, а также и все торгующие этим предметом в розницу, совместно с увеселительными заведениями, платили 20 % с общей валовой ежемесячной торговли» [Амурская Калифор-

ния, 1888, с. 304]. На первых порах *торговцами* были в основном молокане, за неимением конкуренции они назначали цену произвольно. Однако вскоре на приисках стали активно торговать и евреи, привлекая покупателей низкими ценами. Главным поставщиком как молокан, так и евреев был торговый дом «Диксон и К°», чьи пароходы из Гамбурга с предметами роскоши, вином, одеждой, инструментами, оружием, порохом и т.д. доходили до Игнашино [Описание Маньчжурии, 1897, с. 488–489]. Однако самыми первыми поставщиками были казаки, жившие в приграничных станицах. Они везли на прииск сухари, мясо, хлеб, водку и инструменты.

«Калифорнийцы» жили в зимовьях, расположенных на склонах двух гор. Каждое зимовье шириной ок. 4 саж. и высотой ок. 3 аршин представляло собой сруб, покрытый неструганой доской и лапником (либо корой деревьев), без окон, с земляным полом. Вдоль стен размещались нары, в углах – инвентарь. В центре находился очаг, топившийся по-черному. Сооружение зимовья обходилось в целом в 200 руб. Вставляли приискатели затемно, ложились, когда солнце уже скрывалось за горизонтом. Готовили по очереди. Основу их питания составляли рис или другая крупа, дичь или рыба, ягоды. Работали старатели, стоя по колено или по пояс в ледяной воде, без выходных (устное сообщение А.В. Суркова).

Для поселения было выбрано Орлово поле – место, где был построен первый кабак, в котором собирались рабочие для игры в орлянку. Зимовья располагались в два ряда, ориентированные вдоль разреза, и образовывали большую улицу – Миллионную. Некоторые постройки были произвольно разбросаны по территории прииска. Чуть поодаль от Орлова поля находились фанзы китайских приискателей, живших обособленно. Жить на Миллионной было и престижно, и выгодно: тянувшиеся вдоль улицы шурфы вскрывали равномерно распределенную золотую россыпь, тогда как в низовьях золото было гнездовым.

Вскоре после организации поселения в нем открылись гостиницы, многочисленные кабаки и игорные дома, «появился зверинец и целая труппа жонглеров, фокусников, гимнастов, наездников, два оркестра музыки и несколько органов» [Амурская Калифорния, 1888, с. 288]. Открылось казино «Чита», которое желтугинцы называли «Монте-Карло». По описаниям, «это было одно из обширнейших и не в пример прочим приличное здание, в котором находилось три комнаты. В первой из них был буфет с яствами и оркестр, во второй – столовая для желающих поужинать (здесь задавали ужины по цене, которой и сам Борель позавидовал бы); третья же, которая была более двух первых комнат, представляла из себя арену, где состязались игроки. В этой комнате игра производилась на двух столах; на одном из них царствовал сам

“шtos”, а на другом – прекрасная рулетка» [Там же, с. 288]. Здесь проигрывали огромные суммы. Сидевшие за столом простые крестьяне ставили на карту по 4 тыс. руб. и с легкостью проигрывали их, хотя на эти деньги они могли бы безбедно жить всю свою жизнь. Как писали свидетели этих событий, здесь под несмолкаемую музыку, в атмосфере нескончаемого пира люди, забывая обо всем, что было для них дорого и свято, бросались в омут разгула и безрассудства.

В Желтуге были построены гостиницы «Марсель», «Беседа», «Тайга», «Калифорния», которые по уровню комфорта почти не уступали европейским. «Калифорнийцы» соорудили две бани (общую и номерную), а также несколько пекарен. Это были рубленые дома, отличавшиеся друг от друга по размерам [Описание Маньчжурии, 1897, с. 489].

Суббота была днем привоза товаров. На обширной ледяной площади, украшенной флагами, появлялись возы и палатки. Между ними бродили шарманщики, наигрывая старинные арии; в балагане показывали фокусы и разыгрывались разные предметы; «недалеко от этого места, оградив канатом небольшое пространство, какой-то татарин, на серой лошади, показывал зрителям высшую школу верховой езды; около него же приютилась довольно солидная по объему железная клетка на колесах, в которой помещалась пойманная в Приморской области тигрица, завезенная сюда по дороге в Россию; тут же расположилась на ковре, под открытым небом, труппа странствующих гимнастов, которые, несмотря на сильные морозы, проделывали разные эволюции; одетые в легкое трико, они только во время антрактов позволяли себе закутываться в бараньи шубы» [Амурская Калифорния, 1888, с. 304]. На этом фоне необычно выглядели свободно бродившие среди людей, снующих между возами, десятки верблюдов, на которых торговцы привозили в Желтугу мясо.

Стремительное увеличение численности населения республики оказало влияние на экономическую ситуацию в Забайкалье и Приамурье. В республику устремились тысячи россиян, среди которых были не только лица без определенных занятий, но и ремесленники, поселяне-землепашцы, рабочие с частных приисков. Сокращение числа рабочих рук в сельской местности стало причиной упадка земледелия в регионе. В связи с увеличением численности «калифорнийцев» резко возросли поставки продовольствия в самопровозглашенную республику. Туда был отправлен весь хлеб, в т.ч. оставленный для посева, с территории радиусом в 200 в. от прииска. Это привело к неконтролируемому росту цен в Чите, Нерчинске, Иркутске и т.д. Принимаемые Амурской администрацией меры по нормализации обстановки не приносили результатов [Описание Маньчжурии, 1897, с. 499–501]. Поселение приисковиков привлекало

не только возможностью заниматься здесь торговлей, но и необычайными богатствами золотоносных слоев. По некоторым подсчетам, с осени 1883 до весны 1885 г. в Желтуге было добыто свыше 400 п. золота, а за все время существования республики – до 500 п. [Там же, с. 499].

Уже в декабре 1884 г. в Амурской Калифорнии было ок. 30 лавок, позднее – 150. Доход некоторых из них составлял 200–400 руб. в день. Самую большую прибыль давала продажа алкоголя. Наибольшей популярностью пользовались спиртные напитки, произведенные амурской фирмой Хлебникова: коньяк, херес, мадера, шампанское. На приисках ощущался острый дефицит кредитных денег, поэтому чаще всего расплачивались золотом. Однако его цена не была фиксированной и устанавливалась произвольно. Так, за 7 золотников можно было приобрести пуд мяса, пуд сухарей или ведро водки. Со временем в «Калифорнии» появилась удобная расчетная единица – штука, равная одному золотнику* шлихового золота. Дробный вес штуки выражался спичками и игральными картами: 1 золотник = 4 карты = 96 спичек [Там же, с. 488].

Весьма быстро Желтуга наладила почтовое сообщение с Россией, так что корреспонденция туда поступала регулярно. В «Калифорнии» имелся лазарет; он размещался в одном из зимовий и внешне выглядел скромно. По площади лазарет был довольно большой. Внутреннее пространство разделялось толстыми бревенчатыми перегородками на четыре комнаты. В самой большой – палате для больных – стояло 15 деревянных прикрепленных к полу коек. Каждую койку вместо матраца застилали двумя рядами мягкого войлока и покрывали белой простыней. Постельный комплект дополняли набитые соломой парусиновые подушки в ситцевых чехлах и байковое одеяло. Во второй комнате располагалась аптека, в третьей вели прием больных, в четвертой находились больничная прислуга и кухня. «Больные, поступающие в лазарет, пользовались безвозмездно, на общественный счет, присмотром за ними лазаретного врача, принадлежащего госпиталю аптекою, уходом и попечением больничной прислуги и, с разрешения врача, полным продовольствием, состоящим из утреннего чая, завтрака, обеда, не более как из трех блюд, и вечернего чая (к чаю полагался белый хлеб). Такое содержание каждого больного пансионера обходилось лазарету в сложности до 5 рублей в день, что при полном комплекте на 15 человек (а он был с первого дня открытия полным) составляло в месяц 2 250 рублей» [Амурская Калифорния, 1888, с. 305–306]. Лазарет содержался на

*В Желтугинской республике были приняты следующие меры веса: 1 фунт = 0,4095 кг; 1 золотник = 96 долей = 4,266 г, 1 доля = 0,044 г.

средства приисковой администрации, но это было дорого и увеличить его не представлялось возможным, потому места предоставляли наиболее бедным желтугинцам и тяжело больным. Самыми страшными болезнями в «Калифорнии» были тиф и цинга.

Довольно быстро старатели отказались от диких каторжных нравов: «Ныне рабочему не дашь, как прежде, в зубы или там тумака по шее, а о порке-то и совсем забыли, разве уже исправник кого-нибудь накажет, да и то не по-прежнему, слегка» [Латкин, 1898, с. 176]. Рабочие настолько втягивались в уклад Желтугинского прииска, что не работать уже не могли: скучали без дела и без прибыли. Работа давала ощутимые доходы: рабочий, промывая песок самым примитивным способом, в день добывал 5–6 золотников [Грулёв].

Социальные преобразования в поселении

В первые же дни существования на прииске начались кражи, грабежи с насилием, а затем и убийства. Трупы убитых прятали в лесах, бросая без погребения на растерзание диким зверям, либо сжигали. Число преступлений росло стремительно, но поворотным моментом в жизни «калифорнийцев» стало убийство повара артели ссыльно-каторжных карийцев. Его убили с целью грабежа: у повара было припрятано ок. 50 золотников золота. Преступник набросился на свою жертву с небольшим четырехфунтовым молотком и нанес им ок. 40 ударов по голове [Амурская Калифорния, 1888, с. 290]. Это событие всколыхнуло всех приискателей, атмосфера накалилась до предела. Жители прииска пришли к выводу о необходимости выбрать руководителя и навести порядок в поселке. Было решено предоставить избранному лицу широкие права по наведению порядка на прииске, а также обещано оказывать полное содействие самому руководителю и его помощникам. Приисковики постановили сделать эти выборные должности оплачиваемыми, а средства для этого взимать с купеческого сословия, работавшего на приисках. Для того чтобы принятое решение имело официальный характер, все приискатели принесли присягу и подписали документ о признании над собой власти избранных руководителей и учрежденных ими законов. В основе желтугинских законов (что крайне любопытно!) было «доброе слово», «которое многим калифорнийцам памятно разве только из воспоминаний их детства, проведенного в колыбели, быть может, на глазах любящих матерей, во всю же их долгую последующую жизнь, по разным острогам и рудникам, этим несчастным, кроме ругани тюремного смотрителя и пинков конвойных, не приходилось ничего

слышать» [Там же, с. 293]. Свою готовность следовать букве принятого закона «калифорнийцы» зафиксировали в следующем документе: «Такого-то года, месяца и числа мы, артели и собственники вольных промыслов в Амурской Калифорнии, памятуя слово, заповеданное нам нашим великим учителем Сыном Божиим и Господом Богом: “Люби ближнего своего, как самого себя”, и, следуя этому христианскому учению, оставленному нам в святом Евангелии, ведущем нас к миру и благостям жизни земной, спасению и вечности в царствии небесном, держаем помощью Всевышнего неотступно трудиться на пользу ближнего нашего, дабы совратившихся наставить на путь истинный и устранить этим самым неугодные Богу дела, совершаемые многими из среды нашей, заблудившимися во мраке прегрешений и забывшими слова заповедей: “не убей” и “не укради”. Обратившись с теплою молитвою к Господу нашему о неоставлении нас слабых на трудном пути, предначертанном нам, мы беспрекословно верим и отдаемся в руки не как властолюбивым начальникам, а как достойнейшим из среды нашей и помнящим слово Божие, учившее нас правде и справедливости, нашим выбранным, что мы подписями и мысленно присягой подтвердили, такие-то» [Там же, с. 294–295].

На общем сходе было решено разделить прииск по числу зимовьев на пять участков – штатов. Жители каждого штата должны были выбрать из своей среды двух старост сроком на четыре месяца. При выборе рекомендовалось оценивать нравственность и порядочность каждого кандидата, поскольку в дальнейшем от него могла зависеть судьба каждого отдельного приискателя. Для подтверждения выбора всем жителям штата надлежало подписать бумагу со следующим текстом: «Мы, люди разных званий, поселившиеся самовольно на китайской стороне для добычи золота, общим сходом от такого-то числа решили установить на прииске нашем, в обеспечение безопасности, порядок и дисциплину, для чего и выбрали, на том сходе, большинством голосов, в правители такого-то, отдав ему полную власть на расправу с теми из среды нашей, которые за проступки свои заслужат какое бы то ни было наказание. Такой-то участок промышленников Амурской Калифорнии, подтверждая своими подписями означенный выбор, просит не отказать принять эту обязанность и признать предъявителей сего таких-то на 4-х-месячную общественную службу нашими старшинами» [Там же, с. 293]. В результате было сформировано правление из десяти человек; двое из них были китайцами, представлявшими интересы живших обособленно китайских приискателей.

На сходе за желтугинскими приисками было окончательно закреплено название: «Желтугинская республика» либо «Амурская Калифорния». Как отмечалось, республика делилась на штаты. Ее жителей

называли *желтугинцами* или *калифорнийцами*. Во главе республики находился *старшина* или *президент*. Представителей штатов называли *старшинами* либо *старостами*. Сходом были установлены три основных принципа существования «Калифорнии»: выборность органов самоуправления, товарищество артелей и суровость наказания за нарушение общественного порядка.

О том, кто являлся первым правителем Желтуги, сведения расходятся. Следует отметить, что в этом вопросе ясности не было и в годы, когда разворачивались эти события. В отчете, составленном Канцелярией министерства финансов в 1897 г., указано: «Выбор пал на лицо, выделявшееся из толпы своим образованием, разносторонними практическими сведениями, честностью и трезвостью и одаренное в высшей степени энергическим характером. Это был Карл Карлович Фоссе, итальянский подданный; по другим известиям (Сибирский Вестник) – Адольф Карлович Фассе; по *Revue Française* – Карл Карлович Иванович, словак, австро-венгерский подданный. В самое последнее время существования прииска во главе общины стоял отставной горный исправник Сахаров (Сибирь, 1885, №5). «Жизнь на Восточной окраине» (1896, № 135) сообщала, что в Благовещенске, в июле этого года, скончался Н.А. Прокунин, стоявший одно время также во главе Желтугинских приисков. Однако нигде больше имени Прокунина не встречается» (цит. по: [Описание Маньчжурии, 1897, с. 492]).

По общему решению президенту республики выплачивался оклад, по одним источникам 400 руб. в месяц, по другим – 12 тыс. руб. в год, а старостам – по 200 руб. [Там же]. На левом рукаве верхнего платья президент носил знак из желтой меди с соответствующей надписью, а староста – знак из белой меди. Десять старост составляли правление Желтугинских приисков. В руках президента и правления находилась вся административная и судебная власть. Старосты решали гражданские и мелкие уголовные дела, наказание за которые не превышало 100 ударов. О каждом случае наказания староста был обязан докладывать президенту. Все вместе старосты формировали первую инстанцию суда. Серьезные дела решал президент, выступая в качестве второй инстанции. К разряду самых тяжких преступлений относилось убийство. Суд по нему вершил общественный сход. Сигналом к общему сходу был выстрел из двух пушек, находившихся на Орловом поле. Выстрелом из одной пушки созывался совет старост [Там же, с. 493].

Желтугинцы разработали также свое законодательство, которое упорядочивало жизнь в республике. Законы «Калифорнии» касались: 1) взимания на нужды республики пошлин, взносов и платежей; 2) получения в пользование золотоносного участка; технических и организационных требований к про-

ведению работ; 3) ведения торговой и других видов деятельности как на самих приисках, так и на территориях, прилегающих к ним; 4) норм, регулирующих отправление судебной и административной власти; 5) наказаний за нарушение общественного порядка и законов республики. Законы формировали своего рода «конституцию» Желтугинской республики. Следование ее нормам было обязательным для всех проживавших на территории «Калифорнии». «Конституцию» (была записана в пяти экземплярах) разослали по штатам, где после прочтения вслух старшиной все старатели подписали ее.

Уголовное право Желтуги было весьма специфическим и соответствовало нравам того общества. Например, предусматривалось: «500 ударов терновником за воровство; 500 – за мужеложество и другие противозаконные пороки и преступления; 500 – за ношение оружия в пьяном виде; 500 – за фальсификацию золотого песка; 500 – за выстрелы в пределах Желтуги без уважительной причины... 300 ударов палки за отдачу под залог рабочих инструментов; 400 ударов палки за привод на прииск женщин; 200 ударов за ночной шум; 100 розог за открытое пьянство» [Там же, с. 494]. Следует пояснить, что наказание терновником – кнутом, набитым острыми гвоздями, – было равносильно смертной казни. Убийство наказывалось «по закону Моисееву», т.е. око за око, при этом виновного казнили тем же способом, которым была умерщвлена его жертва.

Желтугинская республика – явление, интересное как для этнологов, так и для антропологов. Это образец самоуправления, пример сосуществования на одной территории объединенных жадной наживы представителей разных классов и культур. В ходе исследования нам удалось проследить, как «дикое» сообщество вольных старателей преобразовалось в своеобразную «протогосударственную» единицу с собственными законодательной, исполнительной, судебной и денежной системами, системой карательных органов, четкой структурой власти, флагом и гербом. За непродолжительный период Желтуга из стихийного поселения старателей-авантюристов превратилась в своеобразный промышленно-культурный центр Забайкалья и Приамурья, оказавший сильнейшее влияние на экономическую ситуацию в этом регионе.

Список литературы

- Амурская Калифорния** // Сибирские рассказы из жизни приискового люда. – СПб.: [Тип. М.М. Стасюлевича], 1888. – С. 273–322.
- Сибирь**. – 1885. – № 5. – С. 8–9.
- Анерт Э.Э.** Предварительный отчет Маньчжурской экспедиции Имп. Рус. геогр. об-ва. – СПб.: [Тип. А.С. Суворина], 1897. – Ч. Геол. – 30 с.

Анерт Э.Э. Поиски и разведки на каменный уголь и другие ископаемые в восточной Маньчжурии в 1896/1898 гг.: Извлеч. из «Горного журнала» за 1900 г. – СПб.: [Тип. П.П. Сойкина], 1900. – 95 с.

Анерт Э.Э. Топографические съемки в золотоносных областях Сибири горн. инж. Э.Э. Анерта. – Б.м.: [Тип. Тов-ва «Народная польза»], 1907. – 13 с.

Анерт Э.Э. Горногеологические исследования вдоль восточной половины линии Амурской железной дороги в 1895 г. – СПб.: [Тип. М. Стасюлевича], 1910. – 137 с.

Анерт Э.Э. Топографические съемки в Приамурье и участие в них разных ведомств: (Докл. в Соединен. засед. секций тех. и юр. 2-го янв. 1912 г.). – СПб.: [Типо-лит. Биркенфельда], 1913. – 4 с.

Арсеньев В. К. Дерсу Узала. Сквозь тайгу. – М.: Мысль, 1972. – 350 с.

Афанасьев П.Ю. Золото Приамурья. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2006. – 208 с.

Баринов О.А. Золотые тайны Забайкалья. – Чита: Экспресс-издательство, 1999. – 224 с.

Васильев Е.И. Миллионный ключ // Горный журнал. – 1897. – Т. 1. – С. 109–112.

Голиков В., Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. – СПб., 1898: Декабрь // Журнал Юридич. об-ва. – 1898. – Т. 1: От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 г., кн. 10. – С. 35–39.

Грулёв М.В. Записки генерала-еврея // Русская императорская армия: [сайт]. – URL: <http://www.regiment.ru/Lib/V/6/8.htm> (дата обращения: 15.12.2009).

Завитков. В тайге // Сибирские рассказы из жизни приискового люда. – СПб.: [Тип. М.М. Стасюлевича], 1888. – С. 1–91.

Игнаткин Ю.А. По диким степям Забайкалья. Очерки золота Забайкалья. – Чита: Центр науч. и образоват. программ, 1994. – 100 с.

Карсаков Л.П. Золотая промышленность в Северной Маньчжурии (конец XIX – начало XX в.). – URL: http://www.dvbook.ru/book_dalvostok_x2.htm (дата обращения: 15.12.2009).

Ламин В.А. Золотой след Сибири. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Наука, 2002. – 144 с.

Латкин Н.В. На сибирских золотых приисках (из таежных воспоминаний). – СПб.: [Тип. тов-ва «Общественная Польза»], 1898. – 210 с.

Лебедев А. Желтугинская республика в Китае // Русское богатство. – 1896. – № 9. – С. 143–172.

Мухин А.А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. – М.: Наука, 1972. – 336 с.

Н. Г-в. Олёкминская Калифорния // Сибирские рассказы из жизни приискового люда. – СПб.: [Тип. М.М. Стасюлевича], 1888. – С. 238–272.

Надин П. Хищники и золотопромышленники на Амуре // Русская мысль. – 1898. – № 2. – С. 150.

Описание Маньчжурии / под ред. Дм. Позднеева. – СПб.: [Тип. Ю.Н. Эрлих], 1897. – Т. 1. – 620 с.

Очерки Амурского края, южной части Приморской области и острова Сахалина в геологическом и горно-промышленном отношении. Смелчаки проникали в Маньчжурию, Покумар, Сунгари и Уссури. – СПб.: [б.и.], 1876. – 91 с.

Русанов А.П. Старательская вольница («Золото Желтуги»). – Чита: Кн. изд-во, 1995. – 145 с.

Садовников И.Ф. Систематический указатель к карте золотопромышленного района Олекминского горного округа. – СПб.: [б.и.], 1909. – С. 25–33.

Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. Урал и Сибирь – модели развития. – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. – 313 с.

Сибирский сборник. Прил. к «Восточному обозрению» / под ред. Н.М. Ядринцева. – СПб.: [б.и.], 1886. – Кн. 1/4. – 833 с.

Скрипко К.А., Семенова Л.Д., Снакин В.В., Березнер О.С. «Амурская Калифорния» – малоизвестная страница истории золотодобычи в Приамурье в фотографиях из архива земледелия МГУ // История наук о земле. – 2009. – Т. 2, № 2. – С. 53–77.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – 2-е изд. – СПб.: [Тип. И.Н. Скороходова], 1886. – Кн. 2: С 1742 по 1823 г. – XXVI, 364, Вс.: табл.

Сретенский. Сибирские мученики // Сибирские рассказы из жизни приискового люда. – СПб.: [Тип. М.М. Стасюлевича], 1888. – С. 92–237.

Сурков А.В. Пираты сибирского золота. – М.: Волшебный фонарь, 2009. – 272 с.

Тереш М.С. На Дальний Восток. Путевые очерки от Москвы до Маньчжурии и Сахалину до Японии. – М.: [Тип. А.П. Поплавского], 1904. – 231 с.

Уманьский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. – СПб.: [б.и.], 1888. – 167 с.

Фёдоров А.Е. Влияние геолого-географических факторов на социальные явления и активности людей // Система «Планета Земля»: 15 лет междисциплинарному научному семинару. 1994–2009. – М.: ЛЕНАНД, 2009. – С. 214–285.

Экономические организации рабочих Сибири во второй половине XIX – первые годы XX века // Сибирь капиталистическая. – URL: <http://history.nsc.ru/kapital/project/zinoviev/4-6.html> (дата обращения: 15.12.2009 г.).

Материал поступил в редколлегию 24.03.11 г.

ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Результаты анализа одонтологических характеристик алакульского населения Казахстана и Западной Сибири свидетельствуют о том, что оно было многокомпонентным по антропологическому составу. Население восточной части алакульского ареала формировалось на основе субстрата, имеющего азиатское происхождение. В Европе представителями этого субстрата являются только носители катакомбной культуры Калмыкии, которые и продемонстрировали максимальное сходство с алакульскими группами. В состав алакульцев Западного Казахстана вошел дополнительный компонент, генетически связанный с широким кругом популяций Европы. Он характеризуется слабой представленностью «восточных» одонтологических признаков и отсутствием тенденции к редукции и грацилизации зубной системы. Морфологическую специфику носителей алакульской культуры Южного Урала определил комплекс признаков, генетически связанный с автохтонным уральским населением.

Ключевые слова: одонтология, алакульская культура, катакомбная культура.

Введение

На ранних этапах археологического изучения андроновская культурно-историческая общность представлялась относительно гомогенной, но по мере введения в научный оборот материалов новых памятников отчетливо проявлялась тенденция к признанию все более и более сложного ее состава [Стоколос, 1972; Зданович, 1973, 1975; Косарев, 1974, 1981; Смирнов, Кузьмина, 1977; Ткачева, Ткачев, 2008; и др.]. Алакульская культура в составе этой общности была выделена одной из первых [Сальников, 1948; Черников, 1960; Стоколос, 1972; Косарев, 1981], и поиски ее истоков стали темой для широких дискуссий. В.С. Стоколос связывал ее происхождение с автохтонным зауральским населением [1972]; Т.М. Потёмкина – с энеолитическими и раннебронзовыми обитате-

лями лесостепного Притоболья, включившими в свою среду мигрантов [1985, с. 341–342]; Г.Б. Зданович, К.Ф. Смирнов и Е.Е. Кузьмина – с автохтонным населением Урало-Казахстанского региона (при участии носителей срубной и абашевской культур) [Зданович, 1973, 1975; Смирнов, Кузьмина, 1977]. По мнению Е.Е. Кузьминой, алакульская культура формировалась на основе петровских традиций западной части этого региона, в составе которых она выделяет два компонента: один – местный, другой связан с европейскими племенами, оставившими памятники с абашевской, полтавкинской и многоваликовой керамикой [Кузьмина, 1985, с. 33; 1986, с. 102; 1988].

В антропологической литературе происхождению и формированию физического облика алакульского населения Казахстана и Сибири уделялось не так много внимания, как хотелось бы с учетом их важности для рассмотрения различных аспектов индоевропейской проблемы. До недавнего времени имеющиеся сведения исчерпывались несколькими работами [Гинзбург, 1962; Алексеев, 1964, 1967; Гинзбург, Трофимова,

*Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

1972; Алексеев, Гохман, 1984] и упоминаниями в ряде других публикаций, не преследовавших своей целью анализ антропологии именно алакульского населения (см., напр.: [Дрёмов, 1997; Чикишева, Поздняков, 2003]). При этом краниологические исследования концентрировались преимущественно на изучении разнообразия алакульских групп и оставляли за рамками поиски того пласта, который послужил основой для объединения большого числа этих разобщенных в географическом отношении групп в единую общность. Все перечисленные работы базировались на типологическом подходе, когда реконструировались связи не столько популяции в целом, сколько выделенных в ее составе антропологических типов. Так, среди западно-казахстанских алакульцев первоначально было выявлено пять европеоидных типов: средиземноморский, северный, андроновский, долихокранный и мезобрахикранный [Гинзбург, 1962, с. 195]. В составе андроновского населения Казахстана В.В. Гинзбург и Т.А. Трофимова предполагали наличие «андроновского» прото-европеоидного типа [1972, с. 89], долихокранного «северного» и грацильного средиземноморского [Там же, с. 93]. Их происхождение предположительно связывалось с очень обширным кругом популяций – афанасьевцами Минусинской котловины или Алтая [Там же]; населением Нижнего Поволжья эпохи ямной и срубной культур [Там же; Алексеев, Гохман, 1984, с. 27]; носителями земледельческой культуры расписной керамики юга Туркмении [Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 97]. Предложенные исследователями направления связей в полной мере охарактеризовали сложность культурных контактов, но мало что прояснили в вопросе о происхождении и факторах формирования алакульского населения как единого антропологического феномена.

Краниологические серии, относящиеся к алакульскому времени, очень малочисленны. Согласно сводке данных, представленных в работе В.В. Гинзбурга и Т.А. Трофимовой, суммарная казахстанская серия составила 25 мужских и 34 женских черепа [Там же, табл. 15], в т.ч. из Западного Казахстана (могильники Хабарное и Тасты-Бутак) – соответственно 13 и 17; Северного – 4 и 7, Центрального – 4 и 6; Восточного – 4 и 4. В серии из могильника Ермак-4 максимальное число наблюдений не превышает восьми по мужским черепам и пяти по женским [Дрёмов, 1997, табл. 16, 17]. В этих условиях возрастает вероятность влияния на морфологические характеристики выделяемых типов случайных колебаний величин размерных признаков под воздействием локальных генетико-автоматических и антропоэкологических факторов. Большую, по сравнению с типологическим методом, точность результатов в такой ситуации обеспечивает применение популяционного подхода в сочетании с методами многомерной математической статистики и привлечением к сравнительному анализу нескольких независи-

мых систем антропологических признаков, в частности одонтологических данных.

Статистическое сравнение алакульцев с широким кругом популяций Евразии эпохи бронзы было выполнено А.Г. Козинцевым [2009], в работе которого представлена наиболее аргументированная точка зрения на их происхождение. Методами многомерной статистики он сопоставил более 220 мужских краниологических серий эпох неолита и бронзы с территории Евразии. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что носители федоровской и алакульской культур являются потомками различных групп ямников и катакомбников южно-русских степей, а происхождение западно-казахстанских алакульцев связано с позднелептинским и раннебронзовым населением зарубежной Европы [Там же, с. 134].

Одонтологические характеристики алакульцев были введены в научный оборот суммарно, без разделения на отдельные популяции [Зубова, Чикишева, 2010]. В результате сопоставления с федоровцами и другими группами древнего населения Евразии установлено, что носители федоровской и алакульской культур входят в круг грацильных одонтологических форм. При этом алакульцы отличаются от федоровцев пониженными частотами лопатообразности верхних резцов и коленчатой складки метаконида и более высоким уровнем редукции гипоконуса, что предположительно связано с участием в формировании федоровского населения представителей автохтонных западно-сибирских культур [Там же, с. 414]. Вопрос о происхождении носителей алакульской культуры в указанной работе не поднимался, и его рассмотрение является основной задачей данного исследования.

Материалы и методика

Материалом для исследования послужили одонтологические данные, полученные автором при изучении палеоантропологических находок из пяти алакульских могильников: Нуртай, Майтан, Лисаковский, Тасты-Бутак-1, Ермак-4*. Серия из Центрального и Северного Казахстана (Нуртай, Майтан, Лисаковский) насчитывает 29 черепов, пригодных для одонтологического исследования; из Западного Казахстана (Тасты-Бутак-1) – 25; из Омского Прииртышья (Ермак-4) – 23. Используются также данные, опубликованные Е.П. Китовым [2011, табл. 4].

Материалы были изучены по полной одонтологической программе, включающей получение опи-

*Автор благодарит сотрудников кабинета антропологии Томского государственного университета и отдела антропологии МАЭ за предоставленную возможность работы с материалами.

сательных и измерительных характеристик [Зубов, 1968, 2006]. Для сравнительного анализа использованы данные о частотах восьми важнейших одонтологических признаков. В их число вошли лопатообразность верхних медиальных резцов (баллы 2 и 3 суммарно), бугорок Карабелли на верхних первых молярах (баллы 2–5 суммарно), редукция гипоконуса на верхних вторых молярах (баллы 3, 3+ суммарно), частота шести- и четырехбугорковых вариантов строения нижних первых моляров, четырехбугорковых нижних

вторых моляров, дистальный гребень тригониды и коленчатая складка метакониды на нижних первых молярах. Межгрупповое сопоставление проводилось на основании тригонометрически преобразованных частот указанных признаков при помощи интегрированной системы статистической обработки данных Statistica for Windows, version 6.0, методом главных компонент и иерархического кластерного анализа. Для сравнения были привлечены 29 одонтологических серий эпох неолита и бронзы (табл. 1).

Таблица 1. Серии, привлеченные к статистическому анализу

Серия	Дата, тыс. до н.э.	Источник
Алтын-депе	III–II	Аксянова, Гельдыева, 2002
Олений Остров (мезолит)	VI	Гравере, 1999
Васильевка-3 (мезолит)	VII	То же
Неолит Русской равнины	V	»
Днепро-донецкая культура (неолит)	VI–V	»
Звейниекы (мезолит)	VI–V	»
Трипольская культура Украины (Маяк)	IV	»
Ямная культура Украины	III (?)	»
Культура крашеной керамики Туркмении	IV–III	»
Куро-аракская культура (Ланджик)	IV–III	Худавердян, 2009
Чатал-Гуйюк (ранняя выборка)	VIII–VII	Pilloud, 2009
Чатал-Гуйюк (поздняя выборка)	VI	То же
Мусулар	VIII–VII	»
Ашikli-Гуйюк	IX–VIII	»
Катакомбная культура Калмыкии	III	Неопубликованные данные автора
Ямная культура Калмыкии	III	Зубова, 2010а
Ямная культура Астраханской обл. (Кривая Лука)	III	То же
Федоровская культура степного Алтая	II	Тур, 2009
Федоровская культура Южной Сибири	II	Рыкушина, 2007
Афанасьевская культура Горного Алтая	III	Зубова, 2010б
Гонур-депе	III–II	Рыкушина, Дубова, Суворова, 2003
Срубная культура Астраханской обл.	II	Неопубликованные данные автора
Срубная культура Ростовской обл. (Ясырев)	II	То же
Фатьяновская культура	II	Гравере, 1999
Балановская культура	II	То же
Федоровская культура Барабинской лесостепи	II	Неопубликованные данные автора
Федоровская культура Кузнецкой котловины	II	То же
Федоровская культура Новосибирского Приобья	II	»
Синташтинская культура (суммарно)	III–II	Китов, 2011
Приуральский вариант синташтинской культуры	III–II	То же
Петровская культура	III–II	»
Покровская культура	II	»
Потаповская культура	II	»
Срубно-алакульское население Южного Урала	II	»
Срубная культура Южного Урала	II	»
Алакульская культура Южного Урала	III	»

При подборе сравнительных материалов учитывались хронологические рамки привлекаемых серий, которые должны были предшествовать времени существования алакульской культуры или частично совпадать с ним. Верхняя граница была определена, согласно разработкам Е.Н. Черных, как середина II тыс. до н.э. [2008, рис. 10]. Немаловажным условием являлось наличие в публикации всех перечисленных признаков, что, к сожалению, исключило из состава сравниваемых групп часть европейских серий, которые могли быть сопоставлены с алакульцами только по некоторым показателям.

Одонтологическая характеристика алакульского населения

Западный Казахстан (Тасты-Бутак-1) (табл. 2). Частота лопатообразных вариантов строения верхних ме-

диальных резцов в серии несколько повышена за счет малого числа наблюдений, на латеральных признак встречается редко. С близкими средневысокими частотами отмечены С5 и бугорок Карабелли на верхних первых молярах. Гипоконус данных зубов не редуцирован, на вторых молярах наблюдается умеренная редукция.

На нижней челюсти дифференцированные формы премоляров отсутствуют. На первых представлены только простые варианты 1 и 2, на вторых абсолютно доминирует форма 3. Шести- и четырехбугорковое строение нижних первых моляров встречено только по одному разу (9,1 %), преобладает пятибугорковое. Узор «+» на коронках М₁ встречен у 27,3 % погребенных, «Х» – у 9,1 %, «У» – ни разу. Все нижние вторые моляры имеют четырехбугорковое строение. Здесь доминирует узор «+»; «У» представлен у 10 % погребенных, «Х» – у 30 %. Протостилид и коленчатая складка

Таблица 2. Одонтологические характеристики

Сторона челюсти	Лопатообразность (2 + 3) I ¹	Лопатообразность (2 + 3) I ²	Дополнительный дистальный бугорок М ¹	Бугорок Карабелли (2–5) М ¹	Редукция гипоконуса (4–) М ²	Редукция гипоконуса (3, 3+) М ²	Затек эмали (4–6) М ₂	Форма Р ₁ (4 и 5)	Форма Р ₂ (4 и 5)	6М ₁
Правая, абс.	0 (2)	1 (5)	3 (14)	4 (14)	4 (10)	1 (10)	3 (7)	0 (3)	0 (3)	1 (11)
%	0	20,0	21,4	28,6	40,0	10,0	42,9	0	0	9,1
Левая, абс.	1 (3)	1 (4)	4 (14)	3 (15)	3 (9)	2 (9)	2 (2)	0 (3)	0 (2)	0 (5)
%	33,3	25,0	28,6	20,0	33,3	22,2	100,0	0	0	0
Итого, %	20,0	22,2	25,0	24,1	36,8	15,8	55,6	0	0	6,3
Субъекты, абс.	1 (4)	1 (6)	4 (17)	4 (18)	5 (12)	2 (12)	4 (7)	0 (4)	0 (4)	1 (11)
%	25,0	16,7	23,5	22,2	41,7	16,7	57,1	0	0	9,1

Таблица 3. Одонтологические характеристики алакульцев

Сторона челюсти	Лопатообразность (2 + 3) I ¹	Лопатообразность (2 + 3) I ²	Дополнительный дистальный бугорок М ¹	Бугорок Карабелли (2–5) М ¹	Редукция гипоконуса (4–) М ²	Редукция гипоконуса (3, 3+) М ²	Затек эмали (4–6) М ₂	Форма Р ₁ (4 и 5)	Форма Р ₂ (4 и 5)	6М ₁
Правая, абс.	1 (2)	–	1 (13)	1 (14)	2 (11)	8 (11)	13 (15)	1 (11)	7 (12)	0 (19)
%	50,0	–	7,7	7,1	18,2	72,7	86,7	9,1	58,3	0
Левая, абс.	0 (2)	0 (1)	0 (12)	1 (11)	2 (10)	6 (10)	11 (12)	0 (8)	4 (8)	0 (17)
%	0	0	0	9,1	20,0	60,0	91,7	0	50,0	0
Итого, %	25,0	0	4,0	8,0	19,0	66,7	88,9	5,3	55,0	0
Субъекты, абс.	1 (3)	0 (1)	1 (15)	2 (15)	2 (13)	9 (13)	16 (17)	1 (13)	9 (16)	0 (20)
%	33,3	0	6,7	13,3	15,4	69,2	94,1	7,7	56,3	0

метаконида отсутствуют, с умеренной частотой встречаются $tami$ и дистальный гребень тригонид на нижних первых молярах.

Центральный Казахстан (Нуртай, Майтан, Лисаковский) (табл. 3). Частота лопатообразности верхних медиальных резцов слегка повышена из-за малого числа наблюдений. $C5$ и бугорок Карабелли на верхних первых молярах встречаются редко. Гипоконус этих зубов не редуцирован, у вторых моляров частота редуцированных вариантов очень высока.

Нижние премоляры характеризуются более сложным строением по сравнению с двумя другими алакульскими группами. На вторых премолярах формы 4 и 5 в сумме составляют 56,3 %. Шестибугорковые нижние первые моляры в серии не зафиксированы, очень часто встречаются четырехбугорковые (40 %). На коронках M_1 доминирует узор «Y»; «+» встречен у 27,8 % погребенных, «X» – ни разу. Среди нижних вторых

моляров преобладают четырехбугорковые (87 %). На коронках M_2 доминирующим является узор «+»; «Y» встречен у 34,8 % погребенных, «X» – у 21,7 %. Протостилид, дистальный гребень тригонид и коленчатая складка метаконида отсутствуют. С умеренной частотой встречается $tami$, и у одного погребенного отмечен гребень эпикристид на нижних первых молярах.

Омское Прииртышье (Ермак-4) (табл. 4). Частота лопатообразности верхних медиальных резцов низкая, на латеральных хорошо выраженных краевых гребней лингвальной поверхности не обнаружено. $C5$ на верхних первых молярах не зафиксирован, однако бугорок Карабелли встречается достаточно часто (29,4 %). Гипоконус верхних первых моляров не редуцирован, на вторых процесс редукции проявляется в значительной степени.

На нижних первых премолярах дифференцированные формы не зафиксированы, наблюдаются толь-

алакульцев Западного Казахстана (Тасты-Бутах-1)

$4M_1$	(+) $M_1(4-6)$	(X) $M_1(4-6)$	$4M_2$	$5M_2$	$3YM_2$	(+) M_2	(X) M_2	Протостилид (2-5) M_1	$tami$ M_1	Дистальный гребень тригонид M_1	Коленчатая складка метаконида M_1
1 (11) 9,1	2 (11) 18,2	1 (11) 9,1	10 (10) 100	0 (10) 0	0 (8) 0	6 (8) 75,0	1 (8) 12,5	0 (11) 0	1 (11) 9,1	1 (11) 9,1	0 (9) 0
1 (5) 20,0	2 (5) 40,0	0 (5) 0,0	5 (5) 100	0 (5) 0	0 (4) 0	2 (4) 50,0	2 (4) 50,0	0 (5) 0	1 (6) 16,7	1 (5) 20,0	0 (4) 0
12,5	25,0	6,3	100	0	0	66,7	25,0	0	11,8	12,5	0
1 (11) 9,1	3 (11) 27,3	1 (11) 9,1	12 (12) 100	0 (12) 0	0 (10) 0	7 (10) 70,0	3 (10) 30,0	0 (11) 0	2 (12) 16,7	1 (11) 9,1	0 (9) 0

Центрального Казахстана (Майтан, Нуртай, Лисаковский)

$4M_1$	(+) $M_1(4-6)$	(X) $M_1(4-6)$	$4M_2$	$5M_2$	$3YM_2$	(+) M_2	(X) M_2	Протостилид (2-5) M_1	$tami$ M_1	Дистальный гребень тригонид M_1	Коленчатая складка метаконида M_1
6 (19) 31,6	3 (17) 17,6	0 (17) 0	17 (20) 85,0	3 (20) 15,0	0 (19) 0	10 (19) 52,6	2 (19) 10,5	0 (20) 0	2 (17) 11,8	0 (18) 0	0 (15) 0
8 (17) 47,1	4 (14) 28,6	0 (14) 0	16 (16) 100	0 (16) 0	0 (15) 0	9 (15) 60,0	3 (15) 20,0	0 (16) 0	1 (14) 7,1	0 (14) 0	0 (11) 0
38,9	22,6	0	91,7	8,3	0	55,9	14,7	0	9,7	0	0
8 (20) 40,0	5 (18) 27,8	0 (18) 0	20 (23) 87,0	3 (23) 13,0	0 (23) 0	12 (23) 52,2	5 (23) 21,7	0 (21) 0	2 (19) 10,5	0 (19) 0	0 (16) 0

Таблица 4. Одонтологические характеристики

Сторона челюсти, частота признака	Лопатообразность (2 + 3) I ¹	Лопатообразность (2 + 3) I ²	Дополнительный дистальный бугорок M ¹	Бугорок Карабелли (2–5) M ¹	Редукция гипоконуса (4–) M ²	Редукция гипоконуса (3, 3+) M ²	Затек эмали (4–6) M ₂	Форма P ₁ (4 и 5)	Форма P ₂ (4 и 5)	6M ₁
Правая, абс.	1 (4)	0 (6)	0 (19)	5 (17)	4 (14)	7 (14)	6 (9)	0 (9)	4 (10)	0 (19)
%	25,0	0	0	29,4	28,6	50,0	66,7	0	40,0	0
Левая, абс.	0 (6)	0 (8)	0 (16)	3 (14)	5 (15)	6 (15)	6 (10)	0 (8)	5 (8)	0 (19)
%	0	0	0	21,4	33,3	40,0	60,0	0	62,5	0
Итого, %	10,0	0	0	25,8	31,0	44,8	63,2	0	50,0	0
Субъекты, абс.	1 (7)	0 (10)	0 (20)	5 (17)	5 (17)	8 (17)	7 (11)	0 (10)	6 (12)	0 (20)
%	14,3	0	0	29,4	29,4	47,1	63,6	0	50,0	0

ко варианты 1 и 2. На вторых сложные формы 4 и 5 встречены у 50 % погребенных, и еще у 33,3 % представлен промежуточный вариант 3. Шестой бугорок на нижних первых молярах в серии не отмечен, напротив, здесь очень высок процент четырехбугорковых форм. На коронках нижних первых моляров преобладает узор «Y»; «+» встречен у 15 % погребенных, «X» – только у 5 %. Все нижние вторые моляры четырехбугорковые. Узор коронки «+» на данных зубах встречен у 40 % индивидов, «X» – у 26,7 %. Протостилид, коленчатая складка метаконида и tam₁ в серии отсутствуют. Частота встречаемости дистального гребня тригониды умеренная, а затека эмали на нижних вторых молярах – повышенная.

Обсуждение результатов

Из приведенных характеристик видно, что алакульское население относится к западному одонтологическому стволу, отличаясь умеренными частотами лопатообразности верхних резцов. Кроме того, общими чертами всех трех серий, изученных автором, является отсутствие признаков редукции на верхних первых молярах, коленчатой складки метаконида и протостилида на одноименных нижних зубах. Максимальное сходство обнаруживают группы из Центрального Казахстана и Омского Прииртышья. Они характеризуются ярко выраженным грацильным строением нижних моляров, сочетающимся с очень высоким уровнем редукции гипоконуса верхних. Одновременно здесь наблюдается практически полное отсутствие C5. Выборка из Тасты-Бутака-1, напротив, отличается умеренной частотой как четырех-, так и шестибугорковых нижних первых моляров и повышенной частотой C5. С ней сближаются материалы

из степной зоны Южного Урала, изученные Е.П. Китовым. Здесь также наблюдаются умеренные частоты четырех- и шестибугорковых форм нижних первых моляров и дистального гребня тригониды. Отличает южно-уральских алакульцев от населения Западного Казахстана более высокий уровень редукции гипоконуса и присутствие коленчатой складки метаконида.

Таким образом, одонтологические данные отчетливо разделяют население западной и восточной частей алакульского ареала: в восточной (Северный и Центральный Казахстан, Омское Прииртышье) доминирует грацильный одонтологический субстрат, отличающийся повышенной редукцией гипоконуса верхних моляров; в западной (Западный Казахстан, степная зона Южного Урала) преобладают слабограцилизированные варианты.

К концу III – началу II тыс. до н.э. близкие восточным алакульцам частоты четырехбугорковых нижних первых моляров встречаются преимущественно в Западной Азии и степях Прикаспия. Они наблюдаются в сериях из Киша (41 %) [Зубов, 1973, табл. 19], Телль-Леилана (36 %) [Haddow, 2003, table 4.4], Кузали (33,3 %) [Hemphill, Lukacs, Walimbe, 2000, table 3], ранней из Чатал-Гуйюка (35,2 %) [Pilloud, 2009, table B16], с памятников катакомбной культуры Калмыкии (35,7 %) (неопубликованные данные автора). Население Восточной Европы и западной части Средиземноморского региона на рассматриваемом хронологическом этапе характеризуется значительно более умеренными частотами четырехбугорковых нижних первых моляров. Из имеющихся в литературе данных следует, что к кругу грацильных одонтологических форм относятся население севера Италии (3 000–2 300 лет до н.э.) [Vargiu, Cucina, Coppa, 2009], Западной Швейцарии [Desideri, Eades, 2002], носители унетицкой (Чехия), трипольской (Украина),

алакульцев Омского Прииртышья (Ермак-4)

$4M_1$	$(+)M_1(4-6)$	$(X)M_1(4-6)$	$4M_2$	$5M_2$	$3UM_2$	$(+)M_2$	$(X)M_2$	Протостирид (2-5) M_1	$tam_1 M_1$	Дистальный гребень тригонида M_1	Коленчатая складка метаконида M_1
6 (19)	2 (19)	1 (19)	13 (13)	0 (13)	0 (11)	5 (11)	4 (11)	0 (16)	0 (19)	2 (19)	0 (19)
31,6	10,5	5,3	100	0	0	45,5	36,4	0	0	10,5	0
5 (19)	2 (19)	1 (19)	13 (13)	0 (13)	0 (12)	5 (12)	3 (12)	0 (16)	0 (19)	2 (13)	0 (19)
26,3	10,5	5,3	100	0	0	41,7	25,0	0	0	15,4	0
28,9	10,5	5,3	100	0	0	43,5	30,4	0	0	12,5	0
6 (20)	3 (20)	1 (20)	15 (15)	0 (15)	0 (15)	6 (15)	4 (15)	0 (17)	0 (20)	2 (20)	0 (20)
30,0	15,0	5,0	100	0	0	40,0	26,7	0	0	10,0	0

балановской (Восточно-Европейская равнина) культур [Гравере, 1999]. К этому кругу принадлежат также носители срубной культуры Ростовской обл., ямной культуры Астраханской обл. и Калмыкии (неопубликованные данные автора). Но частоты грацильных вариантов строения нижних первых моляров здесь редко превышают 20 %.

Одонтологическая специфика населения восточной части алакульского ареала проявляется не только в очень высоком уровне грацилизации нижних моляров, но и в повышенной частоте редукции гипоконуса верхних вторых моляров. Это ограничивает круг близких вариантов, сводя его, по большому счету, к двум группам – переднеазиатской второй половины III тыс. до н.э. из Телль-Леилана и носителям катакомбной культуры Калмыкии. Они отличаются от алакульцев пониженными частотами лопатообразности медиальных резцов.

Западные алакульские группы проявляют большее сходство с населением Восточной Европы. По степени грацилизации зубной системы они сближаются с носителями ямной культуры Украины, фатьяновским и балановским населением, а также срубниками Ростовской обл. При этом алакульцы отличаются от них более высокими частотами лопатообразности и дистального гребня тригонида.

Результаты статистического сопоставления алакульских серий с европейскими и западно-азиатскими эпох неолита и бронзы показали, что с середины VIII по середину II тыс. до н.э. в наибольшей степени их дифференцировали два комплекса признаков (табл. 5). В составе одного из них, описываемого первым фактором, отрицательные нагрузки приходятся на все использованные признаки, в особенности на лопатообразность верхних медиальных резцов, дистальный гребень тригонида, редукцию гипоконуса

Таблица 5. Нагрузки на признаки в составе первых двух факторов

Признак	Фактор 1	Фактор 2
Лопатообразность I ¹ (баллы 2 + 3)	–0,480	–0,24
Бугорок Карабелли M ¹ (баллы 2–5)	–0,090	–0,65
Редукция гипоконуса M ² (баллы 3, 3+)	–0,650	0,18
6M ₁	0,004	–0,54
4M ₁	–0,680	0,15
4M ₂	–0,510	0,57
Дистальный гребень тригонида M ₁	–0,570	–0,24
Коленчатая складка метаконида M ₁	–0,320	–0,62

и четырехбугорковые нижние первые моляры. Максимальными значениями координат характеризуются серии из Ашикли-Гуйюка (Анатолия, 8 200–7 500 до н.э.) [Pilloud, 2009] и Васильевки-3 (Украина, VII тыс. до н.э.) [Гравере, 1999]. Описанный комплекс признаков проявляет отчетливое сходство с современным среднеевропейским одонтологическим типом.

Второй фактор выделяет слабограцилизованные серии, в которых низкая частота лопатообразности верхних резцов сочетается с повышением частот бугорка Карабелли, коленчатой складки метаконида, в меньшей степени шестибугорковых нижних первых моляров и дистального гребня тригонида. Наиболее ярко этот комплекс признаков выражен в мезолитических сериях из Звейниекы и Южного Оленьего Острова, у носителей синташтинской культуры и федоровцев Южной Сибири, имеющих максимальные отрицательные значения координат по данному фактору.

На графике (рис. 1) большинство алакульских групп входит в две совокупности в поле отрицательных значений первого фактора и положительных – второго. Восточные максимально сближаются с катакомбной серией Калмыкии. Алакульцы из Тасты-Бутака-1 демонстрируют сходство с носителями петровской и покровской культур Южного Урала. Что касается южно-уральских алакульцев, то за счет несколько повышенной частоты коленчатой складки метаконида они на графике сместились в поле отрицательных значений второго фактора, ближе к носителям срубной культуры Астраханской обл. и смешанному срубно-алакульскому населению.

Нужно отметить, что комплекс признаков, традиционно используемый отечественными одонтологами для межгруппового сравнения, включает в себя признаки высокой таксономической значимости и в первую очередь направлен на разделение этнических групп по степени соотношения в их составе контрастных «восточных» и «западных» компонентов. В случае сопоставления серий в более-менее однородной в типологическом отношении среде их дифференцирующая способность снижается, поскольку уменьшается степень корреляции между «восточны-

ми» маркерами и значительная часть межгрупповой изменчивости приходится на локальные колебания частот отдельных признаков. Это требует применения дополнительных методов, направленных на конкретизацию полученных результатов.

Для выяснения круга ближайших к локальным группам алакульского населения серий был выполнен иерархический кластерный анализ методом полной связи на основе евклидовых расстояний (рис. 2). По его результатам, алакульцы Западного Казахстана объединились с кластером, включающим носителей ямной культуры Украины и срубной Южного Урала. Алакульские группы из Центрального Казахстана и Омского Прииртышья составили кластер, который на более высоком уровне объединился с совокупностью сибирских и среднеазиатских серий, отличающихся грацильностью зубной системы. Алакульцы Южного Урала продемонстрировали наибольшее сходство с покровским и смешанным срубно-алакульским населением с этой же территории. Можно полагать, что субстрат, обусловивший их одонтологическую специфику, имеет неевропейское происхождение.

Расположение андроновских серий на графиках позволяет сделать несколько заключений. В составе

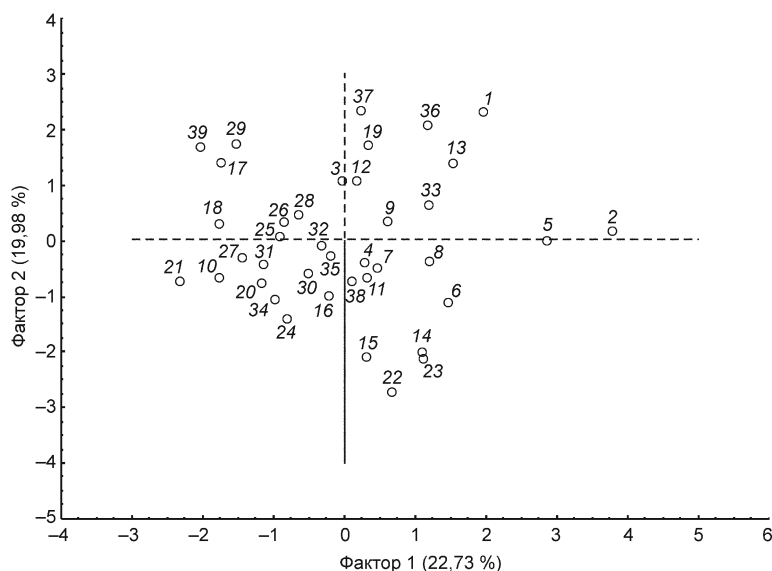

Рис. 1. Распределение серий в пространстве первых двух факторов.

1 – Мусулар; 2 – Ашикли-Гуйюк; 3 – Чатал-Гуйюк (поздняя выборка); 4 – Чатал-Гуйюк (ранняя выборка); 5 – Васильевка-3; 6 – днепро-донецкая культура; 7 – ямная культура Украины; 8 – трипольская культура Украины (Маяк); 9 – культура крашеной керамики Туркмении; 10 – Алтын-депе; 11 – неолит Русской равнины; 12 – ямная культура Калмыкии; 13 – ямная культура Астраханской обл. (Кривая Лука); 14 – Звейниевки (мезолит); 15 – Олений Остров (мезолит); 16 – куро-аракская культура (Ланджик); 17 – катакомбная культура Калмыкии; 18 – федоровская культура Барабинской лесостепи; 19 – федоровская культура Кузнецкой котловины; 20 – федоровская культура Новосибирского Приобья; 21 – федоровская культура степного Алтая; 22 – федоровская культура Южной Сибири; 23 – синташтинская культура (суммарно); 24 – приуральский вариант синташтинской культуры; 25 – петровская культура; 26 – покровская культура; 27 – потаповская культура; 28 – алакульская культура Западного Казахстана; 29 – алакульская культура Центрального Казахстана; 30 – алакульская культура Южного Урала; 31 – афанасьевская культура; 32 – балановская культура; 33 – фатьяновская культура; 34 – Гонур-депе; 35 – срубно-алакульское население Южного Урала; 36 – срубная культура Астраханской обл. (Кривая Лука); 37 – срубная культура Ростовской обл. (Ясырев); 38 – срубная культура Южного Урала; 39 – алакульская культура Омского Прииртышья.

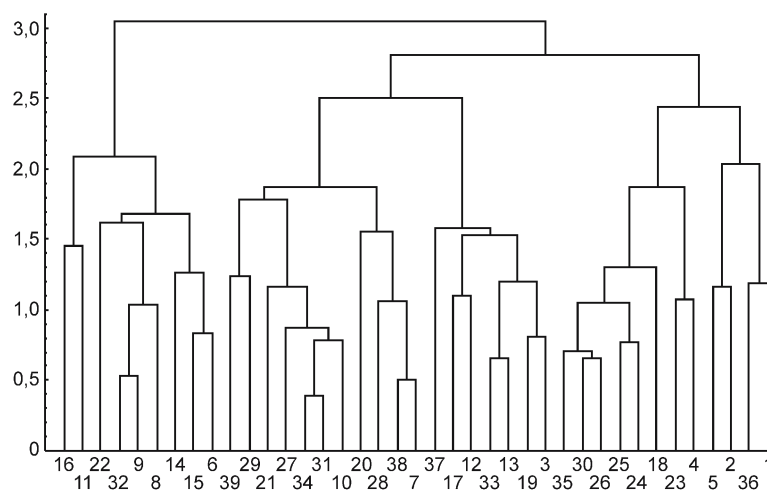

Рис. 2. Результаты кластеризации одонтологических характеристик населения Евразии эпох мезолита и бронзы
1–39 – см. рис. 1.

большинства федоровских и алакульских популяций был единый антропологический компонент. Набор свойственных ему морфологических характеристик включает повышенную частоту грацильных нижних первых моляров и сильно редуцированных форм гипоконуса верхних вторых при менее отчетливо выраженном повышении частоты дистального гребня тригониды и лопатообразности медиальных резцов. В пространстве первых двух главных компонент большая часть алакульских и федоровских групп образует единый массив, отчетливо отграниченный от большинства европейских серий. Единственная серия с территории Европы, обнаруживающая близкое сходство с восточными алакульцами, относится к катакомбной культуре Калмыкии. Это дает основания считать катакомбников степей Прикаспия возможным источником одонтологической специфики носителей федоровской и алакульской культур либо одним из представителей антропологического пласта, на основе которого происходило их формирование. Повышение частоты лопатообразности верхних резцов, наблюдаемое в алакульских сериях, гипотетически может быть связано с влиянием автохтонного населения степной части Казахстана. Сведения об одонтологии этого населения пока исчерпываются единственным обследованным автором мужским черепом эпохи неолита из Карагандинской обл. (№ 6270-1 МАЭ) и двумя раннебронзовыми из могильника Былкылдак (№ 6037-1 МАЭ), на одном из которых наблюдалась лопатообразная форма медиального правого резца.

У большинства федоровцев и у алакульцев Южного Урала прослеживается влияние иного антропологического пласта, характеризующегося выраженным архаизмом строения зубной системы. Он проявляется

в повышении частот «восточных» признаков – лопатообразности, шестибугорковых нижних первых моляров и коленчатой складки метакониды. Наличие этого компонента сближает федоровцев с древним населением лесостепной зоны Евразии и отделяет от восточных алакульцев и катакомбников.

Что касается вопроса об участии в формировании алакульцев населения Восточной и Западной Европы, то здесь картина сложнее. По результатам кластерного анализа, сходство с некоторыми европейскими сериями демонстрирует группа из Тасты-Бутака-1, которая объединяется с носителями ямной культуры Украины и срубной Южного Урала. Анализ главных компонент не подтвердил значимости этого сходства. Тем не менее отвергать результаты кластерного анализа нельзя. Удаление на графике западно-казахстанских алакульских серий от европейских во многом объясняется различиями в частотах лопатообразности верхних резцов и дистального гребня тригониды, т.е. признаков, повышенные частоты которых характерны для всего азиатского пласта, представленного в анализе, и не определяют морфологическую специфику алакульцев. Вместе с наблюдаемым сходством по строению моляров с восточно-европейскими группами это дает основание предполагать, что западно-казахстанские алакульцы формировались на многокомпонентной основе. Одним из таких компонентов был общеалакульский субстрат, которому, по-видимому, кроме высокого уровня редукции и грацилизации, свойственны несколько повышенные частоты лопатообразности и дистального гребня тригониды. Вторым элементом представлен европейскими мигрантами, характеризующимися слабо выраженными тенденциями к редукции и грацилизации в сочетании с отсутствием лопатообразных форм медиальных резцов и дисталь-

ного гребня тригониды. Он, по всей видимости, участвовал только в формировании алакульского населения Западного Казахстана, незначительно повлияв на одонтологические особенности носителей алакульской культуры в целом.

Заключение

Из всего вышесказанного можно сделать ряд выводов. В составе носителей алакульской культуры выделяется несколько компонентов различного происхождения. Антропологический пласт, лежащий в основе населения восточной части алакульского ареала, имеет азиатское происхождение. Его характеристики сходны с таковыми у носителей катакомбной культуры Калмыкии. Но маловероятно, что они были единственным источником формирования одонтологической специфики алакульцев. Несмотря на сходство по наиболее специфическим показателям, носители катакомбной и алакульской культур различаются по частотам лопатобразных форм медиальных резцов. Это указывает на участие в формировании последних дополнительного компонента, в определенной степени тяготеющего к восточному одонтологическому стволу. По археологическим данным, прямая миграция из катакомбной среды в Урало-Казахстанский регион и Сибирь не прослеживается. Это позволяет говорить скорее не о генетической преемственности катакомбников и алакульцев, а об их принадлежности к одному антропологическому пласту, реконструкция ареала и морфологических характеристик которого пока затруднена из-за отсутствия сведений по одонтологии неолитического и раннебронзового населения степей Казахстана и Приаралья.

В составе западно-казахстанских алакульцев, оставивших захоронения на могильнике Тасты-Бутак-1, дополнительно прослеживается отсутствующий в алакульских сериях из Центрального Казахстана и Омского Прииртышья компонент, генетически связанный с населением Восточной Европы, вероятно, с носителями ямной культуры, на данный момент представленными только украинской серией. Возможно, восточно-европейский компонент входил и в состав алакульцев Южного Урала, но его специфику определил комплекс признаков, свойственный доандроновскому населению региона.

Список литературы

- Аксянова Г.А., Гельдыева Г.** Морфологические особенности зубной системы населения античного времени северо-запада Туркменистана // На путях биологической истории человечества. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 5–55.
- Алексеев В.П.** Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Тр. Ташкент. гос. ун-та. – 1964. – Т. 235. – С. 13–19.
- Алексеев В.П.** Антропология андроновской культуры // СА. – 1967. – № 1. – С. 22–26.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Антропология Азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – 208 с.
- Гинзбург В.В.** Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы // Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак-1 в Западном Казахстане. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 186–198. – (МИА; № 120).
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.** Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972. – 371 с.
- Гравере Р.У.** Одонтологический аспект этногенеза и этнической истории восточнославянских народов // Восточные славяне: Антропология и этническая история. – М.: Науч. мир, 1999. – С. 205–218.
- Дрёмов В.А.** Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 260 с.
- Зданович Г.Б.** Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // Вopr. археологии Урала. – 1973. – Вып. 12. – С. 22–43.
- Зданович Г.Б.** Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1975. – 27 с.
- Зубов А.А.** Одонтология: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968. – 199 с.
- Зубов А.А.** Этническая одонтология. – М.: Наука, 1973. – 200 с.
- Зубов А.А.** Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этно-Онлайн, 2006. – 72 с.
- Зубова А.В.** Население ямной культурно-исторической общности в свете одонтологических данных // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2010а. – № 2(13). – С. 85–95.
- Зубова А.В.** Одонтологическая характеристика афанасьевцев Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010б. – С. 340–344.
- Зубова А.В., Чикишева Т.А.** Население андроновской культурно-исторической общности по одонтологическим данным // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний: мат-лы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 413–416.
- Китов Е.П.** Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2011. – 26 с.
- Козинцев А.Г.** О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 4. – С. 125–136.
- Косарев М.Ф.** Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М.: Наука, 1974. – 220 с.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 280 с.
- Кузьмина Е.Е.** Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Информ. бюл.

Междунар. ассоциации по изучению культур Центральной Азии UNESCO. – 1985. – Вып. 9. – С. 24–45.

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. – Фрунзе: Илим, 1986. – 134 с.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1988. – 34 с.

Потёмкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры. – М.: Старый сад, 2007. – 198 с.

Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика древнего населения Туркменистана // Наука о человеке и обществе. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2003. – С. 130–140.

Сальников К.В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры // Первое уральское археологическое совещание. – Молотов: [б.и.], 1948. – С. 21–26.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М.: Наука, 1977. – 82 с.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья: (хронология и периодизация). – М.: Наука, 1972. – 168 с.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. – Новосибирск: Наука, 2008. – 304 с.

Тур С.С. Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая // Вестн. Алт. гос. ун-та. – 2009. – № 4(2). – С. 228–236.

Худавердян А.Ю. Население Армянского нагорья в эпоху бронзы: Этногенез и этническая история. – Ереван: Ван Арьян, 2009. – 438 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 272 с. – (МИА; № 88).

Черных Е.Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3. – С. 36–53.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Население западно-сибирского ареала андроновской культурной общности по антропологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 132–148.

Desideri J., Eades S. La question du «peuplement» campaniforme en Suisse occidentale. Etat de la question et apports de la morphologie dentaire et crânienne // Bull. et mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris [En ligne], 14 (3–4) / 2002, mis en ligne le 18 août 2005, consulté le 20 avril 2011. – URL: <http://bmsap.revues.org/332>

Haddow S.D. Morphometric analysis of the dentition from Bronze Age Tell Leilan, Syria: a contribution to the dental anthropology of ancient Mesopotamia: A thesis of Master of Arts. – Edmonton: Alberta, 2003. – 110 p.

Hemphill B.E., Lukacs J.R., Walimbe S.R. Ethnic identity, biological history and dental morphology: evaluating the indigenous status of Maharashtra's Mahars // Antiquity. – 2000. – Vol. 74, N 285. – P. 671–681.

Pilloud M.A. Community Structure at Neolithic Çatalhöyük: Biological Distance Analysis of Household, Neighborhood, and Settlement: Diss. PhD / The Ohio State University. – Ohio, 2009. – 774 с.

Vargiu R., Cucina A., Coppa A. Italian Populations During the Copper Age: Assessment of biological Affinities Through Morphological Dental Traits // Human biology. – 2009. – Vol. 81, N 4. – P. 479–493.

Материал поступил в редколлегию 28.10.10 г.

ПЕРСОНАЛИИ

ПРОФЕССОРУ ЯКОВУ АБРАМОВИЧУ ШЕРУ – 80 ЛЕТ

В июне 2011 г. Якову Абрамовичу Шеру исполнилось 80 лет. Его имя широко известно как в нашей стране, так и за рубежом, причем не только археологам, но и представителям точных и естественных наук. Яков Абрамович – крупнейший специалист в области изучения первобытного искусства, один из основоположников формализованного подхода к анализу археологических источников, внедрения математических методов и вычислительной техники в археологию. Сегодня компьютер – атрибут археолога, где бы он ни находился – в кабинете или в экспедиционной палатке. Значительный вклад Я.А. Шера в развитие музейного дела связан с внедрением информационных технологий. Наконец, благодаря Я.А. Шеру русскоязычное археологическое научное сообщество познакомилось с теоретической археологией Ж.-К. Гардена, с работами наших французских коллег в области первобытного искусства.

Яков Абрамович Шер родился 21 июня 1931 г. в г. Чимкенте (Южный Казахстан) в семье служащих: его отец был инженером-строителем, мать – фармацевтом. Детство и юность юбиляра прошли в Киргизии. К этой стране и ее народу, как и в целом ко всей Средней Азии, Яков Абрамович до сих пор сохраняет особые, теплые чувства. После окончания школы в 1949 г. молодой человек успешно выдержал вступительные экзамены на исторический факультет Киргизского государственного педагогического института, вскоре преобразованного в университет. В студенческие годы он, увлекшись археологией, участвовал в экспедициях, возглавляемых А.Н. Бернштамом, А.П. Окладниковым и Г.Ф. Дебецом. После окончания вуза, несмотря на диплом с отличием и рекомендацию в аспирантуру, Я.А. Шера направили на работу в сельскую школу (местечко Сухой Хребет в Тюпском р-не), через год, когда он уже занимал должность директора школы, его призвали в ряды Советской Армии.

В 1957 г. после службы в армии Я.А. Шер становится директором семилетней Краснофронтской школы Ивановского р-на Киргизской ССР. Через год молодой, но уже закаленный жизнью человек поступает в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии (ЛО ИА) АН СССР. Его науч-

ным руководителем был проф. М.П. Грязнов, выдающийся археолог-сибиревед. В период учебы в аспирантуре Яков Абрамович участвует в Байкальской и Красноярской экспедициях, занимается сбором материалов для диссертации в Средней Азии.

После завершения обучения в аспирантуре в 1961 г. Я.А. Шер был принят в штат ЛО ИА АН СССР младшим научным сотрудником. Через два года он блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему «Каменные изваяния Семиречья». В 1966 г. она была издана отдельной книгой. За время работы в академическом учреждении Я.А. Шер прошел путь от аспиранта до старшего научного сотрудника. Он был членом Ученого совета ЛО ИА АН СССР, заведующим лабораторией археологической технологии, которую до него возглавлял проф. С.И. Руденко. При Я.А. Шере лаборатория

была полноценным научным коллективом с самостоятельной научной программой, в которой ведущее место занимали работы по радиоуглеродному датированию археологических памятников.

Все 14 лет работы в ЛО ИА АН СССР Я.А. Шер активно участвовал в экспедиционных исследованиях, в частности, на территории Южной Сибири. В 1963–1970 гг. он возглавлял Каменский отряд Красноярской экспедиции, в 1971 г. работал в составе Саяно-Тувинской экспедиции. Во время работы Красноярской экспедиции Яков Абрамович исследовал памятники наскального искусства, которым грозило затопление, разрабатывал новые подходы к изучению петроглифов, занимался теоретическим обоснованием базовых принципов их изучения. По сути, в этот академический период научной деятельности юбиляр закладывал основы петроглифоведения как самостоятельного направления в археологической науке. Одновременно он разрабатывал и внедрял принципы формализации в археологическое источниковедение. Результаты работ в этой области были представлены Я.А. Шером на международных конгрессах (Прага, 1966 г., Рим, 1966 г., Марсель, 1969 г.). Его статьи «Типологический метод в археологии и статистика» (М., 1966), «Интуиция и логика в археологических исследованиях» (М., 1970) и сегодня востребованы специалистами.

В 1972 г. Я.А. Шера уволили из ЛО ИА АН СССР. Позже несправедливость и незаконность увольнения были признаны Ученым советом Института истории материальной культуры РАН (правопреемник ЛО ИА АН СССР). До 1975 г. Яков Абрамович был вынужден работать не по специальности. В 1975 г. акад. Б.Б. Пиотровский приглашает его в Государственный Эрмитаж для организации первого в СССР отдела музейной информатики. В 1975–1985 гг. отделом разрабатываются и постепенно внедряются методы компьютерной документации музейных коллекций, особенно археологических и нумизматических, организуется семинар по музейной информатике, на котором закладываются основы совершенно нового направления в музейной работе. Результаты деятельности отдела, возглавляемого Я.А. Шером, открывали огромную перспективу не только в музейном деле, но и в научных исследованиях. Многие из разработок вошли в монографию «Анализ археологических источников» (М., 1975), подготовленную Я.А. Шером в соавторстве с И.С. Каменецким и Б.И. Маршаком. Работая в главном музее страны, Яков Абрамович участвовал в полевых исследованиях. Его регулярно приглашали в археологические экспедиции АН Киргизии и Казахстана. В период музейной деятельности Я.А. Шер был избран индивидуальным членом Международного Совета музеев

(ICOM) и членом исполнительного бюро Комитета музейной документации (CIDOC ICOM).

Несмотря на большую нагрузку, связанную с новым для него делом, ученый продолжал активные исследования по ведущей в его научном творчестве проблематике – первобытному искусству. Чрезвычайно значимый этап этих изысканий завершился подготовкой докторской диссертации и книги «Петроглифы Центральной и Средней Азии». Защита диссертации состоялась в 1981 г. в Объединенном институте истории, филологии и философии СО АН СССР.

В 1985 г. Яков Абрамович был приглашен на должность профессора кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Здесь он, отдавая свой огромный опыт научной, организаторской и преподавательской (с 1964 г. он читал спецкурсы на кафедре археологии Ленинградского университета) деятельности, работает и сегодня. В Кемеровском университете Я.А. Шер ведет курсы по археологии, антропологии, естественно-научному циклу, руководит археологической практикой студентов, принимает активное участие в развитии музеев области, проводит научные исследования, в т.ч. полевые, на территории Тувы, Хакасии, Горного Алтая и Казахстана. Он работает также в Кемеровском государственном университете культуры и искусств. Профессор Я.А. Шер неоднократно читал лекции студентам Самаркандского, Алтайского, Омского, Томского университетов, РГГУ (Москва) и Тюменского института культуры. Трижды (1990–1992 гг.) его приглашали для проведения семинара по первобытному искусству Центральной Азии в Школе высших исследований в общественных науках Института Человека (Париж). Я.А. Шер выступает с докладами и лекциями в Брно, Стокгольме, Будапеште, Софии, Принстоне и Рипоне (США), Турине, Париже, Тунавеле и Лез-Эйзи (Франция). Яков Абрамович является автором учебных пособий. Кроме написанного совместно с проф. А.И. Мартыновым «Введения в археологию», выдержавшего два издания, им опубликована книга «Первобытное искусство». Она органично сочетается с виртуальным музеем «Первобытное искусство», созданным профессором и его учениками во всемирной паутине. По посещаемости этот музей имеет самый высокий рейтинг и занимает третью позицию после сайта Эрмитажа и Исторического музея.

До 1991 г. юбиляр руководил полевыми работами по созданию археологической карты Западной Тувы. Однако более масштабные исследования были проведены им в 1990–2000 гг. по договору между Кемеровским госуниверситетом и Национальным Центром научных исследований Франции. Я.А. Шер и проф. А.-П. Франкфор были соруководителями

многолетнего проекта «Петроглифы Центральной Азии», в рамках которого были развернуты полевые исследования в долине Енисея, Саянах, на Алтае, в Восточном Казахстане и Киргизии. По результатам этих работ подготовлено шесть томов издания «Петроглифы Центральной Азии».

В 1997 г. при Кемеровском госуниверситете была создана общественно-научная организация «Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства» (САИПИ), которую Яков Абрамович возглавлял до 2005 г. (в настоящее время он является ее почетным президентом). Как авторитетное научное общество, она является коллективным членом Международной Ассоциации наскального искусства (IFRAO). САИПИ объединяет более 150 специали-

стов из России, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Франции, Англии, США, Эстонии.

Я.А. Шер является автором и соавтором 16 книг и ок. 200 статей. Ему присвоено звание «Почетный работник высшей школы».

Желаем Якову Абрамовичу здоровья и всех земных благ. Ждем от него новых интересных монографий и статей.

**А.П. Деревянко, В.И. Молодин,
В.В. Бобров, Д.Г. Савинов, Н.В. Полосьмак**

ЛЕГЕНДА О ЖУКЕ И ОВИДИИ

О, это легендарная легенда! Эта легенда перескаывается уже больше 20 лет во всех сибирских экспедициях. И герой этой легенды тоже личность легендарная – Александр Владиленович Жук, омский археолог, кто хоть раз его видел – уже не забудет. И историй с ним случалась масса, такой уж характер, но самая известная легенда звучит так. В экспедиции 1983 г., в которой принимал участие Жук, было накопано огромное количество антропологического материала – костей, черепов. Своей лаборатории в Омске нет, поэтому было решено отправить материал на экспертизу в Томск. И поручили отвезти все это добро Александру Владиленовичу. Жук, сложив уникальные материалы в огромный старый фибровый чемодан, не помывшись в бане, не посетив парикмахера, в рубашечке, которая была свежей недели три назад, в штормовке и трениках, поехал. В таком виде он появился на вокзале в Новосибирске и стал дожидаться поезда. Важная деталь: наш герой увлеченно читал томик Публия Овидия Назона – страшный дефицит по тем временам, который он ухватил по случаю в новосибирской «Науке». В издательстве на него и внимания никто не обратил, а вот на вокзале эта колоритная фигура моментально привлекла внимание стражей

порядка. Первым делом, как водится, спросили документы. Однако в то время из всех документов у Жука был студенческий билет, да и тот в палатке остался. Тогда попросили открыть чемодан. наших милиционеров вряд ли чем-то можно удивить, но при виде полного чемодана черепов они удивились сильно, прямо скажем – обалдели. Дочитывал наш герой Овидия в КПЗ, в компании вокзальных бомжей. Поскольку там ученому пришлось сидеть три дня (пока запрос в Омск послали, пока ответ пришел), много афоризмов он выучил наизусть и цитировал их потом по любому поводу. Знает Овидия лучше, чем Жук, вряд ли кто в Сибири, а может, и в России, а может, и вообще.

Р.С. Готовя к обнародованию эту легенду, мы несколько запутались в вариантах, потому что, как было сказано выше, ходит она давно и обросла противоречивыми подробностями – то Жук месяц в КПЗ сидел, то его лично Владимир Иванович Матюшенко из застенка вызволял, и пр. Слушая историю из первоисточника (благо работаем мы с Владилененчем в одном университете), мы были потрясены ее краткостью и обыденностью. Только и спросили: «Саша, а про черепа-то оставлять?». «Оставляйте, – решительно сказал Жук, – про черепа – это красиво». И процитировал напоследок Овидия: «Событие прошло, памятники остаются».

КЛАССИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ

Экспедиция в Горную Шорию. Но это не важно. Важно то, что в составе экспедиции были студент, которого звали Саша Дубровский, и студентка Маша Беседина. Они ходили по информаторам вдвоем, и когда заходили в дом, Саша говорил: «Здравствуйте, это – Маша, а я – Дубровский».

Записала Т.Б. Смирнова
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
пр. Мира, 55а, Омск, 644077, Россия.

Уважаемые читатели! Приглашаем Вас принять участие в подготовке рубрики

АО – Археологические открытия
 АКИН РА – Агенство по культурно-историческому наследию Республики Алтай
 БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
 ГИМ – Государственный Исторический музей
 ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
 ИА МН–АН РК – Институт археологии Министерства науки–Академии наук Республики Казахстан
 ИА НАН РК – Институт археологии Национальной академии наук Республики Казахстан
 ИА РАН – Институт археологии РАН
 ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
 ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
 ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
 ИЯЛИ Коми НЦ УрО АН СССР – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения АН СССР
 КНЦ – УрО РАН – Коми научный центр Уральского отделения РАН
 Коми НЦ УрО РАН – Коми научный центр Уральского отделения РАН
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН (АН СССР)
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 КФ АН СССР – Коми филиал АН СССР
 МАР – Материалы по археологии России
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 НА МАЭ СыктГУ – Научный архив Музея археологии и этнографии Сыктывкарского государственного университета
 НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан
 НМРК – Национальный музей Республики Коми
 РА – Российская археология
 РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
 СА – Советская археология
 ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
 ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
 УрО РАН – Уральское отделение РАН
 ФА СыктГУ – Фоноархив Центра фольклорных исследований Сыктывкарского государственного университета
 ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
 ЭО – Этнографическое обозрение
 ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ
 ЯНОМВК – Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского
 CNRS – Centre National des Recherches Scientifiques

- Бар Ш.** – научный сотрудник Института археологии Цинмана, Университет Хайфы, Израиль. Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa, Mount Carmel, Haifa 31905, Israel. E-mail: Baris@012.net.il
- Бердников И.М.** – аспирант Иркутского государственного университета, ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия. E-mail: yan-maiski@yandex.ru
- Бобров В.В.** – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института экологии человека СО РАН, заведующий кафедрой Кемеровского государственного университета, Ленинградский пр., 10, Институт экологии человека СО РАН, Кемерово, 650065, Россия. E-mail: bobrov@kemsu.ru
- Гасс А.** – научный сотрудник-аспирант НИЦа по вопросам изучения пространства TOPOI, Германия. Exzellenz-cluster 264 – TOPOI, Hittorfstr., 18, Berlin 14195, Germany. E-mail: anton.gass@topoi.org
- Дашковский П.К.** – кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru
- Деревянко А.П.** – академик, директор Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru
- Дураков И.А.** – кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия. E-mail: idurakov@jandex.ru
- Ефремова Н.С.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: efremova@archaeology.nsc.ru
- Зубова А.В.** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: zubova_al@mail.ru
- Калиева С.С.** – кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета, пр. Ленина, 1, Сургут, 628412, Россия. E-mail: logvin1@yandex.ru
- Кардаш О.В.** – кандидат исторических наук, заместитель директора по науке НПО «Северная археология», а/я 398, Нефтеюганск, 628310, Россия. E-mail: kov_ugansk@mail.ru
- Кобелева Л.С.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kobeleva@archaeology.nsc.ru
- Курто О.И.** – аспирантка Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия. E-mail: panlijia@gmail.com
- Логвин В.Н.** – доктор исторических наук, заведующий кафедрой Сургутского государственного университета, пр. Ленина, 1, Сургут, 628412, Россия. E-mail: logvin1@yandex.ru
- Молодин В.И.** – академик, заместитель директора, заведующий отделом Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru
- Мурыгин А.М.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982, ГСП-2, Россия. E-mail: asweb.hist@ksc.komi.ru
- Мыльникова Л.Н.** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Liudmilamy@mail.ru

- Новикова О.И.** – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: science@archaeology.nsc.ru
- Окладникова Е.А.** – доктор исторических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, Наб. р. Мойки, 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru
- Полосьмак Н.В.** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630030, Россия. E-mail: polosmaknatalia@gmail.com
- Розенберг Д.** – научный сотрудник Института археологии Цинмана, Университет Хайфы, Израиль. Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa, Mount Carmel, Haifa, 31905, Israel. E-mail: aromat@netvision.net.il
- Савинов Д.Г.** – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: archaeospbsu@mail.ru
- Соловьев А.И.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Soloviev@archaeology.nsc.ru
- Усова И.А.** – аспирантка Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru
- Чудова Т.И.** – кандидат исторических наук, доцент Сыктывкарского государственного университета, Октябрьский пр., 55, 167001, Сыктывкар, Россия. E-mail: chudovx@mail.ru
- Шорин А.Ф.** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия. E-mail: istor@uran.ru
- Шорина А.А.** – младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия. E-mail: istor@uran.ru